КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

6

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН
1995

Часть 1
АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

6

민족의 운명이 생사기로에
놓여있던 암담한시기 항일의
용사들이 조국땅에서 울린
총소리는 멍들었던 겨레의
넋을 되살리고 항일혁명의
앞길에 승리의 서광이
비끼게 하였다.

김일성

В те мрачные дни, когда судьба нации оказалась на перепутье между жизнью и смертью, выстрелы доблестных антияпонских борцов, прозвучавшие на родной земле, воскресили истерзанную душу наших соотечественников и заревом грядущей победы осветили путь антияпонской революции.

Ким Ир Сен

Вместе с Чвэ Хеном.

Расширяя сеть организаций ЛВР повсюду в стране

Одна из улиц Хамхына.

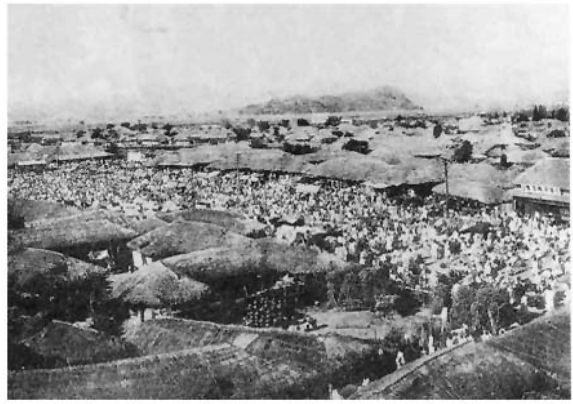
Порт Чхончжин.

Одна из улиц Сеула.

Павильон Тхагер в Хэчжу.

Часть Пхеньяна.

Улица в Синичжу .



Базар в Тэгу.

Порт Мокпхо.

Порт Пусан.

Вместе с бойцами комендантской роты.

Снято в Вудаогоуском тайном лагере уезда Линьцзян осенью 1937 года. В те дни я часто ходил в очках.

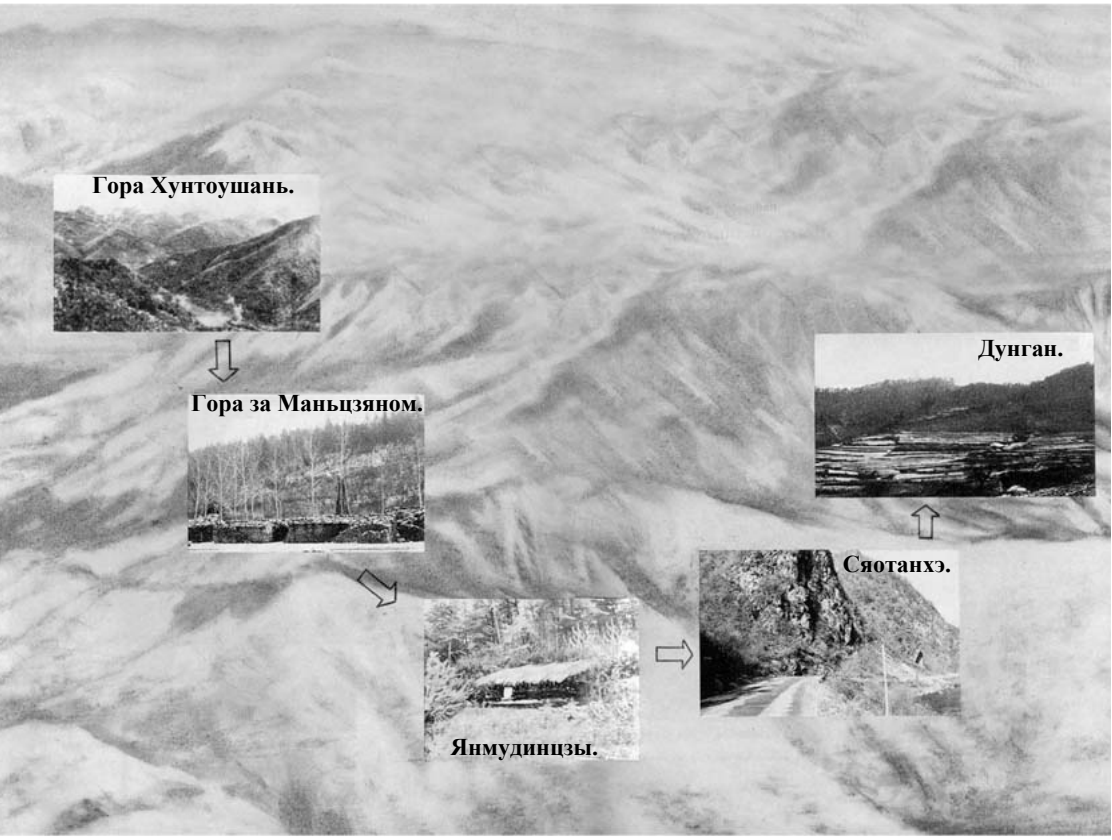
Боевые друзья комендантской роты

Ли Даль Ген.
Командир комендантской
роты КНРА.

Ли Ыль Сор.

Чон Мун Соб.

Поход в Фусун



Крутые горы и перевалы высотой в 2000 метров над уровнем моря, сорокаградусный жестокий мороз и невыносимый голод, цепкие преследования и окружения карателей – да, поход проходил на грани смерти.

Многострадальная Родина

Бедность крестьян-подсечников северного района.

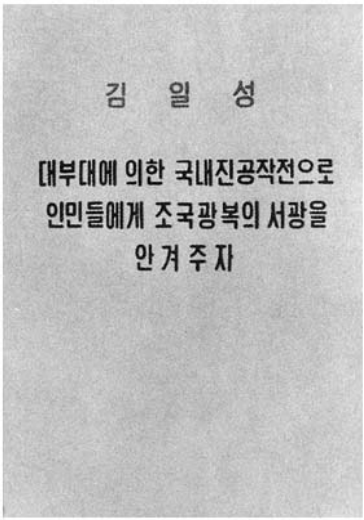
Поток безработицы.

Карикатура на тему эксплуатации крестьян японскими империалистами и помещиками.

思想犯保監法
今般議會의提出決定
朝鮮의鐵鑛山은
大財閥이全部占領
朝鮮人의經營은一處
競爭的으로採掘에進出
오늘의天氣
푸로文化合法團體
斷乎히解散方針
"카프"新建設等合法性不認定
"新建設"大檢擧契機
朝鮮の小学校における日本語
教授の状況と日本語教科書
穀港鎭南浦에
飢窮民三千
府에서는救助에
白米는日本移入
生産은늘어도배주린朝
朝鮮米移出
全朝鮮의文盲總數
全人口의七十一%
京畿道만一百四十五萬名
槪算千四百四十萬
米の頭取川

Материалы газет того времени о политике репрессий, проводимой японским империализмом.

Рейд на Родину крупными отрядами



Речь на Сиганском совещании.

Здесь (Янмудинцзы уезда Фусун) **проходило Сиганское совещание.**

Место боя под Пульгынбави.

土兵團越境襲來

住民十五名拉去、物貨掠奪

十六日茂山紅岩洞서

朝鮮人이多數끼인

精銳의共産部隊

襲來한土兵團正體

急報맛고

討伐隊急派

犯行自白

그대와다시

차라리水國

Сообщение газеты «Чосон ильбо» от 20 мая 1937 г. о бое под Пульгынбави.

Бой в Почхонбо

Монумент в честь победы в бою в Почхонбо.

Накануне боя в Почхонбо; японские кордоны в северном пограничном районе Кореи

Специальная боевая подготовка японских солдат на льду реки Туман.

Обыск на границе.

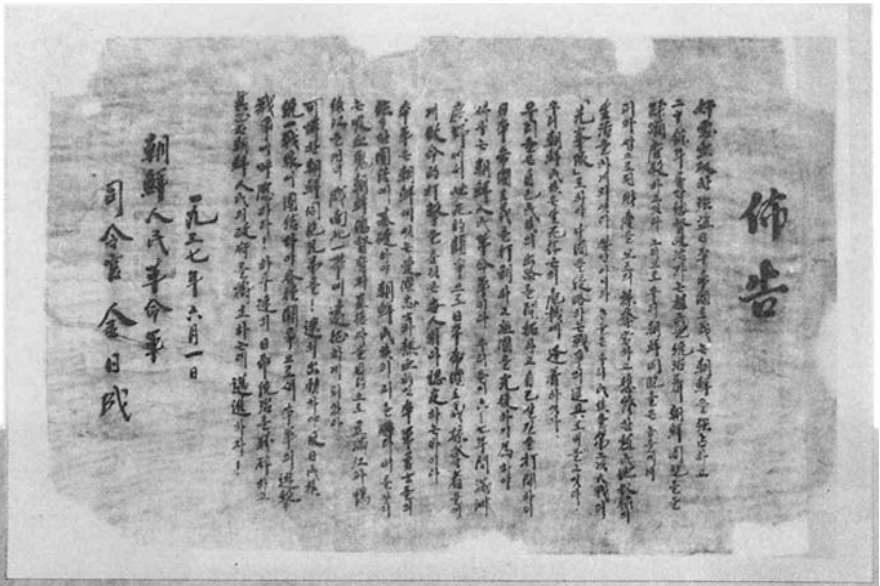
Обучение членов семей пограничников-полицейских стрельбе.

Вид Почхонбо прошлого времени.

Место КП во время боя в Почхонбо.

Гора Кончжан, где отряд остановился на ночлег накануне налета на Почхонбо.

Корея жива!



Текст декрета, расклееный на улицах Почхонбо во время боя.

Пламя охватило органы японских захватчиков в Почхонбо.

普天堡激戰のあと

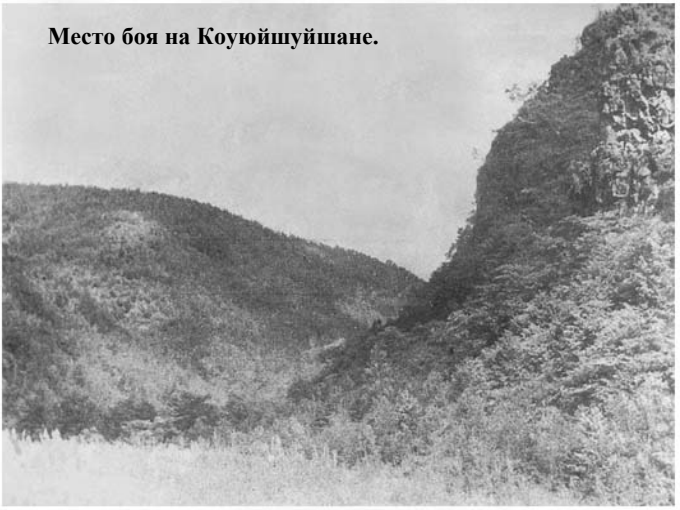
十倍に餘る越境共匪との交戰により戰死者七名、重傷者七名を出した朝鮮國境守備隊の壯烈さは武士道の花として傳へられてゐるが、襲撃された當時の慘狀は想像以上である、寫眞㊤普天堡郵便所の燒跡㊦は保田駐在所の慘狀（正面玄關）壁には生々しい彈痕が殘つてゐる＝門司より本社電送

Здание полицейского участка в Почхонбо, разрушенное во время налета КНРА.
(На стене остались пулевые пробоины).

Форт у полицейского участка в Почхонбо.

Сообщения газет разных стран о нашем рейде на Родину

Бои на горах Коуюйшуйшань и Цзяньсаньфэн



Место боя на Коуюйшуйшане.

Место боя на Цзяньсанфэне.

Здание штаба 19-й дивизии японской армии в Рананме.

Охраный отряд особого назначения при хесанской полиции отправляется в бой, в Коуюйшуйшань.

Началась китайско-японская война

Японские войска проходят по мосту Лугоуцяо.

Японские войска вступают в Пекин через ворота Гуанань.

Перестрелка у вокзала Тяньцзинь.

Второе сотрудничество Компартии и Гоминьдана

关于国共合作的声明

（一九三七年十一月于上海）

宋庆龄

一九三七年七月七日日寇进攻芦沟桥之后，国民党和共产党为了团结抗日，奠定了正
合作的基础，以代替西安事变后所获得的停战。

孙中山一生主张共同奋斗救中国，这就是他主张国共合作的原因。共产党是一个代表
农劳动阶级利益的政党，孙中山知道没有这些劳动阶级的热烈支持与合作，就不可能顺利

中國共產黨爲公佈國共合作宣言

Декларация Компартии Китая и заявление Сун Цинлин о втором сотрудничестве КПК и Гоминьдана.

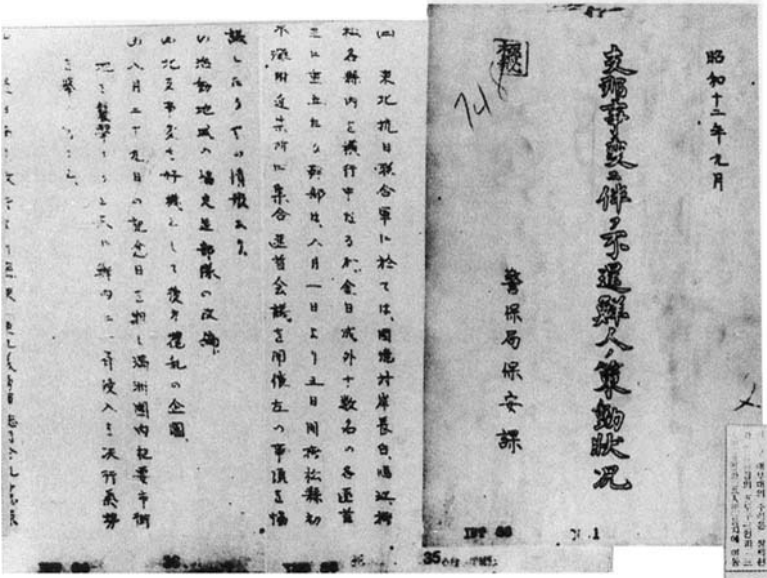
周共產軍代表
三項目提案
蔣介石과會見하고

Сообщения газет о Лушаньских переговорах между Чжоу Эньлаем и Чан Кайши в июле 1937 года.

Китайские солдаты обрушивают огонь на японские войска.

Карикатура предсказывает опасность перерастания агрессии японских империалистов против Китая в войну между Японией и СССР.

Операция по дезорганизации вражеского тыла


昭和十二年七月

警保局保安課

Секретный документ из японского архива о Чушуйтаньском совещении.

Пак Чжан Чхун.

金日成等聯合共
咸南侵襲을企圖
小部隊를派遣、國境線偵察
盛히長白縣으로移動

鴨綠江沿岸一帶에
共匪出沒二千餘回
延人員으로十萬七千名의多數
越境侵入도十五次

Сообщения газет того времени об операции КНРА по дезорганизации тыла врага.

Ли Ду Чхан.

Ким Ман Ик.

На льду реки Туман развертывались день и ночь пограничные кордоны японских войск.

Детская рота

Боец детской роты с оружием на плече.

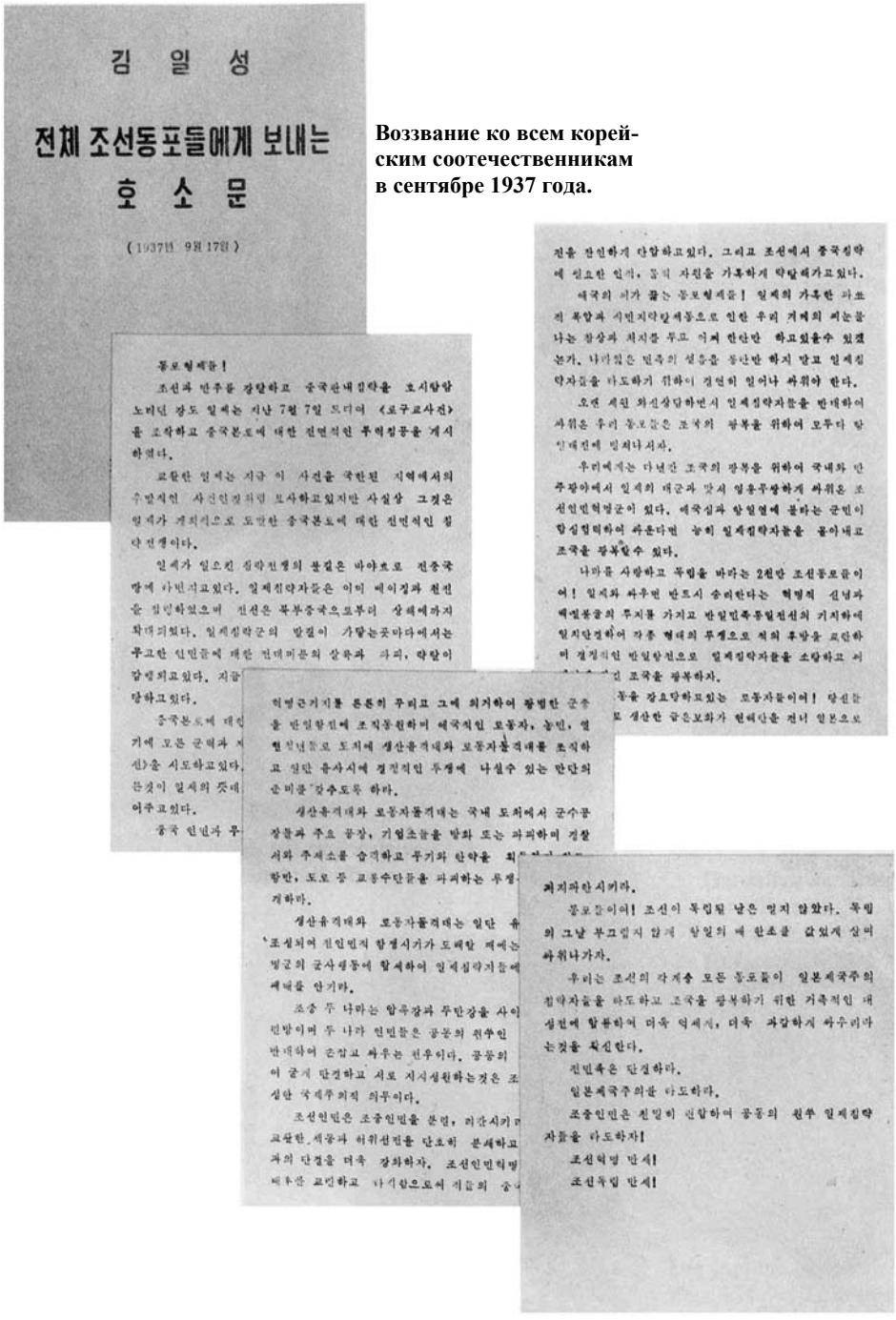
Чон Хи.

О Иль Нам.

Ким Ик Хен.

Ким Чхоль Ман.

Сентябрьское воззвание


김 일 성

전체 조선동포들에게 보내는

호 소 문

(1937년 9월 17일)

동포형제들!

조선과 만주를 강탈하고 중국관내침략을 도모하던 일제는 지난 7월 7일 드디어 《로구교사건》을 조작하고 중국본토에 대한 전면적인 무력침공을 개시하였다.

교활한 일제는 지금 이 사건을 국한된 지역에서의 우발적인 사건인것처럼 보이려고 하였지만 사실상 그것은 일제가 계획적으로 도발한 중국본토에 대한 전면적인 침략전쟁이다.

일제가 일으킨 침략전쟁의 불길은 마침내 전중국땅에 타번지고있다. 일제침략자들은 이미 베이징과 천진을 점령하였으며 전선은 북부중국으로부터 상해에까지 확대되었다. 일제침략군의 발길이 가닿는곳마다에서는 무고한 인민들에 대한 전대미문의 살육과 파괴, 략탈이 감행되고있다. 지금

당하고있다.

중국본토에 대한

기에 모든 군력과 지

선)을 시도하고있다.

문것이 일제의 찟대

어주고있다.

중국 인민과 무

전을 전선하게 단합하고있다. 그리고 조선에서 중국침략에 필요한 인적, 물적 자원을 가혹하게 략탈해가고있다.

애국의 피가 끓는 동포형제들! 일제의 가혹한 파쇼적 폭압과 식민지략탈제동으로 인한 우리 겨레의 피눈물나는 참상과 처지를 두고 더 말한단 필요없을것 같다. 나라잃은 민족의 설움을 통감만 하지 말고 일제침략자들을 타도하기 위하여 결연히 일어나 싸워야 한다.

오랜 세월 허심탄회하면서 일제침략자들을 반대하여 싸워온 우리 동포들은 조국의 광복을 위하여 모두다 항일대전에 일떠나서자.

우리에게는 다년간 조국의 광복을 위하여 국내와 만주광야에서 일제의 대군과 맞서 싸우면서 단련된 조선인민혁명군이 있다. 애국심과 항일열에 불타는 군인이 합심협력하여 싸운다면 능히 일제침략자들을 몰아내고 조국을 광복할수 있다.

나라를 사랑하고 독립을 바라는 2천만 조선동포들이여! 일치와 단결만 한다면 반드시 승리한다는 력사적 진리와 력사발전의 추세를 가지고 반일인민전선의 기치하에 일치단결하여 각종 형태의 투쟁으로 적의 후방을 교란하며 결정적인 반일항전으로 일제침략자들을 소탕하고 [illegible] 조국을 광복하자.

[illegible]들을 강요당하고있는 모든 노동자들이여! 단결을 [illegible] 생산만 금은보화가 련해산을 전너 일본으로

혁명근거지를 튼튼히 꾸리고 그에 의거하여 광범한 군중을 반일항전에 조직동원하며 애국적인 모든 노동, 농민, 청년학생들로 도처에 생산옥괴대와 모동자돌격대를 조직하고 필요 응사시에 결정적인 투쟁에 나설수 있는 만단의 준비를 갖추도록 하라.

생산옥괴대와 모동자돌격대는 국내 도처에서 군수공장들과 주요 공장, 기업소들을 방화 또는 파괴하며 경찰서와 주재소를 습격하고 무기와 탄약을 [illegible] 탈취하고 항만, 도로 등 교통수단들을 파괴하는 투쟁

경하라.

생산옥괴대와 모동자돌격대는 일단 유

'조성되여 전인민적 항쟁시기가 도래할 때에는

병군의 군사행동에 합세하여 일제침략자들에

패퇴를 안기라.

조중 두 나라는 함흥장과 무한장을 사이

린방이며 두 나라 인민들은 공동의 원수인

반대하여 굳게 뭉쳐 싸우는 전우이다. 공동의

어 굳게 단결하고 서로 지지성원하는것은 조

성한 국제주의적 의무이다.

조선인민은 조중인민을 분열, 리간시키

교활한 책동과 허위선전을 단호히 분쇄하고

과의 단결을 더욱 강화하자. 조선인민혁명

대투쟁 교인하고 나가감으로써 자기의 중

치지라신시키라.

동포들이여! 조선이 독립된 날은 멀지 않았다. 독립의 그날 부끄럼지 않게 항일의 대 한오를 갚았게 싸워나가자.

우리는 조선의 각계층 모든 동포들이 일본제국주의 침략자들을 타도하고 조국을 광복하기 위한 거족적인 대성전에 합류하여 더욱 덕세게, 더욱 과감하게 싸우리라는것을 확신한다.

전민족은 단결하라.

일본제국주의를 타도하라.

조중인민은 친밀히 련합하여 공동의 원수 일제침략자들을 타도하자!

조선혁명 만세!

조선독립 만세!

Воззвание ко всем корейским соотечественникам в сентябре 1937 года.

В район Синхына

Место командования в тайном лагере в ущелье Тоньо под Синхыном.

Дом, где я остановился в последней декаде сентября 1937 г., когда вышел в горы Самбат под Синхыном.

Вход в одну из штолен Синхынской шахты.

Активизация антияпонской борьбы в стране

Под знаменем ЛВР

Ли Чжу Ен.

Ли Ён.

Пак У Хен.

Чвэ Вон Бон.

Ви Ин Чхан.

Ли Ин Мо вместе с молодыми строителями Хвансувонской плотины. (Второй справа на первом ряду).

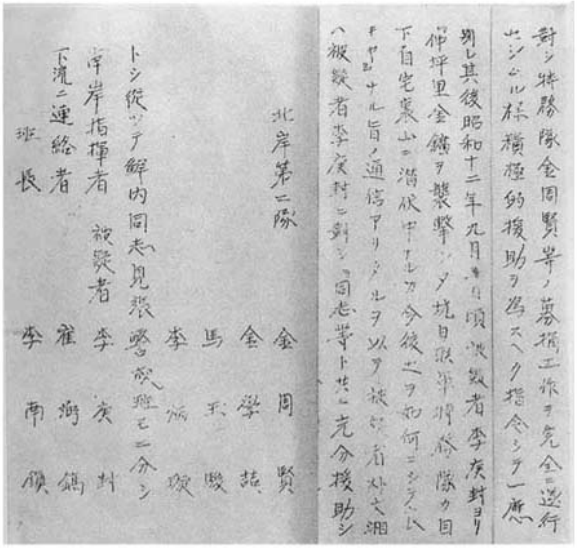
Подпольщик КНРА, руководитель Чанбайского уездного парткома Квон Ен Бек, его конспиративный дом.

Тыловой тайный лагерь.

Чан Чхоль Гу
(партизанка-повариха).

Часть Пэктусанского тайного лагеря.

Ким Чжу Хен.
Комполка КНРА.



Документы из японского архива о налете малого отряда Ким Чжу Хена на Чунпхенский рудник.

В пламени антияпонской революции (1)

Рим Чхун Чху.

Ким Ген Сок.

Рю Ген Су.

Ким Ун Син.

Чи Бен Хак.

Ли Ге Сун.

Ким Сон Гук.

Хван Сун Хи.

Тхэ Бен Рер.

Пак Чен Сук.

Ким Чжа Рин.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. **ЧЕРЕЗ РЕКУ АМНОК**

1. Поход в Фусун 2
2. Молниеносный бросок под Сяотанхэ 19
3. Бойцы комендантской роты 37
4. Во всех уголках страны 54
5. Квон Ен Бек 74
6. Случай, который нельзя было обойти Молчанием 95
7. Партизанская мать 108

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. **КОРЕЯ ЖИВА**

1. Пламя в Почхонбо (1) 126
2. Пламя в Почхонбо (2) 142
3. Объединенный митинг армии и народа в Диянси 154
4. Фотографии и воспоминания 168
5. Бой на Цзяньсаньфэне 181
6. Мальчики с ружьями 193
7. Мысли о революционном чувстве долга 220

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. **В ОГНЕ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ**

1. Навстречу новым реалиям 245
2. Ким Чжу Хен 263
3. Готовим крестьян к борьбе 277
4. Чвэ Чхун Гук и его отдельная бригада 298
5. Сентябрьское воззвание 318
6. После «Хесанского дела» | 335

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Через реку Амнок

Поход в Фусун ... 2

Молниеносный бросок
Под Сяотанхэ ... 19

Бойцы комендантской роты ... 37

Во всех уголках страны ... 54

Квон Ен Бек ... 74

Случай, который нельзя было
обойти молчанием ... 95

Партизанская мать ... 108

Март – май 1937

1. Поход в Фусун

В Таоцюаньли и Лиминшуе мы нанесли сокрушительный удар по врагу, бешено проводившему крупную зимнюю карательную операцию. После этого я решил силами главной части совершить новый поход на север через горный хребет Чанбая.

Когда я объявил план похода в Фусун, все бойцы нашей части были буквально ошеломлены этой новостью. Все недоумевали: что это вдруг за поход на север? Ведь все ждут не дождутся совсем иного приказа, у всех сердца бьются от радости, что теперь наконец-то удалось продвинуться на территорию Кореи и там громить врага. Зачем же нам поворачивать на север, оставив позади себя с трудом освоенное Западное Цзяньдао и горы Пэкту? Непонятно. Они считали, что не может быть у части каких-либо причин идти в Фусун, когда тут дела идут как по маслу. И такие их размышления нельзя было назвать безосновательными.

В то время боевое настроение нашей армии и населения находилось на подъеме. В непрерывных кровопролитных боях с врагами мы одерживали победу за победой. Несмотря на жестокие карательные акции врага и организованную им политическую, экономическую и военную блокаду, партизанские отряды каждый день пополнялись новобранцами, значительно улучшалось их оснащение, укреплялась боевая мощь.

Окрестности горы Пэкту и район бассейна реки Амнок были превращены в наш мир, боевая инициатива неизменно находилась в наших руках. Сеть наших подпольных организаций густо ветвилась по всем районам Западного Цзяньдао. Выходит, первоочередная цель, которую мы поставили перед собой при отбытии из Наньхутоу, была успешно достигнута.

Теперь оставалось начать рейдовую операцию внутри Кореи. Только быстрое распространение вооруженной борьбы на территорию Кореи могло поднять вихрь единого антияпонского национального фронта на родной земле, а заодно по-настоящему развернуть вширь и вглубь борьбу за создание партии нового типа. Продвинуться на

Родину и разгромить врагов было не только самой большой и сокровенной нашей мечтой, но и величайшей надеждой, горевшей в сердцах наших соотечественников, ожидающих нас в стране.

С каким нетерпением они ждали нашего продвижения на Родину, хорошо говорит следующий факт.

В Диянси находился поселок со странным названием Наньдэ или Нахадэ. Староста этого поселка Рю Хо, спецчлен ЛВР, активно помогал партизанской армии. Когда-то он вместе с односельчанами приносил в наш тайный лагерь различные материалы, необходимые нам. С ними были и трое крестьян из Капсана.

Капсанцы, до отказа нагруженные чумизой, овсяным толокном и лаптями из конопли, сумели переправиться через реку Амнок, по берегам которой находилось множество строгих сторожевых постов, и добрались до нашего тайного лагеря. Нас удивило то, что столь огромное количество продуктов и материалов они принесли втроем. Особенно же мы были поражены тем, что они доставили все полностью, не тронув ни горстки зерна, хотя за время блужданий по дремучей тайге гор Пэкту им приходилось не раз обходиться без обеда, голодать.

Не меньше, чем их бережное отношение к продовольствию, тронули нас лапти из конопли, их было никак не меньше двухсот пар. Бока этих лаптей были сплетены из конопляной соломы, а подошвы переплетены вместе с жилками вязовой древесины. Они были изготовлены так любовно, что казались исключительно красивыми и добротными.

Ким Сан Хо похвалил их за большой труд. Гости засмущались, не зная, что делать. Старейший из них с длинной жидкой бородой, как у колдуна в сказке, взяв Ким Сан Хо за руку, сказал:

– Простите нас, неблагодарных и непочтительных, за то, что мы преподнесли вам, пэктусанским богатырям, всего только лапти. Такие наши пустячные труды вы называете большими, а нам, наоборот, так совестно – сквозь землю готовы провалиться. Пусть лапти невзрачные, но если вы, обувшись в них как в армейскую обувь, разгромите этих островных дикарей на нашей капсанской земле, то мы сможем умереть спокойно. Мы будем ждать только вас, прихода революционной армии.

Продвижения КНРА в пределы страны с нетерпением ждали не только капсанские крестьяне. Однажды старик Ли Бен Вон, уроженец провинции Кенсан, который, взвалив на спину материалы

в помощь армии, пришел к нам в тайный лагерь, задал мне такой вопрос: «Уважаемый Полководец! Позволительно ли спросить, когда же прогоним этих проклятых япошек с корейской земли? Увижу ли я этот день еще при жизни?»

Мы ежедневно и ежечасно всем сердцем ощущали эту неистребимую тоску, глубокую симпатию к нам соотечественников на Родине. Наши товарищи, получившие от капсанцев каждый по паре лаптей, все без исключения были охвачены страстным желанием и стремлением как можно скорее продвинуться на Родину. И таким же, как у них, было мое настроение.

Однако я отдал бойцам приказ двигаться на север – в диаметрально противоположном направлении. И, обращаясь к товарищам по борьбе, которые с недоумением отнеслись к моему приказу, объяснял: «Не думайте, что поход на север – это отступление! Хотя мы пойдем на север, но на самом деле это путь к югу, к Родине. Чтобы прийти на Родину, мы должны проделать этот путь. И то, что мы временно продвинемся в направлении Фусуна, в конечном счете есть подготовка к походу на Родину. Надо это понимать».

Планируя поход в Фусун, мы ставили перед собой основную цель – вызвать у врага панику гибкой тактикой мгновенного исчезновения и мгновенного появления, заставить его максимально рассредоточить карательные силы, накопленные в районе Чанбая, отвлечь его внимание в другую сторону и таким образом не только обеспечить безопасность работы по созданию разветвленной сети подпольных организаций в этом районе, но и создать благоприятные условия для осуществления крупными силами нашей рейдовой операции на Родину.

В крупной зимней карательной операции 1936 года враги потерпели поражение. Несмотря на это, они никак не хотели отказаться от своего намерения изолировать и ликвидировать революционную армию. Они продолжали перебрасывать в районы действия нашей части крупные силы – оккупационные войска в Корее, солдат пограничного гарнизона, а также марионеточные войска Маньчжоу-Го и полицейские части. В такой обстановке нам нужно было на время перенести район своих действий в другой район, чтобы, твердо взяв в руки инициативу, добиться неуклонного подъема революции согласно нашему замыслу и решению. Только так можно было лишить врага активности и создать благоприятные условия для развития революционного движения в Западном

Цзяньдао и пограничном районе.

Рассредоточение вражеских карательных сил, скопившихся в Чанбае, и сохранение революционных организаций в бассейне реки Амнок – все это могло привести к появлению благоприятных условий для продвижения КНРА в Корею. Для того чтобы развернуть деятельность крупных отрядов Народно-революционной армии на территории Кореи, прежде всего было необходимо лишить врага возможности сосредоточивать крупные вооруженные силы в Западном Цзяньдао, являющемся нашим тылом и отправной базой.

Как видно из протокола «Тумыньских переговоров»[1], цель сосредоточения вражеских сил в Западном Цзяньдао состояла не только в том, чтобы загнать части КНРА в глушь Чанбая и там ликвидировать их, но и – это главное – в том, чтобы любой ценой не дать продвинуться партизанам в Корею.

То, что крупные части КНРА предпримут в недалеком будущем рейдовые операции на территории Кореи, казалось предрешенным фактом и для врагов. В самом деле, продвижение крупных частей КНРА в Корею было лишь вопросом времени. Именно такого развития событий пуще всего и боялись японские империалисты. Если крупные силы КНРА, войдя в Корею, развернут военно-политическую деятельность, то это могло бы дать столь же поразительный эффект, как наступление на территорию собственной Японии.

Враги отлично понимали: если мы дадим хотя бы несколько выстрелов на территории Кореи, то такая дерзость станет для них источником больших неудач. С начала зимы того года, когда главные силы КНРА базировались в районе гор Пэкту, враги каждый вечер сгоняли население колоть лед на реке Амнок – для того, чтобы не дать бойцам Народно-революционной армии проникнуть по льду на территорию Кореи ни поодиночке, ни группами. Враги так боялись нашего рейда в Корею, что прибегли и к таким примитивным мерам охраны.

Я уже коротко рассказывал о трехнедельной инспекции корейско-маньчжурских границ, совершенной по указке японского императора советником по военным делам. Политические круги и военная верхушка Японии ни на минуту не отрывали своего взора от северных границ нашей страны. Присланный на границу советник передал пограничному гарнизону императорский наказ: стеной стоять на страже пограничной линии, – и подкрепил это повеление вручением подарков, посланных императором и его

супругой. Судя о «торжественной» церемонии этого вручения, наши бойцы громко насмехались над японским императором, говоря: видать, он очень обеспокоен, как бы не двинулась в Корею Народно-революционная армия.

Для успешного вступления крупных сил на территорию Родины необходимо было пробить несколько брешей в системе пограничной охраны. Враги широко рекламировали ее как «неприступную железную стену». Первейшая задача состояла в максимальном рассредоточении вражеских карательных сил, которые кишмя кишели в горах и на степных просторах Чанбая. Для этого надо было в первую очередь хотя бы сделать вид, что мы покидаем Чанбай. Если мы с отрядом передвинемся на другое место, то враги волей-неволей последуют за нами, что, естественно, приведет к ослаблению их пограничной охраны.

Мы намеревались, встретившись на пути похода в Фусун с действующими на стыке уездов Фусун, Линьцзян и Мэнцзян отрядом Чвэ Хена и товарищами из 2-й дивизии 1-го корпуса, согласовать с ними план совместных операций для успешного обеспечения рейда на Родину.

Другая цель похода в Фусун заключалась в том, чтобы в ходе его в достаточной мере воспитать и обучить новобранцев в военном, политическом и моральном отношениях в соответствии с требованиями сложившейся ситуации и миссией КНРА.

После создания опорной базы нового типа в районе гор Пэкту наши ряды пополнились добровольцами, насчитывавшими несколько сотен человек. Вдохновленные активной военно-политической деятельностью КНРА и ее успехами, юноши и девушки района Западного Цзяньдао непрерывно вступали в наш отряд. Ежедневно приходили к нам патриотически настроенные юноши и девушки и из Кореи, чтобы участвовать в вооруженной борьбе.

Быстрый количественный рост сил нашей части заставил нас уделять больше внимания ее качественному совершенствованию. Ведь боевая мощь отряда как раз заключалась в высоком уровне подготовки командиров и бойцов. Без дальнейшего повышения их сознательности и военно-деловой квалификации нельзя было сделать отряд непобедимым. Однако сотни наших новобранцев, отличаясь все как один высоким классовым сознанием и революционной активностью, не имели боевого опыта, не владели методами ведения партизанской войны. Невысок был у них и

политический и культурный уровень. Наши новобранцы были простодушными горцами, которые еще вчера пахали подсечные земли или нанимались на любую случайную работу, едва сводя концы с концами. Они умели орудовать мотыгой, лопатой и соломорезкой, да еще как! Но в военном деле они абсолютно не разбирались. Не стоит говорить и о том, что среди них были и просто неграмотные, не владевшие азами корейской письменности, не говоря уж об элементарных знаниях законов развития общества.

И хоть эти юноши и девушки перенесли много лишений и прошли закалку в труде, но они не всегда могли преодолевать те тяготы, которые приходилось испытывать в партизанской жизни. Бывало, некоторые из них даже колебались, не стеснялись даже ныть. Были и такие, которые недовольно бурчали себе под нос: мол, недоспал, поход непосилен; иные не умели чинить свою обувь и одежду и обременяли этим старых бойцов.

С таким молодняком, который не знаком со строем, не привычен к ночным маршам и не умеет ориентировать на местности, – с новичками, которые, чуть что случится с ружьем, не знают, что делать, и тут же обращаются к старым бойцам: «Прошу починить это», – нельзя было двигаться на Родину.

Приняв новеньких, мы стремились быстрее повысить их квалификацию, поручали старым бойцам брать их на буксир: проводить с ними интенсивную подготовку, давать им хоть элементарные знания, как только представится свободное время. Но только таким методом нельзя было всесторонне подготовить, научить всем тонкостям партизанской войны столь многочисленных новобранцев. Идеальным путем можно было бы считать организацию военно-политической подготовки новичков в течение определенного времени в дремучем лесу, куда не привлечено внимание врага. Без прохождения такого интенсивного курса обучения нельзя было подготовить из молодняка умелых, сильных духом и волей воинов. Но, к сожалению, в районе Чанбая не было такой зоны, которая была бы подходящей для обучения новобранцев. Весь Чанбай, и равнины, и глуши, часто «прочесывались» врагами. Вот почему в качестве подходящей местности для подготовки новобранцев мы выбрали район Фусуна, где сосредоточились тыловые тайные лагеря революционной армии.

Кратко резюмируя, можно сказать, что наш поход в Фусун был наступательной мерой, позволявшей всегда прочно взять в свои руки

инициативу, несмотря на упорные натиски крупных сил врага. Это была также оперативная тактическая мера, рассчитанная на дальнейшее укрепление боеспособности отряда и создание благоприятной обстановки для продвижения революционной армии на территорию Кореи. Этот поход послужил закреплению, расширению и развитию успехов, достигнутых нами за полгода после продвижения в район гор Пэкту.

В один из мартовских дней 1937 года мы отправились в поход в Фусун. В нем участвовали не только бойцы основных боевых единиц, но и отряд швей, группа поварих, мастера-оружейники и другие работники интендантской службы.

Нас сопровождали Вэй Чжэнминь, Чон Гван, Цао Яфань.

Задача похода на первый день – преодолеть перевал Догулин. Мы шагали целый день, но никак не удавалось перейти этот перевал. Мешала погода: выпало очень много снега, стоял сильный мороз... Нам пришлось заночевать на середине горы.

Вообще зимой того года горы Чанбая были необычно снежными. Так много выпало снега, что некоторые ущелья занесло сугробами высотой в несколько человеческих ростов. Такие места мы преодолевали, телом пробивая себе путь, шли вперед шаг за шагом.

Если представители нового поколения хотят иметь ясное представление о том, сколько снегу выпадает в горных цепях Чанбая, им неплохо было бы послушать ветеранов революции, участвовавших в том походе в Фусун. Когда мы, завершив поход, возвращались в район гор Пэкту после оттаивания земли, мы увидели лапоть из конопли на макушке лиственницы. Его потерял в снегу новобранец из Чанбая во время похода в Фусун.

В начале марта в равнинных местностях Родины обычно идет оттепель, однако в окрестностях гор Пэкту в это время еще вовсю хозяйничает лютый мороз.

В свирепых снежных бурях было невозможно даже разбить палатку. А если ее и удавалось установить, она не могла устоять под напором ураганного ветра. Всякий раз, когда мы оказывались в таких обстоятельствах, у нас не оставалось иного выхода, кроме как выкапывать ямы в глубоком снегу, примерно каждую на одно отделение, и, разостлав на дне шкуру косули и древесную кору, спать сидя, опершись на вещмешки. Вход в яму закрывали белой простыней, чтобы укрыться от ветра. Секрет того, как эскимосы живут, не замерзая, в снежном доме или во льду, мы познали на

собственном опыте во время похода.

Тогда мы носили большие, доходящие до колен носки и лапти из конопли, сплетенные капсанцами. Без такого наряда в окрестностях гор Пэкту нельзя было выходить на улицу. Да и мы ложились на биваках спать у костра обутыми в лапти.

Перевал Догулин нам удалось одолеть лишь на следующий день. Этот поход был не из легких. Когда речь заходит о Трудном походе, наш народ обычно подразумевает зимний поход 1938 года от Наньпайцзы до Бэйдадинцзы. Разумеется, тот поход был таким трудным, что достоин так и называться – Трудным походом. Но если говорить вообще о тяготах и лишениях, то и поход в Фусун был не легче. Протяженность маршрута была около ста километров. А продолжительность его, думаю, примерно 25 дней. Если сравнивать со ста с лишним днями Трудного похода, то вроде бы можно сказать, что, мол, это ничего не значит. Тем не менее и поход в Фусун был неимоверно тяжелым.

Дрожали от холода, страдали от голода, мучились от недосыпания... Каких только лишений и горя не приходилось перенести! Не раз вели бои, пролили немало крови, понесли много жертв.

Поход в Фусун оказался исключительно тяжелым испытанием и для старых бойцов, им приходилось переносить его тяготы со стиснутыми зубами. А что уж говорить о новобранцах, которые лишь несколько месяцев назад вступили в партизанский отряд...

Я велел всем старым бойцам: пусть каждый придет на подмогу одному новичку. И я тоже стал «опекуном» 3 – 4 неокрепших бойцов. Все бывалые бойцы выполняли роль заботливых старших братьев для молодняка. Во время марша они порой несли на себе ружья и вещмешки ослабевших молодых партизан. На привалах разводили костер, чтобы они погрелись. А когда отряд вставал на бивак, – готовили место ночлега для них, чинили их одежду, обувь и ушанки.

Так, у одного новобранца, уроженца Чжуцзядуна, обувь до того износилась, что покрасневшие большие пальцы обеих ног высовывались наружу. Но он не думал чинить обувку во время отдыха. Как только раздавался приказ о привале, он тут же валился наземь у костра и с храпом засыпал. У старых бойцов не износились еще и капсанские лапти, в которых они вышли из Чанбая, а у него истрепалась и запасная пара обуви.

Я дал ему мою запасную обувь, чтобы он переобулся, а его обувь

зашил с помощью большой иглы. Починенную обувку я хранил в вещмешке, а затем дал ее другому новобранцу, чтобы тот переобулся. Изорванную обувь я чинил, таясь от глаз людских: если увидят хозяева драной обуви, то им наверняка будет неловко, неудобно. Однако однажды хозяин обуви меня заметил. Роняя слезы, тот боец бросился ко мне и внезапно выхватил из моих рук иглу с ниткой и обувь, которую я намеревался починить.

В тот день я обратился к новобранцам с такими словами: «Когда вы были дома, то ходили в лаптях, сплетенных отцом, в одежде, сшитой матерью. Видимо, вам никогда не приходилось заниматься шитьем. Но теперь, когда вы стали партизанами, надо уметь самим, своими руками, чинить все: и одежду, и обувь. Свое житье-бытье надо устраивать самим. Так давайте сегодня вместе со мной поучимся, как чинить обувь...»

Они чувствовали себя глубоко виноватыми за то, что доставляли мне, командующему, лишние хлопоты.

Наши обувь и одежда больше всего изнашивались тогда, когда нам идти приходилось по насту-снегу, покрытому ледяной коркой. Поэтому я учил бойцов, как передвигать ноги, когда идешь по этой режущей поверхности.

Поход в Фусун был и борьбой с голодом. Многие трудности вставали на нашем пути, но из них самой большой, смертельной опасностью угрожала нам нехватка продовольствия. Скорость движения на марше становилась несравненно медленнее, чем было предусмотрено. Едва мы перешли через перевал Догулин, как иссяк и без того незначительный запас продуктов, заготовленный при выходе из Чанбая.

Как достать пищу среди белого снежного поля, где нельзя выкопать даже замерзшие корни трав? Выход был один – отбить у врага его армейский провиант, но вся беда в том, что мы не знали, где находится враг.

Мы так сильно страдали от голода, что позже я даже говорил одному сотруднику, что поход в Фусун – это поистине «голодный поход». Бывало иногда так, что по суткам не приходилось взять в рот хотя бы крупинку кукурузного зерна, сутками «насыщались» только водой и снегом, одолевая по несколько десятков *ли.* Можно ли забыть тот мучительный голод?!

Вот что случилось в одном лесу неподалеку от Дунгана. До цели немного осталось пути. Там мы обнаружили китайскую хижину.

Уже второй день у нас во рту не было ни крошки, утоляли мы голод одной водой. Увидев хижину, мы обрадовались: авось, здесь найдется хоть немного продовольствия. У тех, кто, скрываясь в лесу, выращивал опиумный мак, обычно был запас продуктов.

Мы обратились к хозяину хижины. «Наш отряд, – говорили мы, – вот уже несколько дней не имеет даже зернышка. Если у вас есть продовольствие, продайте нам хоть немного». Но хозяин наотрез отказался: мол, у него, хоть шаром покати, нет ни единой крупинки, – все отобрал лесной отряд. Судя по тому, что под жерновом лежала груда кукурузных отрубей, видно было, что он запасся немалым количеством измельченной кукурузы или кукурузной муки. Но как мы ни просили его, он оставался глух и нем. Хоть нам было и не к лицу, но решили собрать выброшенные под жернов кукурузные отруби и утолить ими голод.

Кукурузные отруби отличаются от чумизных и просяных. Мы жарили их, но они не проходили в горло, только прилипали к нему. Когда мололи их на жернове в муку, то все равно трудно было проглатывать их. Разводя в воде, трудом проглатывали их, но и это не помогало утолить голод.

После долгих раздумий я вызвал ординарца Пэк Хак Рима, дал ему распоряжение:

– Перейдешь отсюда через несколько перевалов, там будет отряд У Ичэна. Командующего сейчас, наверное, нет, но часть его подчиненных осталась и продолжает воевать. Иди к ним и сообщи, что я пришел, передай мою просьбу – помочь продовольствием, хотя бы немного. И возвращайся. Если у них есть продовольствие, они не останутся глухи к нашей просьбе: нас связывает старая дружба.

Пэк Хак Рим пошел к отряду У Ичэна, но ничего не достал, вернулся ни с чем. Но вскоре появился один из командиров отряда У Ичэна с мешком кукурузных отрубей на спине. Он специально пришел к нам и просил у меня извинения:

– Командующий Ким! Как же мы можем отказать в вашей просьбе, с которой вы обратились впервые за долгое время. Мы очень хотим помочь вам, но и у нас кончилось продовольствие, и все голодают. И пришел я к вам с мешком кукурузных отрубей. Прошу не обижаться на нас.

В тот день наши бойцы, осматривая внутреннюю и внешнюю стороны той китайской хижины, заметили, что гроб, лежащий в переднем дворе, наполнен до краев размолотой кукурузой. У жителей Маньчжурии был такой обычай: заранее приготовить гроб,

предназначенный для будущего обряда погребения, и хранить его во дворе дома, как неприкосновенную вещь. Вокруг этого обычая в годы антияпонской революционной борьбы в Маньчжурии рождалось много анекдотов, связанных с гробом.

Понятно было, почему хозяева хижины скрыли продовольствие в гробу. Однако это вызвало возмущение у наших товарищей. Больше всего разгневались новобранцы. Один из них из поселка Чжуцзядун прибежал ко мне и обратился с жалобой:

– Полководец! Хозяева этого дома люди очень скверные и омерзительные. Даже домашним животным – коровам или лошадям, если войдут они во двор, дают поесть. Таковы человеческие обычаи, моральные нормы. Но хозяева этого дома выходят из ряда вон по своей скверности. Разве в их жилах течет кровь человеческая? Надо проучить их, а продовольствие – конфисковать!

Мне пришлось переубеждать того бойца:

– Что? Конфисковать? Так нельзя. Нельзя ни грамма трогать их продовольствия. Лучше нам голодать...

Новобранец, ни слова не вымолвив, повернулся и ушел, чмокая губами.

Мы не подавали и виду, что заметили «склад» продовольствия в гробу, и, утоляя голод кукурузными отрубями, стали убедительно воспитывать хозяев хижины.

Они и на прощание с нами так и не сказали, что хранят в гробу продовольствие.

Ко мне вторично подошел тот новобранец, который предложил конфисковать продовольствие, и сказал: «Видите, на таких людей воспитание не действует». А я ему: «Нет! Хотя они не пожертвовали нам продукты питания, но они начали понимать, что мы – хорошая армия».

Эта встреча в лесной хижине показала новобранцам, что среди населения имеются различные люди, поэтому не следует проводить воспитание шаблонно и что любое дело пойдет на лад только тогда, когда у человека пробудится душа. Наши новички хорошо поняли, что нельзя, ссылаясь на то, что армия оказалась в трудном положении, самовольно посягать на имущество народа или насильно добиваться его благосклонности и помощи.

Если тогда мы, не сдержав гнева, проучили бы хозяев хижины или конфисковали бы продовольствие, наказав их за то, что они нас обманули, то кто знает, не переродились бы наши новобранцы в

таких низких людей, как конные грабители или бюрократы, которые, презрев кредо жизни: «Нельзя жить в отрыве от народа», чуть что кричат на людей и требуют предоставления им разных льгот.

Спускаясь вдоль русла реки Маньцзян, мы увидели двух чернорабочих, которые поодаль следовали за нашим походным строем. Это были труженики с лесоразработок в Дуаньтоушане. Вид у них был какой-то странный. Мы спросили их, почему они неотступно идут за нами. Они откровенно признались в том, что враги дали им поручение разведать, куда следуют партизаны. По их словам, если они узнают маршрут партизан, то им дадут большое вознаграждение в соответствии с ценностью сведений, а если вернутся ни с чем, то обвинят их в «связях с разбойниками» или просто подвергнут жестоким наказаниям.

От этих рабочих мы узнали, что на лесоразработках в Дуаньтоушане трудятся многочисленные поденщики и что там есть лесная полиция. Я решил совершить налет на лесоразработки, чтобы достать продовольствие, даже если для этого придется вести неравный бой.

На эту операцию были выделены 7-й и 8-й полки. Однако, совершив налет на лесоразработки и обыскав склад, бойцы не нашли ни одного мешка зерна. Хозяева лесоразработок, боясь налета партизан, не хранили продовольствие на складе, а каждый день привозили его из других мест.

В лесозаготовительном поселке оказалось 700 – 800 врагов, что не предполагалось; они высыпали, чтобы оказать сопротивление нашим бойцам. Это были подкрепления, дополнительно переброшенные на карательную операцию при получении сведений о передвижении нашей главной части в направлении Фусуна.

Бойцы 7-го и 8-го полков, угоняя около 20 волов с лесоразработок, вернулись в свою часть.

Путь противнику, преследующему партизан, отрезал заградительный отряд О Чжун Хыба. О Чжун Хыб, отобрав ударников из каждого взвода, более десяти раз вступал в бои, мужественно сковывая врагов. А когда забрезжил рассвет, мог заметить, что враги находились рядом, где-то в пределах 50 метров.

Пока заградительный отряд сдерживал противника, главные силы заняли позиции на вершинах двух гор на востоке. Я послал ординарца к заградительному отряду О Чжун Хыба с приказом заманить врага в заросли осоки, простирающиеся между двумя

горами, и ускользнуть оттуда. Вражеский карательный отряд попался на этот крючок. Враг оказался среди осоковых зарослей; оставив там груды трупов, он обратился в бегство.

Пока главные силы ждали участия в бою, некоторые из бойцов, скрываясь за каменным возвышением, зарезали волов. Одни резали на куски, а другие тут же жарили их на костре. От запаха жареной говядины, казалось, выворачивался весь живот наизнанку. Туши остальных зарезанных волов разрубили на части и разложили по вещмешкам. Мы продолжали поход, жуя сырую говядину. Однако спустя 2–3 дня иссяк и этот запас.

Еще более настойчивым стало вражеское преследование. И Чон Гван ушел в тайный лагерь в Дунманьцзяне. Оттуда он прислал нашим бойцам несколько *маль* (мера объема, равная 18 литрам, – ред.) неразмолотой пшеницы.

Но наши бойцы порицали Чон Гвана, говоря: «Неужели только это? И это – доброта так называемого начальника политотдела? Жаль, ведь, у него такая тучная комплекция...»

Некоторые из наших бойцов осуждали его как трусливого, черствого человека. Они все еще относились к нему с недоверием. Во время налета на уездный центр Фусун Чон Гван был обязан совершить вспомогательный налет на Ваньлянхэ, но отказался, что вызвало замешательство во всеобщих боевых операциях. Чон Гван любил порисоваться должностью кадровика. Каждый раз он ухитрялся избегать трудных и опасных моментов, поэтому почти все командиры и бойцы нашей части были недовольны им.

Чутье масс оправдалось: позже Чон Гван изменил нашему делу и причинил большой вред нашей революции.

Увлекая за собой врага, отряд двигался вдоль русла реки Маньцзян в направлении Фусуна. Скоро иссякла и та неразмолотая пшеница, которую прислал Чон Гван. К нам снова подступил голод.

Ускользнув от вражеского преследования, мы остановились на некоторое время в Тоудаолине. Нельзя было продолжать поход, не достав продовольствия. Именно в то время Кан Тхэ Ок и другие новички – уроженцы Маньцзяна – вызвались сходить за продовольствием. Это были те люди, которые, взволнованные после просмотра спектаклей «Море крови» и «Судьба охранника», представленных в предыдущем году в Маньцзяне, тут же на месте изъявили желание вступить в партизанскую армию.

Заметив, что отряд расположился недалеко от Маньцзяна, они

вместе с Ким Тхэк Хваном пришли ко мне.

– Полководец! Разрешите нам сходить за продовольствием. Виданное ли дело – голодать партизанам, когда до Маньцзяна рукой подать? Там, конечно, туговато с рисом, но картошки – пропасть. Раньше там хранили картошку, чтобы помочь партизанам. Мы хорошо знаем то место.

Их слова несколько успокоили меня.

Итак, в Маньцзян ушла продовольственная группа примерно из 10 человек. Но наша надежда не оправдалась: добыча была не велика. Оказывается, картошка, закопанная в землю для партизанского провианта, не сохранилась – дикие кабаны, мол, уничтожали запасы. Продовольственная группа возвратилась, собрав лишь незначительные остатки клубней после «пиршества» кабанов. Но и это для нас, оставшихся ни с чем, можно было считать большой удачей.

Однако здесь возникла неприятность. Продовольственная группа, возвращаясь в свою часть, допустила серьезную оплошность. Будучи не в состоянии терпеть голод, бойцы развели костер неподалеку от нашей ночевки, чтобы испечь картошку.

По костру, разведенному на рассвете поблизости от нашей стоянки, были обнаружены не только они, «продовольственники», но и местонахождение всей части. Заметив врага, продотряд, не дав даже сигнала сторожевому посту, необдуманно побежал прямо к месту всеобщей ночевки. Большинство партизан спали. Они были вынуждены вступить в бой, не успев к нему подготовиться.

Что ж, своеволие нередко влекло за собой такие неожиданные и тяжелые последствия.

Я постоянно указывал новобранцам на необходимость строгого соблюдения партизанских норм поведения. В партизанском отряде строго запрещается своеволие. Соблюдать дисциплину трудно и тяжело. Но нельзя считать ее бременем, ибо дисциплина – жизненно важная необходимость для существования армии, учил я молодняк. На месте ночевки не спать разутыми. Где бы вы ни находились, не оставляйте за собой следов. Не разводить костер там, где не разрешено начальством. Когда преследуют враги, беги и замани врага в сторону, противоположную местонахождению тайного лагеря и месту ночевки. Не употребляй в пищу незнакомые растения и так далее.

Из-за ошибки продовольственной группы, ходившей в Маньцзян,

в схватке с врагом мы потеряли дорогих товарищей по борьбе.

Тогда я не подверг членов группы критике. Если бы критика воскресила погибших боевых товарищей, то как было бы хорошо! Гибель товарищей пуще критики подействовала на людей. Она была жестче всякой критики и наказания!

Тогда погиб и ординарец Чвэ Гым Сан. Заметив костер, враги незаметно пошли по следам нашей продовольственной группы. Окружив место нашей ночевки, они стали обстреливать стоянку. В этот критический момент Чвэ Гым Сан дрался не на жизнь, а на смерть с врагами, налетевшими на ставку командования. Заметив меня, отходящего в самом хвосте, он вместе с Ли Бон Роком подбежал ко мне, заслонил меня собой, ведя одновременно яростный огонь по врагу. Если бы они не охраняли меня, рискуя своей жизнью, то кто знает, какая неприятность могла бы случиться со мной.

Чвэ Гым Сан получил смертельную рану, в него угодило несколько вражеских пуль, но он до последнего патрона прикрывал меня огнем. Его армейская форма была до нитки пропитана кровью.

Ли Бон Рок поднял Чвэ Гым Сана из снега и взвалил себе на спину. Следуя арьергарде, я прикрывал огнем из маузера Ли Бон Рока. Когда его покидали силы, я сам нес Чвэ Гым Сана на спине.

Когда мы прорвались из окружения, я снял Гым Сана со спины Ли Бон Рока. Гым Сан был уже мертв.

Этот молодой человек был не особенно красив собой по сравнению с другими. Его характер не был таким, чтобы производить впечатление на окружающих. Однако сотрудники нашего командования любили его, как родного младшего брата.

Юноша был очень мечтательным. Одно из его желаний – почаще ездить на поезде. Он не раз говорил, что хочет водить локомотивы после того, как Родина станет независимой.

– Ах, жаль такого молодого! Ему еще нет 20 лет.

Раздался за моей спиной чей-то голос, когда тело Чвэ Гым Сана опустили на землю у костра. От этих слов весь отряд не выдержал и дал волю слезам.

Прежде чем похоронить его, развязали его вещмешок: в нем лежали только лапти, сплетенные капсанцами, и одна пачка толокна.

Он был сыном скитальца. Родился и вырос на чужбине. Самая сокровенная его мечта, которую он лелеял в глубине души, – это ступать по родной земле. И тогда, когда он, став ординарцем, продвигался из далекого Наньхутоу Северной Маньчжурии в район

гор Пэкту, чуть ли не каждый день спрашивал меня: «Сколько еще километров надо пройти, чтобы увидеть родную землю? Придя в Западное Цзяньдао, можно ли отведать корейское яблоко? Говорят, Восточное море нашей страны сказочно причудливое. Имели ли вы возможность посмотреть его? А сколько лет спустя в дальнейшем мы сможем совершить рейдовые операции на Пхеньян, на Сеул, на Пусан?» Каких только вопросов тогда он не задавал! Может быть, он не обувался в лапти, сплетенные капсанскими крестьянами, потому, что берег их, чтобы надеть в день вступления на Родину.

Чвэ Гым Сан был юным соратником, любимцем, который спал вместе со мной под одним одеялом, долгие годы работал ординарцем при командовании. Видимо, оттого при его смерти я плакал горше, чем при прощании с другими товарищами по борьбе.

Тогда земной покров Тоудаолина так твердо смерзся, что нельзя было выкопать землю ни топором, ни штыком. Пришлось похоронить Чвэ Гым Сана прямо в снегу. Мы оставили там знак, чтобы потом перехоронить его, как положено.

Когда снег растаял и были подведены итоги похода в Фусун, мы снова отправились в район гор Пэкту. Вместе с отрядом я посетил то место, где был похоронен Чвэ Гым Сан. Переодев его в новую военную форму, доставленную из Дунганского тайного лагеря, мы похоронили его как следует на солнечном месте. Перед могилой посадил несколько кустов азалии, чтобы и после смерти он ощущал благоухание родной земли. Хотя цветок вырос на чужбине, но не одно и то же ли его благоухание? Азалия – это был самый любимый его цветок.

«Прощай, Гым Сан! Мы снова возвращаемся в горы Пэкту! Этим же летом вместе с отрядом обязательно продвинемся на Родину, чего ты так желал. Вступив в пределы Родины, отомстим врагам за тебя во сто и в тысячу крат!»

Мысленно делясь такой думой с Чвэ Гым Саном, я простился с ним. Когда вспоминаю картины того времени, и поныне сердце сжимается от боли. Если бы он был жив, то ему, наверное, было столько лет, сколько сейчас Пэк Хак Риму.

Весной 1937 года, во время похода в Фусун, мы потеряли много дорогих друзей по борьбе.

Как говорится в песне: «Склоны Чанбай... видали в бою, как пролита здесь кровь за Отчизну свою», – мы тогда проливали кровь повсеместно, где ни бывали. Ценой крови мы пробивали себе

дорогу, продвигаясь к своей цели пядь за пядью.

Жаль, что в этих воспоминаниях не могу живо и трогательно описать яркие подвиги моих боевых друзей и их кропотливые труды. Пусть перо мое притупилось, но куда же уйдет моя сердечная привязанность к ним? Я пишу эти воспоминания с той же сердечностью, с какой высекаю надгробные надписи на памятниках перед могилами боевых друзей, ушедших от нас на крутых перевалах и в долинах Фусуна, оставив нам завещание: «До конца боритесь за освобождение Кореи!», – тех любимых товарищей по борьбе, которые, умирая, улыбались мне, желая мне здоровья и успеха в борьбе.

2. Молниеносный бросок под Сяотанхэ

После неоднократных жарких боев под Маньцзяном мы с отрядом надежно укрылись в тайном лагере Янмудинцзы.

Янмудинцзы находится на склоне горы, расположенной между селом Синаньча и перевалом Лаолин. Говорят, это место так назвали потому, что здесь растет много ив. По обе стороны тропы, ведущей к перевалу, располагались два тайных лагеря. Один из них называли Восточный Янмудинцзы, а другой – Западный Янмудинцзы. Сначала мы зашли в тайный лагерь Западный Янмудинцзы, где находился отряд штабиста Юя. Недалеко от тайного лагеря Восточный Янмудинцзы, к югу за перевалом, находился тайный лагерь Гаолибуцзы. Эти три лагеря, образующие треугольник вокруг перевала Лаолин, называют общим именем – тайный лагерь Янмудинцзы.

После своего создания лагерь использовался в течение нескольких лет до марта 1940 года, когда карательный отряд во главе с Рим Су Саном совершил на него крупномасштабный налет. Погромщики погубили тогда много людей, а тайный лагерь сожгли.

Янмудинцзы – незабываемое место. Здесь погиб Ли Дон Бэк, мой соратник и надежный советник. Сюда же был доставлен на носилках тяжелораненый командир комендантской роты Ли Даль Ген, который вскоре скончался. В Янмудинцзы мы опубликовали на страницах газеты «Согван» («Заря») статью «Задачи корейских коммунистов». В этом тайном лагере мы не раз встречались с Вэй Чжэнминем и другими командными кадрами корпуса и обсуждали вопросы, возникающие в проведении совместных операций.

В тайном лагере Янмудинцзы я вынашивал оперативный замысел о рейде на Родину и форсировал его подготовку. Он был проведен летом 1937 года.

Важное место при подготовке к рейду занимало материальное обеспечение.

В Янмудинцзы я сформировал небольшой отряд во главе с О Чжун Хыбом и направил в Чанбай, где его ждал Ким Чжу Хен. В этот небольшой отряд были включены партизанки из швейного

подразделения, а также обмороженные и слабые. Ведь гораздо легче было бы идти в Чанбай и добывать там материалы для хозяйственного снабжения, чем совершать тяжелый поход по заснеженным тропам, питаясь порой лишь чашкой жидкой кукурузной похлебки в день.

Вместе с этим небольшим отрядом мы послали также подпольщиков для действий в районах Западного Цзяньдао и внутри Кореи.

Экспедиционный отряд покинул Янмудинцзы и посетил тыловой тайный лагерь 4-й дивизии, расположенный в тайге под Сяотанхэ, с целью заманить и распылить силы врага, а заодно достать продовольствие. В этом тайном лагере были запасены бочки с вином, ящики с апельсинами, яблоками и другими продуктами. Боевые друзья из 4-й дивизии с гордостью сказали, что это трофеи, захваченные у Цзинъаньской армии. Среди трофеев оказались и три пулемета.

Товарищи 4-й дивизии выделили нам кукурузу – провиант на два дня. Перед отъездом некоторые товарищи уговорили «Би-лаогаду» («последыш Би») достать винную бочку. Увидя ее, я запретил пить вино.

Мы вообще не одобряли употребление вина и табака: и то и другое часто мешало военной деятельности. Не помню, в каком году это произошло. Во время похода в отряде возник хаос. Когда на привале провели перекличку, оказалось, что пропали два бойца. Стали их искать. Потом выяснилось, что они во время похода тайком отлучились из отряда и выпили вина в трактире. Конечно, за это их подвергали острой критике.

Увидев винную бочку, балагуры упрашивали командира роты Ли Дон Хака налить хоть по стаканчику, поскольку на дворе стоит стужа. Ли Дон Хак уступил настойчивым просьбам крутившихся вокруг него любителей выпить и каждому бойцу налил из бочки по стаканчику.

– Сделаем только по глотку. Товарищ командующий не узнает, ничего не случится, – сказал он.

Таким образом, в тот день все без исключения бойцы комендантской роты выпили вина. Дурному примеру последовали и другие роты. Вследствие этого абсурдного «равенства в распределении» в бою под Сяотанхэ мы едва не потерпели поражения.

Если за время своей службы Ли Дон Хак допустил какие-либо ошибки, то, видимо, самой серьезной из них была та ошибка, которая случилась именно в тот день. Люди из-за разных лишений были ослаблены, а вино, разумеется, еще больше расслабило их.

К тому же в тот день и часовой действовал легкомысленно, нарушив устав. Утром на часах у нашей стоянки находился боец 8-го полка. В это время несколько сотен солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го близко подошли к стоянке, намереваясь окружать нас. Услышав звук шагов, часовой крикнул: «Кто идет?!»

Солдат маньчжоугоской армии, который напоролся на него, схитрил, сказав: «Мы из 4-й дивизии. А ты из отряда командующего Кима?» Сбитый с толку часовой принял все это за правду и лишь спросил: «Это верно. Ты откуда?» Воспользовавшись тем, что часовой отвлекся, каратели заняли выгодные позиции и начали смыкать окружение.

Между тем солдат маньчжоугоской армии продолжал занимать часового разговором:

– Если ты из отряда командующего Кима, то, пожалуйста, позови к нам представителя.

Вообще в уставе Народно-революционной армии нет статьи, которая предусматривала бы отправлять представителя на встречу с соседним отрядом. Однако часовой из 8-го полка по своему усмотрению послал одного представителя к пришедшим. Враги, занимавшие гребни горы, арестовали и разоружили его, а затем перешли в наступление. Из-за этого мы на некоторое время оказались в пассивном положении. В этих условиях нелегко было изменить боевую обстановку в нашу пользу. Враги уже карабкались по склону горы, где находилось командование. Я отдал приказ всему отряду занять высоту.

В тот самый момент и дали о себе знать последствия того, что Ли Дон Хак напоил своих людей вином. Я заметил, что несколько бойцов не смогли сразу подняться на высоту и мешкали у подножия после того, как был отдан приказ. Позже стало известно, что они, не привыкшие к вину и не умея пить его, все-таки безрассудно выпили. Среди них оказался и Кан Ви Рён, пулеметчик комендантской роты. Я не раз кричал ему — немедленно занять высоту, но он все задерживался внизу. Впоследствии он признался, что тогда не мог передвигаться: шатались ноги и кружилась голова от опьянения. Когда в таком состоянии оказался пулеметчик, я, откровенно говоря,

не на шутку растерялся.

Враги были совсем близко, и на высоте завязался беспорядочный бой. Вещмешок Ли Дон Хака был изрешечен сильным огнем противника, а у одного бойца вражеская пуля оторвала ухо. В довершение всего 2-я рота 7-го полка под командованием Ким Тхэк Хвана еще не успела вырваться из вражеского кольца.

Все же в тот день пулеметчики комендантской роты оправдали доверие. Они, часто меняя положение, обрушивали на противника шквальный огонь. Тем временем 8-й полк сумел вырваться из окружения. Рота Ким Тхэк Хвана тоже была выведена из хаоса беспорядочного боя, хотя потеряла целое отделение.

Бой продолжался с рассвета до вечера. В ходе его мы убили и ранили несколько сотен вражеских солдат и захватили большое количество трофеев. Хотя мы и победили, но у всех нас остался на сердце горький осадок. И мы потерпели немалый ущерб. Несколько вражеских пуль угодили в Ким Сан Хо, спасавшего на поле брани своих товарищей.

В последнюю минуту он вызвал Ким Хак Рюра – мастера рукопашного боя и приказал ему открыть путь для атаки.

Ким Хак Рюр был богатырем. Вступивший в отряд вместе с Хан Тхэ Рёном в селе Синьчандун, он отличался не только большой силой, но и принципиальностью и мужеством. Каждый раз во время налета на город-крепость он шел впереди, открывая путь к атаке, а после боя из склада, где враг хранил продовольствие и другие материалы, первым взваливал на себя и нес тяжелый груз. Однажды он удивил боевых друзей, перенеся на спине разом два мешка с рисом весом в сто килограммов каждый. Когда нам приходилось пробивать туннели в снежных сугробах, прокладывая путь, он всегда находился впереди.

Получив приказ, Ким Хак Рюр ринулся в гущу врагов и, вступив в рукопашную, сразил штыком десяток с лишним вражеских солдат. Правда, и сам он получил восемь ран. Это был поистине человек, напоминающий бессмертного богатыря. Когда Ким Хак Рюр уже не мог больше из-за ранений бить врага в рукопашных схватках, он стал уничтожать противника гранатами. Когда осталась последняя граната, он скатился с ней в гущу врагов. Оглушительный взрыв потряс высоту, и боевые друзья, стиснув зубы, с острой болью в сердце расстались с ним навсегда.

Самой большой утратой была гибель комиссара 8-го полка Ким

Сан Хо. В течение многих лет со времени деятельности в Уцзяцзы он делил со мной горе и радость. Когда речь заходила о том, как простые люди добиваются резкого прогресса через революцию, мы обычно, как на типичный пример, ссылались на Ким Сан Хо. Слова «Из батрака в комиссара полка!» стали своего рода крылатым выражением. Они показывают, как сильно способствует революция прогрессу простых людей и как быстро растет в вихре революции простая рабочая и крестьянская молодежь в идейно-политическом, военно-техническом и морально-нравственном отношениях.

Из-за гибели Ким Сан Хо я не смог в тот день ужинать.

Бойцы развели костер, пригласили меня, обращаясь со словами «товарищ командующий!», но я не подошел к огню. При мысли о том, что Ким Сан Хо лежит в снегу, превратившись в льдину, грешно было даже смотреть на костер, ощущать его тепло.

Командир 8-го полка Цюань Инлинь тоже пропустил ужин в тот день, как и я. Ким Сан Хо был корейцем, а Цюань Инлинь – китайцем, но принадлежность к разным нациям никогда не мешала их революционному братству. Цюань Инлинь всегда уважал мнение Ким Сан Хо, а тот в свою очередь постоянно оказывал своему китайскому другу искреннюю помощь в его работе, не афишируя это.

Цюань Инлинь так горевал о гибели Ким Сан Хо, что и все его подчиненные не принимали пищу. Бойцы, выручennые Ким Сан Хо и Ким Хак Рюром из окружения, тоже не ужинали, думая о тех, кто спас их от смертельной опасности, и других павших боевых друзьях.

После боя враги не собирались уходить. Было очевидно, что они намеревались, пополнив силы для смыкания кольца окружения, загнать нас в горное ущелье за Сяотанхэ и окончательно разгромить. Мы могли бы и в самом деле оказаться в мешке и быть разбитыми наголову, если не принять срочные меры. Чем труднее положение, тем крепче надо держать в своих руках инициативу, настойчиво связывая активность врага, – таковы требования партизанской войны.

Отведя как будто отряд далеко в лес, я приказал незаметно вернуться и занять место, где днем шел бой, и провести там ночь, устроив бивак. Ввести врагов в заблуждение, маневрируя по одному и тому же маршруту, – это был наш оригинальный тактический прием.

Когда мы, маневрируя, совершали такие обманные действия, противник в свою очередь непрерывно подтягивал подкрепления, готовясь к решительному бою с нами. По-видимому, он решил воевать не на жизнь, а на смерть, чтобы весной этого года взять

реванш за жестокое поражение в крупной зимней карательной операции. Вражеские войска нескончаемым потоком шли и шли в горное ущелье за Сяотанхэ. Казалось, сюда стекаются все вооруженные силы, находящиеся в Маньчжурии. Когда стемнело, я оглядел равнину с возвышенности. В местности вокруг Сяотанхэ, растянутой в несколько десятков *ли,* раскинулось море костров, напоминавшее ночной вид большого города. Цепь костров опоясывала нас в несколько рядов. Бегло считая их по направлениям, я прикинул вражеские силы по числу костров. Насчитал, конечно, приблизительно несколько тысяч человек. Это были внушительные вооруженные силы.

Лица бойцов, глядевших на море огня, застыли. Несомненно, они решили, что теперь придется погибнуть в смертном бою на этой возвышенности за Сяотанхэ.

– Товарищ командующий, наверно, выхода нет. Придется готовиться к смертному бою, – сказал с отчаянием в голосе подошедший ко мне командир 7-го полка Сунь Чансян. И у других командиров был такой же настрой.

Почему-то слова Сунь Чансяна «смертный бой» прозвучали для меня как пустые. Собственно говоря, вести смертный бой с врагом, располагающим несколькими тысячами штыков, силами менее чем в 500 бойцов, – это не что иное, как проявление безрассудной храбрости, сверхотчаянный поступок.

Но даже если бы нам всем было суждено погибнуть, мы не уклонились бы от смертного боя, если бы в результате его революция завтра победила. Но такого не случится, и потому мы должны во что бы то ни стало остаться живыми и довести до победного конца начатую революцию.

– Товарищи, выжить труднее, чем умереть. Все мы должны не умереть, а выжить и продолжить революцию. Нам предстоит крупная задача – рейд на Родину. Это священный и почетный долг. Его выполнения требуют от нас эпоха и история. Вправе ли нам выбрать себе путь к смерти перед лицом такого великого дела? Всем нам следует выжить и прийти на Родину, где народ с нетерпением ждет наступления Народно-революционной армии. Значит, вместе подумаем, как выйти из трудной ситуации, – с такими словами обратился я к бойцам.

– Как нам, товарищ командующий, вырваться из такого критического положения? Это значит поверить в то, что говорят о

чудесах, – сказал Сунь Чансян, по-прежнему считая ситуацию отчаянной.

Весь отряд смотрел на меня, ожидая приказа. Пожалуй, никогда я, командующий, не ощущал так остро свою ответственность, важность своего дела, как в то время.

Осматривая сверху ущелье, превратившееся в море костров и костерков, я напряженно думал над тем, как выйти из окружения.

Задача состояла в том, чтобы прежде всего определить, в каком направлении и каким образом пробиться и выйти далеко за пределы вражеского кольца. Если общая численность карательного отряда, разбросанного по ущелью за Сяотанхэ, исчисляется тысячами, то тыл противника, надо полагать, сейчас совсем пуст. Враги могут рассчитывать, что в случае, если нам удастся выйти из окружения, то, по их мнению, мы, очевидно, попытаемся двинуться в глубь гор. В такой обстановке наилучший путь видится в том, чтобы выйти на большую дорогу, где плотность вражеского окружения сравнительно слаба, и незаметно ускользнуть. И потом по большой дороге за день отойти на значительное расстояние. Такая вот мысль пришла мне в голову.

Тут же я отдал приказ:

– Вы, товарищи, готовы сражаться насмерть, но никто из вас не вправе погибнуть. У нас есть выход. Теперь мы должны покинуть сяотанхэские леса и выйти в населенный пункт. Потом по большой дороге совершить поход в направлении Дунгана. Такова моя решимость...

При словах «большая дорога» командиры одновременно вскинули головы. Передвигаться скрытно – это считалось непреложным законом боевой деятельности партизан. Поэтому командиры не могли не удивиться, когда я приказал выйти в населенный пункт и по большой дороге совершить поход в то время, когда крупные силы противника оцепили нас.

Ко мне подошел Сунь Чансян и с тревогой спросил: «Это не слишком ли рискованный шаг?» Да, он не зря забеспокоился. Намеченный мною метод выхода из окружения действительно был весьма рискованным. Предполагаемую операцию можно было охарактеризовать не иначе, как авантюру. Ведь могло быть и так, что противник охраняет большую дорогу или в своем тылу оставил определенные силы.

Вообще я с самого начала антияпонской вооруженной борьбы

выступал против военного авантюризма. Мы вели только такие бои, в которых была очевидной наша победа. Схваток, не суливших успеха, мы избегали. К авантюре прибегали лишь в неизбежных, критических случаях. Тем не менее все без исключения авантюрно-рискованные операции, которые мы проводили, предполагали нашу удачу и рассчитывали на максимальную мобилизацию своих усилий.

На авантюру с постоянной надеждой на непременную победу во всех боях можно решиться, лишь обладая твердой убежденностью в том, что пусть обрушится небо, но выход найдется, и имея крепкую волю и мужество. Тактический маневр, на который я решился на возвышенности за Сяотанхэ, – выход в населенный пункт и поход по большой дороге – был, конечно, авантюрой, но такой, которая сулила нам победу. Я так считал потому, что именно этот маневр отражал присущий нам упорный наступательный порыв, позволяющий превратить неблагоприятное в благоприятное и перейти от пассивности к активным действиям. К тому же наши надежды подкреплялись научно обоснованным расчетом на максимальное использование к своей выгоде слабых сторон противника.

Суть битвы, в конечном счете, сводится к противоборству умов и в то же время к столкновению убеждений, воли и мужества.

Враги сосредоточили многотысячные войска в районе Сяотанхэ для того, чтобы, создав численное превосходство своих войск, окружить и уничтожить нас. Проводить крупные операции по окружению партизан огромными контингентами войск – это был излюбленный тактический прием противника. Он применял его каждый раз во время карательных экспедиций против революционной армии. И на этот раз враги попытались уничтожить нас, используя эту банальную и шаблонную тактику, о которой мир слышал уже сотни раз. Они полагались только на внушительную цифру – тысячи человек. Вот в этом как раз и заключались слабые стороны и ограниченность их тактики.

Превратив многокилометровый простор в Сяотанхэ в море костров, враги наглядно показали, сколько человек насчитывается в их войсках и какую тактику они хотят применить для уничтожения Народно-революционной армии. Но это было с их стороны ошибкой, равнозначной тому, будто мы похитили их оперативные документы. Из-за такой оплошности инициатива уже

незримо перешла из их рук в наши.

Я был твердо уверен, что нам наверняка удастся ускользнуть в безопасное место. Поэтому я, улыбнувшись Сунь Чансяну, положил руку на его плечо и обратился к командирам:

– Сейчас враги сосредоточили здесь вооруженные силы в несколько тысяч человек. Это значит, что они целиком подняли на ноги не только войска и полицию, но и отряды самообороны, расквартированные в населенных пунктах района Фусуна, не говоря уже об окрестностях Сяотанхэ. Стало быть, близлежащие села и дороги, вероятно, опустели и остались без всякого контроля. Теперь враги обращают внимание только на тайгу. Им не приходит в голову мысль, что мы уйдем по шоссейной дороге. Вот в чем их промашка. Пользуясь этим, нам следует быстро передвинуться в Дунганский тайный лагерь...

Наверно, эти мои слова, мое поведение в тот момент были совершенно хладнокровны.

На лицах командиров наконец появилось спокойное выражение. Они уверенно отдали частям команду об отправлении. Первым спустился в ущелье 8-й полк. За ним следовали комендантская рота и 7-й полк. Походная колонна, минуя костры, бесшумно шагала по направлению к шоссейной дороге. Тогда я глубоко осознал, какое серьезное влияние оказывают на весь отряд настроение командира, его каждое слово и каждый поступок в момент, когда возникает сложная, кризисная ситуация, и от его решения зависит судьба коллектива. Как правило, когда командир хладнокровен, хладнокровны и бойцы, а если командир растеряется, то и бойцы тоже не останутся спокойными.

Как мы и предполагали, на шоссе не было ни единой души – только остались следы костров на околице деревни. Мы беспрепятственно миновали многие села, быстро двигаясь в сторону Дунгана, словно экспресс, мчащийся по железной дороге.

Без единого выстрела мы благополучно прошли через неохраняемые тылы противника. Мы выстрелили только один раз, когда обнаружили, что колонна 8-го полка разделилась на две части и каждая шла в своем направлении. Расстояние между ними превысило 500 метров. Напряжение наших бойцов сменилось расслабленностью, когда удалось пройти населенные пункты и шоссейную дорогу: среди бойцов 8-го полка было немало тех, кто даже дремал на ходу.

Я приказал командиру арьергарда произвести один выстрел. После выстрела люди пошли намного быстрее. Больше не было бойцов, которые шагали бы в полудремоте.

Тактику похода по шоссейной дороге, примененную нами под Сяотанхэ, мы использовали позже и на Родине, когда отряд направился от горы Пэгэ в район Мусана. Эту тактику назвали молниеносным броском.

Позже из журнала «Тесинь» я знал, что враги на место боя в Сяотанхэ привели группу журналистов из трех стран – Японии, Маньчжоу-Го и Германии. В том, что газетчики находятся при армии, – нет ничего необычного. Это можно наблюдать в любой войне. Но то, что на место боя был приглашен журналист нацистской Германии, находящейся очень далеко от Маньчжурии, говорит о многом: видимо, японские каратели придавали большое значение развернутой в районе Фусуна операции и были совершенно уверены в своей победе.

Судя по статье журнала «Тесинь», озаглавленной «Экспедиция по уничтожению разбойников в Дунбяньдао», в журналистскую группу входили корреспонденты крупных японских газет «Токио нитинити симбун», «Иомиури симбун», «Хоти симбун», сотрудники радиостанции в Синьцзине, чиновники из МИДа Маньчжоу-Го, корреспондент государственного телеграфного агентства нацистской Германии Иоганн Небел. Это была поистине внушительная группа визитеров, в которую вошли кроме работников средств массовой информации Японии, Германии, Маньчжоу-Го, также и некоторые дипломаты. Может быть, враги рассматривали карательную операцию в районе Фусуна как образцовую, достойную мировой славы. Они, видимо, довольно сильно волновались, горя желанием широко оповестить весь мир о своей «блестящей победе».

Приблизительно в это время на месте боя находились один из руководителей Бюро военных расследований военной администрации Маньчжоу-Го Васидзаки и управляющий делами этого бюро Нагасима, а также начальник спецслужбы в Аньдуне Танака. Наверное, они тоже полагали, что японские войска той же весною истребят Народно-революционную армию в крутых горах и ущельях района Фусуна, навсегда ликвидируют «раковую опухоль для мира на Востоке».

Васидзаки был незаурядным стратегом: хорошо знал положение в

коммунистическом движении в Маньчжурии и играл главную роль в разработке стратегии его уничтожения. Он, будучи ведущим автором секретной книги «Исследование коммунистической банды в Маньчжурии», умел довольно хорошо писать.

В последние дни Отечественной освободительной войны (1950 – 1953 гг.) Ли Сын Ман пригласил много иностранных корреспондентов, чтобы показать бой на небольшой высоте «Т». Когда доложили мне об этом, я невольно вспомнил рейд в Фусун. Было что-то общее между легкомысленным поступком Ли Сын Мана и бахвальством главарей японских карателей.

И Гитлер, и Тодзио, и Муссолини, и Ли Сын Ман были одного поля ягода в том смысле, что все они презирали других и переоценивали самих себя.

Командующий карательной экспедицией перед группой журналистов хвастливо заявил: «Наши отряды сталкивались в горах с настоящей коммунистической армией Ким Ир Сена. Ему, Ким Ир Сену, не больше 30 лет. Он прошел муштровку в Московском коммунистическом университете. Его отряд представляет себя самыми крупными в Дунбяньдао силами численностью в 500 человек. Но ныне он оказался в положении мыши, попавшей в ловушку». Он прекрасно говорил по-немецки и без переводчика объяснял все нацистскому корреспонденту.

В то время многие японские газеты шумели о том, что будто я кончил Московский коммунистический университет. Сообщение командующего карательной экспедицией о том, что я «оказался в положении мыши, попавшей в ловушку», вызвало одобрительные восклицания корреспондентов.

Но, когда наш главный отряд, прорвав кольцо окружения, без следа исчез, командующий карательной экспедицией снова появился перед журналистами и сказал, что коммунистическая армия, насчитывающая около 300 человек, вся разбежалась. Потом, показывая одного «пленного», он предложил им расспросить его.

Каково же было удивление корреспондентов, когда на их вопросы «пленник» ответил, что он служил в армии Маньчжоу-Го, дислоцированной в Тунхуа, и только недавно перешел в революционную армию?! Он, усмехаясь, добавил, что он ничего не знает о коммунизме... На самом деле мы, партизанская армия, до этого времени ни разу не были в районе Тунхуа.

Вот такой получился спектакль! Наверное, не трудно представить

себе, как расстроились журналисты, обманутые в своих ожиданиях получить сенсацию.

Море костров, разложенных врагами в сплошной тайге в Сяотанхэ, не только навело нас на мысль о марше по большому шоссе. Увиденная картина придала нам уверенность в том, что в основном была достигнута цель похода – выманить врага, сосредоточившегося в пограничных районах, заставить его передислоцировать свои части в направление Фусуна.

Получив сообщение о том, что Народно-революционная армия, успешно прорвав вражеское окружение, сдерживаемое контингентом в несколько тысяч человек, незаметно скрылась, враги удивились и заметались в поисках наших следов. Среди вражеских солдат распространялись разные слухи: «И черт не поймет тактику партизан», «Среди корейских партизан есть стратег, превосходящий Чжугэ Ляна», «Пройдет несколько лет – КНРА будет нападать и на Сеул, и на Токио». Подобные слухи дошли до местных жителей и стали темой разговоров сельских стариков, ходивших по гостям друг к другу. Этот поход дал повод для рождения новых народных сказок и легенд о нашем отряде. Невообразимо тяжелым был также поход от Тоудаолина до окраины Дунгана, постоянно сопровождаемый продовольственными трудностями.

Мы добрались до тайги под Дунганом молниеносным броском. Мы намеревались побывать там с месяц и приступили к поиску продовольствия. Задача добыть провиант для нескольких сотен человек на целый месяц была не из легких.

Неожиданно нам представилась хорошая возможность решить продовольственный вопрос. Бойцы, стоявшие ночью на карауле, случайно обнаружили вблизи от наблюдательного поста кукурузное поле, на котором стояла зазимовавшая кукуруза с прошлогодними початками. В глухомани вокруг горы Пэкту было немало таких полей.

Часовые, которые несколько дней не имели мало-мальски съедобной пищи и утоляли голод отрубями с водой, сменившись с поста, вернулись с кукурузными початками для товарищей отряда. Но они не смогли получить разрешения хозяина поля: его не было и они не знали, где он живет. Да и некогда было им узнавать об этом: настало время смены.

Часовые получили от меня нагоняй и отправились искать хозяина поля. Спустя несколько часов они появились предо мной вместе с

седым стариком-китайцем.

Я извинился от имени отряда перед стариком и предложил ему получить 30 *юаней* наличными.

А он, махнув рукой, сказал: «Да, что вы, несколько вещмешков кукурузы – это пустяки. Незачем вам, командиру, извиняться перед ничтожным стариком. Жалко, когда бандиты уничтожают кукурузу, но не жалею, что ее ест революционная армия. Никак не могу брать от революционной армии деньги за небольшое количество кукурузы. Меня будут упрекать сельчане, когда они узнают об этом. Я не могу ни деньги взять, ни забрать обратно эту кукурузу».

Я уговаривал старика, – он должен принести домой и кукурузу, так как ее сняли с его поля, и получить деньги, потому что они выплачиваются за причиненный ему ущерб.

Я не отступал от своего, и старик поневоле получил деньги и, взяв вещмешки с кукурузой, вернулся в село. Он спросил наших бойцов, сопровождавших его до села, кто такой этот командир, с которым он только что встретился.

Они ответили откровенно, что это Полководец Ким Ир Сен.

Тогда старик сказал, что сегодняшняя его вина неискупима на всю жизнь, и погрузился в глубокое раздумье. Возвратившись в село, он вместе с членами своей семьи и родственниками собрал в поле всю кукурузу – там, где наши часовые сняли початки, погрузил их на сани и снова пришел ко мне.

– Сегодня я, увидевшись с вами, командир Ким, глубоко восхищен. Вы относитесь с уважением к такому простому человеку, как я, и мне так неловко! Хочу ответить на вашу сердечность своей сердечностью. Примите, пожалуйста, эту кукурузу без стеснения.

На сей раз я был вынужден поддаться уговорам старика. Используя доставленную им кукурузу, мы смогли пережить трудный момент.

Старик подсказал мне еще один канал для приобретения продовольствия.

– Идите километров восемь вниз по течению реки Маньцзян, – сказал он, – и там увидите женьшеневые плантации. Наладите контакты с их владельцами – будет толк. После уборки женьшеня они на плантации посеяли бобы и кукурузу, но не убрали поля, как и я сам, так как хотели продать урожай на корню. Если Полководец Ким не против, я выступлю посредником в этой сделке.

Я послал старика в сопровождении одного ординарца на

женьшеневые плантации. Ординарец вернулся в отряд с вестью, что можно будет добиться успеха.

Мы выбрали нескольких крепких бойцов из комендантской роты и 7-го полка и направили их на женьшеневые плантации.

Пока группа по приобретению продовольствия занималась покупкой зерна, отряд питался кукурузой. Через несколько дней бойцы из комендантской роты, составившие эту группу, возвратились в отряд с соевыми жмыхами на спине. Владельцы женьшеневых плантаций запасали их для себя, но уступили нам. Мы ели соевые жмыхи и сырыми, и вареными, и печеными.

По словам бойцов, принесших соевые жмыхи, владельцы женьшеневых плантаций, узнав, что у бойцов революционной армии не хватает продовольствия, выразили им глубокое сочувствие. На плантациях, говорили они, еще стоят неубранные бобы и кукуруза. Оказалось, этого зерна хватит нам более чем на один месяц. Когда члены группы по приобретению продовольствия предложили владельцам продать зерно, они ответили: «Как же нам брать деньги? Ведь это помощь отряду Полководца Ким Ир Сена. Мы вполне обойдемся без этих бобов и кукурузы. Берите и употребляйте все это зерно».

Однако члены группы из 7-го полка все же уплатили им деньги и купили весь урожай на корню.

После ужина мы тут же форсированным маршем отправились на женьшеневые плантации. На поле мы всем отрядом собирали кукурузные початки и бобы. Кукурузу сохраняли початками, а бобы собрали кустами и обмолотили. Не было цепа, колотили палками и ногами. Всего бобов и кукурузы набралось несколько десятков мешков.

Я встретился с владельцами женьшеневых плантаций и выразил им благодарность. Они, добрые души, дали нам еще столько соли, что как раз хватало нашему отряду более чем на один месяц, и вдохновляли нас на мужественную борьбу.

Решив продовольственный вопрос, я с отрядом направился в Дунганский тайный лагерь, который был определен как место для военно-политических занятий еще тогда, когда мы покидали район Чанбая.

Весной и летом предыдущего года я слышал от старика Хо Рак Е, что в каком-то месте дунганской тайги есть место бывшего поселка под названием Гаолибуцзы или Гаольбуцзы и что там сохранился

фундамент форта, в котором наши предки проводили военные занятия. Он поведал о том, что в те времена, когда он еще подростком переселился в Хуалацзы, что в Маньцзяне, вокруг Гаолибуцзы было несколько хуторов. В них жили исключительно корейцы. Там подсека была плодородная и давала богатый урожай.

Позже, волны китайско-японской (1894 – 95) и русско-японской войн докатились до подошвы горы Пэкту. Японские войска, появившись в Гаолибуцзы, беспощадно зарубили саблями многих жителей. Тогда возмущенные юноши и пожилые мужчины поселка, вооружившись луками, копьями и камнями, прогнали японских самураев. В период, когда отряд Хон Бом До[2] использовал Гаолибуцзы в качестве учебного плаца, большинство юношей поселка вступили в этот отряд и прошли военное обучение.

Крупная карательная операция года Кенсин превратила Гаолибуцзы в руины. Село японцы сожгли дотла, форт взорвали, погибли почти все сельчане. Те же, кто чудом уцелел, жили, скрываясь в тайге, а несколько лет назад и вообще разошлись куда глаза глядят. Так бывший поселок Гаолибуцзы совсем пришел в запустение.

Зная обо всем этом от старосты Хо Рак Е, я нашел на карте местность Гаолибуцзы.

В окрестностях гор Пэкту, протянувшихся на сотню *ли,* находились не один и не два поселка, именуемых Гаолибуцзы. Селения под таким названием имелись и в Линьцзяне, и в Чанбае. А в уезде Аньту было место под названием Гаоливэйцзы. Это имя произошло от того, что здесь находился форт корёсцев. К востоку и на юг от горы Пэкту имеются Ёвабо, Почхонбо, Рананбо, Синмусон, Чханпхен, Чхандон, Хесанчжин, Сингальпхачжин и многие другие местности с подобными названиями. Как говорят сами эти наименования, в прошлом здесь были где форт, где крепость или военный склад, переправа, находившаяся под охраной караульных. Это свидетельствует о том, что еще с эпохи Древней Кореи[3], не говоря уже о периодах государств Корё[4] и Когурё[5], наши предки строили во многих пунктах вокруг гор Пэкту укрепления в целях обороны страны.

Выслушав рассказ старика Хо, я крепче запечатлел в памяти эти пункты в дунганской тайге: там сохранились следы старых фортов, сооруженных нашими предками-патриотами, и суровых испытаний, которые они прошли.

На месте, где в прошлом находился поселок Гаолибуцзы, мы

обнаружили два заброшенных дома, которые использовали люди, выращивавшие женьшень. В районе Фусуна было немало людей, которые занимались разведением женьшеня в горах. Некоторые из них холодную зиму проводили в своем селе в окрестностях города и только в летние сезоны работали в горах.

Найденные нами два пустых дома были расположены у подножия двух гор с одинаковым именем – Госуншань. Госуншань означает гору, где много кедров. Кедр, который называли также пятихвойной сосной, – жители Фусуна именовали по-китайски Госун. На обеих горах Госуншань, дружно стоящих рядом, словно близнецы, – одна на востоке, другая на западе, – сохранилось на самом деле много кедров. Они придавали особую величавость торжественному окрестному ландшафту высокогорья.

Мы отремонтировали оба дома и проводили в них политические и военные занятия. Учебный плац устроили на поляне среди тайги восточной части горы Госуншань.

Поскольку мы обосновались в тайге с запасом продовольствия более чем на месяц, было немало бойцов, которые предполагали, что отряд, по-видимому, намерен сделать большой привал, и радовались этому. Такой настрой не был случайным. Жаждали отдыха все партизаны без исключения, до крайности изнеможенные многодневными форсированными маршами и битвами.

Однако нам было не до отдыха. Не успели бойцы снять усталость, как мы созвали в Дунганском тайном лагере совещание. В нем участвовали командиры и политруки рот и выше. На этом совещании мы подвели итоги похода в Фусун. Были отмечены и высоко оценены совершенные в ходе похода замечательные дела бойцов, выражавшиеся в поддержке командиров и проявлении со стороны командиров любви к бойцам, подчеркивалась необходимость еще более поощрять такие деяния в дальнейшем.

Затем было созвано Сиганское совещание, ставшее как бы водоразделом в истории антияпонской революционной борьбы. Оно проходило три дня в тайном лагере Западный Янмудинцзы. В нем участвовали командный состав 2-й и 4-й дивизий, а также Вэй Чжэнминь, Чон Гван и другие военачальники корпуса. На совещании обсуждался вопрос о проведении операции по вступлению в пределы Родины. В связи с этим я выступил с речью. Все присутствующие одобрили намеченный мною курс.

В связи с предстоящим рейдом на Родину мы определили задачи,

направление и участок действий каждой части.

Занятия, проведенные в Дунганском тайном лагере после упомянутого совещания, целиком посвящались военно-политической подготовке бойцов и командиров для вступления на землю Родины.

Главное содержание политических занятий составляли лекции о линии корейской революции, о ее стратегии и тактике, о международной обстановке и положении внутри страны. Разъяснительные лекции по Программе ЛВР из 10 пунктов во многом помогали слушателям понять нашу самостоятельную линию на корейскую революцию. На этих лекциях новобранцы еще более углубляли знания, полученные в Пэктусанском тайном лагере.

Тогда мы отвергли начетничество, широко поощряли дискуссии, связанные с практикой, и метод занятия «вопрос – ответ».

Лекции для работников командования, военных и политических кадров и бойцов комендантской роты я взял на себя. В лекциях я рассказывал слушателям о нашей революционной линии, об основных законах общественного развития, об известных миру революционерах и других выдающихся личностях, а также и о представителях фашизма. В лекциях о международном положении мы освещали ход агрессивной войны, которую вела Италия в Эфиопии, рассказывали о боевых успехах армии Народного фронта в Испании, о фашизации Германии, Италии и Японии.

В те времена в одном из журналов противника была помещена фотография Гитлера, инспектирующего свои местные войска. Показывая слушателям этот снимок, я поднимал тревогу, подчеркивал всю опасность этой личности.

Павший патриот Фан Чжыминь, один из знаменитых деятелей крестьянского движения в Китае, тоже стал предметом нашего разговора. Рассказ о его героической жизни произвел на слушателей глубокое впечатление.

Среди партизан, заслуживших высокие оценки на военно-политических занятиях в Дунганском тайном лагере, до сих пор остается в моей памяти Ма Дон Хи. Он проявлял большой энтузиазм и активно участвовал в дискуссиях. Благодаря этим занятиям Ма Дон Хи вырос в замечательного политического работника.

В Гаолибуцзы, где в прошлом был форт наших предков, вчерашние крестьяне, занимавшиеся подсечным земледелием, и чернорабочие стали достойными работниками, призванными работать на главных фронтах борьбы за возрождение Родины.

Впоследствии среди народа циркулировали слухи о том, что мы в одном из глубоких ущелий гор Пэкту вырастили бесчисленных воинов. Передаваясь из уст в уста, эти слухи в иных районах превратились в легенду, что в глубокой пещере в горах Пэкту мы вырастили несколько десятков тысяч крылатых богатырей. Как место рождения такой легенды можно назвать Гаолибуцзы, где проходили дунганские военно-политические занятия.

В начале мая 1937 года, когда дунганские военно-политические занятия подходили к концу, мы основали в тайном лагере газету «Согван» – внутренний орган КНРА. В названии газеты ярко отражены горячие, заветные чаяния нашей нации – зажить новой жизнью на освобожденной Родине, и отражена решимость корейских коммунистов приблизить этот новый день во что бы то ни стало.

После выпуска первого номера этой газеты мы немедленно покинули Дунганский тайный лагерь, чтобы осуществить вступление на землю Родины.

3. Бойцы комендантской роты

Значительную часть своей жизни я провел на поле брани. Если добавить к 15 годам антияпонской войны три года ожесточенной войны против американского империализма, то получается, что почти 20 лет я жил под градом пуль, в пороховом дыму.

Чудом ли, милостью ли неба, но я прошел войны без единой царапины. В период антияпонской борьбы в партизанских отрядах особо подчеркивалась необходимость подавать бойцам личный пример. Там, где решались самые сложные и трудные задачи, там обязательно были командиры, которые вели за собой рядовых и воодушевляли их собственным примером. Они считали это своим долгом. Первыми шли в атаку, а отступали последними, прикрывая боевых друзей. Таковы были образ жизни и мораль командиров и политических работников Народно-революционной армии. И я делал все, чтобы быть верным этим нормам и традициям.

Порой мне случалось бросаться в огненное пекло, чтобы спасти бойцов, идти на смертельный риск вопреки уговорам товарищей. И приходилось не раз и не два вступать в жаркую перестрелку с противником, насмерть стоять на переднем крае с пулеметом в руках. Но, как ни странно, каждый раз я оставался цел и невредим.

В ходе борьбы за преодоление ультрademократии в войсках командование партизанской армии выдвинуло принцип: комроты и выше не вставать во главе атакующих частей. С тех пор наши командиры в общем-то избегали лишнего риска, но в трудные минуты в критической обстановке, пренебрегая смертью, они шли впереди колонны, навстречу опасности. А как же иначе? Такова природа коммунистов.

Во время корейской войны американцы потратили немало пороху, чтобы уничтожить нас. Например, когда Пак Хон Ен и Ли Сын Об, пробравшиеся в руководство нашей партии, сообщали им по радио, какого числа и в каком часу и куда мы едем, над нами непременно появлялись самолеты и обрушивали серии бомб. Иногда они взрывались совсем близко от Ставки Верховного Главнокомандования, но все же я уцелел.

В период, когда, еще не надев военную форму, я вел подпольную

работу в Гирине, Чанчуне, Харбине и Калуне, меня охраняли члены Союза свержения империализма, бойцы Корейской революционной армии, комсомольцы, члены Антиимпериалистического союза молодежи и Детской экспедиции, вооруженные пистолетами и дубинками.

Куда бы я ни шел, где бы ни работал, вокруг меня был народ – покровитель. Он помогал мне сердечно, проявлял теплую заботу, как о родном сыне или брате, повсюду можно было встречаться с бесчисленным множеством «теть из Цзяохэ»[6].

Народ и коммунисты Китая тоже искренне заботились о моей безопасности. Это ярко видно хотя бы по отношению ко мне Шан Юэ, Чжан Вэйхуа, Чэнь Ханьчжана. Так, преподаватель Шан Юэ каждый раз, когда в школе появлялись полицейские из департамента общественной безопасности, помогал мне ускользнуть от их цепких рук через забор, а Чэнь Ханьчжан обеспечивал меня едой и жильем, укрывая от преследований китайской военщины. Мной уже высоко оценен как образец интернационалиста Чжан Вэйхуа, который пошел на самоубийство, приняв проявитель, ради обеспечения моей безопасности. А Чжоу Баочжун при каждой встрече с командирами нашей части со всей искренностью просил их надежно охранять меня.

Гибель командира 2-го корпуса Ван Дэтая и командира 2-й дивизии 1-го корпуса Цао Гоаня послужила поводом для серьезного рассмотрения мер по обеспечению безопасности командного состава в антияпонских вооруженных отрядах Восточной Маньчжурии.

Ван Дэтай, к великому сожалению, погиб, ринувшись в атаку впереди отряда с маузером в руке.

Он был китаец, вырос в корейском поселке уезда Яньцзи и потом трудился в Корее. Первый шаг его партизанской жизни также начался в корейской деревне. Видимо, поэтому в некоторых документах японского соответствующего ведомства утверждается, что Ван Дэтай – кореец. Но это не так.

Вначале Ван Дэтай воевал рядовым вместе с Чвэ Хеном в одном отделении. Постепенно вырос до комкора. Он был скромным, общительным военным командиром, вышедшим из рабочего класса.

Смерть Ван Дэтая, Цао Гоаня и других военно-политических работников высокого ранга дала сильный душевный толчок всему личному составу, вызвала в Объединенной антияпонской армии оживленное обсуждение вопроса об охране командного состава. Во многих частях организовывались подразделения, специально

нацеленные на эту задачу.

Не остались безучастными к такой ситуации и мои ближайшие соратники, которые много обсуждали эту тему, стремясь сформировать подразделение, основной задачей которого будет охрана командования. Вначале они поговорили об этом только между собой, но в связи с тем, что обстановка становилась благоприятной, официально обратились ко мне по этому вопросу.

Однако я поначалу не принял их предложения: ведь и без такого подразделения у нас в отряде командиры и бойцы как следует обеспечивали охрану командования.

Но с наступлением весны 1937 года я больше не мог противиться желанию боевых товарищей. С тех пор, как мы создали тайный лагерь в районе гор Пэкту и начали свою деятельность, враги засылали в наши ряды, в наше окружение множество агентов и диверсантов. Кто из таких агентов брал с собой топор, кто – кинжал, кто – дешевую порнографию, а кто – яд.

Враги подсылали к нам наемных убийц не только в тайные лагеря, но и тогда, когда мы находились в походах. Иные шпионы, проникнув в подпольную организацию и притворясь активистами, завоевывали доверие организации и даже ухитрялись по ее рекомендации вступить в партизанскую армию, чтобы при удобном случае совершить покушение на командование.

Особенно старались органы японской спецслужбы взять известных командиров живыми. Были учреждены денежные премии за каждого из них. Например: столько-то тысяч *юаней* за Вэй Чжэнминя, столько-то тысяч *юаней* за Чон Гвана и Чэнь Ханьчжана, столько-то за Чвэ Хена, Ан Гира и Хан Ин Хва и так далее. По имеющимся данным, за меня была назначена очень большая сумма.

Враги использовали весь арсенал средств и приемов с целью уничтожения ставки командования. Это потребовало от нас противопоставить им такие меры, которые бы сорвали их происки.

Командиры нашей части вновь подняли вопрос об охране командования. К ним присоединился и Вэй Чжэнминь.

– Командующий Ким, беда, что вы не бережете себя. Надо крепко запомнить, что острие атаки сосредоточено на вас. Неслучайно враги установили за вас столь высокую цену. Надо бы поспешить с организацией комендантского подразделения, – уговаривал он меня.

Я в конце концов был вынужден принять его совет. Не дело настаивать на своем и идти против того, что все другие одобряют, не

в моих правилах бессмысленное упрямство.

При нашем командовании, помнится, комендантское подразделение было официально создано весной 1937 года. Тогда эту работу инициативно вел Ким Пхен, ответственный за оргсектор командования. Когда я дал согласие организовать такое подразделение в масштабе роты, он ухватился за дело с большим подъемом. За одну ночь подобрал бойцов для комендантской роты, составил даже список необходимого им оружия.

Ознакомившись со списком комендантской роты, составленным начальником оргсектора, я высказался против такого подбора бойцов. По этому списку в комендантское подразделение должны были войти все бравые, мужественные бойцы, которые фактически были ядром боевых рот: Ким Тхэк Хван, прославившийся своей храбростью в бою под Синаньча, отличные пулеметчики О Бэк Рён и Кан Хын Сок, богатырь Кан Ви Рён, известная «партизанская богатырка» Ким Хвак Сир и другие. Если бы всех их собрать в комендантскую роту, мог бы полностью разрушиться костяк других рот.

Внушительны были и вооружения, предназначенные для комендантской роты. Начальник оргсектора наметил выделить этой роте даже несколько пулеметов. Если отдать ей большинство пулеметов, которыми располагала наша главная часть, то, получается, в боевых полках не останется даже по одному пулемету.

Я не мог согласиться с этим планом:

– Неудачен и подбор бойцов, и расчет вооружений. Нельзя создавать комендантскую роту за счет ослабления боеспособности других подразделений. Если будут шататься роты – основные боевые звенья, то ослабнут полки, а когда полки окажутся беспомощными, то и безопасность командования повиснет на волоске.

– Товарищ командующий, это не мое личное, а общее мнение военных и политических работников. В нем обобщено желание масс. Очень прошу, не отвергайте его, – упирая на слово «массы», Ким Пхен пытался добиться от меня согласия.

Но я не поддался его уговорам и предложил составленный мною список, – иначе нельзя было избавиться от настойчивых требований командиров. По моему списку комендантская рота состояла главным образом из новобранцев, мало имеющих боевого опыта. Среди них были и совсем юные парни – вчерашние члены Детского отряда в

Мааньшане[7], которые еще не успели израсходовать и горсти патронов.

Мой план, едва он был объявлен, встретил сильные возражения командиров. Они подбили Ли Дон Бэка и прислали его ко мне, полагая, что я не смогу пренебречь советом «старика с трубкой». Мне был хорошо известен этот их прием. Всякий раз, когда командирам нужно было добиться от меня решения по каким-то вопросам, с которыми я, командующий, не соглашался, они выставляли Ли Дон Бэка – как бы своего уполномоченного. И он, «старик с трубкой», успешно выполнял порученную роль.

И на сей раз, как обычно, он, войдя ко мне, заговорил без обиняков:

– Уважаемый Полководец, вы уж слишком себя стесняете. Неужели этим мальчишкам по плечу охрана командования? Чего можно ожидать от них? В лучшем случае – не стали бы они для вас обузой. Сколько у вас будет хлопот – ухаживать за ними, словно няня за детьми? Откажитесь, пока не поздно.

Я объяснял «старику с трубкой»:

– Ничего страшного, если комендантская рота в основном состоит из первогодков. Вскоре они тоже научатся воевать. Как отлично показали себя наши новобранцы в боях во время минувшей крупной зимней карательной операции врага! Они быстро привыкают к новой для них, партизанской жизни. А теперь перед ними – поход в Фусун. Завершив его, наши новобранцы станут сильными, не уступающими ветеранам. Я решил организовать комендантскую роту в основном из новобранцев потому, что хотел постоянно вести их за собой и вырастить бравыми бойцами. Когда все они станут удалыми воинами, командование получит еще один новый надежный резерв. Какое это замечательное дело! Пусть они пока не привыкли к партизанской жизни, но из них обязательно вырастут сильные партизаны. Дело только в том, сумеем ли мы пестовать их как следует. Немыслима победа революции в отрыве от работы по подготовке кадров...

Я объяснил достаточно подробно, и «старик с трубкой» не мог ничего возразить, вернулся несолоно хлебавши. После этого случая он, наоборот, сделался как бы моим представителем и стал переубеждать командиров. Когда даже Ли Дон Бэк изменил свою позицию и поддержал мой план, командиры больше не настаивали на своем.

В таком вот «противоборстве» и возникла комендантская рота впервые в истории строительства революционных вооруженных сил

нашей страны. Место рождения этого подразделения называли в то время Шупичанцзыским тайным лагерем.

Комендантская рота состояла из трех взводов и пулеметного расчета. Ординарцы и повара командования тоже участвовали в жизни организации при этой роте. Первым комроты был назначен Ли Дон Хак. «Потачжи» (суетливый), в прошлом разжалованный в рядовые за ошибку, был окрылен таким доверием – восстановлением в должности комроты. Ошибка Ли Дон Хака состояла в том, что его подчиненные-новобранцы нарушили правила работы с массами. Ошибку-то совершили подчиненные, но снят был с должности он, комроты, ответственный за то, что не воспитывал молодняк как следует.

В день организации комендантской роты он выступил перед бойцами и протараторил свое наставление скороговоркой, которая напоминала пулеметную очередь:

– В чем заключается основная задача нашей роты? В том, чтобы надежно охранять командование. Революционеры старшего поколения надежно охраняли Полководца еще со времен партизанского района. Теперь они передали эстафету нам. Впрочем, каково наше положение? Чуть ли не все у нас – новобранцы или подростки. Боюсь, получится, что не мы охраняем командование, а наоборот. Хочу обратить ваше внимание на одно: давайте верно выполним наш почетный долг – охрану командования, не обременяя его охраной нас.

Речь «потачжи», говорили мне, оставила в душах бойцов комендантской роты глубокое впечатление. Но среди них были и такие, которые восприняли слова комроты с огорчением: им показалось, что командир пренебрегает их достоинством.

Однако упрекать Ли Дон Хака за чрезмерно острую речь было нельзя. Беспокоился «потачжи» не напрасно.

Если откровенно говорить о реальном положении комендантской роты в начальный период, то справедливости ради надо сказать, что мы охраняли ее. Но это – до поры до времени. Комендантская рота, наряду с ее основным делом – охраной командования, выполняла и задания обычного боевого подразделения. Бойцы этой роты росли и закалялись не по дням, а по часам.

Стараясь не причинять нам хлопот, подростки комендантской роты во всем вели себя, как взрослые. Им больше всего не нравилось то, что с ними не обращаются достойно, как с бывалыми партизанами.

Как-то Ли Дон Хак на одном официальном собрании позволил

себе назвать «цыплятами» членов своей роты – членов Детского отряда из Мааньшаня. Эти слова сильно огорчили всех подростков комендантской роты. Ким Чжон Док с мрачным видом даже пропустил ужин. Это был боец, наиболее сообразительный из нескольких десятков детей, которых мы взяли с собой в горах Мааньшань, и вел он себя, как взрослый.

Я заметил, что он сидел молча, не ужиная, и спросил:

– Почему ты сидишь без ужина? Может, поссорился с кем-нибудь?

– Нет. Товарищ комроты назвал нас цыплятами, и я...

Ким Чжон Док запнулся и покраснел.

Я расхохотался от его наивного ответа.

– Столь противно тебе слушать слово «цыплята»? Ведь так говорит он потому, что вы ему милы.

– Дело не просто в том, что мы милы командиру роты. На самом деле мы и есть цыплята. Вряд ли могут охранять командование такие цыплята, как мы. И это мне кажется большой бедой.

Оказалось, Ким Чжон Док впал в уныние от опасения, что они не справятся как следует с важной задачей по охране командования, как это сказал Ли Дон Хак.

Глядя на Ким Чжон Дока, я думал, что он уже стал совсем взрослым. Да и нельзя было считать его юным, поскольку ему исполнилось 17 лет.

Кстати сказать, каждый раз, когда наступало время спать, подростки комендантской роты собирались вокруг меня, точно цыплята возле наседки, и, как бы соревнуясь, старались занять лучшее место. Самыми лучшими для них местами были по бокам от меня, что позволяло им спать, прижавшись ко мне. Тогда у меня имелось только одно байковое одеяло и потому было очень неудобно спать, когда эти юнцы прижимались ко мне по бокам. Но это было мне не в тягость, а, наоборот, для меня ни с чем не сравнимой радостью.

Обычно, ложась спать, я с распростертыми руками звал юных бойцов: «Ребята, идите скорее!» Тогда они с радостными криками собирались вокруг меня и не хотели уступать друг другу лучшее место – лечь поближе ко мне.

Обычно такие места доставались юным бойцам лет десяти с лишним, как Ли О Сон. Я предоставил таким ребятам эту льготу, но в то же время каждый день заставлял их менять место с таким

расчетом, чтобы каждому из них предоставилась возможность поспать рядом со мною. Когда я «запутывал» их очередь и предоставлял кому-либо внеочередную «льготу», то, недовольные этим, они протестовали всерьез.

Как-то раз Ким Пхен пришел ко мне ночью по какому-то делу и увидел, как эти, что называется, члены комендантской роты ссорятся из-за этой «льготы». Он был очень недоволен этим.

– Вот смотрите, товарищ командующий, какие эти несмышленые дети! Разве таким по плечу охрана командования? Не обучены, как надо вести себя с командующим. Куда ж им охрана? Никуда это не годится! Надо их хотя бы побранить, чтобы они отвыкли от этого.

Он бросил на ребят колкий взгляд. Вообще Ким Пхен не считал их подходящими бойцами для комендантской роты и всячески противился этому. Оттого-то и была теперь весьма острой его критика.

Я думал про себя, что Ким Пхен со своим замечанием прав, но заступился за юнцов: «Упрекать этих ребят не будем. Ведь они делают так из-за тоски по родным, по любви родителей, братьев и сестер».

Поскольку одеяло было одно, в то время мы спали, образовав круг, и называли это «круговым сном». Десять с лишним человек, сунув ноги под одеяло, спали, лежа кружком. Метод «кругового сна», придуманный подростками комендантской роты, был очень полезен в жизни партизан, которым постоянно не хватало постельных принадлежностей и зачастую приходилось спать под открытым небом.

С этим методом мне довелось столкнуться и вскоре после освобождения страны. Однажды пришел ко мне для доклада о своей работе Ли О Сон, направленный по нашему делу в район Хесана. В те дни наше место ночлега находилось у подошвы горы Хэбан, где сейчас стоит Музей истории основания ТПК. Некоторое время мы с товарищами и проживали здесь все вместе, деля хлеб и кров, как раньше в горах. Работавшие на периферии товарищи, прибыв в Пхеньян, обязательно посещали это «общежитие». И Ли О Сон, как положено, появился предо мною.

Когда пришла пора ложиться спать, ветераны антияпонской борьбы стали стлать одеяла. А тут Ли О Сон, круто отодвинув одеяла, заявил:

– Раз случилось отдыхать вместе с Полководцем, давайте же спать «круговым сном».

Товарищи из Северной Маньчжурии, которые в тот день были

там, не знали толком, что означает этот «круговой сон».

Взяв меня за рукав, Ли О Сон пытался добиться моего согласия:

– Полководец, не хотите ли нынче вечером спать «круговым сном», как в пэктусанские годы?

Однако я не мог сразу откликнуться на его предложение. Для того чтобы спать «круговым сном», придется втянуть в «круг» всех ветеранов антияпонской борьбы, остановившихся в «общежитии», а я не знал, понравится ли им эта затея.

Ли О Сон, заметив, что я не решаюсь, заставил меня лечь как попало и «приказал»:

– Ну, ложитесь, пожалуйста. Чуть согните ноги. Товарищ Ким Чак, вы будете лежать справа от Полководца, а рядом – товарищ Чвэ Хен. А левую сторону от Полководца займу я.

Так он своевольно определил места, где мы должны будем спать.

По этому поразительному распоряжению и Ким Чаку ничего не оставалось делать, как лечь в «круг».

Я очень любил ребят комендантской роты, но не баловал их.

Если они допускали ошибки, критиковал их до слез; закалял их, загружая заданиями. И в зимнюю стужу, когда температура воздуха падала до 40 градусов ниже нуля, мы выставляли их на пост под открытым небом, где свирепствовала вьюга. Порой разрешали участвовать в кровавых боях наравне со старыми бойцами. Когда они нарушали дисциплину, мы заставляли их вести самокритику, обходя роты, или стоять неподвижно два-три часа в кругу, не превышающем по площади один квадратный метр, пока не раскаются в своих ошибках. Однако, принимая эти меры, мне не раз приходилось испытывать острую душевную боль.

К моему счастью, ребята не жаловались и не обижались на меня, как ни строго критиковал я их и какой суровой закалке ни подвергал.

Как-то Ли О Сон, выполняя задание связного, не вернулся вовремя: затерялся в пути. Он не шел по указанному мною маршруту, а самовольно изменил его. Но я не упрекал молодого бойца, хотя знал, что Ли О Сон из-за самовольства не мог выполнить вовремя распоряжение командования. Этот исключительный случай очень огорчил Ли О Сона. «Я недостоин даже получить критику от товарища командующего? Неужели он до сих пор считает меня молокососом?», – мучился паренек такими горькими мыслями. Он пришел ко мне и заявил: «Если вы наказываете других, почему меня щадите? Накажите и меня, поскольку я нарушил дисциплину».

Там, где существуют настоящая любовь и доверие, наказание понимается как своего рода выражение доверия. Когда мы подвергали бойцов комендантской роты критике и наказанию, они ничуть не обижались на это и принимали их серьезно. Такое их поведение было не притворством, а ответом на нашу искреннюю любовь и доверие.

Чтобы ускорить процесс созревания членов комендантской роты, мы особенно усиленно занимались их учебой. В любое время в будничные дни и в дни концентрированной военно-политической подготовки в тайном лагере я был их учителем. В те времена у нас в командовании было много печатных изданий для расширения кругозора, в том числе «Тоньа ильбо», «Мансон ильбо», «Чосон ильбо» и другие газеты, издаваемые в Корее и за ее пределами. Имелись также брошюры, такие, как «Вопросы ленинизма», «Общий смысл социализма», «Государство и революция». Мы предоставили бойцам комендантской роты особую привилегию, разрешив им пользоваться всеми этими материалами. Зато обязательно требовали делиться впечатлениями от прочитанного устно или письменно. Через такой процесс постепенно комендантская рота стала образцовым подразделением в учебе, ее примеру следовали все отряды Народно-революционной армии.

Как говорится, любовь красна взаимностью, любящий становится любимым. Мы окружили бойцов комендантской роты теплой заботой и сами оказывались окруженными их заботой.

Эти юнцы быстро росли как в идейном, так и в военно-деловом отношении. Они отлично справлялись и с охраной командования. Я, признаться, не раз избегал опасных моментов благодаря их помощи.

Как-то в одном из тайных лагерей уезда Аньту мы попали в окружение «особого отряда» врага, который вел за собой Рим Су Сан. Рим Су Сан был одно время начальником штаба нашей главной части, но, изменив делу революции, стал командиром «особого отряда», специализировавшегося на карательных операциях против партизан. Он рыскал со своими головорезами по районам Западного Цзяньдао, разрушая подряд все наши тыловые тайные лагеря.

Утром того дня мы рано приготовили завтрак: отряду надо было не замедлить с завтраком и спешить с выходом из тайного лагеря. Получилось так, что некого было послать на смену часового. Стоял на посту Ли Ыль Сор. И я заменил его. Пока Ли Ыль Сор завтракал, я навострил глаза и уши, чтобы вовремя обнаружить признаки

присутствия человека. День был туманный, и меня почему-то тревожили предчувствия.

И вдруг где-то неподалеку от поста послышался шорох, затем треск ломающегося хвороста. «Враг!» – решил я мгновенно и, упав за бурелом, выстрелил из маузера наугад. Одновременно открыл огонь и вражеский пулемет, находящийся впереди, в десятке метров от меня.

Все это произошло в миг. В этот столь краткий промежуток времени Кан Ви Рён и Ли Ыль Сор, сидевшие за едой, успели прибежать к посту, беспокоясь о моей безопасности. Пока прибежавший первым Кан Ви Рён вытаскивал меня из-под бурелома, Ли Ыль Сор ударил по врагу очередью ручного пулемета. Честно говоря, в тот миг я даже думал, что здесь, может быть, нам и суждено погибнуть. Поэтому, когда Кан Ви Рён, с его прозвищем «медведь», изо всех сил старался вытащить меня из-под бурелома, мне в голову пришла отчаянная мысль, что если эти ребята погибнут, я тоже умру вместе с ними.

Но эти мои охранники напоминали сказочных бессмертных богатырей. Сквозь ливень пуль, преодолевая неисчислимые трудности, они чудом вырвали меня из когтей смерти. Когда враги подошли вплотную, сужая кольцо окружения, Ли Ыль Сор встал во весь рост с гранатой в руке и крикнул: «Гады, нападайте, если хотите. Погибну я, но не оставлю вас в живых!»

Его вид был так грозен, что враги попятились в испуге. Воспользовавшись их растерянностью, Кан Ви Рён вывел меня из-под огня.

После нашего отхода Рим Су Сан полностью разгромил тайный лагерь. Из-за этого погрома мы, к сожалению, потеряли вещмешки с документами, фотографиями, брошюрами и медикаментами.

После ухода «особого отряда» я снова вернулся в тайный лагерь и осмотрел место, где находился на посту вместо часового. Стоявший там большой, едва ли не в обхват, куст леспедецы был ровно перерезан в середине, словно прошлись по нему большим ножом. Видимо, таким шквальным был огонь пулемета «особого отряда». Увидя это, я сказал бойцам:

– Если бы не ваша помощь, отправился бы я с этого места на тот свет.

Члены комендантской роты нашей части охраняли своего командующего так преданно, что слухи об этом дошли до китайских

командиров соседнего отряда. Они, не скрывая, завидовали нам, что мы имеем таких толковых ординарцев и бойцов комендантской роты. При встречах они, словно в шутку, говорили: «Сделайте милость, дайте хоть одного хорошего ординарца» или «Передайте нам несколько бойцов из ваших, командующий Ким, членов комендантской роты. Можно любого, лишь бы знал немного китайский язык». Не стесняясь, с завистью взирали Ян Цзинюй, Вэй Чжэнминь, Чжоу Баочжун и Цао Яфань на членов комендантской роты нашей главной части и на наших ординарцев.

Вскоре после похода в Фусун Цао Яфань просил меня подобрать для него кандидатов в ординарцы из корейцев. Я направил к нему Ким Тхэк Мана, которого берег и любил больше всех среди ординарцев нашей части, и велел ему надежно охранять Цао Яфаня. Правда, Цао Яфань нанес корейцам много тяжких обид во время борьбы против «Минсэндана»[8]. Не раз он выступал и в роли тормоза моей личной деятельности. Но все-таки нельзя было повернуться к нему спиной, отказать в его искренней просьбе. Когда мы организовали новую дивизию, его, Цао Яфаня, назначили было комиссаром нашей главной части. Но я не поддержал такой выбор: не был уверен, что сможем обеспечить его безопасность. Много было в нашем отряде таких, которые по вине Цао Яфаня стали жертвами «антиминсэндановской борьбы». Все эти люди таили неприязнь к нему. Вот по этой причине я принял по совместительству и должность комиссара части.

Ким Тхэк Ман старательно выполнял мою просьбу надежно охранять Цао Яфаня. И Цао Яфань, в свою очередь, признал в нем умного и верного юношу и не раз благодарил меня за замечательного ординарца.

Ян Цзинюй тоже не раз просил нас дать хороших людей. Когда он прибыл в Наньпайцзы на совещание военных и политических работников 1-го и 2-го корпусов, я передал ему нескольких ординарцев, которых вел за собой. Более того, я сформировал для него отдельную бригаду, выделив несколько сотен своих бойцов и командиров.

Вэй Чжэнминь тоже, как Ян Цзинюй и Цао Яфань, хотел иметь рядом с собой людей, выпестованных нами. Он до того настоятельно выпрашивал корейских охранников, что я был вынужден направить к нему Хван Чжон Хэ и Пэк Хак Рима. У него были одно время Ким Чхоль Хо, Чон Мун Ук, Им Ын Ха, Ким Дык Су и другие. Все они

искренне помогали Вэй Чжэнминю и надежно охраняли его. Как-то Чжоу Баочжун назначил корейца Пак Рак Квона командиром комендантского подразделения. Командующий 3-й армейской группой Чэнь Ханьчжан тоже назначил старшим ординарцем корейца Сон Мен Чжика – выходца Детского отряда в Мааньшане.

Я был весьма доволен, когда слышал о том, что воспитанные нами товарищи самоотверженно, с верностью интернациональному долгу воюют во многих частях Объединенной антияпонской армии.

Все бойцы, включенные в комендантскую роту, являлись спасителями моей жизни и гвардейцами. Кроме упомянутых выше товарищей, было великое множество боевых друзей, защищавших меня: Ким Ун Син, Чвэ Вон Ир, Ким Хак Сон, Хан Ик Су, Чон Мун Соб, Ким Хон Су, Чвэ Ин Док, Чвэ Гым Сан, Чо Мен Сон, Чи Бон Сон, Ким Бон Сок, Ли Хак Сон, Ли Ду Ик, О Чжэ Вон... Когда называю их имена про себя, невольно встают перед глазами многие эпизоды прошлых дней, которые память сплетает в тесный клубок воспоминаний.

Первый командир комендантской роты Ли Дон Хак был назначен командиром полка, но в конце 1938 года погиб в бою смертью храбрых.

На его место в роту пришел новый товарищ – Ли Даль Ген. Прежде он воевал пулеметчиком в 4-й дивизии. Он был очень метким стрелком, не знающим промаха, и так славился снайперским мастерством, что чуть ли не все знали его имя. Некоторое время Ли Даль Ген занимал должность политрука комендантской роты, а после выдвижения Ли Дон Хака на пост комполка был назначен комроты. Но пробыл он командиром не долго – погиб в бою примерно через месяц.

Пак Су Ман, приняв эту должность после гибели Ли Даль Гена, тоже был поистине мужественным человеком. Во время битвы в Шуаншаньцзы он воевал вместе с пулеметчиком. Перемещаясь с места на место, чтобы отвлечь в другую сторону огонь противника, сосредоточенный на мне, Пак Су Ман был тяжело ранен вражеской пулей, и умер от раны.

Все командиры комендантской роты – от первого Ли Дон Хака до четвертого О Бэк Рёна, взявшие на себя обязанность охранять командование, были готовы пойти на любые лишения, если это нужно для меня. Это были верные боевые друзья, которые шли в огонь и в воду, чтобы выполнить мои приказы и распоряжения.

Среди тех, кто ценой собственной жизни спас нам жизнь, был и

Ли Гвон Хэн, совсем юный боец комендантской роты, которому шел второй десяток лет. Он любил и уважал меня, как родного старшего брата.

Это случилось в зимнее время года, когда мы совершали форсированный марш. Противник преследовал нас по пятам. Стоял на редкость сильный мороз. Мы продолжали поход, пробиваясь сквозь снега, но я не ощущал ногами холода. С недоумением я снял обувь, – внутри ее все было аккуратно выстлано травой уллочхо, мягкой, как вата. Ординарцы подсказали мне шепотом, что это дело рук Ли Гвон Хэна.

Китайцы считали женьшень, панты оленя и соболий мех «тремя сокровищами Квантуна (Северо-Восток)», включили в эти «сокровища Северо-Востока» траву уллочхо, которая позволяла избежать обморожения ног даже в жестокий мороз. Каким образом оказалась в моей обуви эта трава, которая растет только на болотах? Наверно, Ли Гвон Хэн собирал уллочхо по горсти каждый раз, когда он обнаруживал ее, и хранил в вещмешке.

Если бы он не закрыл меня своим телом в бою в Шивудаогоу уезда Чанбай, я не остался бы в живых. В тот день враги обрушили на пункт, где было расположено командование, массированный огонь. Ли Гвон Хэн несколько раз предлагал мне переместить командный пункт в безопасное место, но я не принял его предложения. Мы находились на хорошем месте, откуда можно было видеть ход боя, как на ладони. В особо опасный момент, когда вокруг меня засвистели пули, Ли Гвон Хэн бросился вперед и, раскрыв руки, заслонил меня собой. В момент, когда он прижался ко мне, как щит, пуля противника перебила кость его ноги. Трудно было передать словами мою душевную боль, когда я обнял окровавленного Ли Гвон Хэна и осмотрел его рану.

Следуя за носилками, я повторял Ли Гвон Хэну одни и те же слова: «Ты не умрешь!», «Ты не умрешь!», и вдохновлял его. А Ли Гвон Хэн, в свою очередь, утешал меня: «Товарищ командующий, я не умру! Не беспокойтесь обо мне... Будьте здоровы до новой встречи».

Видимо, слишком трагическим было выражение моего лица. Это были последние слова, которые он оставил мне. Говорили, что он написал мне письмо после эвакуации в тыловой госпиталь, но я не получил его. До меня дошло лишь известие о том, что Ли Гвон Хэн, лечившийся в тыловом госпитале, был арестован врагами, и каждый день подвергался жестоким пыткам в камере полицейского отделения

уезда Чанбай. Но и в этих жутких условиях он сумел сохранить тайну местонахождения командования и погиб верным бойцом.

Среди бойцов комендантского подразделения при нашем командовании был также товарищ по прозвищу «Рюкзак». Его так прозвали потому, что он постоянно ходил с необыкновенно большим вещмешком на спине. Никто не знал, зачем он таскал его.

Секрет открылся во время одного из боев в Линьцзяне. Между нами и врагом завязались ожесточенные схватки – наступление сменялось обороной, и наоборот. В тот день «Рюкзак» ни на шаг не отходил от меня. Каждый раз, когда вражеская пуля вонзалась в бруствер, я, опасаясь, как бы он не получил ранение, притягивал его к себе, придерживал, чтобы он не мог высунуться через бруствер. Но он, незаметно ускользнув из моего объятия, прижимался к моему правому боку, когда враги нападали справа, а если они стреляли с левой стороны, – то к левому боку.

Когда бой закончился, мне в нос бросился сильный запах горящей ваты, и я обошел окопы. К моему удивлению, из вещмешка «Рюкзака», пробитого пулями в двух местах, клубился дым. Сам же хозяин вещмешка вовсе не замечал этого, а кричал на своих коллег, что у кого-то горит одежда. Бойцы бросились к нему и развязали вещмешок: из шелковой ваты, заполнявшей его, выкатились две горячие пули... Лишь тогда я понял, зачем он все вертелся вокруг меня с вещмешком на спине. Оказалось, шелковая вата «Рюкзака» спасала меня от опасности.

Я спросил его, как пришла ему в голову такая необыкновенная идея. Он ответил, что Ким Чен Сук, делая мне зимнюю одежду на шелковой вате, сказала, что пуля не пробивает такую вату, и он тогда же решил изготовить для меня пуленепробиваемый вещмешок.

Трудно рассказать несколькими словами о всех подвигах, совершенных бойцами комендантской роты во время антияпонской войны. Подчеркну здесь лишь одно: за свои свершения в защите артерии корейской революции они уже вполне достойны хвалы и уважения грядущих поколений. Благородное чувство товарищеского долга, с которым они охраняли командование революции, стало истоком беззаветной преданности народа, которая так украшает сегодня наше общество, что ее можно назвать цветком эпохи.

Опираясь на опыт периода антияпонской революции, я и во время минувшей Отечественной освободительной войны организовал из детей павших революционеров, которым пошел второй десяток лет,

комендантскую роту, предназначенную для охраны Верховного Главнокомандования.

Нелегко им доставалась охрана моей безопасности, не раз при этом им самим грозила смерть. Как-то раз в один из зимних дней военного времени я поехал в Сончхон обсудить с руководством находившегося там отряда китайских народных добровольцев вопросы о совместной операции. А на обратном пути подвергся воздушному налету вражеской бомбардировочной эскадрильи. Бойцы комендантской роты мигом свалили меня с ног, с силой оттолкнув в борозду суходола, навалились на меня чуть ли не в четыре слоя, став точно пуленепроницаемой стеной. Подобное случалось впоследствии не раз и не два.

И осенью 1950 года, во время трудного временного стратегического отступления, эти бесстрашные гвардейцы оставались со мной до последней минуты в Пхеньяне, охраняя Верховное Главнокомандование.

Крутое изменение ситуации в войне – от неудержимого наступления на юг к отступлению – сказывалось на настроении жителей столицы. Они впали в подавленное состояние. И как один смотрели на Верховное Главнокомандование, ожидали, что скажет Верховный Главнокомандующий о перспективе войны.

Выступая по радио, я обратился к народу, сказав, что отступление наше временное, что повсюду надо организовывать партизанскую борьбу, что победа будет на стороне нашего народа.

Затем я приказал бойцам комендантской роты пройти строем, с песнями, по всему городу. Неожиданный этот приказ члены комендантской роты приняли с большим удивлением. На их лицах выражалось явное недоумение: «Зачем приказал устроить уличную демонстрацию с песнями, когда за рекой Тэдон все ближе уханье орудий врага?» Но вскоре они поняли: раз Верховный велит устроить уличную демонстрацию, пройти с песнями, победа в этой войне – уже за нами, и бодрым шагом вышли на улицу.

В канун отступления над угрюмыми улицами столицы вдруг зазвучала звонкая «Песня о защите Родины», которую пели члены комендантской роты. Тысячи людей выбежали на улицу на зов песни. Всюду раздавались возгласы: «Комендантская рота! Комендантская рота!»

«Возле нас комендантская рота. С нами осталась комендантская рота. И Верховный наверняка сейчас недалеко от нас» — таковы

были мысли у жителей Пхеньяна, любующихся шествием комендантской роты.

И только с началом эвакуации всех органов и учреждений города Пхеньяна комендантская рота покинула столицу вместе со мной.

Бойцы комендантской роты периода антияпонской войны теперь стали стариками, которым перевалило за 60 лет.

Вместо них теперь третье и четвертое поколения революции охраняют ЦК партии и Верховное Главнокомандование. Происходит смена поколений, но непрерывно растет новая плеяда «гвардейцев» – «бойцов комендантской роты». Не стоит считать, сколько их – десятки или сотни тысяч. Ведь все воины армии и весь народ страны охраняют партию и революцию, став «гвардейцами», «бойцами комендантской роты».

4. Во всех уголках страны

Движение за создание организаций ЛВР, пламя которого разгоралось у подножия горы Пэкту, быстро, как степной пожар, распространялось по всей Маньчжурии и во все уголки Кореи, раскинувшейся на три тысячи *ли*.

Каждая фраза Программы ЛВР из 10 пунктов, проникнутая чувством горячей любви к Родине и народу, с новой силой пробуждала дух нации и зажигала всю страну неукротимым стремлением добиваться возрождения Родины. Коммунисты и националисты, рабочие и крестьяне, интеллигенты, учащаяся молодежь, ремесленники, верующие, национальная буржуазия – словом, все патриотически настроенные соотечественники объединялись в единый фронт возрождения Родины.

Движение за строительство ЛВР получило широкий размах прежде всего в Чанбае, Западном Цзяньдао и других районах Маньчжурии.

То, что строительство организаций ЛВР быстрыми темпами шло в Маньчжурии, объясняется тем, что в этой местности антияпонское движение имеет глубокие исторические корни и хорошие основы в массах. Все корейцы в Маньчжурии, насчитывающие почти 900 тысяч человек, как один представляют собой существо, напоминающее сухой порох. Они, образно говоря, были мощными бомбами, готовыми взорваться в любой момент, как только в них заронят искру.

Великое задание по сплочению всех антияпонских патриотических сил – отнюдь не ново для жителей, проживающих в Маньчжурии. Уже было известно, что на Калуньском совещании был поставлен на повестку дня и серьезно обсужден вопрос единого антияпонского национального фронта. После этого революционеры Кореи прилагали титанические усилия для образования единого национального фронта, охватывающего различные слои антияпонских сил. Жители Маньчжурии имели полную перипетий историю и опыт движения за создание единого фронта. Само собой разумеется, что на этой почве быстро дало свои всходы и буйно росло семя, имя которому – «Программа ЛВР из 10 пунктов».

В строительстве организаций ЛВР мы придерживались такого курса – прежде всего создать образец и на этой основе формировать организации во всех районах. Образцы создавали в первую очередь там, где уже есть база для строительства организации и опыт движения, массы обладают здоровым идейным настроением, а их революционность сильна, где в определенной мере подготовлены силы, способные руководить подпольным фронтом.

Там, где было не менее трех членов ЛВР, создавали отделение, где не менее трех отделений, – филиал, а где не менее трех филиалов, – участковую организацию. Уездная организация ЛВР состояла из нескольких участковых организаций.

Низовые организации ЛВР мы образовали также в армии, полиции, государственных органах противника. В то время мы называли спецчленами ЛВР тех, кто вел подпольную революционную работу, находясь на службе во вражеских органах. Они действовали и в Цзинъаньской армии, где был особенно строг надзор японских инструкторов.

Наряду с этим мы создали организации ЛВР в зоне операций КНРА и прилагали активные усилия к тому, чтобы затем распространить их сеть на прилегающие к ней районы и в глубь Кореи.

Первым делом вскоре после создания ЛВР мы созвали в тайном лагере собрание командиров и бойцов главной части КНРА, на котором приняли всех бойцов и командиров отряда в организацию ЛВР, учитывая единодушное требование личного состава отряда. Они все как один заявили, что раз командующий выдвинут на пост председателя ЛВР, мы обязаны стать членами ЛВР и способствовать развитию движения единого фронта. Их всех без исключения приняли в организацию ЛВР и призвали стать пропагандистами и организаторами сплочения всего народа в единый антияпонский национальный фронт.

Все, глубоко осознавшие свою историческую миссию, командиры и бойцы КНРА шли в движении единого фронта знаменосцами, объединяющими в организации ЛВР различные политические партии, группировки, широкие слои населения.

Одна из предпосылок создания в короткий срок организаций ЛВР почти во всех селениях Западного Цзяньдао связана именно с ролью этих знаменосцев.

В то время главную роль в строительстве организаций ЛВР взяли на себя подпольщики, подобранные в вооруженных отрядах КНРА.

Среди них были и те, кто раньше работал в подготовительном комитете по учреждению ЛВР. Эти люди, будучи искрами, разжигали движение единого фронта на материке Маньчжурии.

Уже осенью 1936 года организации ЛВР начали пускать свои корни в разных уездах Восточной Маньчжурии, включая Ванцин, Хэлун, Хуньчунь, Яньцзи. В Биньлангоу, в этом прежнем Дахуангоуском партизанском районе, был создан Биньлангоуский участковый комитет ЛВР уезда Хуньчунь, ядром которого стали члены Крестьянского общества. В первом номере журнала «Самиль вольган» сообщалось, что один подпольщик, посланный в Северное Цзяньдао, пользуясь горячей поддержкой и единодушным одобрением революционеров Хэлуна, завершил подготовку к созданию отделения ЛВР и вооруженного отряда в четырех главных селах. Думается, одного только этого примера достаточно, чтобы представить, как активно поддерживали местные жители нашу линию на создание единого фронта.

В районах Южной Маньчжурии строительством организаций ЛВР занимались представители, участвовавшие в Дунганском совещании. Приняв в организацию ЛВР прежде всего корейских бойцов и командиров частей Объединенной антияпонской армии, они вооружили их знанием нашей линии на создание единого фронта. Из их числа отбирали людей, проявивших высокую политическую зрелость и способность агитировать, и направляли их в районы проживания корейцев. Налаживая сотрудничество с местными революционерами, эти люди основали организации ЛВР во многих городах и селах Южной Маньчжурии, включая Паньши, Хуадянь, Тунхуа, Цзиань, Мэнцзян, Хуаньжэнь, Куаньдянь, Хуенань.

Сеть организаций ЛВР пустила свои корни и в Северной Маньчжурии.

Сразу после создания ЛВР в Дунгане мы послали Учредительную декларацию ЛВР и ее Программу из 10 пунктов Ким Ген Соку, который вел партийную работу среди личного состава Объединенной антияпонской армии в Северной Маньчжурии. И в Восточной Маньчжурии он занимался партийными делами главным образом в районе Саньдаованя уезда Яньцзи. Я впервые встретился с ним, когда посетил в Саньдаоване секретариат Восточноманьчжурского особого окружного комитета. В те дни Ким Ген Сок, подозреваемый в причастности к «Минсэндану», был в подавленном настроении, но, услышав весть о Дахуанвэском

совещании, обрадовался до слез. По просьбе Чжоу Баочжуна мы послали его в североманьчжурский отряд. Ким Ген Сок разъяснял корейским бойцам и командирам 5-го корпуса содержание Учредительной декларации ЛВР и ее Программы из 10 пунктов, создал филиал ЛВР из подобранных активистов. По нашей просьбе активно помогал ему в создании этого филиала Чжоу Баочжун в качестве командира 5-го корпуса.

Следуя этому примеру, организации ЛВР появлялись, как грибы после дождя, во многих уездах Северной Маньчжурии, и прежде всего в Фанчжэне, Тунхуа, Боли, Танюане, Жаохэ, Нинане, Мишане.

На этой волне был перестроен в организацию ЛВР и Антияпонский союз уезда Эму.

Впервые доводил до членов этого союза Учредительную декларацию ЛВР и ее Программу из 10 пунктов и содействовал его перестройке в организацию ЛВР Чвэ Чхун Гук. Тогда он вместе с Фан Чжэньшэном действовал вблизи Гуаньди, ведя за собой отдельную бригаду.

Когда речь идет о строительстве организаций ЛВР в Северной Маньчжурии, не могу не сказать о большом вкладе в это дело Ким Чака. Получив Программу ЛВР из 10 пунктов, Ким Чак вырезал ее букву за буквой на деревянной доске и отпечатал с помощью этой доски несколько сот экземпляров. Программа была разослана в части Объединенной антияпонской армии Северной Маньчжурии и в местные революционные организации многих уездов. Ким Чак не раз созывал собрания, принимал активные меры для расширения сети организаций ЛВР и закалки их в ходе практической борьбы.

Корейские коммунисты, действовавшие в Саньитуне уезда Жаохэ, опубликовали воззвание, в котором выразили свою поддержку нашему движению за создание организаций ЛВР. Этот документ гласил: «Друзья! Не забывайте о Родине. Все соотечественники, выступающие против японского империализма, должны, преодолев мелкие чувства, сплотиться воедино и войти в совместный антияпонский фронт, независимо от пола и возраста, места жительства, партийной принадлежности. Простые соотечественники обязаны отдать все делу антияпонского фронта за независимость Родины по принципу: у кого деньги – деньги, у кого оружие – оружие, у кого силы – силы».

Призыв людей Северной Маньчжурии был созвучен нашему. И боевые друзья из Южной Маньчжурии говорили тем же голосом.

Таким образом, корейцы, проживавшие в Маньчжурии, восприняли нашу линию на создание единого фронта как верную патриотическую линию, позволяющую осуществить в кратчайший срок замысел великой национальной консолидации.

В строительстве организаций ЛВР наше главное внимание уделялось, конечно, Корее, где жили более 20 миллионов соотечественников. Это отвечало духу Наньхутоуского совещания, на котором особо подчеркивалась необходимость развернуть партийное строительство и создание организации ЛВР и добиться расширения и развития вооруженной борьбы; при этом Родина должна быть основной ареной деятельности, а народ на Родине – ведущей силой.

В работе по продвижению сети организаций ЛВР вглубь страны решающую роль играли подпольщики КНРА. Немалый вклад в это дело внесли выпестованные ими активисты-революционеры районов Западного Цзяньдао и передовые люди северных пограничных районов, которые поднялись на движение единого фронта под нашим непосредственным влиянием.

Строительство организаций ЛВР в Корее велась в весьма трудных и сложных условиях из-за безжалостных репрессий японских оккупантов и ошибок фракционеров в политической линии.

Японские империалисты пуще всего боялись распространения сети организаций ЛВР внутрь страны. С бешеной яростью они пытались остановить хлынувшие вглубь страны волны движения единого фронта. Острие их атаки прежде всего направлялось против патриотов и патриотически настроенных людей пограничных районов. Объектами жесточайших репрессий врагов стали те организации и лица, которых они подозревали в связях с нами, а также патриотические деятели и участники движений, сочувствовавшие нашим идеям и нашей политической линии и видевшие возможность возрождения нации в нашей вооруженной борьбе. Население на Родине, южнее реки Амнок, не имело права слышать и видеть, как доносятся со стороны городов-крепостей и селений Западного Цзяньдао ружейные выстрелы и звуки трубы и как высоко в небо поднимается пламя. Каждый раз, когда отряды Народно-революционной армии совершали налет на города-крепости или селения, расположенные на противоположной стороне реки, враги блокировали берег, усиливали надзор, чтобы ни души не было на том месте. Они страшно боялись, как бы их поражения не стали известны населению. И было понятно, отчего

они так нервничали при мысли о проникновении в страну подпольщиков революционной армии и усилили надзор за этим.

Тем не менее жители пограничных районов, горя желанием узнать о борьбе Народно-революционной армии, под тем или иным предлогом переправлялись через реку Амнок и украдкой осматривали поле брани. Рассказы жителей районов Самсу, Капсана, Хучхана о том, что после того, как Народно-революционная армия ушла, разгромив врага, сразу в несколько раз увеличивалось число людей, которые переправлялись в сторону Западного Цзяньдао через таможню на реке Амнок, служат живым примером, ярко показывающим, какую большую вдохновляющую силу черпал народ на Родине в нашей вооруженной борьбе.

Создавали большие помехи развитию единого антияпонского национального фронта и фракционеры. С головой окунувшись в грызню за расширение сферы влияния своей группировки, они разобщали антияпонские патриотические силы, без разбору враждовали со всей патриотической интеллигенцией и совестливой национальной буржуазией и отвергали их, догматически копируя старую теорию, не отвечающую реалиям нашей страны. «Революцию могут вести только некоторые особые люди с надежной классовой основой» – таковы были их взгляды, их теория.

Открыть путь к привлечению различных слоев патриотических сил на сторону массового движения, терпящего родовые потуги под дирижерской палкой левизны, и дать свет коммунистам, старающимся искать путь в темноте, могло только одно: усиление нашего влияния на революционное движение внутри страны и расширение сети организаций ЛВР в масштабе всей страны.

Мы продвигали вперед строительство организаций ЛВР внутри страны, придерживаясь курса – распространять его в глубь страны, начиная с бассейна реки Амнок – северного пограничного района, где легче было осуществлять политическое руководство КНРА. Основными местами этой работы стали районы Капсана, Самсу, Пхунсана. Они были близки с нами не только географически. Там было много участников всевозможных движений, передовых людей, собравшихся из разных местностей страны, а также тех, кто имел связи с родными, друзьями и знакомыми, живущими в Западном Цзяньдао.

Строительством организаций ЛВР в районах Капсана и Пхунсана мы руководили непосредственно через Квон Ен Бека, Ли Чжэ Суна, Пак Дара и Пак Ин Чжина. Как я уже рассказывал, после встречи с

нами Пак Дар вместе с товарищами реорганизовал Капсанский комитет действия в Союз национального освобождения Кореи, который являлся организацией ЛВР, действующей внутри страны, и создали несколько десятков подведомственных ему низовых организаций под различными названиями.

К созданию организаций ЛВР в районе Капсана были причастны Чанбайский уездный комитет ЛВР и подведомственные ему организации. Чжуцзядунский филиал ЛВР в Шибадаогоу уезда Чанбай сыграл большую роль в создании филиала ЛВР в селе Кангу уезда Капсан. Село Кангу находилось на том берегу против Чжуцзядуна. Филиал привлек на свою сторону одного крестьянина из Кангу, который каждый день с обедом на поясе переправлялся через реку в Чжуцзядун для обработки поля, и оказывал на него влияние. Тот немедленно приступил к организации в селе филиала ЛВР из молодых друзей-единомышленников.

Филиал в селе Пэгам волости Унхын уезда Капсан возник благодаря активным усилиям организаций ЛВР, действовавших в уезде Чанбай.

Организации ЛВР в уезде Капсан, включая Союз национального освобождения Кореи, сплотили вокруг себя множество лесорубов, крестьян, занимавшихся подсечным земледелием, и верующих.

Чанбайский уездный комитет ЛВР глубоко вник и в ход создания организаций ЛВР в районе Самсу, расположенном по ту сторону реки против Сяганцюя. Филиал ЛВР в селе Квансэн был образован под влиянием и руководством заведующего отделом молодежи Вангэдунского филиала в Шицидаогоу уезда Чанбай Чвэ Ген Хва, который позже стал командиром КНРА.

Самые большие успехи в строительстве организаций ЛВР были достигнуты в Пхунсане. Пхунсан был издавна известен своим антияпонским духом. Большинство населения этой местности составляли крестьяне – уроженцы района Реннам, которые с оккупацией Кореи японским империализмом лишились земли на родине, отправились к северу в поисках средств существования и здесь занимались подсечным земледелием, а также люди, завербованные на строительство Хочхонганской электростанции. В то время японские империалисты приступили к строительству Хочхонганской электростанции мощностью в несколько сот тысяч киловатт, поддерживая в этом деле новорожденный капиталист Ногути. Это было одним из звеньев плана мобилизации всего

экономического потенциала не только самой Японии, но и Кореи и Маньчжурии для расширения агрессивной войны. Несколько тысяч чернорабочих, согнанных на строительство электростанции, составляли солидную силу, которую можно было наиболее легко сплотить вокруг единого фронта. Наряду с этим на земле Пхунсана жили несколько сотен патриотически настроенных последователей религии чхондогё и христиан.

Охватив район Пхунсана сетью организаций ЛВР, можно было бы расширять Пэктусанскую опорную базу на плато Кэма и подготовить основу для создания организаций ЛВР в районах восточнее перевала Хучхи. Революционизируя население в местности вокруг плато Кэма и используя ее в качестве трамплина, можно было бы сделать революционными территории восточного побережья провинции Южный Хамген и разжечь пламя движения единого антияпонского национального фронта в глубине страны. Таковы были наши стратегические соображения относительно земли Пхунсана.

После выступления КНРА в район гор Пэкту передовые люди Пхунсана все чаще приходили на землю Чанбая с намерением связаться с нами. Среди них было немало и тех, кто мечтал вступить в революционную армию.

Пак Ин Чжин, Ли Чхан Сон, Ли Ген Ун и другие патриоты из религиозной секты чхондогё, которые сеяли семена ЛВР на земле Пхунсана, были уроженцами Пхунсана. Переправившись через реку Амнок, в Чанбае они с нетерпением ждали политического руководства КНРА. В первую очередь удалось уступить в армию Ли Чхан Сону. По его ходатайству и рекомендации Пак Ин Чжин встретился с нами и обсуждал вопрос единого фронта, а Ли Ген Ун после вступления в наш отряд был направлен в местность плато Кэма в качестве подпольщика.

Оказавшись в Пхунсане, Ли Ген Ун энергично распространял и разъяснял нашу линию на создание единого фронта и Программу ЛВР из 10 пунктов среди людей, работающих на стройке электростанции. Сплачивая товарищей, он весной 1937 года сформировал из них Пхунсанский филиал ЛВР, а позже вместе с Пак Ин Чжином организовал производственный партизанский отряд из активистов – членов партии Чхондогё-чхоннендан.

Пхунсанский филиал в короткий срок вовлек в ЛВР несколько сотен последователей чхондогё. В волости Чхоннам было создано Антияпонское общество труда района Хонгуна в качестве низовой

организации ЛВР. Летом 1937 года Ким Чен Сук, работая подпольно в районе Таоцюаньли – Синпха, послала члена ЛВР Ким Ю Чжина в район Пхунсана. Там он вместе с Ли Чхан Соном организовал Пэсангэдокский филиал ЛВР из активистов – рабочих на стройке Хвансувонской плотины.

То, что в Пхунсане были достигнуты самые большие успехи в строительстве организаций ЛВР в районе плато Кэма, было и следствием того, что эта местность находилась под влиянием активного политического руководства КНРА. Небольшие отряды и мелкие группы революционной армии выходили в район Пхунсана, чтобы помочь местным революционным организациям. Находясь в районе Синхына, я тоже встречался с революционерами, действовавшими в стране, и по пути к себе вел на Пхунсанской тайной опорной базе работу с последователями религии чхондогё.

Низовые организации ЛВР пустили свои корни и в районе Синхына, где восставшие в 1930 году шахтеры пользовались сочувствием и поддержкой народа всей страны. Первым осваивал район Синхына член ЛВР Ли Хё Чжун, присланный из Таоцюаньли уезда Чанбай для подпольной деятельности внутри страны.

Строительство организаций ЛВР постепенно распространялось с бассейна реки Амнок и местности плато Кэма на города и села восточного побережья. В освоении восточного побережья подпольщики КНРА проявляли необыкновенные организаторские способности и размах. С лета 1937 года они неоднократно ходили в районы Ранрима, Пучжона, Синхына, Хонвона, Пукчхона, Ривона, Танчхона и Хочхона, создавали там организации ЛВР в тесной связи с Ли Чжу Еном, Ли Ёном, Чу Дон Хваном и другими революционерами страны.

Чу Дон Хван часто посещал Западное Цзяньдао, пытаясь установить связь с нами. В Западном Цзяньдао он по рекомендации старосты села Вангэдун вошел в тайную сеть Квон Ен Бека. Они были соучениками Тэсонской средней школы в Лунцзине. Квон Ен Бек узнал, что Чу Дон Хван много занимался антияпонской просветительной работой в районах Чанбая и Яньцзи, был причастен также к революционному движению в стране, за что просидел два с лишним года в Содэмунской тюрьме. И он поручил товарищу строительство организаций ЛВР в районах Пукчхона и Танчхона.

Переправившись в Корею, Чу Дон Хван вместе с Чо Чжон Чхором привлек в помощь себе Ким Ген Сика и других и организовал

районный комитет ЛВР в Пукчхоне. В короткий срок образовались 10 отделений, подведомственных этому комитету.

Позже, возвратившись к себе, Чу Дон Хван вместе со своими коллегами организовал Танчхонский филиал ЛВР, в подчинении этого филиала были отделения в уездном центре и других местах. Вокруг таких организаций содружества, как Северное и Южное общества друзей, созданных ими, сплачивались широкие массы.

После начала китайско-японской войны Сяганцюйский комитет ЛВР уезда Чанбай направил в страну многих подпольщиков. Вместе с другими товарищами был направлен в район Хыннама и Ви Ин Чхан. В промышленном центре Хыннаме, где сосредоточено много военных заводов, подпольщикам из Сяганцюя удалось создать Хыннамский районный комитет ЛВР.

Почти одновременно с этим подпольщики, проникшие в Вонсан, объединили в организации ЛВР членов общества Корё – этой передовой антияпонской молодежной организации. Общество Корё развернуло борьбу за политическое пробуждение масс. Оно организовало сопротивление политике японских империалистов, направленной на превращение корейцев в «верноподданных японского императора». В частности, была им проведена забастовка учащихся, потребовавших изгнания злостного японского директора школы.

Посланные Таоцюаньлиским филиалом ЛВР подпольщики организовали низовую организацию ЛВР в районе Хонвона. Называлась она Хонвонским крестьянским союзом. Ему подчинялись несколько филиалов.

Низовые организации ЛВР появились также в Ривоне, Пучжоне, Хамхыне и многих других местностях Кореи.

Широко развернулось строительство организаций ЛВР и в разных промышленных центрах, деревнях и рыбацких поселках в северном районе восточного побережья.

В этот район «гиринское веяние» проникало раньше основательнее, чем в другие провинции северных пограничных районов. И в то время, когда мы вели вооруженную борьбу в Восточной Маньчжурии, устраивая партизанские районы, тамошние жители получили хороший революционный заряд.

Под непосредственным влиянием и воздействием антияпонской вооруженной борьбы жители этого района уже давно вступили в активное противодействие японскому империализму, стремясь к спасению Родины. Привлекало наше внимание движение

крестьянских союзов этого района своей активностью и упорством. Провинция Северный Хамген во всех отношениях оказалась таким местом, где можно сравнительно быстро добиться пробуждения и сплочения масс.

С целью дальнейшего роста числа организаций ЛВР мы направили в этот район много лучших подпольщиков. В пограничные северные города и уезды были посланы и мелкие отряды КНРА. Такие отряды и небольшие группы КНРА создали в разных местах провинции Северный Хамген тайные опорные базы и пункты деятельности и, опираясь на них, руководили строительством организаций ЛВР и массовым движением.

Одновременно с этим, пригласив в опорную базу людей, причастных к антияпонскому движению, и руководителей массовых организаций из городов и уездов этого района, мы провели с ними занятия на определенный срок, а затем вернули обратно с конкретными заданиями по руководству движением единого фронта: чхончжинцам – руководить движением района Чхончжина, а выходцам из Мусана – движением района Мусана. «Свои» люди могли лучше руководить работой в соответствии с реальными, знакомыми им условиями; одновременно такие «сборы» оказались весьма эффективным методом для удовлетворения потребностей в подпольщиках, – их требовалось день ото дня больше по мере углубления антияпонской революции.

Благодаря усилиям подпольщиков Народно-революционной армии и патриотов-борцов в провинции Северный Хамген стало ярко разгораться пламя движения ЛВР: сначала в Мусане, Чхончжине, Одэчжине, Енса, где сосредоточено множество рабочих, и в прилегающих к железнодорожной линии Кильчжу – Хесан южных городах и уездах, где сильно влияние крестьянского союза. Летом 1937 года в этих местах уже были созданы низовые организации ЛВР. День ото дня эти организации расширялись, и к первой половине 40-х годов их стало несколько десятков.

В провинции Северный Хамген наиболее широко и глубоко развернулось движение за создание организаций ЛВР в районах Енса и Мусана. Объясняется это тем, что во второй половине 30-х годов, покинув Западное Цзяньдао, мы занимались военно-политической деятельностью главным образом в бассейне реки Вукоуцзян. На противоположном берегу этой реки как раз и находятся Енса и Мусан. Мы часто посылали туда мелкие отряды и группы, чтобы

усиливать революционное движение в пограничных районах. Чвэ Иль Хен тоже побывал в Енса с мелким отрядом, и О Иль Нам сходил туда с группой в 7 – 8 человек. Там действовал и командир полка О Чжун Хыб, ведя за собой 4-ю роту из 50 с лишним бойцов. И всякий раз, когда наши небольшие группы и мелкие отряды приходили на землю Енса, там возникали филиалы и отделения ЛВР.

Буквально подвиги в строительстве организаций ЛВР в районе Енса совершили подпольные работники Чвэ Вон Бон и Юн Ген Хван. Чвэ Вон Бон был руководителем организации ЛВР района Енса, а Юн Ген Хван руководил партийной организацией этой местности. Оба были подпольщиками, выращенными нами в Чанбае.

Среди антияпонских революционных борцов, погребенных на Мемориальном кладбище революционеров на горе Тэсон, есть человек по имени Чвэ Вон Ир. Чвэ Вон Бон – его старший брат.

Чвэ Вон Бон обладал твердой волей, цепким умом и высокой революционностью. Первым заметил эти его достоинства и высоко оценил их Ким Чжу Хен. Он, прибыв пораньше отряда в Чанбай из Дунгана, нашел Чвэ Вон Бона, а затем представил его Квон Ен Беку и Ли Чжэ Суну.

Инхуадун в Шибадаогоу уезда Чанбай был известен как местность, население которой активно помогало армии. Здесь появилось множество антияпонских революционных борцов. Именно в этом поселке Чвэ Вон Бон заведывал филиалом ЛВР и руководил партийной группой. Направляли его работу Ким Чжу Хен и Ким Сэ Ок, находясь за кулисами. Руководимый и воодушевляемый ими, Чвэ Вон Бон создал организацию ЛВР, партийную группу и производственный партизанский отряд. Каждый раз, когда Ким Чжу Хен бывал в Шибадаогоу, он оказывал помощь подпольным революционным организациям в их работе, таясь в каморках домов Чвэ Вон Бона и Ким Сэ Ока.

Чвэ Вон Бон хорошо воспитывал членов семей партизан, принимая их затем в организацию ЛВР.

Осенью 1936 года после боя под Саньчжундянь я встретился в тайном лагере с Чвэ Вон Боном, который прибыл к нам вместе с носильщиками с материалами в помощь армии. С первого взгляда я понял, что передо мной умный человек с высоким чувством ответственности. Обычного сложения, среднего роста, он искусно управлял массами. По одному его слову носильщики собирались или расходились. Чвэ Вон Бон не раз присылал к нам и военные сведения.

К маю 1937 года с целью ускорения строительства организаций ЛВР в уезде Мусан и других северных районах страны мы направили Чвэ Вон Бона в местность Енса. Здесь Чвэ Вон Бон вместе с другими подпольщиками сформировал несколько организаций – отделений ЛВР главным образом из плотовщиков и сплавщиков, живущих в верховье реки Енмен.

Юн Ген Хван, верный помощник Чвэ Вон Бона, действовал в Цзяцзайшуе, что в Бадаогоу уезда Чанбай, будучи вовлеченным в местную организацию ЛВР, когда там работал Ким Ир. Он имел тесную связь с Ким Иром, а с Ким Сон Гуком у него были особенно дружеские отношения. Как и Чвэ Вон Бон, он не раз приходил к нам в тайный лагерь с материалами в помощь. А когда мы отходили в тайный лагерь после боя в Цзяцзайшуе, Юн Ген Хван следовал за нами вместе с носильщиками с военными трофеями на спине.

Враги брали на учет всех без исключения людей, которые хоть раз сходили в партизанский отряд с грузом, пытаясь таким образом нащупать нити организаций. Почувствовав опасность ареста, Юн Ген Хван перебрался с семьей в Восточную Маньчжурию и осел в верхнем селе Юйшидуна в бассейне реки Вукоуцзян, которое называли Синькайцунь. Позже мы направили его в район Енса и рекомендовали на должность руководителя партийной организации этой местности. Рассказывали, как однажды Юн Ген Хван вместе с членами организации, нагрузив на себе интендантские материалы, пришел к нам в отряд, находившийся в Чжыдуне. В разговоре он высказал мнение о необходимости создания районного комитета, чтобы в едином порядке руководить деятельностью разбросанных в районе Енса отделений ЛВР.

Уже на Куксабонском совещании я дал товарищам из района Енса соответствующий совет по данному вопросу. Отметил, что необходимо установить стройную систему единого руководства разобщенно действующими организациями, чтобы тем самым способствовать развитию строительства организаций ЛВР. Они охотно приняли этот совет.

Думаю, что Юн Ген Хван явился с грузом на спине к нам в отряд перед арестом врагами Ли Дон Гора (Ким Чжун). Ли Дон Гор вел политическую деятельность в районах Енса и Мусана. Он был направлен туда, получив взыскание за ошибки, допущенные в Цинфэнском тайном лагере. В тесной связи с Чвэ Вон Боном он руководил революционным движением в районе Енса.

Мы послали в район Енса Ким Чен Сук, имеющую опыт подпольной работы внутри страны, чтобы продолжать дела Ли Дон Гора.

Ким Чен Сук направилась в Енса вместе с вооруженной группой. Там она созвала собрание революционеров этой местности, на котором был организован Енсаский районный комитет ЛВР. Не забывается случай, когда, вернувшись в командование после собрания, Ким Чен Сук передала одну швейную машину и сказала, что это подарок Енсаской организации.

Чвэ Вон Бон и другие патриотические деятели, объединенные в Енсаской организации ЛВР, оказывали нам большую помощь и во время боя в районе Мусана.

Из-за гибели Ли Дон Гора, Чвэ Вон Бона и Юн Ген Хвана долгое время оставались неизвестными подробности работы Енсаской организации. Частично этот пробел был устранен лишь в начале 70-х годов, когда проводился в массовом порядке сбор материалов, связанных с революционной историей нашей партии.

Наши усилия в строительстве организаций ЛВР принесли плоды и в районах западной, средней и южной частей Кореи. Мы обращали должное внимание на создание организаций ЛВР в районах не только северной, но и западной, средней и южной частей Кореи.

В районах провинций Южный и Северный Пхеньан, как и в провинции Хванхэ, значительными были националистические силы. В районах западной части Кореи весьма серьезно ощущалось также влияние приверженцев религии чхондогё и христианства. Эти религиозные силы не просто отстаивали свои вероучения, а действовали в духе патриотизма, любви к нации. Как широко известно миру, во время Первомартовского народного восстания активное участие в нем приняли силы трех главных религий Кореи – чхондогё, христианства и буддизма.

Из среды молодежи западной части Кореи вышли многие коммунисты нового поколения, в том числе Ким Хек, Чха Гван Су, Кан Бен Сон. С раннего периода мы распространяли свое влияние на эти районы через Кон Ена и Кан Бен Сона. Наши подпольные работники вышли с заданием пробуждать массы и в район Рёнчхона, широко известного всей стране конфликтом арендаторов фермы «Фудзи». В этом конфликте проявились стойкий дух и патриотический энтузиазм жителей данной местности, которые в выступлении против японского империализма видели путь к обеспечению своего существования.

Важное место в строительстве организаций ЛВР в районах северо-западной части Кореи занял Синичжу.

В начале июля 1937 года в этом городе образовался Синичжуский филиал ЛВР. А в августе того же года в Вивоне было организовано Рисанское антияпонское общество, которое охватило крестьян-бедняков и сплавщиков леса. Подпольщики продолжали создавать низовые организации ЛВР, обходя разные места бассейна среднего течения реки Амнок. Кан Бен Сон, пользуясь благоприятным условием, когда все члены его семьи и родственники являлись последователями чхондогё, через религиозные связи сумел создать ряд организаций, проявляя при этом высокую организаторскую способность.

Пустили свои корни низовые организации ЛВР также в уездах Хучхан и Чхольсан. Для дальнейшего расширения сети организаций ЛВР мы посылали мелкие отряды и подпольщиков в Яндок, Токчхон, Пхеньян, Хэчжу, Пексон и другие места.

Ли Чжу Ен, Хен Чжун Хек, Чвэ Ген Мин и другие совершили настоящие подвиги, создавая организации ЛВР в Пхеньяне, провинции Южный Пхеньан.

Ли Чжу Ен переселился в Пхеньян из Танчхона, чтобы здесь развернуть крупномасштабное антияпонское движение. Антияпонское общество работников Чончханской резиновой фабрики в Пхеньяне, Антияпонское общество рабочих Пхеньянской зернообрабатывающей фабрики, Нампхоское антияпонское общество – все это были низовые организации ЛВР, созданные Ли Чжу Еном.

Хен Чжун Хек, переместивший арену своей деятельности в Пхеньян после пребывания в тюрьме в Тэгу, поддерживал нашу линию на создание единого фронта. Он принял участие в создании филиала ЛВР, находясь в гуще рабочих Сынхориского цементного завода.

Союз освобождения Родины, в котором состоял мой двоюродный брат Ким Вон Чжу, и Общество возрождения «Ильсим» в районе Кансо также были низовыми организациями ЛВР.

Чвэ Ген Мин, который когда-то искренне поддерживал и помогал революционному делу моего отца в Фусуне, вернувшись на Родину, энергично развертывал движение единого фронта в районе Яндока. Он глубоко проник даже в гущу последователей конфуцианства, воспитывал их, пробуждал политически и затем принимал в организацию ЛВР.

Низовые организации ЛВР имелись также в районе Ончхона

провинции Южный Пхеньан.

Ведущая роль в становлении организаций ЛВР в районах провинции Хванхэ принадлежала Мин Док Бону. Он был привлечен на нашу сторону подпольными работниками. В этих районах было много временных тайных опорных баз, созданных нашими подпольщиками. Наши подпольщики, действовавшие в этих опорных базах, привлекли Мин Док Бона на свою сторону и направили его усилия на строительство организаций ЛВР. Повсюду в провинции Хванхэ одна за другой рождались низовые организации ЛВР благодаря усилиям Мин Док Бона и других патриотов из разных районов этой провинции.

В центральной части восточного побережья строительство организаций ЛВР шло главным образом в районе Чхоннэ, – там было сосредоточено множество рабочих, а также в Яньяне, Косоне, Мунчхоне. Антияпонское общество труда Чхоннэриского цементного завода было известно как своим масштабом, так и активной практической борьбой. Сокчхоское общество спасения Родины в Яньяне и Чанчжинское антияпонское общество в Косоне тоже были организациями ЛВР.

Из-за раскола территории страны пока не найдены многие материалы, связанные с созданием организаций ЛВР в южной части Кореи, но немало сохранилось сведений в архивах японской полиции.

В последнее время в Японии найден ряд документов, свидетельствующих о строительстве организаций ЛВР и их деятельности. Установлено, что низовые организации ЛВР были и в Окаяме, а также в Токио, Киото, Осаке и на острове Хоккайдо. Но это, если можно так сказать, лишь часть айсберга.

Организации ЛВР, охватившие 200 тысяч с лишним членов, готовили общенародное сопротивление. Это своего рода монументальный памятник деятельности корейских коммунистов в истории национально-освободительной борьбы в Корее. Организации ЛВР внесли поистине огромный вклад в дело мобилизации широких патриотических сил различных слоев населения на борьбу за национальное освобождение под знаменем возрождения Родины.

Первым их подвигом можно считать повышение революционного сознания народных масс. В движении за единый фронт наш народ стал прочно вооружаться идеями – освобождения Кореи нужно добиться силами самих корейцев; вооруженным врагам непременно следует

противостоять с оружием в руках; во имя достижения национальной независимости корейский народ должен сплотиться воедино, независимо от классовых различий, от пола, возраста, партийной принадлежности и вероисповедания, и создать общий фронт совместно с угнетенными народами всего мира. Разительное идейное обогащение сознания народных масс стало фактором, способствовавшим дальнейшему энергичному подъему национально-освободительной борьбы во второй половине 30-х годов.

Когда речь идет об идейной перестройке народных масс, надо особо отметить, что народ признал ведущей силой в деле освобождения Родины Корейскую Народно-революционную армию, которая с оружием в руках развертывала кровопролитную борьбу против японского империализма, и стал всем сердцем поддерживать наше руководство, целиком вверив нам свою судьбу. Со второй половины 30-х годов центром национально-освободительной борьбы и коммунистического движения в Корее стали горы Пэкту, превратившиеся в центральную опорную базу деятельности Народно-революционной армии.

Народные массы Кореи воспринимали как непреложную истину слова, доносившиеся со стороны гор Пэкту, безоговорочно следовали им независимо от масштаба и важности дел, не щадили даже своей жизни для оказания поддержки и помощи воинам гор Пэкту.

Преданность народных масс Центру руководства корейской революции выразилась в их моральной поддержке и материальной помощи Народно-революционной армии. Народ всей страны помогал нам, максимально мобилизуя материальные, денежные, людские и духовные ресурсы.

Организации ЛВР энергично развернули всенародное движение за оказание помощи партизанской армии. Со второй половины 30-х годов Капсанский филиал ЛВР посылал в Народно-революционную армию в организованном порядке «искренний рис», жертвуемый последователями чхондогё, который раньше отдавали в Центральное правление этой религиозной секты. Когда разносился слух, что Народно-революционная армия страдает от нехватки продовольствия, люди Западного Цзяньдао без колебания присылали даже рис, припасенный на свадьбу, шестидесятилетний юбилей или день рождения.

До 1938 года, когда завершилось сооружение плотины Супхунской ГЭС на реке Амнок, члены Синичжуского филиала ЛВР привозили на

барже материалы помощи в район деятельности нашего отряда. Чего только здесь не было – ткань, обувь, соль, порох, капсюль, бикфордов шнур и многое другое. После сооружения плотины водный путь закрылся. Тогда патриоты стали складывать и хранить собранные материалы в назначенных местах Третьей и Шестой улиц китайского города Даньдуна. А оттуда переправляли их автомобильным и железнодорожным транспортом в крупные отряды и небольшие группы Народно-революционной армии, действовавшие в районах Куаньдяня, Синцзина, Тунхуа. Один из членов отделения ЛВР в поселке Мачжон купил парусник, вмещавший больше полутонны грузов. Днем он зарабатывал деньги, перевозя грузы по найму, а ночью тайком направлялся с собранными членами организации материалами в Народно-революционную армию.

И в Сеуле, расположенном в тысяче с лишним *ли* от гор Пэкту, члены ЛВР доставали и посылали интендантские материалы, необходимые для жизни и боевой деятельности революционной армии.

Чон Чжо Хеб, член Пукчхонской организации ЛВР, который сидел в тюрьме за причастность к «делу с пионерами» в Сокху уезда Пукчхон, после 1937 года стал по поручению организации заниматься подпольной работой в Сеуле.

Развертывая работу по расширению организации, он в то же время начал переносить воду на коромысле, чтобы заработать деньги для помощи партизанам. Вообще пукчхонцы были известны тем, что они платят за обучение своих детей в Сеуле, зарабатывая деньги переноской воды. У Чон Чжо Хеба не было детей, которых надо обучать в Сеуле, но он не пренебрегал этим заработком во имя революции. На вырученные деньги он покупал для армии: ткани, обувь, бумагу, медикаменты, чернила для гектографа и многое другое. Приобретенные материалы он направлял в Пукчхон, а тамошняя организация – к нам.

Однажды ранним утром Чон Чжо Хеб поднимался на холм с водой на коромысле и заметил на дороге дамские золотые наручные часы. Это были очень дорогие часы. Такие не всегда могут иметь дамы даже из богатых семей.

Он решил найти хозяина часов и обошел все дома у холма. Оказалось, что часы потеряла дочь лавочника. Их ей подарили в память о помолвке. Хозяин лавки, получив часы, в знак благодарности дал ему денег больше, чем стоили сами часы. А он приобрел на эти деньги большое количество материалов помощи.

После этого случая Чон Чжо Хеб стал относиться к членам семьи хозяина лавки как к родным. Под его влиянием они стали глубоко сочувствовать антияпонским партизанам и не жалели усилий для оказания им помощи. Они даже сами доставали такие материалы, которые просил Чон Чжо Хеб, и посылали их в Пукчхон. Так семья простого мещанина Сеула под влиянием члена ЛВР участвовала в движении за оказание помощи партизанской армии.

Организации ЛВР в Корее энергично разжигали и возглавляли везде и всюду борьбу: против разбойного грабежа, проводимого японскими империалистами, за срыв их политики превращения корейцев в «верноподданных японского императора»; за срыв их агрессивных действий на материке и политики войны. При этом применялись разнообразные формы и методы: саботаж, забастовка, демонстрация, восстание, арендный конфликт и тому подобное.

Другим достижением корейских революционеров в ходе строительства организаций ЛВР явилось создание через это движение более прочной идейно-организационной основы для становления партийной организации. Во всех уголках страны мы основали партийные группы из ядра – актива, выпестованного в организациях ЛВР. В конечном счете, эти группы руководили и работой организаций ЛВР, и массовой борьбой. Краеугольным камнем для рождения в дальнейшем могучей партии трудящихся масс на освобожденной родной земле послужили именно партийные организации, которые выросли в горниле борьбы и непрестанно закалялись через борьбу, преодолевая всяческие трудности и лишения.

Работа по созданию организаций ЛВР помогла также революционерам Кореи накопить богатый опыт в сколачивании массовых организаций трудящихся. Без такого опыта невозможно было бы в столь короткий срок после освобождения страны создать такие массовые организации различных слоев населения, как демсомол, профсоюзы, союз женщин и Детский союз.

В процессе строительства организаций ЛВР корейские коммунисты впервые в длительной истории своей нации создали прообраз подлинно мощного единого фронта патриотического, национального, революционного характера. Единый антияпонский национальный фронт, сформировавшийся с опорой на гору Пэкту в качестве своей оси, заложил традиции движения единого национального фронта в нашей стране и наглядно продемонстрировал стойкий дух нашего народа.

Весь ход строительства организаций ЛВР подтвердил, что корейский народ любит единство и согласие больше, нежели разъединение и противоборство, что он представляет собой народ с выдающейся волей, способный бороться, сплотившись под единым знаменем независимо от партийной и другой принадлежности и вероисповедания.

В эпоху Трудовой партии наш народ уже давно добился единодушия и сплоченности всех членов общества – высшей формы их сплочения. Теперь осталась нерешенной только задача воссоединения страны, разделенной на Север и Юг. Объединение Родины – это моя неизменная воля и убеждение, проходящие красной нитью через всю мою жизнь. Наша нация, гордящаяся своей пятитысячелетней историей, непременно должна и может жить в объединенном государстве. Таковы наши позиции и взгляды на национальное единство. На каком основании мы говорим, что объединение Севера и Юга может осуществиться? У нас есть мощное оружие, имя которому – великая национальная консолидация. И у нас есть богатый опыт единого национального фронта, накопленный в ходе строительства организаций ЛВР.

Почему же не может осуществить теперь великую национальную консолидацию наш народ, который уже полвека назад успешно претворил в жизнь замысел об едином фронте? Нет и не может быть никакой причины, чтобы помешать этому.

Мы все должны неуклонно формировать единый фронт, независимо от того, живешь ты на Севере или на Юге, или за пределами страны. Единый фронт – это единственный для нашей нации путь к существованию в этом мире, где господствует закон джунглей. Единый фронт является способом вечного существования, позволяющим нации выжить в качестве нации. От единого фронта зависят и существование нации, и ее развитие и процветание. Вот о чем мне хотелось бы напомнить нашим соотечественникам внутри и вне страны.

5. Квон Ен Бек

Квон Ен Бек – человек, скупой на слова. Работника, занимающегося пропагандой, мы обычно знаем как человека, обладающего даром слова. Однако и в пору работы начальником отдела пропаганды дивизии он не любил говорить много. Говорил только нужное, притом кратко, лаконично. Никогда не занимался пустословием и не повторял одно и то же. По выражению лица, по внешности никак нельзя было угадать его мысли и чувства.

Самым противным для Квон Ен Бека были ложь и бахвальство. Дав слово, он обязательно выполнит, если даже придется разорваться на части. Единство слова и действия – это, думаю, его характерная черта, вкратце выражающая существо его натуры, по-человечески привлекательная.

Именно на эти его качества мы и рассчитывали, поручая ему ответственную должность руководителя Чанбайского уездного комитета партии в те дни, когда мы вели борьбу, сделав горы Пэкту и Западное Цзяньдао главной ареной нашей деятельности.

Исключительная важность должности руководителя Чанбайского уездного парткома объясняется целым рядом соображений. Этот уездный партком был одной из, так сказать, мозговых партийных организаций. Если мы вырабатывали какую-либо линию или выдвигали срочное задание на заседании Партийного комитета КНРА в Пэктусанском тайном лагере, он был обязан первым принять и выполнять их. В большинстве случаев выдвигаемые нами линия или задания передавались и доводились до сведения населения Западного и Северного Цзяньдао и Кореи через Чанбайский уездный партком, партийные комитеты действия в Корее и в Восточной Маньчжурии. Докладывали о результатах их выполнения Партийному комитету КНРА в большинстве своем через этот же канал.

Такое место и роль Чанбайского уездного парткома диктовались цепью обстоятельств: раз мы определили как опорный пункт своей деятельности Пэктусанский тайный лагерь, то Западное Цзяньдао служило нам еще одним трамплином для бурного развития революции на территории Кореи и Маньчжурии. И еще одно: после

роспуска Коммунистической партии Кореи партия нового типа не была создана, вследствие чего Партийный комитет КНРА был вынужден направлять организационно-партийное строительство и возглавлять антияпонскую революцию в целом через партийные комитеты действия в Корее и в Восточной Маньчжурии и Чанбайский уездный комитет партии.

Если в первой половине 30-х годов, когда мы вели борьбу в Восточной Маньчжурии, опираясь на партизанскую опорную базу, центром антияпонской революции был Сяованцин, то во второй половине 30-х годов центром борьбы стала Пэктусанская опорная база с включением Западного Цзяньдао. Пэктусанский тайный лагерь составлял ядро этой базы. Мякотью, облекающей это ядро, стали обширный район Кореи, прилегающий к горам Пэкту, и земля Чанбая. В Чанбае располагалось много тайных лагерей, построенных нами. Для их защиты и сохранения необходимо было превратить Чанбай в наш мир, а его население – сделать революционным.

Надо было развернуть движение за создание организации ЛВР в Чанбае, но этот процесс неизбежно вызывал обостренные противоборства с врагом. Власти Маньчжоу-Го правили неумело, неискусно, однако японская агентурная разведка и карательные силы японской и маньчжоугоской армий и полиции в Чанбае были вовсе не игрушечными. Когда мы продвигались на территорию Кореи, нам обязательно приходилось идти через Чанбай. Точно так же и врагам, если они хотели бить нас, нельзя было миновать его. Чанбай являлся таким военно-стратегическим пунктом, которому придавали важнейшее значение обе стороны: и мы, и враги.

Исходя из этих обстоятельств, мы установили высокий критерий при выборе руководителя Чанбайского уездного парткома. Человек, способный исполнить ответственную должность руководителя этого комитета, должен был отличаться большим сердцем, талантом агитатора, личным обаянием, организаторским мастерством и высокой работоспособностью. Поскольку он приводит в действие невидимый подпольный фронт, ему должны быть присущи точность суждений, тщательность и умение действовать, сообразуясь с обстоятельствами. Особенно ему нужен широкий кругозор.

При подборе личности, обладающей такими качествами, первым мне в голову пришло имя не кого иного, как Квон Ен Бека. Его же рекомендовал и Ким Пхен.

Мы с Квон Ен Беком не были ни соучениками, ни земляками, ни

друзьями, делившими горе и радость и питавшимися кашей из одного котла со времен действия в партизанских районах. В первой половине 30-х годов, когда все дела в партизанских районах шли на лад, я был в Ванцине, а Квон Ен Бек – в Яньцзи. Квон Ен Бек участвовал в походе в Цзяохэ, пришел к нам в Пэктусанский тайный лагерь лишь в октябре 1936 года и был зачислен в состав главной части.

Квон Ен Бек участвовал в антияпонском движении еще в бытность учеником средней школы. Он был внесен в список «неблагонадежных учеников» и исключен из школы. После этого он, как и мы, стал революционером-профессионалом. Когда я находился в одном из районов Восточной Маньчжурии, мне рассказал – точно не помню, кто – О Чжун Хва или Пак Ен Сун, о трагедии, которая постигла Квон Ен Бека в день похорон его отца, и о необыкновенном самообладании, которое он тогда проявил.

Извещение о смерти отца он получил однажды на месте, где развертывал подпольную деятельность. Дождавшись вечерних сумерек, он прибежал домой. Как раз в расчете на это неожиданно появились жандармы. Не успел он одеться в траурную одежду, чтобы стать у гроба с прахом отца, как они на конях налетели на место траура. Злодеи выволокли на двор всех членов семьи. Обратившись к Квон Ен Беку, они спросили: «Ты Квон Чхан Ук?» Чхан Ук – это его детское имя. Квон Ен Бек сразу сообразил, что никто из жандармов не знает его в лицо. И послушно ответил: «Младший брат Чхан Ук давно ушел из дома. Мы не знаем, где он. Даже извещение о смерти отца не смогли ему послать». В тот момент не было старшего брата Квон Сан Ука: он пошел в *тога* (дом, где хранятся похоронные носилки, – ред.). Воспользовавшись его отсутствием, Квон Ен Бек играл роль Квон Сан Ука.

В отместку за то, что не удалось поймать Квон Ен Бека, жандармы подожгли дом, где стоял гроб с прахом, и ушли лишь тогда, когда убедились своими глазами, что дом сгорел дотла.

Перед глазами Квон Ен Бека было душераздирающее зрелище: горел прах отца. Но он, кусая губы и глотая слезы скорби и превозмогая жгучий гнев, выдержал. Вернувшись в подполье, он не смог пропустить даже и одну рюмку, поданную товарищами. Язык и губы так были искусаны им самим, что и несколько дней он не мог взять в рот даже ложку похлебки.

Квон Ен Бек славился среди коммунистов Восточной Маньчжурии как молодой борец, отличающийся необыкновенным

самообладанием. Они говорили, что если революционер хочет осилить врага и добиться великой цели, он должен обладать таким терпением, как у Квон Ен Бека, умением выдерживать и временный взрыв сердца, и любые муки.

Однако его хвалили не все из тех, кто знал об этом случае в траурный день. Иные говорили, что им непонятно, почему Квон Ен Бек не протестовал, когда у него на глазах отец подвергся второй смерти. Они порицали его: может ли так поступать сын? Надо, мол, было любыми средствами остановить врагов, чтобы они не смели поджечь гроб с прахом.

Такие упреки сторонники Квон Ен Бека решительно отвергали. Они говорили: «Коль не знаешь, не говори лучше! Если бы он был простой человек, в такой момент выступил бы против жандармов. Это понятно. Но Квон Ен Беку нельзя было выдать себя перед врагами. Ну, заявит такой человек протест врагу, а его на месте расстреляют, в лучшем случае посадят в тюрьму. Тогда он не сможет продолжать дело революции».

Квон Ен Бек, решив вступить на путь революции, перед тем, как уйти из дома, прощаясь с женой, сказал ей: «Мне не суждено остаться в живых. Даже если я вернусь живым после победы революции, то не знаю, когда это случится – через 10 или через 20 лет. Поэтому не жди меня, живи, как ты хочешь. Я не буду в обиде на тебя, даже если ты сочтешь меня ушедшим из этого мира и выйдешь замуж за другого. Но есть у меня только одна просьба к тебе – когда ребенок вырастет и станет смышленым, воспитывай его так, чтобы он продолжил дело отца».

И это прощальное его слово тоже стало предметом пересудов. Говорили, мол, что оно слишком бессердечное. Иные называли слова Квон Ен Бека надругательством над женщинами вообще. Уж лучше сказал бы: вернусь с победой, жди меня до того дня. Если, мол, человек действительно любит жену, то сказал бы именно так. Неужели у корейских женщин нет такой решимости и морального долга, чтобы они дожидались своих мужей, вставших на путь революции, ждали до тех пор, пока страна не станет независимой? Не найти большего оскорбления женщин!

Если прямолинейно воспринимать слова Квон Ен Бека, высказанные жене на прощание, то можно подвергнуть их еще более жесткой критике.

Но, я думаю, такие слова мог произнести только тот, кто готов без

малейшего колебания пожертвовать собой во имя революции. Обратиться к жене при расставании с таким наказом мог только тот, кто по-настоящему любит и бережет ее. Не будучи борцом, готовым отдать целиком себя революции до тех пор, пока она не будет доведена до победного конца, он не смог бы произнести столь откровенную и решительную речь – исповедь. В словах Квон Ен Бека я видел чистоту настоящего человека.

Весной 1935 года, спустя несколько лет, я впервые встретился с Квон Ен Беком в Яоингоу. Тогда там были проведены краткосрочные семинары для подготовки военно-политических руководителей из работников, действовавших в партизанских отрядах и революционных организациях Восточной Маньчжурии. Среди слушателей был и Квон Ен Бек.

Я был несказанно рад, словно увидел давнишнего закадычного друга. Эта встреча произошла в то самое время, когда многочисленные патриотически настроенные юноши и девушки, оказавшись жертвой безрассудной кампании против «минсэндановцев», находились в положении одиноких духов на чужбине. Надо ли говорить, что мы представились друг другу и завязали беседу. Помнится, мы откровенно и искренне делились мнениями, хотя это и была первая встреча между нами. В разговорах он коснулся и сцены прощания с женой.

– При прощании с женой сказал бы ей более теплые слова. Тогда она не так сильно болела бы душой, – говорил я, как бы выражая свое сожаление.

Но Квон Ен Бек отрицательно замотал головой.

– Когда-нибудь ей обязательно придется пережить всю боль разлуки. Зачем же откладывать эти муки в долгий ящик?

– Тогда у меня к вам вопрос: вы и сейчас думаете, что вам суждено не вернуться к жене живым?

И на это Квон Ен Бек ответил спокойно и невозмутимо:

– Как же мне не мечтать увидеть при жизни день возрождения Родины и не желать вернуться в родное село живым? Но, видать, не улыбнется мне такое счастье. Я не думаю плестись в задних рядах в схватках с врагами. Я решил всегда идти впереди и потому еще, чтобы отомстить врагам за отца. Имею ли я право размышлять о том, как бы остаться в живых? Ведь я обязан стать в первые ряды и драться с врагом не на жизнь, а на смерть. А рассчитывать на случайности – не по мне.

В его словах была доля истины.

Как показала последующая деятельность, Квон Ен Бек вправду был всегда в самых критических, опасных местах не только в кровопролитных боях, но и на невидимом фронте. В дни, когда 2-й полк совершал поход в Цзяохэ, он был секретарем партийной ячейки 2-й роты. Экспедиционный отряд, оказавшись во вражеском окружении, не раз попадал в критические моменты, грозившие разгромом. Но всякий раз Квон Ен Бек совместно с О Чжун Хыбом и другими боевыми товарищами спасал свой полк.

Не кто иной, как Квон Ен Бек первым передал мое личное послание Пак Дару, переправившись через реку Амнок, несмотря на усиленные пограничные кордоны, сквозь которые не могла проскользнуть даже мышь.

Был и другой довод, побудивший нас избрать Квон Ен Бека кандидатом в руководители Чанбайского уездного парткома: Квон Ен Бек имел за плечами определенный опыт подпольной деятельности в первой половине 30-х годов, когда он находился в Цзяньдао.

Об умении Квон Ен Бека работать с людьми говорить нечего; это было самой положительной чертой его характера. Он относился к числу таких руководителей, которые не только умело привлекают к себе людей, но и успешно ведут их за собой.

И поныне Хван Нам Сун (Хван Чжон Рер) с волнением вспоминает о том, как Квон Ен Бек в Вэншэнлацзы умело обрабатывал старшего этого селения. Нрав у того старика, видимо, был необыкновенно строптивым. Подпольщики не раз пытались проникнуть в Вэншэнлацзы, чтобы освоить это село, но, говорят, из-за того старика были изгнаны оттуда. Для них не нашлось даже уголка, где бы они могли преклонить свою голову. Причина их неудачи крылась в том, что они действовали поспешно: не успев сдружиться с сельчанами, уже начали заниматься их идейным воспитанием. И явно неудачно они вели себя со старшим в селении. Ни с того ни с сего они приклеили ярлык «феодала», чем оттолкнули его от себя вместо того, чтобы завоевать его расположение. А, видать, тот старший в Вэншэнлацзы был таким же упрямым и твердолобым, как старик «Пен-Троцкий»[9] в Уцзяцзы.

Квон Ен Бек начал работу с ним по-своему.

Он знал, что тот старик вообще не захочет даже говорить с тем, кто не умеет ни стать, ни сесть, и потому при первой встрече учтиво представился ему, соблюдая традиционный порядок. Появившись перед стариком, он по правилам корейского приличия чинно и

торжественно опустился на колени и низко поклонился ему: «Почтенный господин старший! Я скиталец, живу небогато, работаю по найму. Понаслышке узнал: это селение щедрое и хлебосольное, и пришел сюда. Сделайте милость, не откажите в помощи».

Тщательное соблюдение приличий и необыкновенная смиренность просителя – все это способствовало тому, чтобы настроение у старшего улучшилось. «Молодой человек, – сказал он, – ты очень церемонный. Не знаю, от кого ты ведешь свой род, но по одному лишь соблюдению правил поведения видно, что ты человек толковый. Наше селение гостеприимное, останься и живи здесь душа в душу с сельчанами». Старик даже пригласил его на обед. Завоевать этого старика в Вэншэнлацзы считалось столь же трудным делом, как взять высоту в бою. Но Квон Ен Беку удалось завоевать эту «высоту» без труда, одним низким поклоном корейского обряда. В результате легко удалось революционизировать и селение.

Решив назначить Квон Ен Бека руководителем Чанбайского уездного парткома, мы велели ему осмотреть весь уезд, чтобы он хорошо знал место будущей деятельности.

Примерно за месяц Квон Ен Бек обошел весь уезд и вернулся в тайный лагерь.

В феврале 1937 года в Хэншаньском тайном лагере мы провели совещание с Квон Ен Беком и некоторыми другими подпольщиками, на котором организовали Чанбайский уездный комитет партии. Согласно решению этого совещания Квон Ен Беку официально была поручена должность руководителя Чанбайского уездного парткома. Его заместителем избрали Ли Чжэ Суна. На совещании также было решено расширять сеть подведомственных ему участковых парторганизаций и партгрупп.

Определив сферу деятельности Квон Ен Бека более широко, я подчеркнул, что ему необходимо перенести дело организационно-партийного строительства и создания организаций ЛВР в глубь территории Кореи, и выдвинул перед Чанбайским уездным парткомом ряд задач, а именно: рекомендовать в революционную армию желающих вступить в нее, завоевывать людей, работающих во вражеских органах, и принимать их в наши организации, проводить военную разведку силами членов организации и тому подобное.

Вскоре я отправил его в тыл врага. Вместе с ним послали и Хван Нам Сун в качестве его помощницы. Квон Ен Бек и Хван Нам Сун по необходимости подпольной работы выдавали себя за супругов. Это

был очень удобный способ маскировки для обеспечения безопасности.

Хван Нам Сун с раннего возраста имела опыт подпольной деятельности. Уже в 15 лет она работала в подполье в поселке Чыцангу в Шижэньгоу.

Однажды она, помогая хозяевам одного из крестьянских дворов Чыцангу, заметила котел на кухне и диву далась: это был тот самый котел, которым пользовались в ее доме, когда она жила в Фуяньцуньском партизанском районе. «Каким образом этот котел из партизанского района оказался здесь? Может быть, хозяин этого дома ходил вместе с карательным отрядом и получил его у врага?» От этой мысли Хван Нам Сун не спала несколько ночей.

Члены местной подпольной организации, узнав об этом и приняв хозяина за японского пса, решили изгнать его из селения. Но Хван Нам Сун набралась терпения, чтобы лучше узнать хозяев дома. Наконец ей удалось выяснить, что котел был одним из тех, которые каратели выдернули из очагов и выбросили на улицу. Было это, когда они, совершив налет на Фуяньцуньский партизанский район, поджигали дома и уничтожали домашний скарб. Хозяин дома вместе с повозкой был насильно пригнан карателями в Фуяньцунь. Тогда-то он и привез на повозке котел семьи Хван Нам Сун, который валялся возле сожженного дома. Хозяева упомянутого дома, которые были чуть не изгнаны, покрытые позором как прислужники врага, вскоре стали членами Антияпонского общества и Общества женщин.

А вот Рим Су Сан, посланный вместе с ней в Чыцангу, потерпел неудачу в подпольной работе. Он был теоретически подкован, выглядел солидно и хорошо, но не умел общаться с массами, завоевывать их расположение. В селении его считали нахлебником. Он располагался в доме одного из членов Антияпонского общества. Сидя на подогнутых одна под другую ногах, он угощался подаваемым вареным рисом три раза в день да давал распоряжения хозяину дома делать то или другое. Иногда, конечно, он отлучался. Выйдя из дома, ходил, заложив руки за спиной, осыпал вопросами сельчан, точно допрашивал их, что вызывало неприятность не только у собеседников, но и у людей, видевших эту картину. И Рим Су Сану так и не удалось найти в Чыцангу уголок, где он мог бы преклонить свою голову, и пришлось возвратиться в партизанский район.

Если считать себя из ряда вон выходящим существом, стоящим над народом, то не избежишь жалкой участи отвергнутого народом.

Не находишь ключей к сердцу человека, вертишься вокруг да около него, как капля масла на поверхности воды, – не сможешь снискать себе благосклонность людей, не сможешь завоевать их доверие.

Когда мы отправляли Квон Ен Бека и Хван Нам Сун в Чанбай, в нашем лагере находились многие подпольщики из уезда Чанбай. В тот день вместе с ними Квон Ен Бек получил от меня задание на ведение подпольной деятельности в тылу врага. Он принял его радостно, но у меня на душе было нелегко: не слишком ли, думал я, тяжелое задание взвалил на его плечи? Район Чанбая простирался от Цидаогоу до Эршивудаогоу. Это была такая обширная территория, на которой нелегко проводить партийную работу и в случае, когда она даже ведется в легальной форме. К тому же он был обязан серьезно заниматься и движением в Корее, руководя работой Чанбайского уездного парткома.

Из воспоминаний тех дней, когда мы расставались с подпольщиками, идущими в Чанбай, до сих пор не изгладилось в моей памяти, как мы лакомились тянучкой из картофеля. Ее прислали к нам крестьяне из Диянси по случаю новогоднего праздника по лунному календарю. Тогда у нас недоставало продовольствия и, конечно, не могли накрыть обильный стол и только лакомились кусками тянучки. Это небогатое угощение почему-то оставило у меня неизгладимое впечатление.

Провожая Квон Ен Бека, я говорил ему:

– Я поручаю вам Чанбай. Завоевав сперва Чанбай, а затем Западное Цзяньдао, мы сможем воспользоваться помощью народа и подготовить людской резерв для революционной армии. Если не удастся взять в руки Западное Цзяньдао, то нам нельзя будет, переправляясь через реку Амнок, развертывать крупными силами боевые действия на территории Кореи. Мы решили обязательно с весны или лета текущего года продвинуться на территорию Родины. Отныне вам следует умело вести работу с населением в тылу врага. Ваша задача – проводить организационно-партийное строительство и в то же время сплачивать население в организации ЛВР. Завоевать население – дело не из легких, и успех его зависит от вас. Я верю вам...

В первой половине дня, когда группа Квон Ен Бека отправлялась на место назначения, мы вынуждены были вести бой. И потому выход ее в дорогу сопровождался немалой суетой.

Квон Ен Бек, пройдя через дом «таспхо» в Шицидаогоу и дом Ли Чжэ Суна в Эршидаогоу, благополучно проник в поселок Туцидяньли в

Шицидаогоу, который уже был определен командованием в качестве конспиративного опорного пункта. Шицидаогоу располагался в центре уезда Чанбай. Его называли и Ванцзягоу, – оттого, что здесь китайский помещик по фамилии Ван злоупотреблял своей властью. Эта местность занимала благоприятное положение: переправившись через реку Амнок, можно было проникнуть через Хоин, Хесан и другие места в глубь территории Кореи. Вангэдун – один из населенных пунктов в Ванцзягоу.

Он устроился в Туцидяньли, выдав себя за племянника Со Ын Чжина по материнской линии, работавшего по найму на прокладке железной дороги Кильчжу – Хесан и лишившегося там работы. Со Ын Чжин был опытный подпольщик. Окончив среднюю школу где-то в Яньцзи, он включился в революционную работу, будучи членом антияпонской организации. Когда его обнаружили враги, он переселился в Западное Цзяньдао.

Со Ын Чжин, Чвэ Ген Хва и другие члены революционной организации Шицидаогоу приобрели для Квон Ен Бека и дом, и клочок земли, получили официальное разрешение на его прописку от начальника полицейского участка, который контролирует Вангэдун, ублажив его опиумом. Благодаря усилиям товарищей Квон Ен Бек благополучно поселился в Вангэдуне, не вызвав никакого подозрения у врага.

С тех пор Квон Ен Бек сменил свою фамилию и имя, превратился в Квон Су Нама, а Хван Нам Сун – в Хван Чжон Рер. В маленьком домике, приготовленном членами местной организации, они начали вести лжесупружескую жизнь. Позже Квон Ен Бек признавался в том, что он не раз приходил в замешательство, когда при обращении к «жене» с языка у него срывалось слово «товарищ».

По словам Ким Чжу Хена, бывавшего в Шицидаогоу вместе с группой, направленной на сбор материалов в помощь армии, сельчане Вангэдуна не скупились на похвалы в адрес новых «супругов». С первого дня жизни в этом краю они, не брезгуя никакими делами, искренне помогали сельчанам.

По необходимости конспиративной работы Квон Ен Бек обходил дома. Если попадалась ему на глаза работа, требующая мужских рук, он не проходил мимо: колол дрова, резал солому на соломорезке, подметал двор. В домах, где совершались обряды совершеннолетия или бракосочетания, похорон или жертвоприношения, он помогал как мог: бил деревянным молотом вареный рис для приготовления

паровых хлебцев, резал свиней.

Те, кто видел, как он мастерски сдирает кожу со свиньи, потрошит и разделывает тушу, говорили, что с таким умельцем трудно тягаться и специалисту по забою скота. Когда сельчанам случалось забивать корову или свинью, они приглашали к себе в первую очередь Квон Ен Бека.

Своими умелыми и искусными делами Квон Ен Бек и его сотрудница привлекали к себе сельчан. Сами они всячески уклонялись от помощи сельчан, но считали обязательным помогать другим. У Квон Ен Бека был свой взгляд: если подпольщик обременяет других, то его дело уже почти потерпело неудачу. С таким взглядом он, как настоящий потомственный крестьянин, усердно и аккуратно обзавелся домашним хозяйством.

Когда Квон Ен Бек с «супругой» только что поселился в Вангэдуне, тамошние члены ЛВР решили заготовить дрова для них, занятых подпольной работой, чтобы облегчить их бремя. Но Квон Ен Бек категорически отказался от помощи.

– Люди добрые! Спасибо большое, но так не надо делать.

Если вы будете заготавливать дрова для простого крестьянина, то враги сразу же могут заподозрить нас. Поэтому при всем своем желании помочь не надо так делать. Это и будет настоящая помощь мне.

Члены подпольной организации изобрели другой путь. Заготовив дрова, они не привозили их прямо в дом Квон Ен Бека, а незаметно подкладывали на краю ячменного поля, которое он обрабатывал. Но Квон Ен Бек не поддержал и этого доброго намерения членов организации. Он сам заготавливал дрова, сам перевозил и навоз.

В дни работы в Вангэдуне Квон Ен Беку ни разу не приходилось рано ложиться спать, никогда он не спал помногу. И в других местах, где ему доводилось действовать в подполье, он, говорят, спал не более 3 – 4 часов в сутки.

Он часто отлучался куда-то с завернутыми в изношенный платок вещами за спиной. Некоторые из сельчан, не знающие, в чем дело, даже думали, что между мужем и женой пробежала черная кошка, оттого он, наверное, часто отлучается. Расстояние от Цидаогоу в Сяганцюе до Эршивудаогоу в Шанганцюе составляет несколько сот *ли*. Этот путь Квон Ен Бек проделывал пешком до ломоты в ногах несколько раз в месяц. В уезде Чанбай много поселков, но среди них почти не было таких, куда не ступала бы его нога. Как же он мог

спать подолгу, как другие!

Как-то раз он пришел ко мне в тайный лагерь, чтобы доложить о своей работе. Глаза у него были красные, точно налитые кровью. И я легонько упрекнул его: «Работать-то надо, но надо и беречь свое здоровье. Революцию не делают за один или два года». Он ответил, что ему очень интересно создавать организации.

В результате активной деятельности Квон Ен Бека и его боевых товарищей к началу весны 1937 года почти во всех основных поселках уезда Чанбай были созданы подпольные партийные организации. Рождались многочисленные партийные группы, филиалы и отделения ЛВР, ведомые Квон Ен Беком. Ряды их быстро расширялись. Под защитой и руководством партийных организаций активную деятельность развертывали и производственные партизанские отряды. По ночам хозяевами свободно ходили по чанбайской земле не чиновники Маньчжоу-Го, а наши люди, руководимые Квон Ен Беком.

Ему приходилось проводить дни в хлопотах больших, чем прежде. Несколько верных подпольщиков, воспитанных и выпестованных непосредственно им, проникли в пределы Кореи. Подпольные революционные организации Шицидаогоу становились кузницами организаторов подпольной деятельности.

Квон Ен Бек воспитывал и закалял юношей и девушек в производственных партизанских отрядах – полувоенных организациях. Юноши и девушки, а также люди среднего возраста, состоявшие в этих отрядах, днем занимались земледелием, а вечерами, ночами выполняли задания по охране подпольных революционных организаций, готовые в случае чего вступить в вооруженную борьбу.

Квон Ен Бек советовал сельским старостам – членам революционных организаций, чтобы они учредили ночной дозор отряда самообороны из членов производственных партизанских отрядов. И последние делали обход под легальным названием «ночного дозора» не в интересах врагов, а в интересах охраны подпольных организаций.

Под непосредственным руководством Квон Ен Бека многочисленные члены производственных партизанских отрядов выросли настоящими борцами. И Чвэ Ген Хва под его руководством вырос в руководителя отдела молодежи Вангэдунского филиала ЛВР, стал руководителем спецчленов ЛВР, а также руководителем по организационным вопросам партийной ячейки в Вангэдуне. И его

старший сын вырос борцом в организации Детского отряда. Квон Ен Бек, уважая давнее желание Чвэ Ген Хва вступить в революционную армию, рекомендовал и направил его к нам.

В личной жизни Квон Ен Бек всегда был честным, совестливым и прямодушным. Взяв на себя тяжелую обязанность борца невидимого фронта, каждую минуту умело маскируясь, он ловко обводил врагов вокруг пальца, надежно охранял самого себя, товарищей и революционные организации. Можно считать своего рода мерой обеспечения безопасности и засылку активистов-членов революционной организации во вражеские учреждения, в их важные посты.

Для того чтобы сельские старосты, состоящие в подпольных партийных организациях или в организациях ЛВР, проводили работу по оказанию помощи партизанской армии в безопасных условиях и не вышли из доверия у врагов, Квон Ен Бек раздавал им письма за подписью начальника интендантской службы КНРА и советовал сдавать их в полицейский участок. В письмах содержалось требование «до такого-то числа подготовить такие-то материалы для помощи армии». В то же время в них были и угрозы: если староста донесет об этом в полицейский участок, то он не останется безнаказанным.

В полицейском органе хвалили сельских старост, сдающих такие письма, за их верноподданность. Лишь сельский староста Вангэдуна, действуя по сценарию Квон Ен Бека, не сдавал письма. Такое необычное поведение привлекло к себе внимание врагов. Как-то раз разъярившийся начальник полицейского участка Баньцзегоу, вызвав сельского старосту, пригрозил ему:

– Ты, оказывается, тайно связан с коммунистической бандой! У нас налицо все улики. Говори правду!

– Если у вас есть улика, – спокойно говорил староста, – покажите ее. Черт знает когда в меня угодит «красная пуля» революционной армии! Господа, я работаю сельским старостой ради вас с риском для собственной жизни, а вы выдаете меня за «тайно связанного с бандитскими элементами». Ой, как мне обидно!

– Ты человек нечестный. Если бы ты честный сельский староста, то должен был бы сдать вот такое, – достав из ящика письмо за подписью интенданта революционной армии, начальник полицейского участка положил его на стол. – Все другие старосты сдали, и только ты не сделал этого!

Лишь тогда сельский староста Вангэдуна вытащил письмо из потайного кармана:

– И я, конечно, тоже получил угрожающее письмо. Как же революционной армии не требовать от меня материалов? Посмотрите! Вот чем грозят мне! Но я нарочно не сдал эту бумагу ради вашего благополучия. Если вы, господа, получите такое письмо, надо будет принимать какие-то меры. Но какие? Даже широко известные карательные отряды, каждый в несколько сот человек, возвращаются из походов битыми революционной армией. Куда же тут такому маленькому полицейскому участку! Если сдам вам такое письмо, сможете ли принять какую-нибудь из ряда вон выходящую меру? Наоборот, это загонит вас в заколдованный круг. Наилучшая мера – обходиться с революционной армией осторожно. Мы сладим с ней по-хорошему, а вы, почтенный господин начальник, закройте глаза на это.

Такие слова тронули начальника полиции. После этого случая он стал доверять старосте куда больше. Сценарий Квон Ен Бека попал в самую точку.

Во времена моего подполья и мне приходилось испытывать на себе, что маскировка и охрана самого себя, товарищей и своих организаций в тылу врага представляют собой трудное дело, требующее максимального напряжения ума и большой находчивости.

Квон Ен Бек успешно справлялся с этой труднейшей работой.

Весной 1937 года, перед началом рейда на территорию Кореи, мы организовали совместными усилиями армии и населения разведку городка Почхонбо по различным каналам. Задача на разведку была поставлена и чанбайской уездной партийной организации.

Квон Ен Бек, зная важность наступательной операции на территорию Кореи лучше, чем кто-либо другой, решил сам произвести разведку. Он собирался в путь.

Однако встал вопрос: под каким предлогом уйти из дома? В разведке придется пробыть несколько дней. Если он вдруг исчезнет без уважительной причины, это вызовет подозрение у врага, и в худшем случае за ним может увязаться «хвост». В страдную пору крестьянину, оставив дом, ходить несколько дней по гостям неуместно. И на этот раз Квон Ен Бек остроумно придумал такую причину, которой нельзя было не поверить.

Он послал одного из членов организации в уездный центр Чанбай

на почту, чтобы оттуда тот дал телеграмму с извещением о смерти отца. Такая телеграмма из Чанбая в тот же день была передана через почтальона Квон Ен Беку. По дороге в Вангэдун почтальон делился «новостью» с знакомыми, и о «несчастье» Квон Ен Бека узнали не только сельчане, но и враги.

Старики приходили к Квон Ен Беку и жертвовали деньги. Один из них, беспокоясь, говорил:

– Почему вы не собираетесь уйти, когда отец скончался?

– Я же крестьянин, арендую чужой земельный участок, – ответил Квон Ен Бек, – в такую страдную пору придется оставить землю не на день-другой, а на более длительное время. Как же мне не беспокоиться?!

– Что вы говорите. Есть ли на свете более важное дело, чем погребение отца? Немедленно отправляйтесь, а о поле не беспокойтесь. Можете на нас положиться, – говорили они.

Не вызвав никакого подозрения, Квон Ен Бек свободно покинул село и, выполнив задание по разведке, доложил мне результаты, одновременно он высказал свое сокровенное желание – участвовать в бою в Почхонбо. Мы не в силах были отказать ему в этом.

Когда Квон Ен Бек вернулся в Шицидаогоу после боя в Почхонбо, члены революционной организации подготовили все необходимое, чтобы он удачно выполнил роль «человека в трауре». Как подобает сыну, вернувшемуся с похорон отца, он в траурной одежде встречал посетителей поселка, приходивших выразить соболезнование. Нетрудно догадаться, каковы были его чувства, когда ради маскировки приходилось обманывать даже честных и простодушных стариков.

Руководствуясь основной линией, разработанной командованием, Квон Ен Бек весьма предусмотрительно и умело развертывал подпольную деятельность: докладывал наверх то, что нужно, а то, что следовало решать самому, решал сам, притом своевременно. Тогда у нас не было таких современных средств связи, как телефон и радио. Связь с командованием держали, используя такое неудобное средство, как записочки. Поэтому подпольщикам приходилось многое решать на местах по собственному разумению, а не после доклада начальству. Квон Ен Бек докладывал командованию лишь такие вопросы, которые касались важнейшей политической линии и требовали нашего заключения. По большинству вопросов он принимал решение на

месте быстро, немедленно после обсуждения их с членами революционной организации, а нам сообщал только о ходе выполнения намеченного и о результатах. Место подпольной деятельности и тайный лагерь далеко отстояли друг от друга. Притом мы не всегда находились в тайном лагере, поэтому почти невозможно было обо всех делах докладывать командованию и ждать нашего заключения.

Квон Ен Бек как никто другой хорошо понимал это и никогда не обременял командование мелочами, даже не собирался вносить на его рассмотрение те дела, которые, по его мнению, могли стать для командования лишней обузой.

Однако один-единственный раз он обратился ко мне с просьбой высказать мнение относительно дальнейших мер, связанных со строительством коллективных поселений. С целью «отрыва народа от бандитов» враги насильственно проводили строительство коллективных поселений и в Западном Цзяньдао, как делали это в Восточной Маньчжурии. Но болыпинство жителей района Чанбая не хотело перебираться в коллективные поселения. Таким же было и настроение Квон Ен Бека. Если крестьяне будут жить в коллективном поселении, то усугубятся их жизненные невзгоды. Могут также возникнуть большие трудности для подпольной деятельности и движения за оказание помощи армии. Это был факт. Но нельзя было, ссылаясь на это, открыто выступать против создания коллективных поселений. Враги сжигали дома у тех, кто не желал перемещаться в коллективное поселение, эвакуировали население насильно. Протестующих расстреливали. Каким может быть выход? Созвали совещание уездного парткома и долго обсуждали эту тему, но, говорят, никак не могли прийти к решению.

Я говорил Квон Ен Беку, что выступать против строительства коллективных поселений уже безрассудно, поэтому всем надо перебираться туда, чтобы превратить зло в добро. Ясно, что жизнь людей в коллективных поселениях во многом ограничивает нашу деятельность, продолжал я, но не перегородишь реку проволочными заграждениями, не преградишь стеной дорогу ветру. Точно так же никогда не удастся прервать взаимную привязанность, тесную связь между партизанской армией и населением, текущую, как большая река, и проходящую выше всех преград, как ветер. Никак невозможно остановить и бурный поток движения за оказание помощи армии. Нечего беспокоиться. Переходите в коллективное поселение.

Вернувшись к месту своей деятельности, Квон Ен Бек первым вышел на стройку коллективного поселения в Гуаньдаоцзюйли. За ним последовали и упрямцы. Они активно принялись строить дома, воздвигать земляные стены. По распоряжению Квон Ен Бека члены подпольной организации делали вид, что они, послушно подчиняясь требованиям врагов, добросовестно выполняют их распоряжения. Коллективному поселению в Гуаньдаоцзюйли уездные полицейские власти первому дали название – «безопасное для народа поселение».

Члены подпольной организации Шицидаогоу занимали все ведущие должности в коллективном поселении в Гуаньдаоцзюйли. Так, Со Ын Чжин был начальником отряда самообороны, Сон Тхэ Сун – его заместителем, Чон Нам Сун – сельским старостой, а Квон Ен Бек – директором школы. Такое же положение, можно сказать, было и в других коллективных поселениях.

Подпольный фронт Квон Ен Бека, выйдя за пределы Чанбая, проникал в глубь территории страны, включая провинции Северный и Южный Хамген и Северный Пхеньан. Квон Ен Бек совершил большие подвиги не только на поле брани. У него много заслуг и в деятельности на подпольном фронте, в напряженной борьбе за пробуждение сознания народных масс.

В письме, присланном мне Квон Ен Беком через связного летом 1937 года, были такие строки:

«Товарищ командующий! Еще до того момента, когда я покинул отряд, признаться, я не мог совладать с собой. Я чувствовал себя вытесненным с передовой линии в тыл. Как выразить чувство обиды того времени! Хотя до боли в ушах наслушался, что сплочение народа вокруг организаций ЛВР есть прямой путь ускорения победы в антияпонской революции, я все-таки не был в состоянии легко двинуться от вас, товарищ командующий, когда на прощание вы пожали мне руку. Но в этом краю, развертывая свою работу, я одумался.

Теперь я далеко вышел за пределы той точки зрения, когда считал подпольный фронт второй линией. Этот фронт явно не вторая, а передовая линия. Когда я вижу, что изо дня в день растут ряды организаций и люди становятся политически зрелыми, ощущаю радость жизни. Благодарю вас, товарищ командующий, за то, что вы сделали меня хозяином этой плодородной почвы».

В словах Квон Ен Бека о том, что он видит радость своей жизни в работе, направленной на пробуждение сознания народа и

объединение его в организации, кроется глубокая истина. Сплочение и подъем народа на борьбу, можно сказать, являются постоянным делом, которого революционерам ни на минуту нельзя упускать из виду. Неустанно повышать сознательность народа и сплачивать его в организации – вот в чем состоит жизненно важный фактор нашей революции, ее победы и вечности.

Если революционер закроет глаза на это дело или пренебрежительно отнесется к нему, начнется перерождение его политической физиономии, и он перестанет быть революционером.

Квон Ен Бек, отлично усвоив это положение, вкладывал весь жар своего сердца в организацию и мобилизацию народа. Он мужественно дрался на этом пути, но был схвачен врагами. Самая жгучая обида, терзавшая его сердце в тюрьме, была вызвана вестью о массовом разгроме тех организаций, которые с таким старанием создали он сам и его товарищи. И он тогда подумал: то, что он мог бы сделать в том положении, в каком он оказался, – помочь освобождению как можно большего числа своих товарищей, как можно лучшему охранению организации.

Квон Ен Бек старался стать щитом, чтобы максимально остановить истекание крови революционных организаций. Он послал записочку с «белыми буквами» прежде всего Ли Чжэ Суну. Белые буквы – буквы, написанные не пером или карандашом, а выдавленные ногтем. Он писал:«Валите всю вину на меня!»

Узнав намерение и решимость Квон Ен Бека, Ли Чжэ Сун немедленно послал ответную записочку: «Мы единодушны!»

Квон Ен Бек отлично знал, что означала эта фраза, похожая на телеграмму.

Квон Ен Бек и Ли Чжэ Сун были заключены в отдельных камерах и не могли дальше обмениваться записочками, но их сердца бились в одном ритме. Будучи на самом деле единодушными, они начали решительную борьбу за спасение и сохранение своих организаций.

«Господин точжон, того, что вы бывали в горах Пэкту, и всех последующих дел никто не знает, кроме меня, вас и нашего Полководца. Если вы будете держать язык за зубами, ни в чем вас не смогут обвинять», – так на допросе в Хесанском полицейском отделении Квон Ен Бек намекал на точжона Пак Ин Чжина.

Когда Квон Ен Бек сделал ему такой намек, Ли Чжэ Сун подсказывал то же самое Ли Чжу Ику.

Благодаря самоотверженной борьбе Квон Ен Бека и Ли Чжэ Суна

за избавление своих товарищей и спасение организаций, Пак Ин Чжин, Ли Чжу Ик и многие другие обвиняемые или освободились из тюрьмы еще до привлечения их к судилищу, или, отбыв наказание, довольно легкое по сравнению с возможным, живыми встретили день освобождения Родины. Непосредственная связь Квон Ен Бека с местными организациями в Чанбае и в Корее и его руководство их работой, о чем не могли целиком знать изменники, были скрыты мраком неизвестности. Поэтому эти организации и их члены, оставшись нетронутыми, могли по-прежнему продолжать тайную деятельность. Но Квон Ен Бек, спасая организации и товарищей, вместе с Ли Чжэ Суном, Ли Дон Гором, Чи Тхэ Хваном, Ма Дон Хи и другими смело пошли на смерть.

И в поезде, когда его доставляли из Хесанского полицейского отделения в Хамхын, он не прекращал заботиться о товарищах. Тогда у него было 7 *вон* за душой. Квон Ен Бек решил пожертвовать и эти последние 7 *вон* ради товарищей и обратился к конвоиру-полицейскому:

– Господин полицейский! Прошу на эти деньги купить фрукты и печенье. Вы надели нам наручники, поэтому волей-неволей за японские власти вы должны оказывать нам услуги.

Тогда и другие товарищи переворошили карманы, добавив свои 30 с лишним *вон*.

Как ни странно, конвоир послушно выполнил его просьбу. Он принес Квон Ен Беку купленные фрукты и кондитерские изделия. Квон Ен Бек поровну раздал их товарищам. В вагоне мчащегося поезда было более 100 борцов-арестантов. Поглощая фрукты и кондитерские изделия, они безмолвно обменялись взглядами и улыбкой. Это был своего рода духовный банкет, каким могут наслаждаться только коммунисты.

Конвоиры-полицейские только диву давались: атмосфера у арестантов была такая теплая и сердечная, что напоминала семейную.

– Коммунисты действительно странные люди. Их ждет наказание, а они делятся своими чувствами. Ну, скажите, это и есть коммунизм?

– Да! Именно так живут коммунисты. Разгромим японских империалистов, построим такую страну, где весь народ – братья.

– Однако, господин Квон Ен Бек, наши власти не дадут вам возможности построить такую страну. Рано или поздно вас повесят.

– Пусть я умру, но мои соратники обязательно построят такую идеальную страну.

Такое свое суждение Квон Ен Бек еще раз подчеркнул на суде.

– Я не преступник. Мы борцы-патриоты и полноправные хозяева Кореи. Мы объявили японским империалистам-разбойникам войну, чтобы изгнать их с земли Кореи и создать свободную и счастливую жизнь для нашей нации. Кто смеет нас судить? Именно вы и есть настоящие преступники, которые должны сидеть на скамье подсудимых! Кто, как не вы, неслыханные разбойники и убийцы! Оккупировав чужую страну, вы беспощадно убиваете чужеземцев, безнаказанно грабите чужое добро. Непременно придет тот день, когда история осуществит правосудие, объявит нас защитниками нации, а вас навсегда сотрет с лица земли.

Когда советские войска, освобождая малые и слабые страны Восточной Европы, продвигались на запад, когда под бомбежками американской авиации улицы Токио были охвачены пламенем, когда Корейская Народно-революционная армия в районе гор Пэкту и на учебной базе Дальнего Востока готовилась к боевым действиям против Японии, чтобы встретить великое событие – освобождение Родины, Квон Ен Бек сложил голову на эшафоте Содэмунской тюрьмы в Сеуле. Он умер со словами: «Да здравствует революция!» Тогда его единственный сын рос 15 – 16-летним мальчиком и таскал по улицам Чхончжина повозку с навозом.

Летом 1950 года, когда вспыхнула Великая Отечественная освободительная война, я, недолго пребывая в Сеуле, осуществлял руководство работой освобожденных районов Южной Кореи. Я впервые был в этом городе, и мне хотелось побывать во многих местах. Но прежде всего я предпочел посетить Содэмунскую тюрьму, отставив «на потом» все другие места. Среди моих близких друзей и соратников было немало людей, проливших свою кровь в этой тюрьме. Вступив в этот город, доблестные бойцы Народной Армии танком разрушили тюремные ворота и освободили заключенных.

Содэмунская тюрьма стала позорным олицетворением преступлений и зла, совершенных на этой земле японскими империалистами. Именно в этой зловещей тюрьме Квон Ен Бек, Ли Чжэ Сун, Ли Дон Гор, Чи Тхэ Хван и другие лучшие сыны и дочери корейской нации, мужественно дравшиеся против японских империалистов, лишились дорогой жизни, обратившись в горсть

земли. Мой дядя Хен Гвон тоже умер в Мапхоской тюрьме. Когда я партизанил в горах, решил съездить в Сеул после того, как страна станет свободной, – хотел посетить хотя бы их могилы. Мечта моя сбылась лишь спустя 5 лет после освобождения страны, из-за 38-й параллели, расчленившей Родину на две части. Могилы не имели даже столбиков с надписями, и невозможно было найти их. Но, увидев хотя бы крышу и стены тюрьмы, где навек остались их кровь и дыхание, я немного успокоился. Передо мной витал дух моих товарищей, лишенных возможности встречать своих старых боевых друзей, выражающих им соболезнование, хотя уже прошло 5 лет с тех пор, как Родина стала свободной. Я не мог сдержать себя и дал волю чувствам: из глаз моих неудержимо катились долго сдерживаемые слезы.

«Я ухожу, оставив на этом свете единственного сына. Если у меня и есть сокровенная мечта, то она заключается в том, чтобы он вырос и продолжил дело, которое делал отец».

Такова была просьба, которую Квон Ен Бек оставил своим боевым товарищам в Содэмунской тюрьме.

Осмотрев тюрьму, я вышел на улицу. Его слова набатом звучали в моих ушах. Это были сердечные слова, которые могут оставить только такие революционеры, как Квон Ен Бек, достойно прожившие свою жизнь. Я и поныне вспоминаю порой эти его слова.

6. Случай, который нельзя было обойти молчанием

Это было в последней декаде мая 1937 года. Завершив поход в Фусун, мы с отрядом вновь вернулись на землю Чанбая и, расположившись вблизи села Синьсинцунь, вели подготовку к рейду на Родину. Однажды я вместе с ординарцем направился в селение Цзичэнцунь, находившееся недалеко от Синьсинцуня. С Цзичэнцунем мы имели связи еще с зимы того же года, когда выступили в район гор Пэкту.

После выступления в Чанбай мы активно развернули работу с массами. То встречались с теми лицами, которые посещали тайный лагерь с материалами помощи партизанам, то вызывали нужных людей в промежуточный связной пункт или на различные места явок, то сами шли в населенные пункты для непосредственного общения с массами. Таким способом мы изучали настроения местных жителей, получали сведения о намерениях врагов, а заодно и просвещали массы.

Я побывал во многих селениях Чанбая. Посетив Цзичэнцунь впервые, я остановился там на три дня и возвратился к себе. Небольшой поселок насчитывал не более десятка дворов, и за три дня я успел познакомиться со всеми жителями. В этом поселке мы занимались массово-политической работой, встречались и с подпольщиками, действовавшими внутри Кореи.

Именно в это время мы разоблачили и уничтожили тайного агента – японца по фамилии Танака, который пробрался в Цзичэнцунь под видом охотника. Это был опытный и коварный агент, который перед отправкой в Чанбай прошел серьезное обучение в специальном разведывательном органе. Он родился и вырос в Корее, говорил по-корейски не хуже, чем коренные жители, и хорошо знал обычаи и этикет нашей страны. Люди Шицзюдаогоу и Эршидаогоу не знали, что это японец, который вот уже несколько месяцев рыскает по земле Чанбая с охотничьем ружьем на плече. Подпольная организация поселка Цзичэнцунь обнаружила, что Танака – тайный агент.

Во время пребывания в этом поселке я поселился в доме старика по

фамилии Чан. Он жил немного лучше, чем другие сельчане, в доме имелась широкая комната. Пока я находился там, старики поселка почти каждый день захаживали к Чану в гости. Они приходили с курительной трубкой на спине и до глубокой ночи рассказывали старинные сказки или комментировали текущий момент, высказывая свои мнения о Минами и Маньчжоу-Го. Эти старцы были не очень образованными, но анализировали обстановку толково. Видимо, у народа страны, лишенной своей государственности, быстрее всего развивается политическая сознательность.

Как-то к закату солнца в доме Чана появился вместе с сельскими стариками молодой крестьянин лет 30 с наголо остриженной головой. Это был очень застенчивый и добрый парень, лицом, телосложением, однако, напоминающий крепкого борца.

Люди в 30 лет нередко хвастаются, что знают обо всем на свете. И когда в доме собирались гости-сельчане, громче всего раздавались голоса людей именно этого возраста. Эти люди с кипучей энергией смотрели свысока на юношей 10 – 20-летнего возраста. И когда те высказывали какие-нибудь мнения, то подавляли их расхожими словами, говоря, что, мол, у них еще молоко не обсохло на губах. Однако когда люди, перешагнувшие 50 – 60-летний возрастной рубеж, давали им какие-либо наставления, то и к ним не прислушивались – говорили с насмешкой, что от них, мол, пахнет феодализмом.

Лишь упомянутый молодой мужчина сидел за спиной старика, съежившись, и только молча слушал мои слова. И когда старики рассказывали по моей просьбе о положении поселка, он все равно не вступал в разговор. Старые люди засыпали меня самыми разнообразными вопросами: сколько всего воинов у начальника Кима в горах Пэкту? Правда ли, что партизаны имеют даже пулемет? Через сколько лет, по-вашему, погибнет Япония? Чем занимается отец начальника Кима? И так далее. Но этот молодой человек только улыбался каждый раз, когда старики задавали вопросы. А когда встречался со мной взглядом, то втягивал голову в плечи, стараясь скрыться за спиной сидящего впереди.

По его лицу было видно, что он хочет спросить о чем-то, но робеет и не смеет задавать вопрос. Я даже подозревал, не немой ли он. Неестественное поведение юноши почему-то заставило и меня почувствовать себя не вполне естественно.

Расспросив стариков об их жизненных условиях, я спросил и его о некоторых вещах, но он по-прежнему держал язык за зубами.

Старики же в комнате глядели на молодого человека в некотором смущении. И один из стариков ответил вместо него:

– Полководец, этот парень – батрак. Он круглый сирота и старый холостяк. Его зовут Ким Воль Ён. Он бедный человек, и ничего не знает ни о своем родном крае, ни о своих родителях, знает только, что уроженец южной провинции. Ему, говорят, лет около 30, но сколько точно – он и сам не знает.

По-видимому, человек не может свободно выражать свои мысли, когда лишен уверенности в себе. Каким же оскорблениям и унижениям подвергался в жизни этот несчастный парень, если не умеет даже ответить на заданный ему вопрос!

Я подсел к нему и взял его большую руку с узловатыми пальцами, напоминающую кочергу. «Каким же каторжным был его труд, коли так рука огрубела», – подумал я. Спина его тоже была согнута, как дуга лука, а одет он был очень бедно. Может быть, потому он и скрывался то и дело за спиной старика, что стеснялся своих лохмотьев. Но мне казалось, что этот молодой человек независимый и сообразительный: ведь, будучи таким застенчивым, что не мог даже ответить на вопрос другого, он все же посетил дом, где остановился командующий партизанского отряда. Я был благодарен ему за это.

Я спросил юношу, с каких пор он батрачит, а он ответил коротко: «С детства...» – и умолк. Судя по говору, он, казалось, был уроженцем провинции Чолла. На Северо-Востоке Китая, и прежде всего в Западном Цзяньдао, много проживало выходцев из этой провинции. Японские империалисты согласно пресловутой «политике переселения корейских крестьян в Маньчжурию», направленной на массовую экспроприацию земельных угодий Маньчжурии, насильственно переселили десятки тысяч корейских крестьян на Северо-Восток Китая для того, якобы, чтобы «коллективно освоить целину».

Когда гости ушли, я обратился к старику Чану с вопросом:

– Отец, почему он все еще не женился?

– С малолетства бродил батраком по разным местам и живет одиноко, не успел даже жениться, хотя ему минуло уже 30 лет. Человек-то правдивый, но все у него нет пары. Никто не хочет выдать свою дочь за него. Очень жаль этого бедного холостяка. Даже этот мальчик, вон там видите, – жених, и с ним обращаются как со взрослым...

Я посмотрел в ту сторону, куда указал Чан. Через стекло

величиной с тетрадь, прикрепленное к середине двери, оклеенной бумагой, бросился в глаза мальчик лет десяти. Он резвился во дворе, подбрасывая ногой монету, завернутую в тряпку. Я диву дался. Просто не верилось, что такой маленький мальчик, напоминающий огрызок карандаша, уже жених. Я невольно зацокал языком, хотя это было время, когда был широко распространен ранний, насильственный брак, даже по купле-продаже.

Правда, и в нашей части, – было это попозже, – были «малыши-женихи», похожие на этого мальчика.

Собственно, партизан Ким Хон Су из Чанбая тоже являлся «малышем-женихом», который женился почти десятилетним мальчиком. Он был от горшка два вершка, что вполне соответствовало прозвищу «малыш-жених».

Тридцатилетний «старик-холостяк» и десятилетний «малыш-жених»!

Я не мог не испытывать обиду и досаду перед лицом этого контраста, над которым нельзя смеяться.

Положение «старика-холостяка» и «малыша-жениха» было сходным в том смысле, что оба являлись мучениками, страдающими по вине самого времени. Однако более глубоким было мое сочувствие к старому холостяку, который не успел обзавестись семьей, хотя ему уже исполнилось 30 лет. Факт, что «малыш-жених» – жертва раннего брака, но все-таки у него была жена и семейная жизнь.

В ту ночь я не смог заснуть от мысли о Ким Воль Ёне. Все мелькала перед глазами трагическая половина жизни, прожитая одним человеком, и я никак не мог успокоиться. Существование Ким Воль Ёна точно напоминало облик нашей страны, идущей по мучительному и тернистому пути, и вся жизнь этого бедного парня была как бы уменьшенной копией истории порабощенной Кореи, полной слез.

Той ночью я подумал о том, что неплохо бы найти ему невесту. «Если не успею помочь даже одному человеку обзавестись семьей, то как же смогу вернуть свободу покоренной Родине?!» – думал я.

Конечно, и в нашей революционной армии было немало старых холостяков, упустивших момент для брака. Но тому была серьезная причина: они встали на путь длительной вооруженной борьбы, день победы в которой нельзя было предвидеть. Партизанская борьба является наиболее тяжелой и самоотверженной из всех форм борьбы. Она отличается высокой маневренностью и большим радиусом действий, весьма неблагоприятными условиями питания,

одежды и жилья. По обыкновению людям трудно даже представить себе, как же обзавестись семьей, ведя такую борьбу, но еще труднее сделать это на самом деле. Поэтому многие из партизанок, вступая в вооруженный отряд, оставляли своих детей на попечение свекра и свекрови или отдавали их другим в качестве приемных сыновей и дочерей. Были и супруги, которые вступили в партизанские отряды и воевали вместе, но фактически их супружеская жизнь становилась номинальной. Так сказать, мы вели ненормальную жизнь, искусственно навязанную нам внешними силами.

Японские империалисты безжалостно выбили из нормальной жизненной колеи всех корейцев, за исключением ничтожной горсти прояпонских элементов и национальных предателей. С потерей государственной власти была разрушена вдребезги и жизнь, продолжающаяся на основе традиций, присущих нашей нации. Были развеяны в пух и прах традиционные обычаи, элементарные свободы и права, условия существования, необходимые для того, чтобы человек мог жить достойной человека жизнью. Японские империалисты не хотели, чтобы корейский народ жил достойно, счастливо, хорошо питался. Они пытались превратить корейцев в животных и все делали для этого. Отсюда появилось и слово «одурманивание». Дети школьного возраста не могли ходить в школу. Нищие и бродяги скитались по улицам. Юноши и девушки брачного возраста упускали лучшее время из-за жизненных тягот. Жены и мужья страдали в горах, лишенные возможности вести супружескую жизнь. Но японские самураи были безразличны к судьбе корейцев. Как будут жить корейцы – их не интересовало.

Однако все то, к чему они повернулись спиной, вызывало у нас самый большой интерес. Пусть мы не можем обзавестись семьей по независящим от нас обстоятельствам, но почему не могут жениться такие старые холостяки, как Ким Воль Ён. Не может быть, чтобы нельзя было обзавестись семьей тому, чья родина порабощена!

Когда я занимался молодежно-ученическим движением и подпольной деятельностью – мне не было тогда и 20 лет, – мне пришлось раз-другой вмешиваться в свадебные дела других. Один из этих случаев – брак Сон Чжин Сир, старшей дочери священника Сон Чжон До, – о нем я упомянул коротко во 2-м томе моих мемуаров. Оглядываясь на прошлое, думаю, что вмешаться в брачные дела Сон Чжин Сир я был вынужден совершенно случайно.

Но одно время это дело стало предметом толков среди

корейских эмигрантов города Гирина. Когда я пришел домой в Фусун во время каникул, мать так же, как друзья по учебе в Гирине, повторяла слова старых мудрецов: «При удаче сват получает три стакана вина, а при неудаче – три пощечины». Я крепко запомнил предостережение матери.

К тому времени иные наши товарищи считали влюбленность, любовь, брак и тому подобное пустяковыми житейскими вещами, проистекающими из мелкобуржуазного сентиментализма, а все мечты, оторванные от революции, учебы и труда, – путаными мыслями. Страна порабощена полностью и народ превращен в рабов, а тут какая-то смехотворная влюбленность и любовь! К чему они, если пока не удалось вернуть государственную власть? – такова была их позиция. Разумеется, подобные взгляды, такой подход были в известной мере крайне односторонними, но они разделялись многими людьми и даже превратились в их своего рода убеждения. Они, эти люди, искренне возмущались, когда отдельные националисты и коммунисты старшего поколения из-за любви, влюбленности, разных семейных проблем тревожились, мучились душевно, а иногда даже откалывались от революционных рядов. Осуждались и такие случаи, когда многие друзья по учебе, имевшие семью, бросили занятия, погрузившись в те или иные мелкие семейные дела.

Но ведь не может быть, чтобы исчезла и любовь оттого, что погибла страна! Ведь и в оккупированной стране жизнь идет своим чередом, а любовь – цветет. Когда наступит пора, девушки и юноши, привязанные друг к другу, влюбятся и поженятся, обзаведутся семьей и будут так жить, приговаривая, что бездетность – лучший удел, когда родятся сыновья и дочери. Такова человеческая жизнь.

Нередко мы видели, как наши единомышленники – члены Союза свержения империализма – из-за любви испытывали то душевные терзания, то большие радости, то разрывали отношения с любимыми, то вновь соединялись. Ким Хек, ведя революцию, влюбился в Сын Со Ок, а Рю Бон Хва, влюбленная в Ли Чжэ У, следуя за ним, посвятила себя делу революции. В процессе комсомольской работы Син Ен Гын женился на Ан Син Ен, бывшей членом Антиимпериалистического союза молодежи, а Чвэ Хё Ир и его жена с целью помочь в подготовке к вооруженной борьбе забрали десять с лишним единиц оружия в японском оружейном магазине и, совершив побег, пришли к нам в Гуюйшу. Чха Гван Су мечтал о любимой, подобной Джемме из романа «Овод»...

Любовь не мешала революции. Напротив, она становилась ее вдохновляющей, движущей силой.

При воспоминании о походе в Южную Маньчжурию было сказано вкратце о том, что Чвэ Чхан Гор обзавелся семьей. Он всегда черпал силу в мыслях о жене и ребенке, оставленных в уезде Люхэ. Милый образ Сын Со Ок стал источником, породившим у пылкого юноши Ким Хека стихи и музыку. Когда Ким Ри Габ был заключен в тюрьму в Даляне, Чон Ген Сук ушла из дома родителей и целых 9 лет помогала узнику. С этой целью она даже стала работницей на текстильной фабрике в Даляне. Не что иное, как любовь сделала Чон Ген Сук, эту дочку искреннего христианина, верной женой, самоотверженностью которой восхищались люди.

Под влиянием таких примеров среди наших товарищей постепенно складывались иные мнения о любви, браке и семье, созревало сознание того факта, что вполне могут успешно заниматься революционными делами и семейные люди, что семья и революция не оторваны друг от друга, а тесно взаимосвязаны и что, наконец, семья – это источник и исходный пункт патриотических чувств и революционности. Такие вот взгляды на семью утверждались все более и более.

Когда я вел революционную работу в Уцзяцзы, мне пришлось вмешаться и в брачные дела Пен Даль Хвана. Он в то время руководил Крестьянским союзом в Уцзяцзы и был очень занят. Ему приходилось и обрабатывать землю, и тратить много времени и сил на общественную работу. И он, и его отец вели одинокую холостяцкую жизнь.

Возраст Пен Даль Хвана принадлежал к тому же поколению, что и возраст Ли Гван Рин. Его можно было считать и человеком, относящимся к поколению моего отца. Он промывал большущими, как крышка котла, ладонями рис в деревянном корытце и ходил с лоханкой или кувшином за водой. Вид его почему-то наводил на меня грусть. Теперь немало таких молодых людей, которые, невзирая на свой тридцатилетний возраст, живут со спокойной душой, не думая о женитьбе. Говорят, что если соседи, заботясь о них, предлагают им скорее жениться, то они, как правило, как ни в чем не бывало, отвечают, что им некуда спешить. Однако в те годы, когда мы развернули молодежно-ученическое движение, девушки вовсе не

считались с мужчинами, которым под 30 лет, – сняли их со своего «учета» как пожилых.

Пен Даль Хван был редким красавцем и очень добродушным человеком. Пожелай только, он мог бы жениться и на молодой девушке. Но дело было в том, что Пен Даль Хван даже не помышлял о вторичной женитьбе. Если он сам равнодушно относился бы к своей личной судьбе, следовало бы позаботиться об этом его отцу Пен Дэ У. Но и тот тоже пальцем о палец не ударил. И вот мы нашли добродушную женщину и посватали ее Пен Даль Хвану. Мы смело вмешались в это важное событие в личной жизни из-за простого человеческого сочувствия.

После вступления во второй брак Пен Даль Хван с еще большим энтузиазмом работал в Крестьянском союзе. Знатные люди Уцзяцзы во главе с Пен Дэ У не скупились на похвалы в наш адрес, говоря, что молодежь из Гирина не только хорошо ведет революцию, но и добросердечная. Оказалось, что наша помощь Пен Даль Хвану в решении семейной проблемы была полезной во многих отношениях. Вступление в брак вовсе не явилось делом, оторванным от революции.

Вот почему я не относился равнодушно к любви и дружбе других.

А вот случай из того времени, когда мы жили в партизанском районе, созданном в Ванцине. Однажды я с ротой О Бэк Рёна отправился из Сяованцина в поход по направлению к Гаяхэ. Когда рота переходила через перевал, какая-то незнакомая девушка шла навстречу нам, склонив голову. Увидя наш отряд, она остановилась и с улыбкой на лице глядела на нас. Когда колонна приблизилась, девушка опустила глаза и, торопливо семеня, прошла мимо. Девушка была провинциалка, но по внешнему виду скромная и аккуратная, чистенькая такая.

Рота продолжала поход. А один боец, замыкавший колонну, то и дело оглядывался украдкой. И шагал, понурив голову и погрузившись в глубокие размышления. Когда колонна прошла около 100 метров, тот боец еще раз оглянулся вслед девушке. В его взгляде чувствовалась какая-то грусть и тоска.

Я вызвал его из строя и тихо спросил:

– О чем ты задумался? Может быть, у тебя какая-нибудь история с этой девушкой, которая прошла только что?

Боец оживился, его губы разошлись в улыбке. Это был простой и прямой человек.

– Она моя невеста. Я не видел ее ни разу после вступления в армию. Досадно, что она прошла мимо, словно ветер, склонив голову. Если бы она подняла голову, то увидела бы меня в военной форме, – ответил он и снова посмотрел в сторону, куда исчезла девушка.

Мне сильно захотелось помочь бойцу.

– Тогда иди сейчас же к невесте на свидание. Покажись ей в мундире и поделись сокровенными думами. А как она обрадуется! Дам тебе достаточно времени. Скажи ей все, что хочешь. Мы будем ждать тебя на привале в ближайшем поселке.

На глаза бойца, казалось мне, навернулись слезы. Он, поблагодарив меня, умчался вихрем.

Как и обещал, я отдал роте приказ о привале в ближайшем поселке. Минут 30 спустя вернулся боец, ушедший на свидание с невестой. Он хотел доложить мне о том, как они виделись. Я сказал, что о таких вещах можно не докладывать, но тот настаивал на своем.

– Увидев меня в военной форме, она сказала, что я выгляжу совсем другим человеком, – рассказывал боец. – Заверила в том, что будет работать на славу, как подобает невесте партизана. А я ответил: «Ну, видишь, теперь я решил посвятить свою жизнь революционной борьбе за независимость Кореи. А ты будущая жена бойца революционной армии. Чтобы стать достойной женой бойца революционной армии, ты тоже должна вступить в организацию и заниматься делом революции...»

После встречи с любимой боец воевал храбро, а его невеста работала отлично, включившись в местную революционную организацию. Да, любовь – источник страстности, движущая сила творчества, вносит новые краски в жизнь людей.

Покидая Цзичэнцунь, я попросил старика Чана:

– Отец, у меня к вам большая просьба. Вчера ночью я не смог заснуть от мысли о Ким Воль Ёне. Следовало бы старшим людям поселка общими усилиями найти ему хорошую невесту и справить свадьбу.

Чан не нашел себе места от растерянности.

– Извиняюсь, что мы обеспокоили вас, Полководец, даже такими вещами. Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Мы посоветуемся между собой и женим того человека непременно.

Старики Цзичэнцуня честно выполнили свое обещание. Организация Лиги возрождения Родины сообщила нам, что Ким Воль Ён нашел подходящую женщину и обзавелся семьей. За него выдал

замуж свою дочь старик Ким из поселка Шигу, что в Шибадаогоу.

Видимо, весть о том, что мы, находясь в Цзичэнцуне, беспокоились об одном старом холостяке, остававшемся до поры до времени одиноким, долетела до Шибадаогоу через пределы Эршидаогоу. Старик Ким, услышав эту весть, заявил, что раз Полководец Ким заботится об этом человеке, то он готов отдать замуж за него свою дочь, пришел в Цзичэнцунь и вел с Чаном переговоры о женитьбе. Таким образом, вопреки сомнениям, свадебное дело холостяка осуществилось легко. Старик Ким оказался на редкость великодушным человеком. Говорили, семья этого старика еле сводила концы с концами, занимаясь земледелием на тощей земле в горной местности, и все же он выразил готовность взять на себя все расходы обеих сторон на свадебные обряды. Но попечители жениха возражали категорически, и в конце концов было решено справить свадьбу в доме старика Чана в Цзичэнцуне.

Я дал распоряжение Ким Хэ Сану, начальнику интендантской службы, подобрать наиболее высококачественные ткани и продукты из трофеев и послать их в Цзичэнцунь. Однако Ким Хэ Сан почему-то не очень охотно воспринял мое указание. Он ответил, как водится, но все не выходил из моей комнаты, а стоял на месте.

– Полководец, обязаны ли мы непременно направить на эту свадьбу подарки? – спросил он неожиданно.

– Обязательно. Что, это вам не нравится?

– До сих пор наши боевые друзья справляли свадьбу с одной миской каши. Честно говоря, при мысли об этом и не хочется направлять свадебные подарки. Как много товарищей, которые праздновали свою свадьбу, что бывает только раз в жизни, одной чашкой риса и погибли в бою?!

Мне было понятно настроение Ким Хэ Сана. Был резон надуться, если вспомнить, что на свадьбе .соратников, действительно, на столе не было ничего, кроме одной чашки каши. А тут надо послать подарки на свадьбу совсем незнакомого человека...

– И мне больно на сердце, когда думаю о такой бедности, – сказал я. – Но, товарищ Ким Хэ Сан, ведь не может быть, чтобы все другие тоже справляли свадьбу с одной миской каши только потому, что мы так делаем. Говорят, что на самом деле есть немало людей, которые справляют свадьбу именно таким образом. Не обидно ли вам это? Разумеется, нельзя оказать материальную помощь всей нации за счет трофеев, сохранившихся в складе тайного лагеря. Но разве мы, моло-

дежь Кореи, взявшая оружие в руки с решимостью добиться возрождения нации, не в состоянии справить на славу свадьбу хотя бы одного человека, этого Ким Воль Ёна?

В тот же день Ким Хэ Сан вместе с одним бойцом сходил в Цзичэнцунь, взяв с собой свадебные подарки. Когда он выходил из тайного лагеря с отрезом на одеяло, рисом и консервами для свадьбы, я отдал ему все деньги, что были в моем кармане.

Вернувшись из Цзичэнцуня, Ким Хэ Сан все улыбался, и я догадался, что ему, наверное, оказали теплый прием, да и устроили свадьбу на славу. Он сказал мне, что жених, получив свадебные подарки, так плакал, будто мычал бык, и что сельчане были очень щедры, а больше ни о чем не доложил. Зато я услышал от него такие многозначительные слова:

– Полководец, будем посылать свадебные подарки всей молодежи Западного Цзяньдао.

Позже я слышал у сопровождавшего его бойца, что на свадьбе Ким Хэ Сан, чокаясь рюмочками с женихом, сам горько плакал. Я не собирался спрашивать о причине его слез. Наверняка в подобной обстановке на него нахлынули думы о национальном горе, которое испытывали все корейцы в те времена.

Выслушав рассказ Ким Хэ Сана после его возвращения со свадьбы, я подумал: надо бы выкроить как-нибудь время и непременно посетить семью молодоженов. Очень хотелось познакомиться с их домашним хозяйством, пожелать им, вступившим на путь новой жизни, будущего счастья. Вот почему тогда я, несмотря на большую занятость подготовкой к рейду на Родину, намеревался навестить Цзичэнцунь вместе с ординарцами, оставив отряд на стоянке.

Действительно, человеческое сердце – странная вещь. Я встретился с Ким Воль Ёном только один раз и обменялся с ним всего несколькими словами. Мне самому было непонятно, почему, чем так сильно привязал мою душу к себе этот человек, который был так молчалив, что не мог свободно обмениваться мыслями. У него даже почти не менялось выражение лица, когда он слушал чужую речь, он казался слишком простоватым.

У этого человека не было особого обаяния. Если что и привлекало в нем, то это, можно сказать, простодушие, чистое, как снег, нетронутое, не запятнанное ничем на свете. Но тем не менее я испытывал сильное побуждение еще раз повидаться с ним.

В тот день повел меня в дом Ким Воль Ёна старик Чан. Сарай, брошенный кем-то, был перестроен под жилье хоть и нехитрым способом, но удобно для человека. К сожалению, хозяина не оказалось дома: он ушел в лес за дровами. Меня радушно встретила молодая его жена, дочь старика Кима из поселка Шигу. Красавицей ее не назовешь, но это была симпатичная женщина с добрым лицом, напоминавшая старшую сноху в большой семье. У нее был весьма общительный характер. Думалось, что жена с таким характером могла бы сразу расположить к себе своего мужа.

– Мы благодарны вам за то, что вы решили прожить всю жизнь вместе с Воль Ёном. Прошу передать наш привет и вашему отцу, – сказал я ей.

И она склонила в поклоне голову.

– Это мы должны поблагодарить вас... Буду хорошо вести домашнее хозяйство, помогая мужу.

– Желаю вам дожить до глубокой старости, растя и воспитывая много сыновей и дочерей.

Пока мы с женщиной обменивались такими приветствиями, наши товарищи накололи во дворе целую гору дров.

После встречи с женой Ким Воль Ёна у меня как гора свалилась с плеч. Я покинул Цзичэнцунь с уверенностью, что всю жизнь эти супруги проживут с той преданной любовью, как пара уток-мандаринок. Глубокое впечатление от того визита в Цзичэнцунь сохранялось у меня еще долго, вплоть до того момента, когда наш отряд поднялся на гору Кончжан, чтобы напасть на Почхонбо.

Всю землю Западного Цзяньдао облетела весть о том, что мы помогли батраку-холостяку жениться и послали ему свадебные подарки. Чем шире распространялся слух об этом, тем больше крепли доверие и надежды масс по отношению к Народно-революционной армии. Способствовало это и тому, что день ото дня увеличивался объем и расширялся ассортимент материалов, поступавших в тайный лагерь в помощь армии.

Какой-то старик, проживавший на окраине городка-крепости Шисаньдаогоу, направил нам даже куриное просо, которое он припас к свадьбе сына. К нашему удивлению, его сын, чья свадьба ожидалась через два дня, сам вместе со старшим братом прибыл в партизанский отряд, неся на спине зерно. Мы отказывались принять такой подарок, но они были глухи к нашим уговорам. Братья

сказали, что если они вернутся домой с зерном, отец выгонит их из дома, и все упрашивали принять его. Мы не могли не откликнуться на их искренность.

Нам неизвестно, как и за счет чего этот юноша по имени Ким Гван Ун справил свою свадьбу впоследствии. Думаю, что им немало пришлось похлопотать, чтобы раздобыть зерно на свадьбу. Я порой и поныне раскаиваюсь, что тогда ничего не мог дать этим братьям, расставаясь с ними на холме Фухоушуй.

После ухода из Западного Цзяньдао я уже ни разу не встретился с Ким Воль Ёном.

После того, как я покинул Гирин, больше не мог увидеться и с Сон Чжин Сир[10]. Слыхал однажды, что она учится в США, но ничего не знал о ее семейной жизни после замужества. Но в душе желал ей счастья.

Всю жизнь я не забываю Сон Чжин Сир, Пен Даль Хвана и Ким Воль Ёна. Вероятно, человек любит старых близких друзей, товарищей, учеников былых времен столько, сколько он отдал им своего сердца.

Сон Чжин Сир умерла в США. Получив извещение о ее смерти, я послал Сон Вон Тхэ телеграмму с выражением соболезнования. Думалось, что как хорошо было бы, если бы смог увидеться с нею разок, пока она была жива, поделиться сокровенными думами, утешить больную.

Ким Воль Ён, наверно, жил долго, поскольку был очень здоровым человеком.

7. Партизанская мать

Среди боевых товарищей, которые много лет делили с нами горе и радость в горах Пэкту, была партизанка, которую звали «матерью». Это Чан Чхоль Гу, повариха при командовании. В отряде было несколько десятков партизанок, было немало и поварих, но только ее, Чан Чхоль Гу, звали «матерью».

Она была старше нас более чем на 10 лет. Такая разница в возрасте позволяла называть женщину «старшей сестрой» или просто «товарищем». Но и я обычно называл ее не «товарищем», а «матерью Чхоль Гу». Даже «старик с трубкой», будучи, увы, намного старше ее, обращался к ней «мать Чхоль Гу», вызывая у всех веселую улыбку.

Чан Чхоль Гу работала поварихой при командовании после того, как мы весной 1936 года в Мааныпане сожгли кипы документов по делу «Минсэндана».

Проверяя ворох бумаг о подозреваемых в причастности к «Минсэндану», которые дал мне Ким Хон Бом, я впервые узнал имя Чан Чхоль Гу. Почему-то ее личное дело было заполнено красными чернилами. В нем были собраны некоторые «улики»: муж вел партийную работу в уезде Яньцзи, как «минсэндановец» ликвидирован два года назад; сама она, Чан Чхоль Гу, была обвинена в диверсионной деятельности: когда она работала в Ванъюйгоу уезда Яньцзи председателем Общества женщин, якобы злонамеренно закопала в землю провиант, бойцы остались без еды.

Личное дело красными буквами, женщина среднего возраста с мужским именем – уже эти необычные детали привлекли мое внимание. Чан Чхоль Гу выделялась и своей внешностью. Ростом она была самая маленькая среди партизанок, и у нее были исключительно редкие брови, такие редкие, что она выглядела безбровой.

Чан Чхоль Гу встала на путь революции из любви к мужу. Она очень любила мужа, полюбила и то, чем он занимался. Она делала все, что ей велел муж: расклеивала листовки, передавала записочки, укрывала людей, училась грамоте, участвовала и в тайных собраниях. Так она входила в революцию.

И вдруг муж, которому так она верила, которого она так уважала, был несправедливо обвинен в причастности к «Минсэндану» и ликвидирован. Чан Чхоль Гу тоже была арестована на месте работы в Ванъюйгоу и заключена в тюрьму для «минсэндановцев». Ее беспощадно избивал, схватив ее за волосы и вырывая их, «товарищ Ван». Тот самый, который когда-то навещал ее дом и, сидя рядом с ее мужем, аппетитно угощался горячей кашей из куриного проса и *кимчхи* из сарептской горчицы. Партизаны и революционно настроенные массы на месте судилища возражали против ликвидации Чан Чхоль Гу. И женщина была избавлена от смерти, но не могла смыть с себя позорное клеймо «подозреваемой в причастности к Минсэндану».

Сняв с шеи ни в чем неповинных людей петлю подозрений в причастности к «Минсэндану», которую накинули на них палачи, жестоко убивающие их и надругающиеся над священной революцией, я назначил Чан Чхоль Гу поварихой при нашем командовании.

Как только она приступила к своим новым обязанностям, питание у нас стало разнообразнее. Она умела быстро и вкусно приготовить *кимчхи* и соевые приправы.

Думаю, читатели не поверят, если я скажу, что за один-два дня можно приготовить соевый соус и соевую пасту.

Если печь соевые бобы до такого состояния, что они почти готовы подгореть, а потом погрузить их в горячую воду, то образуется красноватый настой из бобов. Когда сваришь этот настой с солью, получается приправа вроде соевого соуса. Чтобы изготовить *«сокчжан»* – так называемую соевую пасту, надо сварить соевые бобы и держать их в кувшине в теплом месте до тех пор, пока они в ходе брожения не приобретут серого цвета, потом посолить и сварить их. Это блюдо напоминает вкусом бульон из минтая, заправленный соевым соусом.

Сокчжан и *кимчхи* из бедренца, наскоро приготовленные Чан Чхоль Гу, были для нас первосортными блюдами, которые все мы поедали с аппетитом, как изысканное праздничное кушанье. Чан Чхоль Гу умела выжимать масло из печеных кукурузных глазков.

Как-то раз ординарец Пэк Хак Рим тяжело заболел и слег в постель. В будни он мог жевать и глотать хоть древесную кору, но, будучи больным, не брал в рот даже похлебку из разваренных кукурузных зерен. Она, мол, вызывает отвращение. Чан Чхоль Гу

выбирала из-под снега сухие съедобные травы, вымачивала их в воде, чтобы удалить горький привкус, а затем варила и жарила в масле, выжатом из кукурузных глазков. От этого блюда у Хак Рима стал появляться аппетит.

Чан Чхоль Гу заменила партизанам мать в буквальном смысле этого слова. Когда отряд уходил в бой, она незаметно совала в карманы юных партизан корки пригорелого риса.

Даже О Чжун Хыб, Ли Дон Хак и другие старые бойцы, не говоря уж о Чвэ Гым Сане, Пэк Хак Риме и тому подобных юных ординарцах, не стеснялись откровенно говорить Чан Чхоль Гу, что им хочется поесть, у них в желудке пусто. Больше всех Чан Чхоль Гу любила «последыша» нашего отряда Ли О Сона, любителя корок пригорелого риса.

Едва он появляется, мелькает перед ее глазами, она, прикрывая корку пригорелого риса подолом юбки, подбегала к нему и совала ему в карман. Ли О Сон ел ее вместе со своими ровесниками, поровну поделив полученное.

Каждый раз, когда я бывал свидетелем такой картины, невольно задумывался: почему именно женщина детям ближе и роднее, чем мужчина? Всю жизнь женщины роднее своим детям, чем мужчины. Это, думаю, оттого, что матери берут на себя почти все бремя: кормят, одевают детей, ухаживают за ними. Кормить и одевать подрастающее поколение – такова миссия матерей, постоянно возложенная на них. Поэтому настоящий смысл слова «мать», может быть, в том, что она и есть самая благодетельная покровительница, которая кормит и одевает детей.

Чан Чхоль Гу добросовестно выполняла эту миссию покровительницы и стала самой любимой «матерью» для всех нас.

Глубокой ночью, когда мы крепко спали, она готовила завтрак следующего дня: отбирала съедобные травы, крутила ручной жернов, веяла смолотое, пользуясь веялкой, сплетенной из прутьев. Когда ей приходилось по ночам толочь зерно, она со ступой выходила на улицу, где выла вьюга.

Чан Чхоль Гу постоянно работала у огня, поэтому ее одежда изнашивалась быстрее, чем у других.

Однажды в тайном лагере проходила развлекательная игра. Настала ее очередь. Все товарищи хотели послушать ее. Уже даже начали аплодировать ей, ожидая, когда она запоет. Вид у всех был выжидательный: ее кулинарные таланты знаем, а посмотрим, как она

споет песню. Но она вскочила с места и убежала в лес.

Неожиданный ее поступок привел всех в растерянность.

Но я заступился за Чан Чхоль Гу:

– Вы не обижайтесь на мать Чхоль Гу за то, что она отказалась спеть песню. Она не могла явиться перед публикой, вероятно, из-за одежды. Вы же видите, она ходит в залатанной одежде. Заплат, наверное, больше десятка. Подумайте, каковы были ее чувства, когда она должна была выступать в таком наряде перед публикой.

Все участники игры согласились с моим мнением. Позднее и сама Чан Чхоль Гу признавалась, что убежала тогда, постеснявшись своего неприглядного наряда.

После этого случая, выйдя с малым отрядом на боевую операцию, я приобрел хороший отрез на одежду специально для Чан Чхоль Гу. Я послал одного бойца купить самую лучшую материю, не считаясь с ценой. Тот принес серую хлопчатобумажную саржу, которая как раз подходила бы женщинам среднего возраста. Женщины, знающие толк в ткани, поочередно поглаживали ее и похвально отзывались о ней, и у меня становилось на душе легче.

При жизни родной матери я не мог подарить ей хотя бы один комплект одежды. Когда мне предстояло отправиться в поход в Южную Маньчжурию, оставив больную мать в ветхом домишке с соломенной крышей в камышовых зарослях Сяошахэ, я поднес матери одну мерку чумизы; и то достал я ее с помощью товарищей. Если и можно сказать о том, что я делал добро для матери, то только раз – в годы жизни в Бадаогоу я купил для нее *комусин* (резиновая обувь – ред.). Но и те деньги, по правде говоря, заработал не я сам, – их дала мне мать на спортивные тапки. Мать моя покинула этот свет, так и не воспользовавшись хоть в малой доле сыновней почтительностью. Ей не удалось ощутить заботы сына не только при жизни, но и после смерти: она была погребена одиноко на берегу реки Сяошахэ, не приняв ни горсти могильной земли от сына, ни капли его слез.

Когда я возвращался к матери Чхоль Гу с отрезом ей на одежду, душа моя проникалась и чувством любви к родной матери, которой, повторяю, не удалось пользоваться милостью сына и при жизни, и после смерти.

Однако, когда мы вернулись в тайный лагерь после боя, Чан Чхоль Гу там не оказалось. Говорили, по распоряжению Ким Чжу Хена ее неожиданно перевели в тыловой госпиталь. Никто не знал,

почему ее перевели из кухни при ставке командования в скучный тыловой тайный лагерь. Узнав о ее переводе, все как один были огорчены. И я тоже ощущал какую-то пустоту.

В то время в нашем отряде начальник интендантской службы ведал всеми тыловыми делами. Ему были подчинены группа поварих, отряд швей, госпиталь, оружейная мастерская. Поэтому Ким Чжу Хен, ответственный за тыловую службу, имел право перевести человека из подведомственной ему кухни в другое место. В этом ничего удивительного не было.

Но почему же именно Чан Чхоль Гу, хорошо выполнявшая обязанности поварихи при ставке командования, окруженная уважением и любовью всех товарищей, вдруг переведена в тыловой госпиталь?

Я спрашивал Ким Чен Сук, которая вместе с Чан Чхоль Гу оставалась в тайном лагере, но и она не знала, по каким мотивам ее перевели.

– Кажется, тыловой госпиталь потребовал ее или были какие-то неизбежные обстоятельства, – ответила Ким Чен Сук. – Мать Чхоль Гу покинула тайный лагерь со слезами на глазах. Она так огорчалась, что нам было жалко смотреть на нее.

Рассказывая о том, как Чан Чхоль Гу уходила в тыловой госпиталь, Ким Чен Сук сама украдкой прослезилась. Судя по тому, что она льет слезы, ясно было одно: прощание с Чан Чхоль Гу оставило у всех других поварих горькое воспоминание.

И меня бередила тоска, будто я только что оказался в разлуке с близким. Мне было даже обидно и досадно: ну, пусть бы ее послали в тыловой госпиталь, но уж после моего возвращения. Тогда сшили бы ей одежду и отправили бы ее в новом наряде.

Но я действительно вышел из себя, когда услышал от Ким Чжу Хена истинные мотивы перевода Чан Чхоль Гу.

– После того случая с теслом, – говорил он, – который произошел недавно, я подумал: вокруг вас, товарищ командующий, должны быть только чистые, незапятнанные люди.

Это была исповедь Ким Чжу Хена о мотивах перевода Чан Чхоль Гу. Потрясенный случаем с теслом, он старался тщательно организовать охрану командования, – это, конечно, заслуживает одобрения. По вопросам охраны, безопасности командования он мог по достоинству быть назван примером для всего отряда. Поэтому он пользовался у меня исключительным доверием и любовью.

Это было осенью 1936 года. Все Западное Цзяньдао охватило горячее желание вступить в революционную армию. Мы организовали несколько запасных рот из юношей и девушек, подавших заявление с просьбой принять их в партизанский отряд, и направили военных инструкторов, чтобы они вели интенсивную боевую подготовку новобранцев в тайном лагере в Хэйсяцзыгоу. Вот среди этих-то новобранцев, составивших запасные роты, и оказался вражеский шпик, засланный к нам с теслом и пачкой яда для покушения на меня. По происхождению это был простой крестьянский парень, у которого не было никакого повода быть на стороне врага, но, видно, он превратился в тайного агента, поддавшись происка м и уловкам неприятеля. Однажды бандиты, переодетые в бойцов Народно-революционной армии, ворвались в дом этого юноши и разграбили хозяйство. Они отобрали у юноши не только деньги, которые он скопил на лекарства для больной матери, сбывая за гроши дрова, но и продовольствие, всех кур... Словом, отобрали все, что попало им на глаза. Потом явился к нему незнакомец, засланный, видимо, «группой умиротворения». Он делал вид, что сочувствует парню, с которым случилась беда, и упорно обрабатывал его то антикоммунистической пропагандой, то угрозами до тех пор, пока тот не повиновался требованию врага. Так он, вопреки своей воле, стал агентом контрреволюции, проникшим в наши ряды.

Но никто у нас не подозревал, что он подкупленный шпик. Во время прихода в тайный лагерь ему удалось спрятать неподалеку от расположения командования тесло, с которым он явился на поясе; никто не заметил признаков, которые выдавали бы в нем шпика.

Однажды я был в тайном лагере в Хэйсяцзыгоу, где узнал, что новобранцы уже несколько дней питаются одной похлебкой из сухих капустных листьев. Хотя они и были морально готовы к жизненным тяготам, вступая в партизанский отряд, но ведь это же новички: не прошло и нескольких месяцев, как они ушли из дома, они еще не привыкли к невзгодам. Так что если с самого начала мы не уделим внимания их воспитанию, они могут проявить малодушие, заколебаться. В тот вечер, собрав всех новобранцев, я говорил им:

– Вы покинули теплые, уютные дома, где живут родители, жены и дети, и зябнете от холода под открытым небом, утоляете голод одними сухими капустными листьями. Это может вызвать у вас в душе колебание. Но вы, молодежь, включились в борьбу, решив

вернуть себе потерянную Родину. Чтобы добиться этой высокой цели, надо уметь переносить лишения. Пусть нам сегодня тяжело, но когда добьемся возрождения Родины, мы будем заслуженно гордиться пережитым. Мы решили построить благодатную страну для народа на родной земле, раскинувшейся на три тысячи *ли,* после того, как Родина станет свободной, то есть построить рай для народа, где не будет ни эксплуататора, ни эксплуатируемого, где все будут жить на равных правах одинаково хорошо, построить страну, где народные массы – превыше всего, где и заводы и земля будут собственностью народа, где государство возьмет на себя ответственность за все — питание, одежду, обучение народа и лечение больных. Тогда представители других народов мира, приезжая в нашу страну, будут завидовать нам...

Среди новобранцев был и юноша, прибывший к нам со шпионским заданием. Слушая меня, он осознал, что, обманутый врагом, пытался покуситься на жизнь хорошего человека, и решил явиться с повинной и открыть свои намерения, даже если из-за этого придется подвергнуться строгому наказанию. Так он и сделал: достал припрятанные тесло и пачку яда и, положив их перед нами, открыл себя. Он чистосердечно признался во всем. И мы проявили милосердие, помиловали его.

В связи с этим случаем наши командиры не на шутку насторожились. Все они извлекли урок из этого случая, каждый по-своему. Одни осознали необходимость улучшить охрану командования, другие думали, что надо еще более тщательно проводить отбор людей, вступающих в партизанский отряд, чтобы к нам не смогли проникнуть проходимцы и неблагонадежные элементы, а третьи решили, что во всех районах Западного Цзяньдао нужно развернуть как массовое движение борьбу за ликвидацию приспешников врага и наиболее злостных реакционеров, чтобы ни один шпик и агент не получил доступ к тайному лагерю.

У Ким Чжу Хена мысли были сложнее, чем у остальных товарищей.

– Тогда я думал, – рассказывал он, – что для обеспечения надежной охраны командования надо бдительно следить за всеми сторонами – не только внешней, но и внутренней. Нельзя же сказать, что враги только извне, а внутри их нет. Кто сможет уверенно заявить, что внешний враг не попытается сговориться с колеблющимися элементами и реакционерами, которые,

перекрасившись, скрываются в наших рядах? Вот что побудило меня не оставлять в непосредственной близости от командования людей со сложной биографией.

По его словам, выходило, что подозреваемые в причастности к «Минсэндану», такие, как Чан Чхоль Гу, недостойны находиться при командовании. Меня взяла досада, и я не в силах был сдержать свое возмущение. Можно ли так бессердечно относиться к простодушной и доброй матери, с чистой совестью делающей все от нее зависящее ради революции? Я вышел из терпения: не кто иной, как Ким Чжу Хен, человек такого большого сердца, предусмотрительный во всех делах, допустил такую невообразимую ошибку! Я метал громы и молнии:

– Я, конечно, благодарен вам за то, что вы постоянно заботитесь об охране нашей безопасности. Но сегодня мне придется вас критиковать, хотя это будет вам больно. Что касается Чан Чхоль Гу, то и вы не раз похваливали ее: она, мол, женщина честная, трудолюбивая и сердобольная. Как же у вас в душе так легко порушилось доверие к ней? Она заменяла всем нам мать или старшую сестру. Кто же, спрашиваю, три раза в день стряпал нам горячую кашу и варил суп? Мать Чхоль Гу! Если бы она была вредная, нас давно бы не было на этом свете. У нее было сколько угодно шансов совершить покушение на нашу жизнь. Мы съели сотни мисок каши, приготовленной матерью Чхоль Гу, и все остались здоровыми. Это говорит только о том, что мать Чан Чхоль Гу – хорошая женщина, нет никакого основания быть ей на подозрении у других, а обвинение в причастности к «Минсэндану», которое пало на нее, совершенно несправедливо...

Позже Ким Чжу Хен признался мне, что отроду не получал такого строгого нагоняя, как в тот день.

Собственно говоря, я не ожидал, что Ким Чжу Хен допустит такую безрассудную ошибку. Ким Чжу Хен был опытный военно-политический работник, имел за плечами многолетний стаж революционной деятельности. Мы с ним ели кашу из одного котла, жили вместе, обсуждали дела за одним столом, всегда сходились во мнениях. Он как никто другой хорошо знал нашу политическую линию, наши намерения. И мне совсем непонятно было, как же он, Ким Чжу Хен, вопреки воле и морали коммуниста, мог так жестоко обращаться с судьбой человека.

– Уже более полугода прошло с тех пор, как мы сожгли в

Мааньшане кипы документов о причастности к «Минсэндану», – продолжал я. – Почти зажила и рана, которая больно саднила в душах людей. С какой стати вы снова разбередили зажившую рану? Если Чан Чхоль Гу сейчас уйдет с горы, она сможет выйти замуж за другого человека, жить в спокойствии, питаясь горячей кашей в теплой комнате своего дома. Но она не выбрала этого пути, а вместе с нами бедствует в горах, делит с нами горе и радость. Почему? Потому что она решила посвятить себя делу революции! Потому что она верит нам! Но вы перевели ее из командования и тем самым дали понять, что то доверие, которое мы оказывали ей, напускное, фальшивое. Разве мы такие подлые, непоследовательные люди, которые, когда надо, привлекают людей на свою сторону, делая вид, что доверяют им, а в критические моменты без колебаний изгоняют их? Доверие не может быть показным.

Ким Чжу Хен в тот же день сам сходил в тыловой госпиталь и привел Чан Чхоль Гу. На следующий день он поторопил швей с шитьем ее одежды – и одежда была готова.

Между тем Чан Чхоль Гу ответственно выполняла каждое его распоряжение, но чуралась встречи с ним. А когда сталкивалась с ним один на один на тропинке или кухне, поприветствовав его, упорно молчала. А если возникало какое-либо дело, требующее распоряжения начальства, то посылала к Ким Чжу Хену другую повариху.

По времени те несколько дней, которые провела Чан Чхоль Гу в тыловом госпитале, были мимолетным промежутком. Но ей так трудно было позабыть эти несколько дней, что и позже с ее лица долго не сходила тень грусти.

Действительно: велика разрушительная сила недоверия в отношениях между людьми. Даже проблеск недоверия может вызвать кровную обиду, может разрушить в одно мгновение и десятилетнюю дружбу.

С возвращением Чан Чхоль Гу на кухню при ставке командования сразу стало оживленнее в тайном лагере.

Сразу же изменился и вкус пищи. И похлебка из одного и того же кукурузного зерна как-то показалась слаще, чем прежде. Это потому, что Чан Чхоль Гу вкладывала в приготовление пищи всю свою душу, хотя сама она, собственно, и не была прославленным кулинаром.

Чан Чхоль Гу работала усерднее, чем прежде. Если дело касалось чего-либо, что вызывало наш аппетит, то она, невзирая ни на какие

дальние расстояния, доставала нужное. Как-то раз я, проходя мимо Шицзюдаогоу, остановился в доме Ли Хуна и отведал там вареный рис, завернутый в листья лазурников растопыренных. Я впервые в жизни попробовал такое блюдо. Оно было много вкуснее, чем вареный рис, завернутый в листья салата. Вернувшись в тайный лагерь, я как бы невзначай сказал, как это вкусно. А Чан Чхоль Гу тотчас сходила в Шицзюдаогоу, проделав несколько десятков *ли,* и принесла на голове целую кучу лазурников растопыренных. Впоследствии найдено такое растение и в лесу с Пэктусанским тайным лагерем.

Чан Чхоль Гу спала всегда, свернувшись калачиком, возле кухни, где очень сыро, постлав на землю сучья и сухие листья. Это постепенно привело к параличу правой ее руки. Беда, как говорится, не приходит одна. Спустя некоторое время она заболела лихорадкой.

Мы послали Чан Чхоль Гу на лечение в горную глушь Вудаоянча уезда Аньту. С ней пошли Пак Чен Сук и Пэк Хак Рим в качестве «медсестер». Позже за ней ухаживала Ким Чен Сук. Много бед пришлось перенести партизанам, ухаживая за Чан Чхоль Гу. И мне довелось раз побывать вместе с Чи Бон Соном, старшим ординарцем, в шалаше Чан Чхоль Гу в Вудаоянча.

Спустя несколько десятков дней Чан Чхоль Гу поднялась с постели. Но паралич правой руки так и не прошел, отчего она не могла стряпать как следует, трудно было ей и обращаться с ружьем. С того момента, когда она осознала, что может стать обузой для отряда, она проводила дни в горе и страданиях. Наконец, она подумала: только ее уход из отряда облегчит бремя боевых товарищей. В начале 40-х годов мы эвакуировали в СССР инвалидов, старых и слабых людей, которые не в состоянии были оставаться в вооруженных отрядах. Тогда Чан Чхоль Гу вызвалась последовать за ними.

На прощание она дала в дар Ким Чен Сук серебряное кольцо, которое она всегда носила на пальце, и обещала снова встретиться в день, когда Корея станет независимой. Но не сбылось это обещание. Чан Чхоль Гу узнала весть о смерти Ким Чен Сук на далекой чужбине. Серебряное кольцо Чан Чхоль Гу, которое хранила Ким Чек Сук, ныне экспонировано в Музее корейской революции.

Среди людей, которые готовили пищу в ставке нашего командования вместе с Чан Чхоль Гу, был и китаец по имени Лянь Хэдун, мастер китайской кухни. Если Чан Чхоль Гу была прилежной поварихой, то Лянь Хэдун был искусный кулинар. Он пришел к нам зимой 1936 года.

С вступлением в наш отряд Лянь некоторое время находился вместе с Чан Чхоль Гу и учился у нее особенностям партизанской кухни. А Чан Чхоль Гу училась у него искусству китайской кулинарии. В ходе такого общения они стали очень близкими друзьями.

Когда Чан Чхоль Гу уходила в СССР, Лянь сильно заскучал. Он пришел к ней с узелком китайских блюд, собственноручно им приготовленных, сам положил их в ее вещмешок. И ей тоже было очень жаль расстаться с ним.

С историей прихода его к нам связана необыкновенная драматическая встреча, главным героем которой был мусульманин Ма Цзиньдоу. Этот мусульманин жил в Гирине и в нарушение религиозных заповедей чрезвычайно любил вино и свинину. Мы с ним были не только товарищами по Юйвэньской средней школе в Гирине, но и друзьями по начальной школе в Бадаогоу.

Среди тех, кого связала со мной судьба в годы жизни в Бадаогоу, было много людей, которые производили на меня глубокие впечатления. Так, необыкновенные отношения со мной имел и сын начальника полицейского участка в Бадаогоу Ли Сяньчжан. Мы с ним тоже учились в одной начальной школе в Бадаогоу. Отец его был одним из постоянных клиентов, лечившихся у моего отца. Каждый раз в праздник он приходил к нам с подарками, чтобы, мол, отблагодарить за беспокойство.

Когда я со своим отрядом действовал в районах Западного Цзяньдао, то по рекомендации Ли Сяньчжана имел связь с начальником полицейского участка в Бадаогоу. Тогда вместо отца Ли Сяньчжана начальником был другой человек, который так же, как и отец Ли Сяньчжана, отличался честностью. Пообещав не воевать с нами, он никогда не трогал все те материалы, которые должны были посланы революционной армии, и разрешал населению присылать нам их. Вот почему мы ни разу не напали на Бадаогоу, хотя часто совершали налеты на все другие районы уезда Чанбай.

Ма Цзиньдоу отличался не только своим характером, но и своей личной жизнью. Еще в бытность учеником средней школы он женился, притом сразу на двух женщинах – сестрах.

Вначале он завел роман со старшей из них и был помолвлен с ней. Однако младшая сестра, будучи на побегушках у старшей, влюбилась в Ма Цзиньдоу – просто страдала любовной горячкой. Родители сестер отдали ему обеих своих дочерей. Богатый деньгами, он стал богат и женами.

После выхода из тюрьмы я покинул Гирин и с тех пор знать не знал, где он и чем он занимается.

Но каковы превратности судьбы! Мы встретились ...противниками. Приходилось воевать друг против друга, обратив друг на друга оружие.

Это случилось зимой того первого года, когда мы продвинулись в район гор Пэкту и развернули там борьбу.

Ма Цзиньдоу командовал карательным отрядом маньчжоугоской полиции, обосновавшимся в Эрдаоцзяне. Эрдаоцзян служил важнейшим опорным пунктом карательных операций врага, располагался на самом близком расстоянии от тайного лагеря в Хэйсяцзыгоу. В этом районе был расквартирован не только карательный отряд маньчжоугоской полиции, но и карательный отряд из Хамхынского 74-го полка японской армии численностью в несколько сотен штыков.

Вначале я не знал, что карательный отряд маньчжоугоской полиции возглавляет Ма Цзиньдоу. Осенью того же года мы совершили налет на Эрдаоцзян, – точно не помню, второй или третий, – и во время обыска квартиры давшего тягу командира карательного отряда наши бойцы обнаружили спрятавшихся его жену с пистолетом в руке и повара, привели их ко мне. Как ни удивительно, но женщина, которую называли женой командира карателей, оказалась младшей из сестер, вышедших замуж за Ма Цзиньдоу.

Когда он справлял свадьбу в Гирине, я тоже был приглашен на это торжество. Поэтому я сразу узнал ее. Она тоже узнала меня. Это была исключительно драматическая встреча.

По словам женщины, Ма уже стал отцом четырех детей: она родила двух сыновей, а старшая сестра – двух дочерей. Она сказала, что ее муж и поныне, когда речь заходит о годах жизни в Гирине, часто вспоминает о Ким Сон Чжу, и задала мне вопрос: «Как же вы присоединились к коммунистической банде Ким Ир Сена?» Она не знала, что вчерашний Ким Сон Чжу и есть Ким Ир Сен.

Я пояснил ей:

– Я и есть Ким Ир Сен, кого вы называете «атаманом коммунистической банды». Мы не «коммунистическая банда», а революционная армия, которая борется против японского империализма – врага народов Кореи и Китая. Прошу передать вашему мужу мой привет. Дорожа давнишней дружбой, как товарищ по школе, от души предлагаю ему: не следует пытаться вести с нами безуспешные

бои, лучше потихоньку увиливать от военных действий. А если это окажется невозможным, то пусть, по крайней мере, хотя бы делает вид, что воюет, когда его гонят на карательные операции. Мы бьем марионеточные маньчжурские войска, только яростно сопротивляющиеся, а к несопротивляющимся относимся снисходительно. Что касается меня, то я не желаю, чтобы он стал пушечным мясом для япошек, не желаю, чтобы его сразила пуля революционной армии. Он должен стать нашим другом, а не врагом...

По словам жены Ма Цзиньдоу, и ее муж хорошо знает, что «коммунистическая банда Ким Ир Сена» беспричинно не открывает огонь по марионеточным войскам Маньчжоу-Го. В бою на подступах к Хэйсяцзыгоу ночная штурмовая группа КНРА совершила налет на вражеский стан и огонь вела только по палаткам японских солдат, а палатки войск Маньчжоу-Го оставили нетронутыми. Узнав об этом, главари карательных отрядов японской армии в отместку за это расстреляли всех офицеров маньчжоугоских войск, участвовавших в том бою. Но Ма волею случая не попал под эту кровавую расправу: он не участвовал в той карательной операции под предлогом простуды. Вероятно, после этого случая он в какой-то мере понял нашу тактику по отношению к врагу.

– Теперь мне ясно, – говорила жена Ма Цзиньдоу, – почему отряд Ким Ир Сена так снисходительно относится к войскам Маньчжоу-Го. И мы хорошо помним, что вы и в школьные годы постоянно подчеркивали необходимость китайско-корейской дружбы и имели хорошие отношения с китайскими товарищами по школе. Об этом часто вспоминал и мой муж. Не знаю, как выразить благодарность за то, что вы так бережете китайцев и с такой снисходительностью относитесь к войскам Маньчжоу-Го. Я постараюсь убедить мужа, чтобы он больше не обращал оружия против революционной армии. И мой муж, когда узнает, что командир Ким Ир Сен и есть вчерашний Ким Сон Чжу, тоже глубоко задумается.

Я настоятельно просил ее хорошенько убедить мужа, чтобы он не превратился в предателя, наложив на историю позорное пятно. Разрешив женщине и повару вернуться домой, я покинул Эрдаоцзян.

Однако повар не последовал тогда за женой Ма Цзиньдоу, а пришел к нам, изъявил желание вступить в наш отряд. Это и был Лянь Хэдун. Прося принять его в революционную армию, он говорил, что ему надоели и замучили частые ссоры между сестрами – женами Ма Цзиньдоу из-за одного мужа.

– Я часто слышал от командира Ма о вас, Ким Сон Чжу, – говорил он. – А когда знал, что тот Ким Сон Чжу и есть Полководец Ким Ир Сен, – не хочу уходить от вас. Прошу взять меня, до смерти буду воевать в вашем отряде.

Я удовлетворил его просьбу. К тому времени Вэй Чжэнминь лечился у нас в Хэншаньском тыловом тайном лагере, и я, правда, был рад, что нашелся повар-кулинар китайской кухни. Собственно говоря, из-за того, что у нас не было повара, искусного в приготовлении китайских блюд, приходящихся ему по вкусу, оказался в неудобном положении не только я, но и Ким Чжу Хен.

Я велел Лянь Хэдуну временно поработать у Вэй Чжэнминя. А Вэй Чжэнминь очень полюбил его, отзывался о нем как об искусном кулинаре, не уступающем мастерам из первоклассных ресторанов.

С тех пор он работал у нас поваром долгие годы, до сентября 1945 года, когда мы возвращались на Родину после разгрома японского империализма. Он обладал незаурядными способностями приготовлять разнообразные блюда из одного и того же продукта. Он всегда носил на спине большой котел: каша, мол, аппетитнее, если ее варят в большом котле.

В первой половине 40-х годов, во время пребывания на учебной базе, расположенной в районе советско-маньчжурской границы, мы сформировали объединенные войска – не только с китайскими товарищами, но и с советскими, часто проводили совместные военные маневры. В ту пору кулинарное мастерство Лянь Хэдуна приобрело особо широкую известность. К нам в полевую столовую то и дело приходили командиры не только китайской стороны, но и советской.

Однажды Чжоу Баочжун, угостившись китайскими блюдами, приготовленными Лянем, сказал нам полушутя, чтобы мы отдали ему Ляня. В ответ на его шутку Ан Гир тоже пошутил, будто бы того же хотелось и нам.

Эта шутка дошла до Ляня в виде серьезного разговора. Повар чуть не плача пришел ко мне:

– Правда ли, что меня переведут в китайский отряд?

– Пока неизвестно, в какой отряд ты будешь переведен. Беда в том, что многие хотят тебя взять. Этого хотят и советские товарищи. Если советские товарищи будут упорнее, ты, может быть, будешь переведен на советскую сторону.

Выслушав меня, Лянь Хэдун всполошился и заявил, что не пойдет ни в китайский, ни в советский отряд, и упрямо смотрел на меня.

Он не пустословил. В этом мы твердо убедились сразу же после поражения Японии. Собираясь возвращаться на освобожденную Родину, я вызвал к себе Лянь Хэдуна, похвалил его за почти десятилетний добросовестный труд, а затем сообщил ему решение парторганизации о зачислении его в состав отряда Чжоу Баочжуна. Чжоу Баочжун обещал назначить его командиром полка, если он придет в его отряд.

Услышав об этом, Лянь стал настойчиво просить меня во что бы то ни стало увести его в Корею:

– Поверьте! Теперь я не могу жить без вас, Полководец. Хотя я китаец, но где же сказано, что китаец обязательно должен жить в Китае? Мне ничего не нужно! Даже должности командира полка. Прошу только оставить меня у вас. Привязанность к вам была сильнее и японских штыков, и маньчжурских вихрей. Стоит ли насильно разрывать ее теперь из-за того, что я другой национальной принадлежности?

Слова Лянь Хэдуна тронули меня за сердце. В них в сжатом виде выразился такой взгляд на человеческую жизнь, каким могут обладать только те, кому приходилось на пути революции проливать кровь, горько оплакивать товарища, пройти сквозь огонь, воду и медные трубы. В его словах выражалось то, что человек, можно сказать, живет, не будучи прикованным к природе, но живет, будучи привязан к людям. В дремучей тайге гор Пэкту и на маньчжурских степных просторах борцов против японского империализма объединило в одну большую семью не что иное, как привязанность и любовь друг к другу. Если там, где живут люди, не будет места привязанности и любви, то и природа, как правило, утрачивает свои краски.

Настоятельная просьба Лянь Хэдуна разрешить ему следовать за нами была своего рода проявлением высокого духа интернационализма.

И мне тоже не хотелось оставлять его. Я говорил ему: «Раз желание у тебя таково, ничего не поделаешь, делай, как ты хочешь. Что касается меня, то и мне не хочется расставаться с тобой. Меня не касается национальная принадлежность. Но только придется все хорошо обдумать, чтобы ты потом не попал как кур во щи. Как тебе известно, сейчас Китай – в преддверии гражданской войны. Мы обещали Чжоу Баочжуну направить Кан Гона и многих других корейских военно-политических работников и бойцов, чтобы оказать помощь делу китайской революции. Когда корейцы пойдут

на подмогу китайской революции, а китаец Лянь Хэдун уйдет в Корею, повернувшись спиной к революции в своей стране, тогда всем покажется странным твое поведение. Думаю, тогда вряд ли будет легче и у тебя на душе.

Лянь выбрал путь в Китай. Он даже шутил с нами, чтобы ему обязательно выбрали невесту из пхеньянских красавиц, когда он приедет в Корею после победы китайской революции.

Но не удалось нам выполнить эту его просьбу. Будучи командиром полка, он погиб смертью храбрых в бою с чанкайшистскими гоминьдановцами. Услышав эту прискорбную весть о нем, я пожалел о том, что не привел его в Корею. Но Лянь Хэдун отдал свою дорогую жизнь в революционной войне за создание нового Китая, и его имя будет вечно жить в памяти китайского народа.

Лянь Хэдуну не удалось приехать в Корею, зато к нам приехала после войны Чан Чхоль Гу, которая находилась в далекой Средней Азии.

Спустя несколько дней после ее приезда собрались в одно место старые боевые друзья и подруги пэктусанского периода. Чан Чхоль Гу позвонила мне:

– Дорогой Полководец! Собрались все старые товарищи пэктусанского лихолетья. Выкроили бы время и приехали бы к нам. Я сварила похлебку из неразмолотого кукурузного зерна, чтобы после двадцатилетней разлуки угостить и вас миской похлебки. Я приехала с далекой чужбины с пустыми руками, и мой единственный подарок вам – похлебка из кукурузного зерна.

Я очень хотел быть вместе с ними, но обстоятельства не позволяли.

– Спасибо большое! Но я собираюсь сейчас отправиться на периферию. Я не могу отложить мой отъезд, обещал народу. Прошу отложить на другой день.

В тот день, говорили, старые боевые друзья сладко угощались похлебкой из неразмолотого кукурузного зерна, сваренной на костерке, как это делали в горах Пэкту.

Когда впоследствии меня брала неизбываемая тоска по пэктусанским годам, я просил Чан Чхоль Гу сварить кукурузную похлебку.

Дом ее находился на пригорке напротив ворот нашего дома. Она часто заходила к нам. Когда бывало свободное время, я тоже заходил

к ней.

По возвращении на Родину ее главным занятием стало повествование представителям подрастающего поколения о подвигах старых боевых друзей, сражавшихся в горах Пэкту.

Чан Чхоль Гу ушла от нас в 1982 году. Ее смерть сильно потрясла меня. Когда она скончалась, меня охватило такое же чувство скорби, какое я испытывал при смерти моей родной матери. Со всей своей искренностью она заботилась обо мне, как о родном брате. Ее любовь ко мне действительно не уступала любви родной матери.

Мы организовали ее похороны в государственном порядке с такой торжественностью, как похороны ветеранов революции, имевших большие заслуги в строительстве революционных вооруженных сил.

Был установлен ее бюст на Мемориальном кладбище революционеров на горе Тэсон, чтобы наши подрастающие поколения вечно помнили эту простую женщину. Создан художественный фильм «Рододендрон». Прототипом его главной героини была Чан Чхоль Гу.

Когда мы присвоили Пхеньянскому торговому институту имя Чан Чхоль Гу, в народе дружно радовались этому. Люди с восхищением отзывались об этом факте: присвоение имени простой поварихи Пхеньянскому торговому институту возможно только в нашей стране, где нет дискриминации в профессиях, только при социалистическом строе нашего образца, где высоко ценят труд обслуживающего персонала, скромных героев, труд, направленный на создание удобств в жизни населения, на обеспечение его питанием, одеждой и жильем.

Поименовав Пхеньянский торговый институт институтом имени Чан Чхоль Гу, мы хотели, чтобы представители нашего подрастающего поколения стали такими же работниками, как Чан Чхоль Гу, верными своим революционным обязанностям.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Корея жива

Пламя в Почхонбо (1) ... 126

Пламя в Почхонбо (2) ... 142

Объединенный митинг армии и народа в Диянси ... 154

Фотографии и воспоминания ... 168

Бой на Цзяньсаньфэне ... 181

Мальчики с ружьями ... 193

Мысли о революционном чувстве долга ... 220

Май – июнь 1937

1. Пламя в Почхонбо (1)

Исторические аспекты боя в Почхонбо уже давно известны. О них достаточно много было написано и рассказано. У меня же, непосредственно организовывавшего бой и командовавшего им, сохранилось немало воспоминаний о разных деталях, собственных психологических переживаниях. И поныне мне зримо видятся разные картины, которые прошли перед глазами полвека тому назад.

Бой в Почхонбо, если сказать кратко, был как бы встречей насильно разлученных матери и ее детей. Выстрел в Почхонбо дал Родине возможность встретиться со своими верными сыновьями и дочерьми, которые больше всего берегли и любили ее. Этот штурм, если выразить по-другому, был одним из решительных моментов, повернувших ход истории обреченной на гибель страны на путь ее возрождения.

Когда я вернулся на Родину с ее освобождением, представители широкой общественности обращались ко мне с просьбой рассказать о боях, проведенных в период антияпонской вооруженной борьбы. Тогда каждый раз я рассказывал о налете на Почхонбо. Если иметь в виду боевые успехи, то были и более крупные по масштабам бои. Их было сколько угодно! Число японских воинов и полицейских, убитых и раненных нами при налете на Почхонбо, оказалось незначительным. Тем не менее, когда мне приходится говорить об известных сражениях в годы антияпонской войны, я всегда прежде всего подчеркиваю важность этого боя, придаю ему значение большее, чем каким-либо другим битвам.

К боевым действиям в Почхонбо многие проявляли интерес. О потерях противника или размерах его ущерба сообщали газеты и журналы той поры. Поэтому мне не приходилось снова перечислять их. Но к мотивам наших боевых действий всякий раз проявляют особое любопытство. Вопрошают, например: почему дали бой в Почхонбо? Ведь в этом пограничном районе несколько десятков таких городков и поселков! По какой же причине совершили налет именно на Почхонбо?

Цель, которую мы преследовали, выбрав для нападения Почхонбо, можно сказать, заключалась в том, чтобы положить

начало поворотному моменту для достижения национального возрождения, – если, конечно, судить о цели в широком смысле. А в узком – мы стремились добиться качественного скачка, то есть поднять антияпонскую революционную борьбу на решающий этап.

История корейской нации по вине японских империалистов обильно полита кровью и слезами народа. Поэтому наша нация объявила войну против японских империалистов. Вооруженная борьба была волей сыновей Кореи к сопротивлению японским оккупантам и средством для этого сопротивления. Под лозунгом антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции мы вели антияпонскую революцию — вооруженную борьбу, с одной стороны, а с другой, организационно-партийное строительство, а также движение за создание единого фронта и антиимпериалистического совместного фронта.

На этом пути лежали многочисленные преграды. Иные деятели даже обвиняли корейцев в том, что они борются под лозунгом корейской революции. Они твердили, что мы, мол, должны подчиниться интересам и стратегии их партии.

Да, с первых дней нашей революционной деятельности наши думы и помыслы всегда и во всем исходили из интересов корейской революции. И хотя мы находились на чужбине, душой всегда были с Родиной, с соотечественниками на Родине. Вся работа, которую мы развертывали со второй половины 20-х годов на чужбине, велась в интересах Родины и направлена была на ее освобождение. Мы решительно заявляли, что борьба корейских коммунистов под знаменем корейской революции является нашим законным правом и обязанностью.

На Наньхутоуском совещании вместе с рядом других вопросов был обсужден в качестве важнейшего пункта повестки дня и вопрос о расширении вооруженной борьбы на территорию Кореи.

На нем корейские коммунисты высказали стремление продвинуться в Корею, чтобы там прогремели выстрелы. Другими словами, они хотели перенести свою деятельность в глубь территории страны и добиться подъема корейской революции. Главной ареной нашей борьбы в первой половине 30-х годов была Маньчжурия. Хотя в период до и после создания антияпонской партизанской армии мы не раз продвигались и на территорию Кореи, но эта деятельность носила весьма ограниченный характер.

Первая половина 30-х годов, можно сказать, была для нашей

деятельности временем накопления в основном своих сил. Вооруженные отряды корейских коммунистов значительно выросли до того, что они составили бы несколько дивизий.

Если продвинуться с такой силой на территорию Кореи, то не нашлось бы такого, чего нельзя было бы сделать! Базируясь на горы Пэкту, мы смогли бы направить вооруженные отряды во все районы страны. Скажем, одну дивизию – в горы Ранрим, другую – в горы Кванмо, еще одну – в горы Тхэбэк, следующую – в горы Чири. Создав в тех местах опорные базы и нанося с них удар за ударом по врагу, мы смогли бы добиться, чтобы весь Корейский полуостров вскипел, как вода в бурлящем котле, чтобы вся 23-миллионная корейская нация поднялась на всенародное сопротивление. В конечном счете, мы смогли бы таким образом открыть широкую дорогу к осуществлению собственными силами своего чаяния – освобождения Родины. Такие действия были велением национальной истории и следствием развития антияпонской революции. Этот вопрос служил предметом неоднократных и горячих обсуждений на ряде совещаний, прошедших в Наньхутоу, Дунгане, Сигане и других местах.

Весной 1937 года в Сигане мы подытожили вооруженную борьбу, развернутую за несколько лет, и наметили выступление крупными отрядами в страну как актуальную задачу. Для осуществления этой задачи были приняты некоторые практические меры. Согласно этим мерам был разработан конкретный план боевой операции. Им предусматривалось продвижение частей революционной армии в трех направлениях: отряд Чвэ Хена должен был продвинуться от Фусуна в северный пограничный район в бассейне реки Туман через Аньту и Хэлун; второй отряд – в район Линьцзяна и Чанбая; ведомый мной главный отряд – совершить рейд в направлении Хесана и сделать там выстрелы, когда противник будет отвлечен двумя первыми отрядами. Конечная цель операции — уничтожить врагов на территории Кореи. 2-я дивизия, которая должна была продвинуться в районы Линьцзяна и Чанбая, на самом деле должна была поддержать с тыла врага два других отряда, которые выступят на территорию Кореи.

Надо заметить, что немалая часть нашего народа в ту пору преувеличивала мощь японской армии. Они перепугались, увидев, что японская армия одним махом поглотила Маньчжурию. Такие люди считали, что на свете нет сил, способных одолеть эту армию.

Раздавались даже заявления, что, мол, вести войну за независимость Кореи против такой могучей державы, как Япония, – это глупость и безумство, похожие на попытку яйцом разбить скалу.

Судя по ряду признаков, становилось яснее ясного, как огонь во тьме, то, что Япония распространит агрессивную войну на Внутренний Китай. Война между Китаем и Японией являлась, как говорится, лишь вопросом времени.

Не было сомнения и в том, что по мере раздувания хвастливыми японскими империалистами пламени войны постепенно будут усиливаться у людей страх и иллюзии в отношении «непобедимой японской армии». Убежденность в непобедимости врага равна отравляющему средству, парализующему революционное сознание людей. Чтобы обезвредить действия этого вещества, необходимо было развеять миф о мощи японской армии. Нужно было наглядно показать людям, что хотя она и сильная, но если умело нанести удары по ней, то можно и победить, и разгромить ее наголову.

Вооруженная борьба, которую мы разворачивали примерно 5 лет, действуя главным образом в Северном и Западном Цзяньдао, в пух и прах разбила миф о непобедимости Японии. Однако из-за жестокого цензурного гнета и изощренной вражеской пропаганды верные сведения о боевых успехах нашей армии не могли широко распространяться в глубине нашей страны.

Если мы в такой ситуации продвинемся крупными отрядами на территорию Кореи, то вся страна будет охвачена радостью и восторгом. Народ будет ликовать, что у него есть армия, способная разгромить японских захватчиков и добиться независимости страны. Чувство гордости за то, что имеется революционная армия Кореи, которая сможет освободить Родину, и сознание собственного достоинства – вот что является источником силы, основой воли наших 23 миллионов соотечественников к активной мобилизации на фронт возрождения Родины.

Это и был наш стратегический замысел. Он красной нитью проходил через план операции по продвижению на территорию Кореи.

В то время мои помыслы были сосредоточены на двух направлениях. Одно из них – военный аспект: совершить налет на важнейшие опорные пункты врага в Корее, чтобы вызвать сенсацию во всей стране. А другое – создать плотную сеть подпольных организаций, чтобы подготовить весь народ к войне против японских захватчиков. Подготовить таким образом, чтобы с

наступлением решительного момента для освобождения Родины разгромить японский империализм, соединив вооруженную борьбу со всенародным восстанием, и завоевать независимость страны. Это была трудная стратегия, требовавшая пролить много пота и крови. Но она и была путем, который иным быть не мог. Вся наша деятельность в районах гор Пэкту и Западного Цзяньдао полностью была отдана осуществлению этой стратегии.

Перед рейдом в Корею самое большое внимание я уделил глубокому изучению реального положения в стране. Одних печатных изданий было недостаточно, чтобы узнать обстановку, как свои пять пальцев. Поэтому я часто беседовал с подпольщиками, которые бывали в Корее. По необходимости вызывал к себе членов подпольных организаций, действовавших в стране, внимательно выслушивал их мнения о положении в стране. К данным об этом относились не только новые статистические выкладки или сведения о сенсационных событиях. И из жизни базара или из разговоров женщин на постоялых дворах мы черпали важнейшую информацию, которой невозможно было увидеть в дешевых корреспонденциях, публикуемых на страницах официозных газет.

Из этих сведений самое важное значение мы придавали настроениям населения внутри страны. Какие муки и страдания переживает народ и о чем он думает – вот что было главным предметом нашего пристального внимания.

Помнится, в апреле или мае того же года докладывал мне о своей работе один из членов вооруженной группы, вернувшийся из Кореи, из района Манпхо. Он мне рассказывал то, что видел в горах своими глазами. «Знаете, – говорил он, – такие худенькие мальчишки, лет десяти не больше, руки и ноги у них как тоненькие палочки, собирали сухие ветки в сосновом бору. В разговоре они поведали, что у них в школе случайно срывались с языка корейские слова. Учитель услышал и, избив детей, наложил на них штраф. Вот они и собирают хворост, чтобы, продав его, уплатить штраф. Все они были второклассниками начальной школы».

Как рассказали мальчишки, японский учитель бил их деревянным мечом по ногам и спинам так, что на теле выступили багровые полосы. Он заставил их надеть на головы ведра и долго стоять на коленях на школьной площадке. Кроме того, на них был наложен штраф. Если в их классе, говорят, произнесешь одно корейское слово – пять *чон* штрафа, два – десять *чон,* а если три – исключают из

школы. В других школах и классах пока не применяют таких правил. Но в том классе, где классным руководителем был японец, корейским детям обязательно навязывалось употребление японской «родной речи».

Что ж, взимание японцами штрафа с корейских детей за употребление своего родного языка уже и не удивляет. Чего они, эти самураи, захватившие всю нашу страну, не наделают! Я уже давно часто слышал о том, что генерал-губернаторство в Корее не сидит на месте, «трудится» во всю силу, чтобы насильственно навязать корейцам японский язык. В одной из начальных школ провинции Северный Кенсан еще с конца 1931 года японцы насильственно запретили говорить по-корейски. Весной 1937 года генерал-губернаторство отдало приказ: в ведомствах и присутствиях всех ступеней Кореи оформлять все официальные документы только на японском языке.

Все это было неизбежным следствием, иначе быть не может при владычестве японского империализма! Тут нет ничего нового. Понимая это, я не мог сдержать гнев, который клокотал во мне.

Если человека лишить его языка, то он станет болваном без ума и способностей. А если это случится с нацией, то она перестанет быть нацией. Вместе с общностью крови общность языка является самым важным элементом нации. Это общепринятое понятие.

Можно сказать, национальный язык есть и дух нации. Поэтому лишить народ своего языка и уничтожить его – это все равно, что отрезать язык и выхолостить дух у всех членов данной нации. Это жестокая акция. У нации, лишенной государственной территории и суверенитета, остаются только ее язык и дух. Значит, японские империалисты хотят превратить всю корейскую нацию в живой дышащий труп. Сущность политики превращения корейцев в «верноподданных японского микадо» заключалась не в том, чтобы сделать корейцев гражданами первой категории, как японцы, и кормить их белым рисом. Нет, их намеревались превратить в слуги японцев, обязать по утрам «поклоняться в сторону императорского дворца» и «совершать паломничество в синтоистский храм», зубрить «присягу верноподданного японского микадо».

Лишение языка – это беда или гибель, которые касались не отдельного человека или нескольких человек. Это бедствие грозило всем нашим соотечественникам. В сущности такое злодейство ничем не отличалось от массовой кровавой бойни, когда стараются

истребить одним ударом меча все 23 миллиона наших соотечественников, заставив их построиться в один ряд.

Первейший признак колонизатора – жестокость, алчность и циничность. Это общепризнанный факт. Те, кто захватывал чужие страны, независимо от их гражданства и цвета кожи, все без исключения, отличались жестокостью, коварностью и наглостью. Но я слыхом не слыхивал и видом не видывал таких подлых и циничных деспотов – колонизаторов, которые лишили народ другой страны языка и письменности и заставляли закабаленных людей поклоняться их храмам.

Как неимоверно горька судьба корейской нации! Слушая члена вооруженной группы, сердце у меня обливалось кровью. «Надо скорее продвинуться на Родину, – решил я, – чтобы показать врагу, на что мы способны; показать, что корейская нация не умерла, она жива; что она ни в коем случае не бросит свою родную речь и письменность; что она не признает: «Япония и Корея – одно целое» и «Японцы и корейцы — от одних предков», отвергает политику превращения корейцев в «верноподданных японского микадо»; что наша нация не сложит оружия и продолжит войну сопротивления до тех пор, пока не будет разгромлена Япония. Чем скорее будет осуществлено это, тем лучше».

В начале мая 1937 года пришла еще одна потрясающая весть из Кореи. Это было подробное сообщение об аресте Ли Чжэ Ю – видного деятеля коммунистического движения в Корее. Его опубликовала в специальном номере из целых четырех страниц газета «Мэиль синбо». Это был большой материал, в котором, казалось бы, слишком подробно сообщалось о ходе седьмого ареста Ли Чжэ Ю. Рассказывалось, что шесть раз он был арестован полицией и всякий раз бежал. Говорилось и о его деятельности. Газета выдавала его чуть ли не за «последнюю цитадель при разгроме коммунистического движения в Корее», чуть ли не за «последнюю важную птицу в 20-летней истории» этого движения. Она громогласно заявила, что якобы арест Ли Чжэ Ю навсегда положил конец коммунистическому движению в Корее.

Вообще буржуазная политика строится на искусном обмане. А что касается правительственной газеты, выступающей в роли ее служанки, то, как всегда, за строчками скрывается подлая цель правящих классов. Не являлся исключением и внеочередной выпуск газеты «Мэиль синбо». Из самой его тщательной подготовки сразу

было видно, что это фарс, затеянный опытными интриганами, которые специализируются на антикоммунизме, глубоко забившись на задворках генерал-губернаторства.

Факт, что Ли Чжэ Ю – известный коммунист. Он был уроженцем Самсу. Переправился в Японию, где учился, сам себе зарабатывая деньги, участвовал в рабочем движении. По возвращении на Родину он включился в коммунистическое движение, считая Сеул ареной своей деятельности. Отвечая в основном за работу Пантихоокеанских профсоюзов, он руководил движением профессиональных и крестьянских союзов различных районов страны, передвигаясь вплоть до района Хамхына.

По слухам, его отличали дерзость, умение приспособиться к обстоятельствам. Обладал он и искусством менять свой внешний облик, поэтому каждый раз при арестах ему удавалось бежать. Газета решительно заявила, что теперь бегство стало для него абсолютно невозможно и что теперь пришел конец коммунистическому движению в Корее.

Жестокие репрессии японских империалистов над участниками коммунистического движения и их демагогическая лживая пропаганда действительно вводили многих в заблуждение. В этом отношении они, можно было сказать, добивались большого эффекта. Сообщали, что неоднократный повальный арест привел к развалу компартии. Даже те отдельные коммунисты, которых на воле осталось незначительное число, с арестом Ли Чжэ Ю прекратили свою деятельность. Читая такое, люди приходили в отчаяние, поддавались унынию. И даже среди тех, кто изучал коммунистическое движение как учение, появлялось немало людей, которые, впав в отчаяние, безнадежно опускали руки.

Японские империалисты тем самым очень точно выбрали мишень, цель которой была духовно разоружить корейскую нацию. Для этого они ничем не гнушались – ни грубыми заявлениями, ни елейными речами.

Они, с одной стороны, грозили оружием: «Либо подчиняйтесь, либо умрете!» А с другой – пичкали медоточивыми словесами: «Давайте пойдем и вместе совершим паломничество в синтоистский храм, ведь японцы и корейцы – от одних предков, Япония и Корея – одно целое»; «В Маньчжурии во всей красе обетованная земля, цветок примирения и согласия пяти наций, в Японии ждет вас благоденствие в цветущем вишневом саду. Идите в Маньчжурию

или в Японию и вы станете богатыми»; «На юге посадите хлопок, а на севере разводите овец и, став верноподданными Великой Японии, вы будете повелевать всей Азией».

Самый страшный трагизм корейской нации состоял в то время именно в угрозе ее духовного падения. Все, начиная от государственных органов японской империалистической диктатуры и кончая пластинками с записанными на них модными песнями, было подчинено одному – стереть Корею с лица земли, с корнем выкорчевать дух корейской нации. Корея превратилась в кромешный ад, где нельзя было жить людям. В Корее, на Востоке, все сгущалась тьма, подобная темной ночи. Шли дни и месяцы, но, казалось, тьме этой не будет конца.

«Какой из тебя мужчина Кореи, если тебе не удастся положить конец этой томительной ночи закабаления, ночи унижения?! Скорее пойдем на Родину! Продвинувшись на Родину, вольем жизнь в дух нации, страдающей в продолжительной кошмарной тьме». Таковыми были думы, которые не шли из головы каждого нашего бойца и командира в дни подготовки к выступлению на Родину.

Через Тяньшаншуй и Сяодэшуй мы добрались к середине мая до плато под Диянси. Там приводили в порядок отряды и вели агитационную работу в различных формах, чтобы подготовиться к продвижению на территорию Кореи. Одновременно с этим я вызвал к себе Пак Дара и встретился, чтобы поподробнее узнать его мнение о положении в стране.

Он сообщил нам неожиданную весть: крупные вражеские силы пограничной охраны, направляясь на север, переходят из районов Хесана и Капсана в сторону Мусана, куда продвигается отряд Чвэ Хена. Если эта информация достоверна, то отряду Чвэ Хена не избежать вражеского окружения. Нельзя сказать, конечно, что мы совсем не предусматривали возможность таких обстоятельств, но было неожиданным то, что враг так быстро отреагировал на движение революционной армии.

После Сиганского совещания, к апрелю 1937 года, Чвэ Хен, возглавив свой отряд, отправился в район боевых действий. Напутствуя его, я сказал, что надо остерегаться части Ли До Сона в Аньту. Это был самый злодейский из карательных отрядов в Маньчжурии.

В первые дни своего пребывания в Аньту Ли До Сон служил начальником дружины крупного помещика Шуан Бинцзуна в

Сяошахэ. Тогда и мне приходилось не раз слышать о том, что он, предаваясь распущенности и разврату, жестоко обращается с арендаторами, угрожая им штыками. Не на шутку перепуганный неоднократными налетами партизанских отрядов, Ли До Сон, считая всех голодранцев сторонниками компартии, чуть что, организовав налеты на деревни, поджигал их и снимал головы ни в чем неповинных людей. Ни дня не прошло без жалоб на Ли До Сона от населения.

Японские оккупанты, хорошо зная звериные повадки Ли До Сона, этого подручного высшей категории, именно его назначили командиром Аньтуского карательного отряда при командовании охраны в Цзяньдао. Этот карательный отряд состоял из молодчиков – выходцев из имущих классов, мечтающих о возмездии за революцию. Отличительная повадка Ли До Сона – не оставлять в живых тех, кто попал в его руки. Он был метким стрелком. Это признавали и мы, и его хозяева.

Чвэ Хен со своим отрядом совершал поход на север через крутые горы. Заманив врага непрерывными боями в глушь Фусуна, он вдруг изменил направление и продвинулся в район Аньту. Прибыв в Цзиньчан, отряд Чвэ Хена столкнулся с неожиданной преградой: вышла из берегов река, через которую он должен был переправиться. Остановились на привал. Часть бойцов приступила к строительству временного моста, а остальные только что уснули. Тут отряд Ли До Сона внезапно напал на них, открыв ураганный огонь.

Отряды находились по сторонам отвала пустой породы на золотом прииске. Между ними началась ожесточенная перестрелка.

В этой перестрелке, к несчастью, погиб Чжоу Шудун. В начале боя противник, захватив инициативу, в одностороннем порядке пошел в наступление. Но Чвэ Хен, приняв на себя командование отрядом вместо павшего Чжоу и быстро сманеврировав в тяжелейшей для него обстановке, перешел в контрнаступление. Он бил врагов беспощадно. Когда перестрелка между врагами и партизанами была в разгаре, рабочие прииска закричали: «Бежит Ли До Сон!» Они, наверное, хорошо знали этого бандита в лицо. Партизаны пустились в погоню за беглецом. Пулеметная очередь настигла Ли До Сона. В тот день отряд Чвэ Хена преследовал бегущего противника почти 6 километров, пока не разгромил его.

Бой в Цзиньчане получил широкую известность: возмездие постигло врага за те глубокие обиды, которые были причинены

карателями населению. Весть о том, что Чвэ Хен, убив Ли До Сона, разгромил его карательный отряд, была широко распространена газетами того времени. Вообще Чвэ Хен был широко известным военачальником.

Не обошлось в рейдовой операции в район Мусана, совершенной отрядом Чвэ Хена, и без трагических жертв: погибла Ли Ген Хи, слывшая «цветком 4-й дивизии». Эту тяжелую потерю оплакивали все воины.

Ли Ген Хи выросла в семье, отличавшейся высоким патриотическим духом. Все члены семьи погибли в революционной борьбе. Еще малолетней девочкой Ген Хи потеряла братьев и дядей, лишилась и бабушки. Ее отец был партизаном. Ген Хи тоже вступила в вооруженный отряд, чтобы мстить за погибших родных, которые закрыли глаза с глубокой обидой в душе. Сначала командиры не хотели принимать Ген Хи в отряд: ссылались на возраст. Но не в возрасте было дело, а в том, что если и она возьмет в руки оружие, то ни одного человека не останется от семьи Ли. Однако девушка упорно стояла на своем. Пришлось удовлетворить ее просьбу и принять в партизанский отряд.

Боевые друзья называли Ген Хи «цветком 4-й дивизии». Они не чаяли души в ней, относясь к ней, как к родной дочке и родной сестренке. Девушка отличалась редкой красотой, миловидным лицом, деловой хваткой, доброй душой. А как она красиво танцевала и пела! Весь отряд гордился ее самобытным талантом. Когда Ли Ген Хи вступила в партизанский отряд, командир дал ей пистолет, считая, что носить винтовку не по силам этой маленькой и слабой девушке. Но в боях с врагом пистолет ее не удовлетворял, и она ходила с карабином на плече. Даже иногда танцевала с этим ружьем на плече. Боевые друзья, продолжительно аплодируя ей, всегда вызывали ее на бис.

Ли Ген Хи обладала необыкновенным умением создавать в отряде теплую атмосферу. Увидит, например, что кто-то из бойцов рассердился или впал в тоскливое настроение, она непременно подойдет к нему, заговорит о чем-нибудь приятном, насмешит его умильной лаской и улыбкой. А если она станцует или споет, то и бойцы, падающие от усталости, вставали с места, собираясь с духом.

Ген Хи умела и шить, и вышивать. Сделанный ею кисет для любого бойца был бесценной вещью, предметом гордости. Говорили, что и жесткие травы, если они попадут в ее руки,

превратятся во вкусные блюда.

В боях с карателями Ген Хи всякий раз выбирала себе место отдельно от других бойцов и, ведя прицельный огонь, считала убитых врагов, которых настигали ее пули. В одном из боев она уложила сразу шестерых вражеских солдат. За время перезаряжения карабина убежали два-три карателя. Рассказывают, от досады, что «упустила» их, девушка даже прослезилась, кусая губы.

После боя в Почхонбо партизанские отряды, действовавшие на трех направлениях, встретились в Диянси, где состоялся объединенный митинг армии и народа. Именно там Чвэ Хен, вытирая платком навернувшиеся слезы, сообщил мне о гибели Ли Ген Хи. При виде этого безмолвно плачущего мужчины, в боевой обстановке грозного, как тигр, я до боли в душе почувствовал, какой тяжелой утратой является для всех нас гибель Ли Ген Хи.

Говорят, когда Чвэ Хен поднял с земли смертельно раненную Ли Ген Хи, между его пальцами неудержимо текла кровь.

– Это родная земля? Все-таки мне посчастливилось ступить на родную землю. Будьте смелыми и бейте врага и за меня!..

Это была ее предсмертная воля, которую она высказала своим боевым друзьям, закрывая глаза на руках у Чвэ Хена.

Позже пал от рук врага и ее отец – во время подпольной деятельности в районе Хвэрена.

Отец и дочь были захоронены на земле Родины. После освобождения страны по моей просьбе ее друзья – однополчане отправились в район Мусана, чтобы найти ее останки. Но как ни старались – не нашли. Точное место ее гибели никто не запомнил. К тому же захоронение проходило поспешно, да и холмика над могилой не делали...

Так мы, делая шаг за шагом по камням, обагренным кровью боевых друзей, совершали поход на Родину.

Отряд Чвэ Хена, продвинувшись в район Пульгынбави, что под Мусаном, нанес там удар противнику, а затем скрылся на маньчжурской территории. Потом, совершив налет на 7-й лесной склад японских лесоразработок в селе Санхынкенсу, что на юго-востоке от горы Пэкту, молниеносно продвинулся в сторону горы Пэгэ. Охранные отряды особого назначения, войсковые и полицейские подразделения врага, расквартированные в Хесане, Хоине, Синпха, поспешно направились по шоссе в сторону горы Пэгэ.

Чвэ Хен послал к нам связного, через которого он коротко

передал нам о положении дел в отряде. Он не просил помощи, сообщил нам о передвижении врага, чтобы дать возможность нам учесть маневры противника в своих тактических соображениях.

Вообще Чвэ Хен был человеком, не считающимся ни с какими трудностями. Не было сомнения в том, что такой бывалый военачальник, как Чвэ Хен, всеми своими силами преодолеет возникшие препятствия. Однако нельзя было излишне оптимистично смотреть на развитие общей обстановки. Неожиданное изменение ситуации серьезно влияло на наши боевые действия. Все это заставило нас придумать хитроумную тактику, рассчитанную не только на спасение отряда Чвэ Хена, рисковавшего попасть в полное окружение врага, но и на осуществление операции по выступлению на территорию Родины.

Собрав командиров, я поставил перед ними следующий вопрос.

– 4-я дивизия во вражеском окружении, – говорил я. – Чвэ Хен выражает надежду, что своими силами вырвется из него. Поверив ему, можем ли мы сидеть сложа руки? Если его надежда не оправдается, тогда как нам поступать? Отложить выступление на Родину и спасать прежде всего отряд Чвэ Хена? Или же первым делом продвинуться на территорию Кореи, а вслед за этим предпринять спасательные меры? А, может быть, верным будет решение провести сразу две операции, разделив силы нашего главного отряда на две части? Какой пункт в стране можно считать самым идеальным для нанесения удара, чтобы спасти отряд Чвэ Хена?..

Все настороженно уставились на меня. Все заданные вопросы были актуальными и очень серьезными. С самого начала возник горячий спор. Если резюмировать предложения командиров, то они сводились в основном к двум категориям.

Одни требовали первым делом спасти отряд Чвэ Хена. Для этого противнику, продвинувшемуся на север, следовало бы нанести удар по затылку. А потом, сообразуясь с обстоятельствами, в подходящее время совершить рейд в Корею.

Это предложение встретило отпор многих товарищей. Они заявили, что если главные силы первым делом проведут операцию по спасению отряда Чвэ Хена, то, разумеется, эта затея завершится удачно. Но как только враги услышат наши выстрелы, они могут потоком хлынуть по дорогам из районов северной части Кореи и Западного Цзяньдао. И тогда уже главный отряд может оказаться перед опасностью вражеского окружения.

Другие утверждали, что отряд Чвэ Хена боеспособный, поэтому он сможет любой ценой сам вырваться из вражеского окружения. Значит, надо действовать по заранее предусмотренному плану — как можно быстрее ударить по Хесану, находящемуся на передней пограничной линии. Тогда противник, будучи в замешательстве, должен будет снять окружение отряда Чвэ Хена и поспешить в ту сторону, где раздались выстрелы.

Но и это предложение не получило одобрения собравшихся из-за недостаточной обоснованности. Отряд Чвэ Хена боеспособный, это факт, говорили возражавшие, но частые бои и поход, может, лишили его способности вырваться из окружения; даже если наши главные силы совершат налет на Хесан, вряд ли враг, продвигающийся к северу, в район Мусана, находящийся вдали от Хесана, снимет свое кольцо вокруг отряда Чвэ Хена и повернется назад...

Тогда я выдвинул предложение объединить эти две операции в одно целое.

– Мы должны непременно продвинуться на территорию Кореи. В этом не может быть ни изменения, ни отмены. Мы обязаны также как можно скорее спасти отряд Чвэ Хена. Ссылки на важность операции по выступлению в Корею не могут оправдать нас, если мы оставим товарищей по революции на растерзание врага. Где же тогда выход? Мое решение таково: ударить по одному пункту в стране и поймать сразу двух зайцев...

Когда я произнес слова «один пункт», командиры не могли скрыть своего любопытства. От имени всех собравшихся Ли Дон Хак обратился ко мне:

– Какая местность подразумевается под этим пунктом?

Я, указывая местность на карте, продолжал свое объяснение:

– Выбирая тот пункт, мы должны учесть следующие моменты: он должен находиться не на слишком отдаленном расстоянии от горы Пэгэ, где сосредоточены вражеские силы. Лучше даже, если он будет под самым их носом. Только тогда наша операция по выступлению на территорию Кореи может дать эффект в двух направлениях. Важнейшим опорным пунктом врага, находящимся на самом ближайшем расстоянии от горы Пэгэ, является городок Почхонбо. Он расположен между горой Пэгэ и Хесаном. Надо ударить по Почхонбо, тогда враги, сосредоточенные в направлении горы Пэгэ, опасаясь оказаться в окружении наших главных сил и отряда Чвэ Хена, могут отказаться от боя на окружение и от преследования,

отвести свои войска с того рубежа, куда они уже продвинулись. Если ударить по Почхонбо, то это может вызвать в стране потрясающую сенсацию, не хуже, чем ударить Хесан. Поэтому можно успешно достичь цели наступления на территорию страны. Ключ к решению вопроса – нанести удар по Почхонбо...

Выслушав мое предложение, командиры соглашающе закивали головами.

Я задал им еще следующие вопросы.

– Чтобы нанести удар по Почхонбо, надо учесть ряд моментов. Во-первых, сможет ли отряд, насчитывающий несколько сотен человек, дать внезапный бой – молниеносно ворваться в плотную сеть пограничных кордонов врага и, нанеся удар по нему, молниеносно вырваться из этой сети? Во-вторых, это не простой удар огневыми средствами. Наша важная задача – вселить в сердца народа внутри страны веру в победу. Поэтому, ведя огонь, надо одновременно быстро проводить мощную политическую агитацию. Есть ли у нас возможность такой оперативной пропаганды и агитации? В-третьих, на этот раз мы намерены создать образец совместной операции отряда революционной армии и подпольных организаций для достижения общей цели. Возможно ли это?

Эти три вопроса были не из легких, и среди командиров снова воцарилась напряженная атмосфера.

Но вот, нарушая тишину, раздался веский голос Квон Ен Бека.

– Товарищ командующий! Можем справиться. Ждем только вашего приказа.

– Есть ли у вас гарантии для этого? – спросил я немедля, уже зная, что иначе не может быть его ответ.

– Есть, конечно: Почхонбо – это же родная земля!

Мне казалось, что я не столько слушал его ответ ушами, сколько сам воскликнул так. Какое совпадение! Мы с Квон Ен Беком сошлись в мыслях! И другие товарищи, думал, в душе ответили то же самое. Это был ответ, раздавшийся в сердцах у всех наших товарищей.

Как же нам, корейским коммунистам, одерживавшим победу за победой и в дожди, и в вихри на чужбине, не побеждать на любимой Родине, которая дала нам жизнь и дух!

Собрание было короткое, но обсуждали на нем многое. К сожалению, время стерло из памяти все его подробности. Но и поныне я слышу уверенный голос Квон Ен Бека: «Почхонбо – это же родная земля!» И в те минуты, когда нам предстояло совершить

исторический поход – наступление на территорию Кореи, в наших сердцах воцарилась горечь рабов, лишившихся огромного существа, имя которому – Родина.

2. Пламя в Почхонбо (2)

В селе Диянси, что в Шицзюдаогоу уезда Чанбай, мы формировали отряд для рейда на Родину. Тогда же все бойцы получили летнее обмундирование. До этого, думаю, не было еще случая, чтобы наши партизаны были одеты так прилично. В новенькой, одинаковой форме, выстроившись в длинную цепочку, мы тронулись в путь, оставив село.

Цель нашего похода заключалась не в простом передвижении с одной позиции на другую по оперативным соображениям. К этому рейду корейские коммунисты, проливая кровь, готовились долгие годы. Под небом чужой страны они, горько переживая судьбу многострадальной Родины, делали все для ее возрождения. Чтобы загрохотали залпы на родной земле, мы и шли в рейд с таким чувством, что наконец-то возвращаемся к своим любимым родителям после долгой разлуки. И одеться и снарядиться старались как можно лучше с тем, чтобы показать народу на Родине нашу революционную армию с самой лучшей стороны.

Среди старых военных форм были и такие, которые шились каждым по своему вкусу. Форменную одежду революционной армии, как правило, шили наши партизанки-швеи. Однако, когда не хватало рабочих рук, привлекали к шитью и сельских женщин, и поэтому изготовленная ими форма не всегда выглядела достойно. Редко, но случалось, когда в отряде пестрели различные одежки – одни были в военной форме, а другие в гражданской одежде.

С того момента, когда я принял решение вступить в пределы Кореи, было запланировано всем бойцам отряда сшить военную форму по новым эскизам, предложенным командованием: фуражка с красной звездочкой, на воротнике куртки – петлицы; мужчинам брюки в галифе, несколько измененные для удобства действий в партизанских условиях; женщинам юбку в складку или брюки; верхняя одежда для мужчин и женщин состояла, как и прежде, из двубортной куртки со стоячими воротничками.

В Янмудинцзы мы наметили изготовить 600 комплектов такой одежды. С этим заданием в Чанбай были направлены бойцы интендантской службы, в том числе и партизанки-швеи. Если судить по обстоятельствам того времени, когда нам приходилось продолжать

поход в Фусун в неимоверно тяжелых условиях, пренебрегая порой большой опасностью, нам было не до форменной одежды. Продовольствие тревожило нас больше, чем военная форма. У нас нечем было утолять голод. Однако, несмотря на это, мы предусмотрительно запланировали сшить несколько сотен комплектов, рассчитывая на будущее, когда придется совершить рейд на Родину.

Каких только трудностей не пришлось перенести О Чжун Хыбу и Ким Чжу Хену для решения этой задачи!

О муках, которые испытала интендантская группа О Чжун Хыба на пути от Сигана до Чанбая, и писали, и вспоминали многие ветераны революции. Однако ими раскрыта далеко не вся картина этих тягот.

Во время нашего похода на север, в Фусун, нам посчастливилось иметь какое-то количество продовольствия, которое мы взяли в качестве трофея в бою под Лиминшуем. Но у интендантской группы, с которой О Чжун Хыб шел в Чанбай, не было даже горстки зерна. Голодные, истощенные бойцы шли, едва переставляя ноги. Голод пытались утолить водой, но через день-другой становилось ясно, что такой «пищей» невозможно заглушить нестерпимые муки. Пытаясь найти выход из смертельного положения, они направились в сторону Дуаньтоушаня, надеясь найти там коровью голову, зарытую в землю после боя на Дуаньтоушане, сварить ее и хотя бы немного утолить голод. Но оказалось, что звери опередили бойцов, и на их долю остались лишь кости... Но все же группа О Чжун Хыба отварила их и этим бульоном кое-как подкрепилась. Но этой «сытости» хватило ненадолго. Вскоре голод начал грозить бойцам смертью. А тут еще ко всем бедам прибавился мороз. У всех одежда была разорвана в клочья острыми, как лезвие бритвы, краями ледяного наста. Сквозь лохмотья светилось голое тело. Бойцы до того замерзали, что чуть было не погибали от холода.

Если бы они хоть на минуту потеряли надежду о скором продвижении на территорию Родины, то, может быть, они, уже не имея сил снова подняться, упали бы в таежные сугробы под Фусуном или Чанбаем, никогда бы не встали.

Вот что позже рассказал нам об этом Ким Чжу Хен.

Когда в Сяодэшуе появилась группа О Чжун Хыба, ее вид был очень ужасен. На людей нельзя было смотреть без слез. В них едва теплилась жизнь. Их привели к себе жители Сяодэшуя. Разрезав ножницами лохмотья, которые никак нельзя было назвать одеждой, они переодели их. На телах многих запеклась кровь со льдом.

Пришлось первым делом продезинфицировать их раны соленой водой и удалить замерзание. О Чжун Хыб и все его бойцы обморозились. Но, удивительное дело, едва к ним возвратилось сознание, они тут же попытались сесть за швейные машины. Узнав об этом, члены организации ЛВР в Сяодэшуе и все другие сельчане наперебой стали ухаживать за ними, чтобы они скорее поправились. Партизаны и жители села вместе достали ткани на 600 комплектов обмундирования и вместе сшили их, работая рука об руку.

Когда-то Пак Ен Сун сказал мне, что если поведать обо всем том, какие именно невзгоды приходилось переносить бойцам и населению в Чэчанцзы в годы антияпонской революционной борьбы, то подрастающее поколение, пожалуй, не поверит. Поэтому ему часто приходится рассказывать о том времени, пропуская или сокращая наиболее тяжелые моменты из жизни партизан и жителей.

Думаю, в этом есть истина. Кому не пришлось испытать на себе тягот периода антияпонской революции, тот, наверное, не сможет ясно понять суровую действительность того времени, какой бы силой воображения ни обладал он.

Однажды я прочитал военный журнал, изданный в Советском Союзе. В нем рассматривался советский патриотизм как ядро советской военной мысли. Я считал правильным подход советских людей, которые видели в социалистическом патриотизме ядро советской военной мысли.

И ядро военной мысли Корейской Народно-революционной армии, которое проходило красной нитью через ее характер и деятельность, заключается в любви к Родине и ее народу. Мы постоянно воспитывали всех бойцов антияпонской партизанской армии так, чтобы они в любое время и в любом месте вели себя как настоящие освободители, как надежные защитники Родины и народа. Если дело касалось Родины, то они были готовы с радостью погибнуть и превратиться в горсть земли. В этом именно была суть патриотизма, дух которого господствовал в жизни антияпонской партизанской армии.

Когда О Чжун Хыб прибыл в Диянси с 600 комплектами обмундирования, был конец мая.

Весь походный отряд одел новенькую форму, которая была оплачена потом и кровью товарищей по борьбе.

В начале июня 1937 года отряд из Шицзюдаогоу отправился в путь. Пройдя через поселения Эршидаогоу, Эршиидаогоу и

Эршиэрдаогоу, мы прибыли в место, откуда рукой подать до горы Коуюйшуйшань. Нас проводил тогда Чхон Бон Сун из Шицзюдаогоу. Он, указывая на пологую гору, высящуюся перед нами, сказал:

– Это – Яньчаофэн (Ласточкино плато – ред.). А там, через реку Амнок, на той стороне, лежит гора Кончжан – это уже родная земля.

Отдохнув немного в селе под горой Коуюйшуйшань, отряд поднялся на плато Яньчаофэн. Это были предрассветные часы 3 июня. Казалось, родные горы, как бы соперничая своим величием друг с другом, радушно встречали нас.

На плато Яньчаофэн бойцы в тот день расположились на отдых.

Передовая группа во главе с Ким Ун Сином отправилась в запань Коуюйшуй, чтобы подготовить мост из плотов. Ночью 3 июня отряд переправился через реку Амнок.

До той поры, пока через реку не перешли все бойцы, меня не покидало неведомое душевное напряжение. Пограничная стража была строгой и плотной. Врагам мало показалось первой, второй и третьей охраны. Они воздвигли и четвертый пограничный кордон.

В северной пограничной зоне насчитывалось более 300 полицейских учреждений и пунктов. Только в них, не считая других мест, разместились карательные силы в несколько тысяч человек. Они обладали высокой мобильностью. В Хесанском полицейском отделении была даже создана так называемая «пограничная охрана особого назначения», которая противостояла продвижению КНРА в пределы Кореи. Позже Огава Сюити, бывший командир этой пограничной охраны, откровенно признался, что это было отборное подразделение, основной задачей которого было проведение карательных операций против партизанских отрядов.

Пограничные полицейские пункты и будки были окружены траншеями, земляными стенами, проволочными заграждениями и деревянными заборами и другими искусственными заграждениями. На важных местах – наблюдательные вышки и ходы сообщения. Полицейский гарнизон провинции Северный Пхеньан имел на вооружении даже самолет и два катера с пулеметами. Там были расставлены и прожекторы. Казалось, они способны заметить не только каждого человека, но и даже мелких зверюшек и птиц. Поступали сведения о том, что вражескому гарнизону в провинции Северный Хамген придан один катер и что между всеми полицейскими учреждениями, находящимися в пограничных

районах вдоль рек, распределились пулеметы, прожектора, бинокли и каски. На первый взгляд, через такую охранную цепь невозможно было проникнуть на территорию Кореи особенно крупным силам.

Но как бы ни были прочны пограничные кордоны, это не могло поколебать нашу волю.

Вода в запани Коуюйшуй своим гулом перекрывала шум нашей переправы. Казалось, вся сложная история корейской нации нового времени, сгустившись в этом гуле, рассказывает мне на ухо всякую всячину...

Немедля мы поднялись на гору Кончжан – невысокую плоскую гору, покрытую дремучим лесом. Здесь, в лесу, отряд остановился на ночлег, выставив часовых.

На следующий день с утра начали готовиться к бою. Дел было много: подготовили декреты, листовки, воззвания, провели совещание командиров, организовали разведку. Очень важно было уточнить на месте все ранее добытые сведения о противнике. Послали Ма Дон Хи и Ким Хвак Сир в Почхонбо на разведку. Они переоделись в простых крестьян, стали «супругами». Под подходящими предлогами они проникали в различные учреждения и, шумя и балагуря, собирали нужные сведения. Информация была подробной, тщательно проверенной. Из нее мы узнали даже о том, что вечером у начальника конторы лесной охраны состоится прощальный банкет по случаю перевода его на другое место службы.

В наших руках сосредоточились достаточно подробные сведения о Почхонбо, полученные по разным каналам. Мы воспользовались не только связью Квон Ен Бека и Ли Чжэ Суна, но и связью Пак Дара, что помогло «увидеть» расположение врага, как говорится, стереоскопически.

После того, как пали сумерки, мы спустились с горы. Как только отряд вошел в городок, рассредоточились группами. Каждая из них заняла назначенное ей место.

Командный пункт расположился под тополем, на подступах к улицам городка. Оттуда до полицейского участка, нашего главного объекта удара, – примерно сто метров. Говорят, в условиях уличного боя почти не случалось такого, чтобы командный пункт находился на таком малом расстоянии от противника. Это, можно сказать, одна из важнейших особенностей боя в Почхонбо. Командиры предлагали мне переместить КП подальше от городка. Но я не принял во внимание их совет. Моим желанием было «втянуть» самого себя в самое пекло боя.

Поэтому я и определил место командования там, откуда мог в каждое мгновение «ухватить» ход сражения.

Из общей картины событий перед схваткой с врагом до сих пор свеж в моей зрительной памяти вид простых людей, игравших в национальные шахматы во дворе крестьянского дома, находившегося возле командного пункта. Если бы это случилось во время подпольной работы, то я поговорил бы с шахматистами, возможно, даже подсказал бы кому-то нужный ход.

Ровно 10 часов вечера. Высоко подняв над головой маузер, нажал на спусковой крючок. Звук выстрела разнесся по ночной улице, будто говоря о том, что мне хотелось в течение более 10 лет сказать нашим соотечественникам на Родине. Этот выстрел, как об этом напишут позднее наши поэты, был поклоном Родине-матери и сигналом, вызывающим разбойников-япошек на суд возмездия.

По моему сигналу со всех сторон раздались оглушительные выстрелы наших бойцов, которые начали громить вражеские учреждения. Главный удар наносился по полицейскому участку – этому логову блюстителей порядка, цитадели, на которую они опирались, творя репрессии и злодеяния. Пулемет О Бэк Рёна беспощадно поливал свинцовым ливнем окна этого участка. Зная о том, что в помещении лесной охраны соберется много врагов, мы нанесли и по нему ощутимый удар. В одно мгновение на улицах как-будто все перевернулось вверх дном. Связные один за другим прибегали к тополю и докладывали мне о ходе боя. Я напоминал им каждый раз, что ни в коем случае нельзя причинять ущерб населению.

Скоро то там, то тут взметывались к небу языки пламени. Огнем были охвачены сразу помещения волостной управы, почты, лесной охраны, пожарной команды, другие управленческие здания врага. Городок был освещен так ярко, будто сцена театра под светом нескольких больших ламп.

При обыске почты наши бойцы обнаружили металлический ящик, в котором находилось большое количество японских монет. Покидая Почхонбо, партизаны разбрасывали монеты по улице.

Очень впечатлял вид О Бэк Рёна. Он не находил себе места от радости, захватив на полицейском участке пулемет с подписью «пожертвование от общества женщин-патриоток».

Я направился в центр городка в сопровождении Ким Чжу Хена. Жители вели себя вначале очень робко – перепугались стрельбы. Но лозунги, которые громко провозглашали наши агитаторы,

подействовали на них ободряюще. И вскоре со всех уголков потоком хлынула толпа. Вот как о том событии писал поэт Чо Ги Чхон: «Толпы, озаренные пожаром, шумят и плещут, как морской прибой». Это, я бы сказал, очень подходящее сравнение.

Толпа, окружив нас, бурлила, как море. Квон Ен Бек тихо сказал мне на ухо: «Все-таки придется вам произнести речь – поприветствовать соотечественников на Родине».

Я оглянулся вокруг и увидел мгновенно, что на меня устремлены яркие, как звезды, глаза всех собравшихся людей. Я снял военную фуражку, поднял над головой руку и, помахав ею, произнес перед скоплением народа антияпонскую речь, проникнутую духом твердой веры в победу.

– Снова встретимся в день освобождения Родины!

Этим уверенным обещанием я закончил свою речь и покинул площадку перед волостной управой, охваченной пожаром. Я ушел, но сердце у меня еще долго щемило от ощущения непреходящей острой боли, как ножом режущей тело.

Все мы уходили, оставив на этой улице небольшого пограничного городка часть своего сердца. В сущности это были беззвучные рыдания остающихся и уходящих сердец.

Вскоре отряд поднялся на гору Кончжан. И здесь случилось для военных людей совершенно невероятное: бойцы разошлись из строя без команды. Оказывается, все – и рядовые, и командиры – брали горсть родной земли и клали ее в свой вещмешок. Горсточка – это всего-навсего мельчайшая частица в сравнении с целой территорией страны, составляющей 220 тысяч квадратных километров. Однако она – драгоценнейший символ всей территории страны, раскинувшейся на три тысячи *ли*. В ней воплощен дух 23 миллионов соотечественников. И для бойцов эта горстка своей земли дорога и бесценна, как и вся Родина.

«Сегодня мы возвращаемся, разгромив один городок, но завтра мы разгромим сто и тысячу таких городков. И пусть сегодня мы уходим, храня у себя горсть родной земли, но завтра мы, обязательно освободив всю страну, провозгласим: «Да здравствует независимость Родины!»

Дав себе такую клятву, мы снова переправились через реку Амнок.

Бой в Почхонбо был небольшим – сражались мы без пушек, без самолетов и танков. Это был обыкновенный налет, в ходе которого

винтовочно-пулеметный огонь сочетался с агитационными речами. Не велико было и число убитых и раненых. С нашей стороны вообще не было ни одного убитого.

Бой оказался как бы односторонним налетом. Поэтому некоторые бойцы даже выражали сожаление. Однако в этой схватке в высшей степени были применены методы ведения партизанских боев. Здесь были как на ладони тесно увязаны все элементы боя: четко определена его цель, безошибочно выбрано время начала штурма, обеспечена его внезапность, действенная агитация и активная пропаганда на фоне огня пожаров.

Цена операции и войны в целом определяется не только их военным значением, она оценивается и их политическим значением. Верю, что нетрудно догадаться в этом тому, кто знает, что война есть продолжение политики, проводимой иными средствами. С этой точки зрения мы можем сказать, что провели исключительно крупный бой.

Бой в Почхонбо доставлял нам большое удовлетворение, нанеся ощутимый ущерб японскому империализму, считающему себя чуть ли не королем Азии в Корее и на маньчжурской земле. КНРА, вступив в пределы Кореи (о безупречности охраны ее безопасности самоуверенно заявляло генерал-губернаторство в Корее), одним ударом разгромила все органы правления волостного центра. Это вызвало среди японцев большой страх. Для них случившееся явилось громом с ясного неба. Об этом говорят и признания военных и полицейских противника, свидетелей картин того дня: «Кажется, получил сильный удар по затылку», «Такая обида у нас в душе, что в одно мгновение сгорало все сено, заготовленное в течение тысячи дней».

Если раньше Корея, эта малая и слабая страна, на международной мирной конференции[11] выпрашивала у держав независимость, обвиняя Японию в преступлениях, то теперь она имела революционную армию, которая беспощадно громила войска Японии, бахвалившейся как «одной из пяти мировых держав». Бойцы этой армии, перелетев, как ветер, через «железную стену», возведенную японскими империалистами, нещадно карали захватчиков. Этот знаменательный факт не мог не вызвать широкие отклики в мировых масштабах.

Боевыми действиями в Почхонбо мы показали, что японский империализм – своего рода существо, подобное хламу: ударишь

мечом по нему – разобьется на части, а подожжешь его – сгорит, как солома или труха. Для народа Кореи, которой не светили ни солнце, ни луна, пламя, взметнувшееся к ночному небу над Почхонбо, было заревом, предвещающим возрождение нации.

«Тоньа ильбо», «Чосон ильбо», «Кенсон ильбо» и другие влиятельные газеты страны одновременно опубликовали материалы о бое в Почхонбо под впечатляющими заголовками. О тех событиях широко информировали общественность японское агентство «Домэй», газеты «Токио нитинити симбун» и «Осака асахи симбун» и многие другие японские средства массовой информации. Высказались и китайские газеты, в том числе «Маньчжоу жижисиньвэнь», «Маньчжоубао» и «Тайвань жижисиньбао». Об этом бое сообщало и ТАСС, советские газеты «Правда» и «Красное знамя» не пожалели своих полос для этого. Выстрел, раздавшийся на окраине малой и слабой страны, этой восточной колонии, привел весь мир в удивление и восторг. К тому времени журнал «Тихий океан», выходивший в Советском Союзе, поместил статью под заголовком: «Партизанская борьба в северных районах Кореи». В ней подробно рассказывалось о нашей борьбе против японских империалистов. С этого самого времени, думаю, советская печать стала широко сообщать о нашем имени и о нашей борьбе.

Публикации о бое в Почхонбо были помещены и на страницах журнала «Курьер Востока», изданного на эсперанто.

Издатели журнала ставили перед собой цель – вывести на чистую воду варварство и грабительскую сущность японских империалистов, ознакомить читателей с ходом антияпонской войны и пропагандировать культуру Востока.

Публикации журнала можно было перевести и переиздать в разных странах. Благодаря этой направленности журнала вести о бое в Почхонбо широко распространялись во многих странах.

Бой в Почхонбо ярко продемонстрировал всему миру революционную волю и несгибаемый боевой дух нашего народа, направленные на то, чтобы положить конец колониальному господству японского империализма и вернуть себе национальную независимость и суверенитет. Он также недвусмысленно показал стойкие антиимпериалистические и самостоятельные позиции, которых корейские коммунисты неизменно придерживались на всем протяжении своей деятельности, продемонстрировал их умение беспрекословно выполнять уже принятые решения и их

мощную боеспособность.

Этот бой показал также, что не кто иной, а именно коммунисты, эти ведущие силы антияпонской вооруженной борьбы, представляют собой самых искренних, настоящих патриотов, пламенно любящих Родину и нацию, и являются самыми самоотверженными и ответственными борцами, способными победоносно осуществить дело национального освобождения. Боевыми действиями в Почхонбо мы также положили начало моменту, дающему народу на Родине возможность всей нацией влиться в общий поток антияпонского революционного движения и особенно в его сердцевину – вооруженную борьбу. После боя создалась атмосфера, значительно способствующая созданию партийных организаций и организаций ЛВР в стране.

Бой в Почхонбо не только показал нашему народу, уже думавшему о полной гибели Кореи, что Корея отнюдь не умерла, что она жива. Этот бой вселил народу веру в то, что если он поднимется на борьбу, то непременно добьется национальной независимости и освобождения. Именно в этом и заключается самое важное значение этого боя.

Боевые действия КНРА в Почхонбо дали поистине большой толчок народу на Родине. Как мне известно, Ре Ун Хен[12], услышав о них, тут же отправился на место боя. Весть о тех событиях, кажется, на самом деле сильно взволновала его.

После освобождения страны я встретился с Ре Ун Хеном в Пхеньяне. Вот что он рассказал мне: «Когда узнал о том, что партизанский отряд дал бой в Почхонбо, я воспрял духом, будто почувствовал, как в одно мгновение сняты все обиды и горечи обреченного народа, который жил в унижениях и оскорблениях в течение более чем 20 лет при японцах. Побывав в Почхонбо, я сам себе сказал: «Теперь все будет в порядке! Жив дух Тангунской Кореи[13]!» И честное слово, при мысли об этом на глаза навернулись слезы».

По словам Ан У Сэна, Ким Гу[14] тоже с большим волнением встретил весть о событиях в Почхонбо. Долгое время Ан У Сэн был личным секретарем Ким Гу в Шанхайском временном правительстве.

Однажды Ким Гу, перелистывая страницы газет, заметил статью о бое в Почхонбо. Он был так сильно взволнован, что, отворив настежь окно, несколько раз воскликнул: «Жива пэдарская нация[15]!»

Тогда Ким Гу сказал своему секретарю: «Время ныне суровое. Китайско-японская война на носу. И люди, выдававшие себя за какого-то заядлого деятеля движения, все без исключения скрылись

на задворках. Именно в таком урагане событий Ким Ир Сен, возглавив армию, вторгся в пределы Кореи и нанес лобовой удар самураям. Какое это отрадное дело! Теперь наше временное правительство должно оказывать помощь Полководцу Ким Ир Сену. На днях пошлем человека в сторону горы Пэкту».

Этот эпизод, как один из самых лучших примеров, говорит о том, какое большое доверие оказывали после боя в Почхонбо Ким Гу и другие известные лица, действовавшие внутри и вне страны, коммунистам, непосредственно участвовавшим в антияпонской вооруженной борьбе. Такая атмосфера создавала благоприятные условия для объединения патриотически настроенных различных слоев населения в единый антияпонский национальный фронт. После боя в Почхонбо у многих деятелей национального движения сложилось очень хорошее мнение о нас. Оно сохранялось и после освобождения страны. Это в немалой степени содействовало сотрудничеству с ними в строительстве новой Кореи. В этом смысле, можно сказать, мы также пользовались большими дарами боя в Почхонбо.

Незабываемый мой друг в годы жизни в Бадаогоу, Ким Чжон Хан рассказывал, что когда он учился в Токио, подрабатывая разносчиком газет, о бое в Почхонбо узнал из газеты «Асахи симбун». Однажды произошло это так. Ранним утром он зашел в филиал редакции газеты. Хозяин велел: «Сегодня возьми дополнительно еще сто экземпляров сверх нормы». Раздумывая над тем, почему филиал дает такое распоряжение, Ким Чжон Хан раскрыл странички. И тут увидел потрясающую статью о том, что отряд Ким Ир Сена дал бой в Почхонбо. Тогда он еще не знал, что Ким Ир Сен, который совершил налет на Почхонбо, – это и есть тот самый Ким Сон Чжу, с которым он дружил в годы жизни в Бадаогоу.

После этой вести у Ким Чжон Хана, как интеллигента, начались мучительные переживания. Он не раз спрашивал себя: «Что я именно делаю в Японии, когда патриотически настроенная молодежь борется с оружием в руках против японцев! Правильно ли поступаю, что учусь в вузе ради куска хлеба насущного?»

Самокритика Ким Чжон Хана переросла в серьезную решимость отправиться на поиски партизанского отряда и взять оружие в руки. Решив вступить в партизанскую армию, он немедленно покинул Японию и вернулся на Родину. Его жизнь по возвращении в Корею была целиком посвящена поискам антияпонского партизанского отряда. Только здесь, на Родине, Ким Чжон Хан узнал, что

Ким Ир Сен, который дал бой в Почхонбо, и Ким Сон Чжу из детских лет – одно и то же лицо. И все сильнее и сильнее росло в нем стремление отправиться в горы Пэкту. Но так и не осуществилось его желание стать бойцом. Наша встреча состоялась лишь после освобождения страны.

Как показывает судьба Ким Чжон Хана, бой в Почхонбо вызвал большие изменения и в жизни корейских прогрессивно настроенных интеллигентов. Пламя в ночном небе над Почхонбо осветило, как мощный факел, пути к настоящей жизни всем совестливым людям и патриотам Кореи.

3. Объединенный митинг армии и народа в Диянси

После боя в Почхонбо отряд отправился в обратный путь. Когда колонны добрались до Коуюйшуйгоу, через своих командиров бойцы обратились ко мне с просьбой дать им денек отдохнуть. За весь период антияпонской войны до тех пор, думается, не было такого случая, чтобы сами бойцы просили у командования передышки. Понятно было, как они выбились из сил, если обратились ко мне с таким ходатайством. Да и то сказать: к тому времени нашим бойцам и командирам не дано было хоть денек провести спокойно.

Конечно, была у нас остановка на целый день в горах Кончжан. Но тогда было не до сна: люди испытывали душевное возбуждение. Не спали, но во всяком случае не чувствовали физической усталости. А вот теперь, когда кончился бой, незаметно спадала напряженность, которая царила в отряде. Передышки и покоя хотели все – и бойцы, и командиры. И я сам ощущал переутомление, сказывалось недосыпание.

Было и еще одно обстоятельство, говорившее за необходимость отдыха: об этом попросили и местные крестьяне. Они говорили нашим командирам: «Мы же и приготовили паровые хлебцы, и зарезали свинью. Просим, учтите добрую волю сельчан». Услышав о хлебцах и свинине, голодные бойцы навострили уши. Даже комиссары полков поддакивали и попросили меня уважить сердечную просьбу местных жителей.

Однако я не мог разрешить отдых. В подобной ситуации командирам еще более, чем в другое время, необходима высокая бдительность. Если расслабишься после перехода через границу – навлечешь на себя большую беду. Нет сомнения в том, что пограничному гарнизону противника отдан приказ о чрезвычайной мобилизации, в стане врага поднята большая сутолока. Лишь бог знает, когда бросятся в бой против нас эти вражеские войска. Враги наверняка преследуют нас. Так было всегда, опыт у нас имелся. Вопрос был лишь в том, в какое именно время появятся враги? И с тыла, сбоку или впереди нас? Мне казалось, по не очень зрелому размышлению,

что оставаться здесь более чем на полчаса нельзя. Да и село небольшое, всего в несколько дворов, и мне думалось, что нельзя за короткое время накормить здесь сотни военных и носильщиков.

Я велел раздать жителям часть трофеев и припасти каждому в походном мешке сверток со скомканным вареным рисом. В то же самое время я отпустил домой некоторых носильщиков из Почхонбо, которые следовали за нами с партизанскими ношами. После этого поднялся на гору Коуюйшуйшань вместе с отрядом и оставшимися с нами носильщиками. Предчувствие подсказывало мне, что именно здесь развяжется бой, если суждено ему быть. Гора была каменистая, она имела большой уклон – 60 градусов. Подниматься на нее с тяжелой ношей было нелегко. Каменная глыба, по оплошности сорвавшаяся из-под ноги впереди идущего, откатываясь вниз, могла бы вызвать вслед за собой страшную цепную реакцию – обвал камней. Я через своего ординарца Пэк Хак Рима не раз предупреждал: не трогать камни! Ради безопасности каждый поддерживал руками ноги впереди идущего товарища, подталкивал его, – так со всей осторожностью преодолевали шаг за шагом крутизну.

Наконец весь отряд взобрался на вершину горы. И тут я без передышки первым делом приступил к определению мест расположения боевых подразделений. В голове складывались соображения – с учетом рельефных особенностей горы применить в предстоящем бою обвалы камней. Всем отрядом мы стали складывать в определенных местах кучи валунов. И лишь сделав все это, мы позавтракали. Еда была совсем скудная – скомканный вареный рис.

Смотрю вниз и вижу: а там враги уже группами карабкаются на гору с той стороны, откуда мы поднялись. Это была пограничная охрана особого назначения, возглавляемая Огава Сюити. Огава был начальником того пограничного охранного отряда.

Неприятельские солдаты, с вдохновленным видом, того и гляди приблизятся к вершине. Когда до наших позиций им оставалось метров 30, я скомандовал: «Огонь!» С вершины дружно заработали винтовки и пулеметы. И я из винтовки вел прицельный огонь.

Враги, распластавшись меж камней, отчаянно стремились вскарабкаться кверху. По всему было видно, что в этой обстановке стрельба не дает должного эффекта. Я приказал бойцам скатывать камни. И вот вниз по крутому склону покатились валуны. Такой метод «боя с камнями» мы попробовали впервые на горе Острая во время сяованцинского оборонительного сражения. Теперь тот опыт

пригодился и на горе Коуюйшуйшань. Это «оружие», я бы сказал, оказалось весьма действенным.

В этом бою наши бойцы еще раз ярко продемонстрировали свое искусство мастерски воевать. Когда мы сражались в Почхонбо, мы не дали врагам шанса на сопротивление, и бой завершился, если так можно выразиться, безынтересно, односторонней нашей атакой. Но тут, на Коуюйшуйшане, дело обстояло по-другому. Враги атаковали так упорно, что нам стоило немалого труда победить их.

С звуками горна, зовущего к атаке, О Бэк Рён, как лихой тигр, спустился по склону и первым покончил с вражеским пулеметчиком. Потом, повернувшись ко мне, энергично потряс трофейным пулеметом. Ким Ун Син схватился в поединке с вражеским солдатом гигантской комплекции. Как ни тяжело было, но все-таки ему удалось захватить гранатомет.

Наш удар до того был сильным и стремительным, что с опозданием прибывшие с западной стороны Коуюйшуйшаня солдаты маньчжоугоской армии так испугались, что не посмели вступить в бой. Издали несколько раз стреляли вслепую и затем лишь наблюдали, как протекает схватка. Я велел пулеметчикам дать несколько холостых выстрелов в их сторону. Был у нас своего рода привычный порядок, который мы соблюдали еще в Цзяньдао: палили холостыми, когда появлялись маньчжоугоские войска. Этого они просили сами. Когда с нашей стороны раздавалась пальба холостыми, они не собирались «карать» революционную армию, стреляли вслепую и уходили.

В тот день бойцы заградительного отряда тоже отбили атаку хесанского гарнизона, возглавляемого капитаном Курита.

Те носильщики, которые шли с нами еще с Почхонбо, стали живыми свидетелями боя на Коуюйшуйшане. Они и своими глазами видели, какое поражение потерпели враги, и были сильно восхищены мощью Народно-революционной армии. Все пережитое носильщиками воздействовало на них, как бы безмолвные материалы для их патриотического воспитания. Увидев весь ход боя, они еще раз убедились в силе Народно-революционной армии. Увиденное помогло им признать и новую истину: хотя японская армия и бахвалилась своей «непобедимостью», но настоящей несокрушимой силой является не она, а Корейская Народно-революционная армия.

О том, как наши бойцы отважно воевали в Почхонбо и на Коуюйшуйшане, с большим восхищением отозвался и Такаги Такэо[16].

Как мне сказал позже Пак Дар, уцелевшие в битве на горе Коуюйшуйшань враги до того были напуганы, что у них на некоторое время совсем отшибло охоту ходить в карательные экспедиции. По словам Пак Дара, среди тех, кто добрался до Коуюйшуйшаня в составе карательного отряда и сохранил себе жизнь, оказался хорошо знакомый ему корейский полицейский. Он, видимо, был человеком довольно сообразительным. Поднимаясь на гору, заметил следы партизанской обуви и подумал о том, что на горе обязательно находится партизанская засада. И он сделал вид, что поправляет гетры. Между тем его опередили японские полицейские, и он незаметно для них остался позади. Когда японские полицейские взобрались почти до вершины горы, загремели пулеметные очереди и взрывы ручных гранат, раздались отчаянные крики. Корейский полицейский убежал к подошве горы и скрывался на берегу реки, пока не закончился бой. Пак Дару он не без самохвалы сказал, что спастись от верной гибели помогла ему его хитрость.

Если говорить об Огава Сюити, начальнике пограничной охраны особого назначения, то он чудом уцелел в бою на горе Коуюйшуйшань. Позже, несколько лет тому назад, он жил в Японии, по-видимому, как простой горожанин. На склоне своих лет Огава написал статью, вспоминая о горьком поражении тех дней. Только после знакомства с этой статьей я узнал, что он получил тяжелое ранение на Коуюйшуйшане: пуля наших бойцов пробила ему язык. Как видите, рана-то очень мерзкая. Долго лечили его в больнице, но медпомощь, видимо, не дала ожидаемого эффекта.

Увидел я и его фотографию. Она давала знать другим о его старой, незаживающей огнестрельной ране. Огава, как и многие другие солдаты и полицейские старой Японии, стал жертвой фанатического самурайского духа.

Наша победа на горе Коуюйшуйшань, наряду с боевыми достижениями последующих дней на Цзяньсаньфэне, закрепляла успехи, достигнутые в Почхонбо. Она еще раз убедительно продемонстрировала боевую мощь, непобедимость Корейской Народно-революционной армии. Враги в пограничных районах трепетали от страха. Во вражеских документах говорится, что в бою на Коуюйшуйшане «было уничтожено множество врагов». Но это сплошная ложь: у нас не было ни одного убитого.

Враги, прочесывая все селения вокруг горы Коуюйшуйшань, насильственно гнали жителей на перевозку трупов своих убитых солдат, использовали в качестве носилок что попало – и створки дверей, и одеяла. Значит, те враги, которых мы намеревались бить в Хесане, нашли себе погибель на Коуюйшуйшане. В конечном счете, бой на Коуюйшуйшане позволил нам полностью достичь той цели, которой мы планировали добиться в рейде на Хесан.

После боя на Коуюйшуйшане произошла трогательная встреча с отрядом Чвэ Хена, благополучно вырвавшимся из вражеского окружения. У Чвэ Хена был вид оборванца: и одежда и обувь – все истрепано до крайности. Как только увидел нас, он громко закричал, поздравляя нас с боевыми успехами в Почхонбо и на Коуюйшуйшане. Потом он ни с того ни с сего спросил:

– Знаете, попали мы во вражеское окружение близ горы Пэгэ. А тут враги вдруг снимают кольцо да дают тягу. На черта это, Полководец, а?

Я коротко рассказал Чвэ Хену о том, как мы за эти дни напали на Почхонбо с целью спасти его 4-ю дивизию. Выслушав меня, Чвэ Хен громко рассмеялся.

– Видя, как этакие сматывают удочки, я недоумевал: что это за чертовщина? Теперь же мне стало все ясно: это дело ваших рук, Полководец. Это же просто великолепно!

Он часто употреблял местоимение «этакие». Это было унизительным названием японской армии и полиции, излюбленным им выражением.

Мне хотелось повидаться с товарищами из 4-й дивизии, и я просил Чвэ Хена провести меня к ним. Но он, кисло усмехаясь, отказал мне в просьбе, сказав, что, мол, сейчас не время для встречи.

Спрашиваю его – «Почему?» и слышу в ответ: у него бойцы в слишком жалком виде.

Я позвал Ким Хэ Сана и велел ему обеспечить товарищей 4-й дивизии военной формой; мы оставили долю отряда Чвэ Хена из 600 комплектов, сшитых перед рейдом на Родину. Как сказал Чвэ Хен, об одежде у боевых друзей 4-й дивизии, действительно, «ничего не скажешь». Рваные мундиры и загорелые лица красно-медного цвета лучше всяких слов говорили о трудностях, которые они преодолели.

Вскоре Чвэ Хен появился передо мной чисто выбритым и переодетым в новый мундир, доложил мне официально обо всем, как

действовал его отряд за это время. Велики были у них боевые успехи.

В Диянси мы встретились и с товарищами из 2-й дивизии 1-го корпуса. Они тоже успешно выполнили свое задание. Я объявил благодарность товарищам 4-й и 2-й дивизий за поддержку с фланга и тыла рейда главных сил на Родину. Итак отряды революционной армии, продвинувшиеся по трем направлениям в соответствии с решением Сиганского совещания, собрались в назначенном месте – на плато под Диянси, где боевые друзья могли встретиться, пообщаться. На затянутой молодо-зеленым покровом местности царило праздничное оживление. Рассказывали и слушали о приятных событиях – ратных подвигах.

Поистине необыкновенной была радость жителей района гор Пэкту, непосредственных очевидцев боевых успехов отрядов революционной армии, достигнутых в ходе претворения в жизнь курса Сиганского совещания. По сведениям, поступавшим по каналам организации Пак Дара, особенно радовались люди районов Капсана, Пхунсана и Самсу: мужчины и женщины, все, от мала до велика, были уверены в том, что не за горами день их освобождения революционной армией.

Из того, что доложил Чвэ Хен, особое внимание привлек к себе рассказ о некоем японце по фамилии Кавасима. Его партизаны захватили во время налета на 7-й лесной склад в селе Санхынкенсу. Здесь находилось как бы одно из отделений предприятия, контора которого была в Хесане. Кавасима был его наместником. Бойцы 4-й дивизии доставили его в Диянси. Они говорили, что этот японец интересный человек: хорошо говорит по-корейски да у него и жена кореянка, и что им хотелось бы использовать его в качестве заложника, чтобы собрать нужные средства для отряда.

Чвэ Хен поведал мне, что поссорился с Чон Гваном, Пак Дык Бомом и другими товарищами по поводу будущей судьбы Кавасима. Они настойчиво потребовали расправиться с этим японцем. Чвэ Хен поинтересовался, каково мое мнение об этом.

Я коротко отрезал: о расправе не может быть и речи.

– Расправиться с Кавасима, – продолжал я, – только за то, что он японец, – чистейшая глупость. Конечно, факт, что он наместник лесоконторы да резервист. Пусть так. Но зачем поднимать на него руку, если он ни в чем не повинен перед нашим народом? Вопросом о судьбе каждого человека надо бы заняться серьезно.

Выслушав меня, Чвэ Хен согласился с моими доводами..

В тот день я сам принял Кавасима. Перекинувшись несколькими словами с ним, я понял, что он говорит по-корейски лучше, чем предполагалось. На мой вопрос: «Не страшной ли показалась вам революционная армия?», он ответил, что сначала его охватила сильная тревога, но теперь улеглась – ничего!

Еще он сказал вот что: «Японские власти называют партизан «бандитами». Однако на днях, находясь вместе с революционной армией, я осознал: их пропаганда – чепуха! Если партизаны бандиты, то, несомненно, грабили бы чужое добро. Но я, собственно, ни разу такого не видел. Партизанская армия, вижу, делает все лишь для того, чтобы добиться Корее независимости. По несколько суток бойцы голодают, но не идут на чужие поля без хозяина. А когда поступает хоть какая-то еда – многие уступают ее своим товарищам. Как такой армии быть бандитами?!»

Чвэ Хену, Чон Гвану и Пак Дык Бому я высказал свое мнение: «У Кавасима нет большого греха и воззрение у него верное, так что прошу вас хорошенько воспитывать его и дать ему возможность вернуться к себе спокойно».

Позже мы узнали по каналам организации, что Кавасима, вернувшись на лесоразработки, заявил, что «корейские партизаны – не бандиты, это армия революционная, с сильной дисциплиной и высочайшим порядком». И она не такая уж слабая армия, чтобы ее поглотили бы японские войска. Будучи арестованным полицией, он пытался заверять ее в увиденных им самим фактах. Одним словом, выступал вроде нашего пропагандиста. Полицейскому ведомству пришлось отправить его в Японию, прикрепив к нему ярлык «красный». О главном содержании его оценок Народно-революционной армии сообщила одна из газет того времени в стране.

Прочитав ту газету, Чвэ Хен сказал мне: «Недаром этот Кавасима ел партизанскую кашу – щедро возмещает. Теперь-то ясно, почему вы, Полководец, велели выпустить его на волю».

Он громко хохотал.

Этот случай с Кавасима еще раз твердо убедил меня: всех японцев нельзя считать огульно плохими, вопрос о судьбе каждого из них надо решить всерьез, с учетом его поведения в данный момент и его идейного настроя.

В тот день, когда отряд прибыл в Диянси, к нам пришел Ли Хун, староста одного поселка в Шицзюдаогоу. Он сказал: «Сельчане хотят поздравить вас с победами в боях в Почхонбо и на

Коуюйшуйшане. И вот готовят кое-какую еду, хотя, конечно, не такую уж и обильную. Желательно, чтобы армия и народ, собравшись за одним столом, отведали наши кушанья». В его словах, казалось мне, таился здравый смысл: он при этом имел в виду не простой обед, а пышное угощение, приготовленное буквально всем селом. Гостей – партизан, увы, несколько сот. Дай каждому лишь по одной миске каши, и то на плечи жителей Шицзюдаогоу легла бы довольно тяжкая ноша. Мы же не вправе так обременять их. И я посоветовал Ли Хуну, что лучше бы отказаться от приготовления пищи.

Но тут Ли Хун, до этого всегда послушный нашим советам, стал упрямиться, настойчиво просить: «Это просьба народная. Надо бы ее учесть. Другого выхода нет».

– Послушайте, Полководец, – настаивал он, – это не моя личная просьба. Это же мнение жителей Шицзюдаогоу. Очень прошу не отказаться, ради бога, от нашей просьбы. Если вернусь от вас, не получив согласия, – что будет со мной? Будут насмехаться даже и бабы, говорить: вон видишь, какой он никудышный, чего доброго, выгонят и забросают меня камнями. Я сам-то могу многое стерпеть. Но тут, знаете, всем селом начнут плакать. Что делать тогда?

Слушал я старосту, и мне, честное слово, все более и более казалось неудобным отказать ему. Если мы, невзирая на искренность народа, вдруг уйдем из Диянси, то местные жители до слез огорчатся. Не меньшая обида, думается, останется и у партизан.

– Раз такое дело, – говорю Ли Хуну, – давайте поступим так. Покушать с гостями в домах жителей и разойтись – бессмысленно. Лучше бы армии и местным жителям собраться в одном месте и всем вместе повеселиться вдоволь. Как, по-вашему? Скоро на носу и майский праздник *тано.* Давайте отпразднуем день под именем: «Объединенный митинг армии и народа». Торжественное мероприятие организуем на плато под Диянси средь бела дня, как бы демонстративно. Пусть военные и жители побудут вместе и тем самым воодушевят друг друга, делясь своими теплыми чувствами. Пусть будут и развлечения, и спортивные состязания, чтобы, так сказать, и небо и земля сотрясались. Пусть все в этот день веселятся, забыв обо всем на свете.

За это предложение высказались и командиры 4-й, 2-й дивизий. Ли Хун добился своего. Рот у него все время был открыт. После ликвидации партизанских районов это была первая попытка

устроить совместное мероприятие военных и жителей.

Местом их объединенного митинга было назначено село Дэфудун. Это было революционное село, «освоенное» Ли Чжэ Суном, Ким Ун Сином, Ма Дон Хи, Ким Чжу Хеном, Чи Тхэ Хваном, Ким Иром и другими. Оно, восседавшее на плоскогорье, находилось в десятках *ли* от уездного центра. Туда редко совали нос полиция и сельские старосты. Управленческие ведомства противника тоже находились сравнительно далеко отсюда. Самый близкий от села полицейский участок был в Оулэдуне, а между Оулэдуном и Дэфудуном лежала довольно далекая горная тропинка. Подбирая место сбора, мы учли все эти обстоятельства. Позднее из Дэфудуна вышло много и партизан.

Я с более чем 50 бойцами и командирами остановился в доме Ан Док Хуна, руководителя филиала ЛВР. В Шицзюдао-гоу Ли Чжэ Сун первым взялся за руки с Ли Хуном и Ан Док Хуном. В этом доме мы останавливались и раньше, до боя в Почхонбо, а также и после этого, всегда пользовались большой помощью хозяев. Семья Ан Док Хуна активно содействовала партизанам. Ан Док Су, младший брат его, тоже был хорошим человеком. Он очень деятельно помогал нам в работе.

В Дэфудуне жил один богач по фамилии Сун. У этого помещика было крайне сильно прояпонское настроение. Вот каким было его воззрение на человеческую жизнь: «Что будет со страной – меня не касается. Мне живется хорошо – и ладно». Наши подпольщики узнали, что у этого богача много денег. Однажды они пригласили его вместе с Ли Хуном в дом Ан Док Хуна и попросили их помочь партизанам. Подпольщики пригласили Ли Хуна, члена подпольной организации, не без основания. Рассчитали: если Ли Хун первым вызовется пожертвовать определенную сумму денег, то и Сун не сможет отделаться молчанием. Предусмотрели и такое: подпольщики будут грубо обращаться к Ли Хуну. Это поможет более надежно замаскировать самого Ли Хуна, члена подпольной организации. Дело пошло так, как и ожидали. Ли Хун первым вызвался отдать сколько-то денег от имени поселка, а Сун, будучи не в состоянии отказаться от просьбы подпольщиков, поневоле отозвался и назвал цифру 150. Так поступил он, конечно, из-за боязни возможных неприятностей.

Передав подпольщикам 150 *юаней,* Сун тут же пожалел денег и решил отомстить за обиду. Потихоньку он донес на Ан Док Хуна,

сделав намек брату своей жены, служащему в полицейском участке: мол, к Ан Док Хуну часто заходят партизанские подпольщики. О доносе скоро узнал Ли Хун. Посоветовавшись с подпольщиками, он послал Ан Док Хуна в партизанский отряд, а семью его переселил в Корею. Не будь принято этих срочных мер, семье Ан Док Хуна не миновать бы гибели. В 1937 году, то ли летом, то ли осенью, враги сожгли весь Дэфудун – мол, это «красная деревня».

В доме Ан Док Хуна я вместе с знатными людьми из Шицзюдаогоу, с командирами 2-й, 4-й дивизий составлял конкретную, точно расписанную программу, распорядок объединенного митинга армии и жителей. Тогда молодые люди поселка изготовили более 50 станков – машинок для приготовления *куксу*. По домам собрались партизаны и жители, всю ночь напролет они пели песни, вели интересные разговоры. Рассказ Чхон Бон Суна о разведке Почхонбо каждый раз вызывал взрывы смеха.

В конце мая 1937 года Чхон Бон Сун получил через Ким Ун Сина, партизана из Оулэдуна, наше поручение – разведать вооружение врага и расположение его сил в городке. С помощью родственника, живущего в городке, Чхон разузнал, что в полицейском участке семеро полицейских, у них имеется один ручной пулемет, в конторе лесной охраны – 5 японцев, а ее начальнику предназначено скоро перейти на другую работу, в городке около 200 дворов. Но он не мог полностью поверить полученной информации, пока не увидел все своими глазами.

И вот однажды Чхон Бон Сун вошел в Почхонбо. В закусочной городка он выпил горькую и, шагая вразвалку, заглянул в галантерейную лавку, что стояла напротив полицейского участка. Он притворился смертельно хмельным и дрожащими руками стал рыскать по карманам, бормоча под нос: «Куда пропала эта воновка?» Наконец нашел пятивоновую бумажку и сказал хозяйке лавки: «Да вот нашлась-таки воновка». Дав хозяйке пятивоновую бумажку, он потребовал пачку сигарет «Мако», которая в то время стоила 5 *чон*. Покупатель заплатил 5 *вон,* значит, продавщица должна выдать ему сдачу в сумме 4 *вон* 95 *чон*. Но коварная хозяйка лавки выдала ему только 95 *чон,* надеясь на то, что он, будучи абсолютно пьяным, не сможет отличить пятивоновую бумажку от воновки. Все развивалось так, как и ожидал Чхон Бон Сун. Тут он возвысил голос на хозяйку: «Отдал тебе, баба, пятивоновую, а почему сдача такая – только 95 *чон*? Дай-ка еще четыре *воны».*

Лавочница стояла на своем: «Ну и какой же ты мошенник! Дал одну воновку и врешь, что дал 5 *вон*\ Видано ли этакое! Брось ты чепуху городить и выйди из лавки!»

Завязался настоящий скандал. Препирались долго: «Дал пять *вон»,* «Нет, одну *вону».* Наконец лавочница пригрозила: «Тебе, значит, охота пойти в полицию?!» Чхон Бон Сун не отступал: «Ну, давай в полицию, пусть там господа разберутся, кто прав». Хозяйка лавки охотно согласилась с ним: видимо, она подумала, что полицейские будут стоять за нее.

И даже войдя в полицейский участок, они продолжали перепалку, обзывая друг друга нецензурными словами. Каждый с рвением доказывал свою правду, и «блюстители порядка» не могли разобраться, на какой стороне стоять, и им оставалось только наблюдать за их словопрением. Между прочим Чхон Бон Сун делал свое дело – разведал, сколько там полицейских, сколько пулеметов и винтовок. Увидев все, что надо, он предложил полицейским: «Уважаемые господа, пожалуйста, с нами туда, в лавку. Моя пятивоновая бумажка приметная: ее середина залатана белым листком бумаги. Окажется такая – победа будет за мной, а ее не найдем – победит она, эта ведьма, не так ли?»

Вместе с дежурным полицаем он опять пошел в магазин.

В кассе, как и говорил Чхон Бон Сун, действительно нашлась пятивоновая кредитка, заклеенная бумажкой. Но хозяйка все упрямилась: мол, эти деньги получены утром от другого гостя.

И спор был решен в ее пользу. Прощаясь с лавочницей, Чхон Бон Сун проронил: «Прощай, живи счастливо, врушa. Что скажешь, то соврешь!», и покинул лавку. В душе он признал ее нечестной, но в то же время был благодарен ей. Не будь ее, вряд ли нашел бы он предлог для доступа в полицейский участок.

Рассказ разведчика Чхон Бон Суна окрылял членов подпольной организации в Дэфудуне. Слушая его, они чувствовали уверенность в своих силах. Гордились они и тем, что один из членов подпольной организации их поселка содействовал рейду КНРА в Корею.

Все село кипело в хлопотах по подготовке объединенного митинга. В этот самый момент поступала развединформация о событии, которое чуть было не испортило праздник. Было доложено, что командир смешанной бригады маньчжоугоской армии ведет свой отряд от Чанбая в сторону Ханьцзягоу и что он намерен карать Народно-революционную армию.

Мы с Чвэ Хеном пошли навстречу ему и одним ударом разбили его отряд. Части революционной армии так сильно потрепали бригаду, что ее недобитые солдаты называли дорогу на месте битвы, где их многие коллеги нашли свою погибель, «дорогой шакальих зубов».

Этот бой еще более повысил престиж революционной армии. Среди захваченных нами трофеев было много продуктов, которые могли украсить праздничные столы во время объединенного митинга.

Наступил день майского праздника *тано*. Погода стояла ясная. На плато под Диянси был открыт объединенный митинг армии и народа. Собрались на одном месте три воинские части. Широкая поляна заполнена военными. Одних только членов ЛВР пришло несколько сотен. Был здесь и делегат от Союза национального освобождения Кореи. Митинг от начала до конца проходил в свободной атмосфере, ибо старосты поселков для секретности мероприятия заранее отвлекли внимание прихвостней врага.

В тот день места для военных и местных жителей не отделялись друг от друга: все собрались в одной куче. Рад был тому, что пришло много дедушек и бабушек. Расставляли лакомства, вокруг которых садились в кружки люди и веселились вдоволь. Из блюд, приготовленных жителями, хорошую репутацию получали паровые хлебцы, смешанные с листьями полыни и серпухи. Нас с Чвэ Хеном привели Ли Хун и Ан Док Хун. Мы поклонились каждому старику, каждой старухе. Затем, проходя мимо мужчин среднего и молодого возраста и женщин, послали привет всем им вместе. Они все без исключения были людьми преданными, оказывали искреннюю помощь Народно-революционной армии в рейдовой операции в Корею.

В тот день на торжества некоторые партизанки явились в корейской национальной одежде – кофточке с юбкой. Сняв с себя хоть на минутку военную форму, с которой им нельзя было расставаться ни днем, ни ночью, они мысленно как бы перенеслись в те годы, когда жили в мирном родном краю. В таком наряде они выглядели очень красивыми, словно небесные феи. Вместе с сельскими девчатами партизанки качались парами на качелях. В лесу зазвучала песня, люди пустились в пляс. Некоторые женщины в такт музыке били в черпаки из высушенной тыквы-горлянки, перевернутые в латунных тазах с водой.

«Первое знакомство людей. Отчего же они так быстро

привязываются горячими чувствами, словно они родные, встретившиеся после долгой разлуки?!» В такие думы я погрузился, оглядывая плато под Диянси, где образовалась красивая клумба дружбы между военными и жителями. Наши враги считали нас изолированными, беспомощными, но наш партизанский корабль, образно говоря, шел по морю, имя которому – народ, что колышется – дышит волнами его самоотверженной любви к нашей армии, постоянной поддержки революционного дела. Совместные торжества армии и народа на плато под Диянси показали в миниатюре, конечно, картину антияпонской революции: партизаны пользовались любовью народа, народ находился под защитой партизан, и они вместе преодолевали тернистый путь истории.

В тот день я произнес речь от имени Народно-революционной армии. Речь эта была короткой — говорил экспромтом. Главной ее мыслью было: армия и народ не могут существовать в отрыве друг от друга, они – одно целое. Вот почему революционная армия здравствует и становится непобедимой. Помнится, в каком-то месте речи я дал короткий обзор рейда в Корею.

В тот день перед собравшимися выступал и представитель организации из Кореи. Затем слово было предоставлено представителям различных общественных кругов. После этого нам вручил приветственное знамя от имени Чанбайской уездной организации ЛВР старый человек. Говорили, что он пришел из Оулэдуна. По поручению командования знамя принял Ма Дон Хи, отличившийся в разведке перед боем в Почхонбо. Это небольшое знамя, кусок ткани красного шелка «яндан» с буквами, вышитыми яркожелтой шелковой нитью. Сделали его в картофельном погребе члены Синьсинцуньской организации Общества женщин и Пак Рок Гым. Слышал, что трудились они – и шили, и вышивали, выставив караул за погребом. Кто знает, когда появятся шпики, вражеские солдаты или полиция. Просто удивительно, что подпольщица, такая, как Пак Рок Гым, сумела так прекрасно вышить знамя.

Этот объединенный митинг армии и народа завершился торжественным военным парадом. Он был сравнительно крупным из многих наших военных парадов, прошедших после начала антияпонской войны. И много позже, стоя на трибуне военного парада 1948 года и парада Победы в Отечественной освободительной войне, я с глубоким волнением вспоминал вот этот самый парад, что был на плато под Диянси.

Объединенный митинг армии и народа в Диянси ярко продемонстрировал на весь мир великую силу политической сплоченности армии и народа.

Известно, что никто из местных жителей, участвовавших в этом объединенном митинге, не поверил в пропаганду японских империалистов, которые в первой половине 40-х годов твердили о том, что якобы революционная армия истреблена окончательно. Это показывает, как глубоко запечатлелся в сердце народа тот митинг в Диянси. Аитияпонские партизаны, в свою очередь, твердо верили в то, что народ не перестанет любить их, доверять им. И они обращались к народу в каждые трудные часы.

Между прочим Ким Чхоль Хо и несколько бойцов 4-й дивизии, задержавшиеся в походе из-за нехватки продовольствия, не смогли принять участие в этом торжественном объединенном митинге. Я очень сожалел и, честно говоря, чувствовал пустоту из-за того, что не встретился с ними на этом сборе.

Спустя много лет, когда отмечали на освобожденной Родине праздник *тано,* я и Ким Чен Сук пригласили их всех к себе в дом.

4. Фотографии и воспоминания

Во время антияпонской вооруженной борьбы мы впервые, кажется, сфотографировались на плато под Диянси уезда Чанбай. К концу объединенного митинга армии и народа многие товарищи предложили сделать снимок на память о встрече трех отрядов. Кстати, в 4-й дивизии имелся фотоаппарат. Вот и сфотографировались, собрав все пулеметы из всех отрядов и расставив их перед собой. Все были довольны, будто бы получили награду.

Но молоденькие бойцы расстроились из-за того, что снялись всего один раз. Всем им хотелось иметь разные снимки: и по одному, и с отделением, и с близкими друзьями из других отрядов, с которыми увиделись через долгое время, на память о радостной встрече. Некоторые бойцы из охранного отряда не находили себе места от волнения, желая сняться непременно со мной, вдвоем.

Но холодноватый фотограф взвалил камеру на плечи и удалился куда-то подальше. Собственно говоря, наверное, он тоже оказался в очень затруднительном положении: желающих встать перед объективом было много, а фотопластинок — мало. Как тут решить: кого снимать, а кого нет?

Молоденькие бойцы обиделись и отошли. Я подумал было опять позвать фотографа, но тут же отказался от этой мысли: у меня не было на это времени.

Я понимал чувства молодых бойцов, сожалеющих о том, что не могли сняться: в их возрасте редко кто не желает фотографироваться побольше. Что-то похожее на такое желание было и у меня.

В детские годы я фотографировался не так много. Денег в семье не хватило даже порой на жидкую кашицу из грубого зерна, так что о снимках нечего было и думать. В то время в Мангендэ и его окрестностях не было ни одного фотоателье. Чтобы сняться, надо пройти 12 километров до города Пхеньяна или улицы Пэндэ. Правда, бывало, что фотографы из города, взвалив на плечи фотоаппараты со штативами, ходили по селам, находящимся в окрестностях города, зарабатывая деньги. Но в отдаленные места, такие, как Мангендэ, они обычно не добирались, ограничивались ближайшими поселениями, как, например, Чхильгор.

Однажды, когда я был маленьким, дедушка дал мне на мои расходы 5 *чон*. У меня впервые в жизни появились деньги! Я сразу же пешком отправился в 12-километровый путь и добрался до города Пхеньяна. Но при виде городской суеты и гаммы я потерял присутствие духа. В лавках по обеим сторонам улицы и на рынке было полным-полно всяческих дорогих вещей. От криков торговцев с корзинами «Покупайте!», казалось, можно было оглохнуть. Но я все же переборол себя и направился к фотоателье: взяло верх желание сфотографироваться. Но, увы, имея на руках всего 5 *чон,* удовлетворить это желание было наивной мечтой. Увидев нарядных джентльменов и дам, стоящих с крупными денежными купюрами перед кассой, я подумал, что мне здесь делать нечего, и поспешно вышел из фотографии. Мое желание испробовать вкус цивилизации всего за 5 *чон* было химерой. Покидая фотоателье, в тот день я находился как под гипнозом: мне виделось, что весь свет зажат в денежных тисках. Казалось, что и я сам задыхаюсь под их тяжестью. После этого я каждый раз, когда приходил в город, сторонился фотоателье.

В пору учебы в Гирине я также старался быть подальше от фотографий. Кинотеатр порою посещал, а фотоателье обходил стороной. В Юйвэньской средней школе в Гирине было много детей из богатых домов. Они жили всегда на широкую ногу, не стесняясь в расходах, таскались по увеселительным заведениям, столовым, паркам и другим местам. Меня ошеломляло такое их поведение, особенно то, что они тратят деньги напропалую ради гурманства и развлечений. В тот период я жил очень скудно. Денег еле-еле хватало на помесячную плату за обучение. Их присылала мне мать, собирая и накапливая буквально по крохам. Тяжело было, но самыми тяжкими оказывались такие минуты, когда богатые соученики тащили меня за рукав, предлагая пойти в фотографию или столовую. Я, понятно, отказывался от их приглашений, всякий раз выискивая убедительную причину.

Однажды от матери вместе с извещением о денежном переводе пришло и письмо, в котором она сообщала следующее: «Посылаю тебе немного больше денег, чем обычно. Прошу сфотографироваться на память в день рождения и прислать мне твою фотографию. Как хорошо было бы, если у меня есть хоть один твой фотоснимок, когда хочется увидеть тебя!»

Я не мог отклонить просьбу матери. Ведь мой младший брат Чхоль Чжу говорил мне: мама как только пожелает видеть меня,

начинает плакать, уткнувшись лицом в мою продырявленную рубашку. Насколько же она жаждала видеть сына, если просила прислать фотокарточку, предоставив для этого с таким трудом заработанные деньги!

Вскоре я сфотографировался и отправил снимок матери в Фусун, как того пожелала она. Вот этот снимок-то и остался единственной моей фотокарточкой в годы учебы в Юйвэньской средней школе в Гирине. Эту фотографию десятки лет хранила Чхэ Чжу Сон. Позже она передала ее прибывшей в северо-восточные районы Китая группе экскурсантов нашей страны по местам революционной и боевой славы. Я уже с периода жизни в Фусуне хорошо знал эту женщину. Она была тогда членом Общества женщин. Невзирая на опасность, она под жестоким надзором врага все-таки сумела долгое время бережно сохранять эту фотографию, что не каждому человеку было под силу.

...После этого мне приходилось фотографироваться несколько раз. Но большинство снимков затерялось, и почти ничего не осталось. Правда, несколько лет назад была найдена и в моих мемуарах опубликована одна фотография, на которой вместе с Ко Чжэ Рёном я был снят в китайской одежде дабушаньцзы.

А вот моя фотография, снятая уже в годы учебы в Гирине, каким-то образом попала в руки врагов. Позже эта карточка использовалась полицией для моего преследования. Однажды полицейский шпик с копиями этого фото пришел в Калунь и опросил членов Детской экспедиции, охранявших селение, не видели ли они такого человека. Дети своевременно передали мне, что появился шпик, и я, к счастью, смог избежать беды. А того шпика, который рыскал, стараясь погубить меня, покарали бойцы Корейской революционной армии. С тех пор я некоторое время не фотографировался.

Но все же у меня не полностью погасла мысль о фотографиях. Встречи, разлуки и радостные события, наступавшие и уходившие неожиданно... В этих случаях очень хотелось оставить об этом хоть фотографии, чтобы потом, глядя на них, долгое время вспоминать прошедшее. В моей подпольной деятельности и партизанской жизни было много драм, достойных отражения в фотоснимках. Было много запоминающихся сцен и в период жизни в партизанских районах.

Но ничего из этого я не смог запечатлеть на фотографиях. В то время не было такой возможности. Тогда никто из нас серьезно не мыслил о том, что надо оставить для будущего какую-нибудь памятную вещь или символическое свидетельство. Борьба была

суровой, к тому же нас непрерывно подгоняли неотложные и важные задачи, так что не было времени думать о чем-то другом.

Но, как говорят, жизнь остается жизнью, даже когда попадешь на необитаемый остров в далеком море. Ведь нет такого закона, что в партизанской жизни должна всегда господствовать скука.

Глядя на то, как молоденькие бойцы хотят сфотографироваться побольше, я получил как бы толчок к размышлениям. То, что в 4-й дивизии был фотоаппарат, а в моей – нет, заставило меня обдумать свои поступки. Для меня, с давней поры воздвигшего стенку между собой и фотографами, явилось сильным потрясением то, что бойцы, постоянно находившиеся в горах и не признававшие ничего, кроме революции, страстно хотят, как и другие люди, сниматься. Их стремление к этому было не простое.

В тот день, вернувшись на ночевку, я рассказал некоторым командирам о том, как молодые бойцы, горя желанием попасть в объектив камеры, ходили по пятам за фотографом из 4-й дивизии и подсобляли ему. Сказал и то, что надо было бы и нам приобрести свой фотоаппарат. Произнес я это ненароком, но мои слова возымели удивительный эффект.

Летом 1937 года мы, отправившись из Чанбая, находились в Людаогоуском тайном лагере в уезде Линьцзян. Однажды сюда прибыл Чи Тхэ Хван, занимавшийся подпольной работой в Чанбае. При докладе о своей деятельности он неожиданно сказал, что достал и принес в лагерь фотоаппарат. Трудно выразить, насколько я тогда обрадовался этому известию.

Чи Тхэ Хван принес ящичный фотоаппарат со штативом, точно такой же, как в 4-й дивизии. Он привел с собой и фотографа – человека среднего возраста. Наверное, Чи Тхэ Хван накрепко запомнил ненароком брошенные мною слова.

Чи Тхэ Хвана выискал Ким Ир в ходе работы на периферии, закалил его в практических революционных делах и прислал в наш отряд. Как и сам Ким Ир, его подопечный был молчаливым и исполнительным человеком. Получив какую-нибудь задачу, он старательно выполнял ее, как трудолюбивый крестьянин. Ким Ир и Чи Тхэ Хван были удивительно схожи по характеру, стилю работы и даже по поступкам.

Я услышал от Чи Тхэ Хвана, как он добыл этот фотоаппарат. Его рассказ об этом был очень интересным, словно какой-то остросюжетный детектив.

Вначале Чи Тхэ Хван вместе с партизаном по имени Ким Хак Чхор направился к Ли Хуну – старосте поселка в Шицзюдаогоу, где детально обсудил с ним, как приобрести фотоаппарат. А староста вместе с местными членами Лиги возрождения Родины стал искать пути уже для практического решения вопроса. Через небольшое время, однажды Ли Хун пришел к Чи Тхэ Хвану и сообщил ему сведения о том, что в полицейский участок в Эршидаогоу доставили фотоаппарат. Предстоит сделать фотокарточки местных жителей, чтобы регистрировать их, выдать им справки о прописке. «Если можно было бы потихоньку утащить аппарат оттуда, – говорил Ли Хун, – то одним ударом убили бы двух зайцев: доставили бы фотоаппарат в партизанский отряд и одновременно оттянули регистрацию жителей».

Японские империалисты замышляли насильно создать и в Западном Цзяньдао коллективные поселения и ввести средневековый режим «круговой поруки»[17], как это было в Восточной Маньчжурии. Они переписывали двора и население, фотографировали жителей, выписывали им для удостоверения. Кроме этого, враги намеревались связать народ по рукам и ногам, «облагодетельствовав» их справками, разрешающими передвижение (пребывание) в определенных местах, покупку определенных вещей.

Люди в возрасте от 15 до 65 лет без соответствующих справок местного жителя и пропуска не могли ни прописываться, ни передвигаться. Без справки на разрешение покупки они не могли по своему усмотрению покупать даже продовольствие, ткань и матерчатую обувь. Если власти узнавали, что человек купил товар без такой справки, его как «связанного с бандитами» тут же без разговоров арестовывали и уводили.

Итак, аппарат появился. Но... как унести его со двора полицейского участка, где стоит усиленная охрана? Чи Тхэ Хван и Ли Хун долгое время серьезно обсуждали, как осуществить задуманное. И вот что они придумали...

На следующий день Ли Хун с видом человека, потерпевшего большую неудачу, появился перед начальником того полицейского участка и стал жаловаться на то, что теперь, мол, невозможно работать старостой поселка. «Крестьяне – люди темные, – говорил он, – никак не верят, хотя я им все уши прожужжал, что в полицейском участке их будут фотографировать. Стоит мне появиться, как они в страхе начинают дрожать без конца, будто

перед ними появился начальник ведомства уголовной полиции. Так что я обессилел и не могу работать старостой».

На эти слова начальник полицейского участка отреагировал лишь причмокиванием, а Ли Хун продолжал: «Недовольны и влиятельные лица у нас. Они болтают, что за то время, пока потащат в Эршидаогоу людей из сотен дворов, разбросанных в сорокакилометровой долине Шицзюдаогоу, и будут фотографировать, пройдет вся осень. Так что же, разглагольствуют они, надо бросать уборку урожая и жрать фотографии? Вот я и не могу знать, что же мне делать?»

Высказавшись, Ли Хун шумно опустился на стул, а начальник полицейского участка стал укорять его: «Ох, и недогадливый же ты, староста. Чем я могу помочь тебе, хоть ты и жалуешься в полицейский участок? Нет, меры надо принимать тебе. Какими на этот счет будут твои предложения?»

Ли Хун как раз и ждал этих последних слов. Сделал вид, что он глубоко задумался над чем-то, а затем через минуту сказал начальнику: «Действительно, жители боятся этого полицейского участка, да и далековато топать сюда от Шицзюдаогоу. Как, по-вашему, не подойдет ли дом Ли Чжон Сура, который проживает в Шицзюдаогоу? У него очень широкий и просторный двор, так что для фотосъемки это самое подходящее место».

Ли Чжон Сур был приспешником врагов. Когда его посещали полицейские или чиновники, он устраивал для них обильную выпивку. И они старались чаще бывать у него, находя для этого благовидные поводы. Разумеется, и начальник участка поддержал предложение Ли Хуна, сказав, что это превосходный выход из создавшегося положения. Таким образом, из тщательно охраняемого полицейского участка в Эршидаогоу фотоаппарат был перевезен во двор дома Ли Чжон Сура, туда же стали собираться жители из Шицзюдаогоу.

Начальник участка, сопутствуемый полицейскими, тоже направился к дому Ли Чжон Сура. Нечего и говорить, что Ли Чжон Сур накрыл для них обильный стол, выставив вдоволь и спиртного. Начальник участка оставил во дворе одного полицейского, а сам же в компании других полицейских уселся за стол. Через некоторое время к выпивке пристал и полицейский, оставленный ранее во дворе.

Когда полицейские опьянели и стали шуметь, подпольщик из селения вдруг распахнул дверь в комнату и громко прокричал:

«Бандиты уносят фотоаппарат!» Изобразив на лице смертельный испуг, он добавил, что «бандитов» видимо-невидимо на передней и задней горках.

Начальник участка, побледневший от страха, вытащил пистолет и принял «бравую» позу, демонстрируя готовность к наступлению. Его «храбрость», конечно, была вызвана действием спиртного.

Ли Хун остановил начальника участка.

– Ведь «бандитов» не один и не два. Так каким же образом вы сумеете осилить их? Надо прежде всего сохранить себя. Говорят, что умершему сановнику хуже, чем живой собаке...

Он завел начальника участка на задний двор и, не спрашивая, засунул его в свинарник, накрыв соломой. Запрятались кто как мог и другие полицейские.

В это время партизаны, появившиеся на месте фотографирования, произнесли перед собравшимися жителями агитационную речь и, захватив фотоаппарат со штативом, неторопливо исчезли.

Услышав этот интересный рассказ от бойца, участвовавшего в захвате фотоаппарата, я рассмеялся до слез.

В тайных документах японских империалистов, таких, как «Дело о положении бандитов на противоположном берегу» и «Приговор по Хесанскому делу», есть следующая запись: «Добравшись в Сяопутаогу, собрали 100 жителей и начали фотографирование. Примерно в 1 час 30 минут появились люди с пистолетами, несомненно, из отряда Ким Ир Сена и стали угрожать фотографу: «С какой целью фотографируешь?!», «Ты работаешь фотографом: если поможешь нам, то позволим тебе уйти обратно, так что отдай нам фотоаппарат». Затем отобрали и унесли с собой фотоаппарат и дюжину фотопластинок».

Вот таким образом Чи Тхэ Хван вместе с Ким Хак Чхором и Ли Хуном великолепно исполнили наше желание.

Фотографа, которого Чи Тхэ Хван привел из вражеского района, звали Хан Ге Сам. В партизанском отряде его назвали Ли Ин Хван. Ему было под 40 лет. Высокий ростом, он, кроме этого, обладал огромной силой, так что вполне подходил и для партизанской жизни.

Я решил изучить технику фотографирования с тем, чтобы в удобное время снимать бойцов. Постигать все тонкости этого дела я начал у нашего фотографа.

Видя, что я страстно отношусь к фотоделу, Ли Ин Хван даже спросил у меня, зачем я трачу время на такое незначительное

увлечение.

Он научил меня, как надо подбирать подходящий художественный фон для той или иной съемки, как обрабатывать фотопластинки. Отмечу, что мой фотонаставник был всегда приветливым и аккуратным человеком.

После того, как Ли Ин Хван узнал, кто я такой, он выложил мне всю свою душу. Среди его рассказов до сих пор в моей памяти ярким остался эпизод с «нанизанными грибами». Он говорил, что сразу же после прихода в нашу часть стал искать «нанизанные грибы». Я спросил у него, что это такое. «А это отрезанные высушенные уши», – ответил он.

По словам Ли Ин Хвана, враги повсюду трубили о том, что бойцы революционной армии ловят людей, отрезают уши и сушат их, нанизав, как грибы. Кроме этого, японские империалисты сфабриковали провокационную организацию «группа умиротворения» с многочисленными отделениями и «разъясняли» жителям, что партизаны – это людоеды с красными лицами и рогами. И он, Ли Ин Хван, незадолго до этого времени верил этой бессовестной лжи.

– Когда во дворе Ли Чжон Сура появились партизаны, у меня душа ушла в пятки, – рассказывал Ли Ин Хван. – Я с накинутым на голову большим черным платком не переставал дрожать от страха. Все теперь мне конец, думал я, и прежде всего схватился за уши. Но когда увидел партизан воочию, понял, что они – добрые люди.

Узнав, что у него дома много детей, я предложил ему вернуться к семье. Но он не послушался моего совета. Он говорил, что о детях может позаботиться жена, и не переставал умолять нас, чтобы мы не гнали его. Его решение было настолько искренним и твердым, что я принял Ли Ин Хвана в партизанский отряд. Облачившись в новую военную форму, он так радовался, что всем нам доставляло большое удовольствие смотреть на него со стороны.

После боев в Люкэсуне и Цзясиньцзы мы приняли в отряд многих рабочих и создали из новобранцев несколько отделений. Командиром одного из них стал Ли Ин Хван.

После вступления в партизанский отряд он много фотографировал партизан.

Ли Ин Хван носил с собой химикаты и после съемок сразу же проявлял фотопластинки. Отличался он в боях, и все бойцы уважали, любили и берегли его.

В один из дней фотограф слег в постель из-за сильной простуды. Мы лечили его, проявляя всяческую заботу. Когда он спал, многие снимали свои ватники и накрывали его в несколько слоев. Я тоже, обвернув его голову своим одеялом и усевшись рядом, проводил ночи напролет, читая книги.

Как-то проснувшись, фотограф взял меня за руку и, роняя слезы, сказал: «Что же я за такой важный человек, чтобы удостаиваться такой заботы? Чем вас я могу отблагодарить за такое благодеяние?»

Фотограф говорил, что, живя с нами, он впервые после рождения удостоился теплого человеческого отношения и познал достойную жизнь. По его мнению, лучше жить в партизанском отряде хотя один день, даже если придется жевать коренья растений, но оставаться человеком со свободной душой, чем быть подневольным рабом японцев, выпрашивая у них кашу.

Однажды фотограф, поставив передо мной аппарат, поправил на мне одежду и сказал:

– Прошу вас сегодня исполнить мое желание. Я хочу сфотографировать вас, Полководец.

Он сказал далее, что не только сфотографирует меня, но и сам отнесет снимок в Корею, чтобы передать его нашим соотечественникам.

– Благодарю вас за внимание, – ответил я ему, – но обнародование моего фотоснимка будет противоречить дисциплине отряда, так что давайте пока подождем. Нафотографируемся вдоволь после победы революции. Прошу вас после освобождения страны сделать мой первый индивидуальный фотоснимок.

На эти слова фотограф заулыбался, и слезы покатились из его глаз. Я впервые увидел такую удивительную улыбку. Этот образ и поныне ясно всплывает передо мной.

После совещания в Сяохаэрбалине мы переходили от действий крупными силами к отдельным операциям мелкими отрядами. В ту пору я опять предложил Ли Ин Хвану вернуться домой. Но он все-таки сражался, оставшись в отряде, но, к сожалению, погиб.

Я и сейчас, когда фотографируюсь, нередко поддаюсь галлюцинациям – вижу, будто Ли Ин Хван, приблизившись ко мне со старинным фотоаппаратом, настраивает объектив.

Ли Ин Хван погиб, но несколько снимков, его работ, чудом остались в истории. Фотографии, на которых мы запечатлены в Вудаогоуском тайном лагере, что в уезде Линьцзян, снимки

партизанок, находившихся в бассейне реки Вукоуцзян, – все это дело его рук.

Коллективный снимок в Вудаогоуском тайном лагере был сделан на память о возвращении небольшого отряда Ким Чжу Хена, выполнявшего отдельное задание внутри страны. В тот день я хотел сфотографировать их сам, но бойцы комендантской роты стали упрашивать меня сняться вместе с ними. К тому же и Ли Ин Хван стал подталкивать меня в спину, предлагая и мне сняться вместе с ними, говоря при этом, что затвор фотообъектива нажмет он. Так что пришлось мне сняться вместе с ними прямо в очках с черной оправой – я их носил для маскировки.

Большинство из фотоснимков, снятых мною или Ли Ин Хваном, к сожалению, сожжены или потерялись. Располагая этими нашими фотоснимками, враги использовали их в провокационных целях для преследования нас по именам. Фотоснимки, которые находились у меня и у бойцов охранного отряда, потерялись в то время, когда Рим Су Сан неожиданно напал на тайный лагерь в Хуангоулине, приведя с собой карательный отряд.

Через десятки лет мы узнали, что некоторые из этих фотографий находятся у японца по имени Като Тоётака, бывшего полицейского высокого ранга в Маньчжоу-Го. Он сказал, что у него имелось три наших фотографии, одна из которых потеряна, и опубликовал два оставшихся снимка.

В своей рукописи «Собрание важных фотоснимков и архивных материалов маньчжоугоской полиции» под названием «Мистический антияпонский герой Ким Ир Сен» Като Тоётака писал:

«... «Опознавательные фотоснимки» Ким Ир Сена и кадров Компартии Китая прежде всего как действительные являются важными и очень редкими, имеющими вполне существенное значение...»

Он даже рядом с фотоснимком опубликовал текст: «Весь состав штаба отряда Ким Ир Сена», эта запись была оставлена в то давнее время одним из карателей на оборотной стороне снимка.

Благодаря публикации Като Тоётака историческая истина появилась на свет живой картиной. На ней правдиво отражается не облик грозных «разбойников», похожих на дьяволов или неотесанных людей, а светлый образ революционной армии, бойцы и командиры которой были одеты в одинаковую военную форму.

Среди наших бойцов и командиров было очень много таких, кто

погиб, так и не оставив после себя даже одной своей фотокарточки.

Сейчас уже совсем другие обстоятельства. Когда кто-либо погибает, его по военным заслугам награждают, посылают в родной край похоронную, привлекают к этому общественное внимание. Но во время антияпонской войны при появлении погибшего невозможно было посылать похоронки, да и нельзя было возвести даже надгробный памятник с его именем. При постоянном преследовании врагами приходилось складывать могилу из снега или камней. А иногда не было времени и на это, отбиваясь от противника, уходили, прикрыв погибшего лапником.

Когда надо было хоронить погибших бойцов, то от тягостного осознания того, что приходится закапывать их горячую молодость на пустоши, даже ком земли казался невероятно тяжелым. Сколько же пламенных патриотов ушло, так и не оставив на память потомкам даже одного фотоснимка!

Нелегко было прощаться с погибшими боевыми соратниками, но не менее труднее было расставаться и с живыми людьми. Ох, как было бы хорошо, если можно было тогда вместе с ними сфотографироваться и взаимно обменяться фотокарточками.

Наиболее невыносимо больно и тяжело было на душе от того, что погибали партизанки, даже не сумев оставить на фотокарточке своего подобного прекрасному цветку образа. Когда партизанки сваливались, обагренные кровью, наше сердце, казалось, разрывалось на тысячи кусков.

После ухода из жизни они оставляли на этом свете только вещевые мешки. В них были лишь небольшие изделия ручной работы, на которых была вышита карта Кореи в цветах гибискуса.

У какого богатыря не задрожит рука, когда, положив на мертвое тело такое изделие, он бросает на прах боевой подруги одну-две прощальные горсти земли...

Время разрушает слишком многое, стирает из памяти и предает забвению. Говорят, что и радости, и горести с течением дней, месяцев и годов забываются и отдаляются.

Но у меня, кажется, происходит все это не так абсолютно. Я совсем не могу забыть каждого из погибших боевых соратников. И уходившие из жизни и прощавшийся с ними таили в себе такую душевную боль, будто на их раны посыпали соль. В моей памяти их образы остаются сотнями, тысячами отчетливых фотокопий. С течением времени, несомненно, желтеют и фотографии, ослабляется

и память, но почему-то их образы с течением времени еще более живыми выплывают перед мною и захватывают мою душу.

Когда сооружали на горе Тэсон Мемориальное кладбище революционеров, некоторые товарищи предлагали установить величественные памятники и выгравировать на них имена борцов. Но мне так хотелось установить их образы. Хотелось воспроизвести индивидуальные образы павших героев антияпонской войны и устроить их встречу с потомками. Однако большинство борцов погибло, не оставив даже ни одного своего фотоснимка. Так что я подробно рассказал скульпторам, как выглядел каждый из павших борцов, и они по моим объяснениям воспроизвели их действительный облик.

Однажды я просмотрел архивные материалы о «Хесанском деле»[18], которое было состряпано японскими империалистами. Там оказались фотокарточки многих борцов – ветеранов революции. Кажется, Максим Горький говорил, что фотографии бедняков появляются в газете лишь тогда, когда он нарушил закон. К сожалению, и наши борцы тоже в первый и последний раз оставляли свои фотографии только после того, как их заковывали в кандалы.

Нам удалось оставить потомкам хотя бы несколько фотографий из того времени антияпонской революции благодаря тому, что Чи Тхэ Хван отнял у противника фотоаппарат. Но сам Чи Тхэ Хван ни разу так и не встал перед объективом фотокамеры. Бывший стойким и умелым подпольщиком, он оставил свою фотокарточку лишь во вражеских документах после того, как был арестован по «Хесанскому делу».

Чи Тхэ Хвана сфотографировали связанного веревкой. Пылающее гневом его лицо было повернуто набок, а острый взгляд устремлен в землю. Насколько же сильно и мощно горело ненавистью сердце этого мужчины, бывшего более гордым, чем другие. Он был спокоен, когда объявили приговор о смертной казни. Говорят, что тогда Чи Тхэ Хван рассмеялся и сказал: «Я полностью отплатил япошкам за свою кровь. Так что теперь мне не жалко и умереть».

У меня много таких ночей, когда я не могу заснуть. Конечно, это бывает от переутомления работой, но в такие ночи, когда перед глазами всплывают образы пламенных патриотов, навсегда ушедших из жизни, не оставив даже хотя бы какой-нибудь памятной вещички или фотографии, мне не спится совсем.

Наверное, по такому поводу с возрастом я не стал пренеб-

режительно относиться к фотографированию. Бывая на заводах и в деревнях, я охотно фотографируюсь с трудящимися, с детьми и с женщинами-труженицами, а при посещении воинских частей снимаюсь с народноармейцами. В каком-то году, заехав в Енпхунскую полную среднюю школу, я сам целых полдня фотографировал школьников.

Сейчас у нас прекрасный строй, в котором нет унизительных различий между людьми, между профессиями. Совершаешь подвиги – пользуешься славой и получаешь благодарность от многих людей. Куда ни пойдешь, куда ни ступнешь, ты везде можешь наслаждаться многообразной и очень богатой по содержанию культурной жизнью. Танцы и песни, родившиеся в труде, передаются на площади праздничных дней и сцены фестивалей. А по паркам и ночным улицам, залитым морем огня, бесконечно проходят счастливые люди.

Полвека тому назад все это было далекой фантазией, подобной миру звезд. Большинство борцов антияпонской революции погибло, так и не увидев этой прекрасной жизни. Но если бы не было исторического пути, который они проложили ценою своей крови и жизни, никогда бы не настала светлая жизнь нынешнего и последующего поколений.

5. Бой на Цзяньсаньфэне

После объединенного митинга армии и народа мы с отрядом Чвэ Хена решили перед расставанием нанести совместный удар по коллективному поселению в Бапаньдао, которое находилось в окрестностях Цзяньсаньфэна. Здесь располагался карательный отряд марионеточной армии Маньчжоу-Го, насчитывавший более 300 штыков.

К тому времени настроение бойцов и командиров революционной армии было исключительно высоким, можно сказать, доходило до небес. И это было понятно: успешно выполнена рейдовая операция на Родину, проведен в торжественной обстановке объединенный митинг армии и народа с участием трех крупных отрядов.

По официальным каналам от бойцов и командиров поступали разные предложения – сделать новый бросок на Родину, пользуясь тем, что собрались вместе крупные отряды, или совершить налет на такой городок, как Чанбай, чем еще раз продемонстрировать народу мощь Народно-революционной армии.

Но, трезво оценивая военную обстановку, нецелесообразно было повторять рейд на Родину. Ведь совсем недавно был нанесен удар по Почхонбо. И далее: если учесть, что противник встревожен нашими действиями в Хесане и в его окрестностях, нападение на городок Чанбай тоже представлялось вопросом, требующим глубокого размышления. Нельзя было надеяться на успех в бою, полагаясь лишь на бодрое настроение и субъективное желание сражаться. Вот почему я наметил Бапаньдао как объект удара.

Необходимые сведения о Бапаньдао мы получили от товарищей из 2-й дивизии. Во время пребывания в нашем тайном лагере они подробно рассказали об обстановке в той местности. Затем в Бапаньдао мы создали нашу подпольную организацию. Среди ее членов был и солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го по фамилии Лю. Его, человека с амбицией, возненавидели командиры, и вот из-за несправедливого, как считал солдат, отношения начальства он перебежал в наш отряд и служил в нем командиром отделения. Лю в деталях ознакомил нас с внутренним положением в батальоне маньчжоугоской армии.

Общепринято, что после удара по важному военному пункту, где сконцентрированы значительные силы противника, партизаны, применяя тактику мгновенного исчезновения, должны немедленно отойти от этого объекта как можно дальше. Но после нападения на Почхонбо мы действовали иначе потому, что враги были сведущи в партизанской тактике и на основании предположений могли бы заранее противопоставить нашим действиям соответствующие меры. И на самом деле, как стало известно, Квантунская армия, рассчитав, что мы будем прорываться в сторону Фусуна, на развилках дорог той местности сосредоточила крупные подразделения. Предугадав это, мы не стали делать дальнего перехода, а применили другую тактику – остались под самым носом врага.

Была и еще одна причина, заставившая нас не уходить далеко от приграничных мест. Она заключалась в следующем.

Помогая организациям ЛВР этих районов, мы намеревались собрать еще более подробные данные о положении внутри страны с тем, чтобы активнее содействовать в ней революции, развитие которой в то время шло по восходящей линии.

Потихоньку продвигаясь в сторону Бапаньдао, мы повсюду вызывали к себе на связь подпольщиков, разбирались с их деятельностью и давали им новые задания. Встречались и с руководителями местных организаций и учили их методам работы.

Именно в то самое время нам прислал информацию Ли Хун, имевший задание по сбору агентурных сведений и находившийся в Хесане. Ее принес старик Хан Бен Ыр, проживавший в Таоцюаньли. Ли Хун сообщал, что в Хесан неожиданно прибыл на десятках автомашин Хамхынский 74-й полк японской армии. Он сразу же вышел в сторону Синпха и начал переправляться через реку Амнок. Командовал карательной экспедицией злостный враг – офицер-кореец Ким Сок Вон.

Располагаем мы и другими сведениями, что, мол, командовал тогда японскими войсками, мобилизованными на карательную операцию, кореец по имени Ким Ин Ук, который вел за собой Хамхынский 74-й полк. Однако в информации, поступавшей к нам в то время от подпольных организаций внутри страны и Чанбая, говорилось одинаково: вражеского начальника, отправившегося из Хамхына во главе карательного отряда, зовут Ким Сок Вон.

Как мы узнали позже, состоялась шумная церемония проводов солдат в дальний путь. Ее для громкой саморекламы организовали

на Хамхынском вокзале японские империалисты. Перед отправкой Ким Сок Вон поднял знамя, на котором кровью было написано «Вечная боевая слава». Под этим знаменем поклялся в верности японскому императору. С большой злобой он заявил, что полностью уничтожит отряд Ким Ир Сена. Передавали, что он кичился тем, что именно ему доверило начальство отправиться в карательную экспедицию. Это потому, мол, что он хорошо знает тактику коммунистических войск. И скоро все увидят, каково умение солдат 74-го полка. Перед мощью японских войск коммунистические части потерпят полный крах. Им не избежать участи листьев, падающих при порывах осеннего ветра.

Устроили проводы Хамхынскому 74-му полку Ким Сок Вона и при отправлении из Хесана и Синпха. Прислужники японских империалистов, шаря по всем домам, насильно согнали людей на эти «торжества». Суетились и шумели на улицах, распевая песни и размахивая японскими флажками, полицейские, японская знать, чиновники и резервисты. Карательный отряд был настолько многочисленным, что, говорят, его подразделения целый день переправлялись через реку из Синпха на пароме, вмещавшем 30 – 40 человек.

Было просто удивительно, что эти подробные сведения раздобыл один человек – Ли Хун, хотя он и не был агентурным работником. Получив от нас задание разведать обстановку вражеского лагеря в Хесане, Ли Хун решил проникнуть туда под видом торговца лесом. Он договорился с руководителями отделений ЛВР в Шицзюдаогоу о том, что они свалят за несколько дней сотни деревьев, а затем связал их в плот. Он подготовил и документ, подтверждающий то, что является торговцем лесом.

Вообще-то Ли Хун имел опыт сплавщика: восемь лет проработал на лесоразработках по этой специальности. Он вместе с другим членом организации, сплавив плот, направился в Хесан. И тут, им повезло, на берегу реки они встретили старика – родственника полицейского инспектора Чвэ. А надо сказать, что инспектор этот был большим злодеем. Он арестовал многих патриотов по «Хесанскому делу». Пак Дара тоже схватил этот Чвэ.

Старик, увидев, что Ли Хун ведет плот из сотен бревен, попросил продать ему хоть несколько штук. Ли Хун бесплатно дал ему два бревна, при этом приговаривая, мол, как же он может брать деньги с почтенного человека, который к тому же приходится дядей

полицейскому инспектору Чвэ. От радости старик познакомил Ли Хуна с находящимся в городке некоим торговцем лесом. По словам старика, зять этого торговца тоже работал в Хесанской полиции, как и его племянник.

Познакомившись с торговцем лесом, Ли Хун сказал ему, что в Чанбае из-за множества «бандитов» неудобно да и просто страшновато жить, что он думает сколотить деньги на продаже леса, а потом поселиться в Хесане, и попросил в этом помочь.

Он продал лес торговцу на половину дешевле и, пробыв несколько дней в его доме, поговорил с его зятем – полицейским Кимом и даже устроил угощение с выпивкой.

Это было в тот день, когда Ли Хун первый раз пригласил новых «друзей» и потчевал их в столовой. Полицейский Ким охмелил и в приподнятом настроении разболтался, рассказал, что такого-то числа в такой-то час в Хесан прибудет отряд Ким Сок Вона.

Он разглагольствовал о том, что из-за происшествия в Почхонбо престиж японской империи упал, как говорится, до самой земли, что Ким Сок Вона направили, наверное, для того чтобы поднять престиж военной администрации, и что по просочившимся слухам он неплохо воюет. Этот человек твердо обещал разбить отряд Ким Ир Сена и обеспечить мир в Западном Цзяньдао. Правда, на это еще надо будет посмотреть, кто кого побьет, но все-таки при столкновении с отрядом Ким Сок Вона коммунистической армии придется вести очень тяжелые бои.

В тот день, когда Хамхынский 74-й полк прибыл в Хесан, Ли Хун надел элегантный костюм и демисезонное пальто, вышел на улицу в этом джентльменском одеянии и, тихонько втершись в ряды провожающих, стал подсчитывать численность личного состава и определять количество артиллерийских орудий и пулеметов, которыми располагали каратели.

Как только кончилась церемония торжественных проводов, Ли Хун тотчас же переправился через реку Амнок и послал нам весточку. Почти одновременно с получением этой информации в штаб командования прибыл связной от Чан Хэ У и Ким Чен Сук. Он передал нам еще более подробные сведения. Связной сказал, что переправившийся через реку Амнок вражеский отряд вдруг исчез из поля зрения после прибытия в Шисаньдаогоу. Его следы сейчас разыскивают поднятые на ноги члены подпольной организации.

Все сведения о карателях – и присланные Ли Хуном, а также

поступившие из Таоцюаньли и Синпха совпадали. Рассмотрев все данные, присланные местными организациями, мы предположили, что по всей видимости число вражеских солдат, участвующих в карательной операции, достигает приблизительно 2000.

То, что японцы бросили на нас Хамхынский 74-й полк, считавшийся самым отборным в войсках, расположенных в Корее, показывало, что яростный гнев и раздражение генерал-губернатора в Корее достигли предела. Враги, битые в бою в Почхонбо и в предыдущих и последующих непрерывных боях в приграничных районах, стали испытывать большое психологическое потрясение. А тут еще почти вплотную подступала агрессивная война на территорию Внутреннего Китая. Японские империалисты нервничали, опасаясь за свой тыл. Именно в это время создался беспорядок в районах корейско-маньчжурской границы, которой они хвалились как «железной стеной». Вот почему так сильно разгневался сам генерал-губернатор.

Как показала сложившаяся ситуация, очень дальновидно поступили мы, когда, разрабатывая оперативный план в Сигане, обязали отряды, отправившиеся в трех направлениях, собраться вместе после рейда на Родину.

Вражеские силы численностью в 2000 штыков намного превосходили нас. В таких условиях партизанам, как правило, надо избегать столкновения. Но мы, вопреки этому, решили противостоять крупному отряду японских войск, прибывших из Кореи. При наступлении крупных сил противника, говорит общепризнанная партизанская тактика, надо быстро рассеяться и вести маневренные бои. Однако на этот раз, наперекор принятым тактическим правилам, я решил по крупному отряду врагов ударить крупным отрядом.

Мы стали двигаться в сторону Бапаньдао, а затем, приостановив поход, начали подыскивать место для боя. Я поднялся на западную гору вблизи Лаомацзя, чтобы самому обследовать прилегающую местность. Это была гора Цзяньсаньфэн. С ее вершины были хорошо видны все окрестности.

Цзяньсаньфэн – это три вершины на севере от Сиганского плоскогорья, расположенного на широкой территории более 40 километров между Шисаньдаогоу и Бадаогоу. С Цзяньсаньфэна перед взором на север расстилалось бескрайнее море девственного леса, над которым возвышались вершины горной цепи Сыдэнфан.

Эта местность называлась и Модудоги.

При взгляде на юг также виднелось море лесов, протянувшихся более чем на 40 километров с востока на запад. В этой холмистой местности, называвшейся Сиганским плоскогорьем, вдали друг от друга стояли поселения – Бапаньдао, Лаоцзюйсо и другие. Цзяньсаньфэн представлялся островами, плывущими по волнистому морю древнего девственного леса. Чтобы добраться сюда, врагам надо было миновать крутые горные изгибы и перевалы, находящиеся на пути из Шисаньдаогоу до городка Сиган. Так что Цзяньсаньфэн был самым подходящим местом для достойной встречи противника.

Вечером собрались все командиры и обсудили возможные варианты боя. Я подчеркнул, что надо инициативно применять партизанскую тактику, не «подыгрывать» тактике регулярных войск неприятеля.

Для этого мы обязаны были первыми занять гребень горы и заманить врагов, чтобы они сгрудились в этом ущелье. Надо было тщательно распределить отряды, не допуская шаблона. В те места, которые враг может посчитать менее защищенными, мы направили побольше сил. Все рассчитали так, чтобы наши отряды могли быстро маневрировать по флангу, прикрываясь лесом, и действовали инициативно, соответственно создавшейся обстановке.

Подготовив план боя вместе с командирами 4-й и 2-й дивизий, я на рассвете стал обсуждать направления работы и задачи революционных организаций с Квон Ен Беком, Ким Чжэ Су, Чон Дон Чхором и другими подпольщиками, прибывшими в Цзяньсаньфэн по нашему вызову из Кореи и Чанбая.

Враги повели атаку на Цзяньсаньфэн утром именно этого дня. С рассвета шел мелкий дождик и стлался густой туман. С поста, находившегося на вершине горы, где расположился отряд Чвэ Хена, раздался сигнальный выстрел. Я тотчас же поднялся на КП, расположенный на гребне горы. Беспокоясь, что передовой пост может быть окружен, Чвэ Хен взял с собой роту и бросился на передовую позицию. Однако враги моментально окружили это подразделение, ведомое Чвэ Хеном.

Боевой дух войск зависит от того, как начинается бой. Любыми мерами надо было исправить положение. Я приказал Ли Дон Хаку взять с собой комендантскую роту и как можно быстрее вызволить подчиненных Чвэ Хена из окружения. Выставив солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го впереди себя, под партизанские

пули, японские войска развили яростный натиск. Но они не смогли выдержать совместных молниеносных ударов рот Чвэ Хена и Ли Дон Хака с обеих сторон. Кольцо вражеского окружения развалилось. Но лишь в результате жестокого рукопашного боя рота Чвэ Хена наконец-то была спасена.

Захватив инициативу, мы несколько раз загоняли противника в ущелье и били его целый день.

Однако японские войска с звериной яростью не отступали. Их атаки были действительно неистовыми. Солдаты противника с дикими криками, шагая по трупам сослуживцев, шли и шли на нас волнообразными цепями. Когда-то, испытав во время обороны Сяованцина наступление Цзяньдаоского экспедиционного отряда японских войск в Цзяньдао, переправившегося из Кореи, я думал, что они действуют исключительно жестоко. Но эти атаки Хамхынского 74-го полка были куда более ожесточенными. Мы установили свыше 10 пулеметов, которые образовали перед передовой линией свинцовую завесу из пуль, но враги беспрерывно продолжали напирать на нас сплошной лавиной.

И такие атаки продолжались целый день. Для нас этот бой был необычайно трудным. В некоторых местах противнику удалось прорваться к нашим позициям. Там дело дошло до рукопашных схваток. К тому же шел не переставая дождь, отчего поле боя выглядело особенно трагичным и мрачным.

В то время мы невольно думали о том, как милитаризм сумел превратить обычных людей в неистовых, неразумных, подобных зверям существ.

Дух «Ямато тамаси», о котором так много разглагольствовали японские милитаристы, породил множество идиотов. Неправедность они принимали за справедливость, зло – за добро. Близорукие глупцы, они, гордо считая себя отважными воинами, появлялись, подобно ночным бабочкам, перед дулами винтовок и бесцельно погибали собачьей смертью. Эти изверги испытывали удовольствие, фотографируясь на память, поднимая тосты над грудой трупов сыновей и дочерей других наций. Эти духовные калеки надеялись, что после их смерти о них позаботится Аматэрасу омиками (верховная богиня, олицетворение Солнца – ред.), что их будет поминать император, а японский народ не забудет навеки. Милитаристская клика, министры Японии, сравнивая погибших солдат и офицеров с завянувшими после расцвета цветами сакура,

восхваляли павших, говоря, что они выражают дух японской армии.

Солдаты этой армии верили, что их смерть послужит «удобрением» для процветания Японской империи. Но, к сожалению, это была нелепая надежда. Фанатический самурайский дух привел Японию не к богатству и процветанию, а к полному краху.

Командиры и бойцы партизанского отряда оценивали японские войска именно так. И потому, несмотря на столь злобные и яростные атаки японцев, держались стойко, как и подобает людям, обладающим высоким чувством революционного достоинства и гордостью победителя.

Эффективно используя создавшуюся ситуацию, мы громили противника до самых сумерек. Над нашими боевыми рядами, не умолкая, звучала песня «Ариран», которую сначала пели партизанки, одновременно ведя бой. Сражаясь, петь могут только сильнейшие. И то, что бойцы делали это в бою на Цзяньсаньфэне, показывало глубину духовного мира революционной армии, демонстрировало ее оптимизм. Нетрудно представить, какие чувства испытали враги, услышав песню «Ариран».

Впоследствии пленные признавались, что вначале, при первых звуках этой песни, они удивились. Затем их охватил страх. Позже многие почувствовали, что подошел конец их человеческой жизни. Среди раненых, говорили они, были и такие, кто рыдал, сетуя на свою участь. Многие попросту дезертировали.

Несмотря на большие потери в живой силе, противник до самого вечера, даже в ненастье не прекращал атак. Связавшись с малым отрядом Пак Сон Чхора, возвращавшимся со стороны Бапаньдао, куда он ходил в разведку, и с группой добывания провианта, мы приказали им совместно нанести удар противнику с тыла. Ким Сок Вон почуял опасность оказаться зажатым, образно говоря, между наковальней и молотом. Воспользовавшись темнотой, он собрал остатки своего разбитого войска, – что-то около 200 человек, – и поспешно удрал с места сражения.

Бой на Цзяньсаньфэне оставил в моей памяти много интересных эпизодов. Ким Чжа Рин – горнист у Чвэ Хена – стал стрелять из гранатомета. Торопясь, поставил его на верхнюю часть своей ноги. Отдачей от выстрела ему вывихнуло бедро из таза.

Выругав Ким Чжа Рина грубыми словами, Чвэ Хен раза два выстрелил из гранатомета и, уничтожив скучившихся у орудийной позиции врагов, взялся двумя руками за вывихнутую ногу Чжа Рина,

рванул на себя и сразу же вправил ее на место. Я слышал, что в тот день Ким Сок Вон был ранен от огня нашего гранатомета, но подробностей не мог установить.

Карательная операция Хамхынского 74-го полка закончилась полным его поражением. Среди японских вояк из числа оставшихся в живых в бою на Цзяньсаньфэне были и такие, кто сбежал в другие города, не пожелав возвращаться в Хамхын. Таким оказался, например, солдат по фамилии Сакай. По сведениям, он не последовал за Ким Сок Воном, а удрал в Чхончжин, открыл там кабак и завел хозяйство до самого краха японских оккупантов. Говорят, что он считал большим счастьем то, что остался жив в бою на Цзяньсаньфэне. В свободное время кабатчик охотно рассказывал об этом посетителям.

По словам Сакай, хотя он и японец, но остался жив благодаря тому, что знал корейский язык. А произошло это так.

Офицеры силой гнали солдат на гору, в атаку, кричали, что если даже придется отдать душу черту, все равно надо добраться до вершины. Не переставая дрожать от жуткого страха, Сакай еле-еле достиг середины горы. Но в то время, когда японские войска почти добрались до вершины, наши части – все одновременно – открыли огонь. В цепи японских войск сразу же десятки вояк свалились убитыми или ранеными.

Сакай бессознательно помчался под гору. Но в это время с вершины раздался громкий возглас: «Кто кореец, пусть срочно ложится на землю!» Сакай, знавший корейский язык, услышав этот крик, бросил оружие и упал между трупами сослуживцев.

Под вечер партизаны стали прочесывать поле боя, чтобы собрать оружие и патронташи. Они прошли мимо Сакай, посчитав его убитым. От страха у того душа ушла в пятки. В эти минуты он люто возненавидел войну. Под покровом темноты солдат сполз с горы и на четвереньках кое-как добрался до коллективного поселения.

– Мое счастье, что я имел солидный запас корейских слов. Корейский язык, в результате, спас мою жизнь. Так что я старательно изучаю его и поныне, – часто говорил людям Сакай на выпивке.

Из-за рассказов Сакай в городе Чхончжине и в его окрестностях люди узнавали не только об эпизодах в бою на Цзяньсаньфэне, но и невольно получали сведения и о нас. Таким образом откровения одного солдата агрессивных войск, бросившего военную службу и превратившегося в мелкого торговца в городе, в конце концов, стали

поднимать боевой дух нашего народа.

Через некоторое время после боя на Цзяньсаньфэне наши товарищи побывали в селениях вблизи тех мест. Им стало известно о подробных последствиях поражения противника.

На следующий день после боя враги поспешно собрали в селениях вблизи Хесана, Синпха и Цзяньсаньфэна все носилки, повозки и машины и стали перевозить своих убитых. По словам местных крестьян, после боя гора Цзяньсаньфэн и прилегающие к ней селения были усеяны трупами японских солдат. Накрыв каждого павшего куском белой бязи, враги запретили приближаться туда гражданским лицам. Больше всего японцы боялись того, что о их поражении пойдет молва по всему свету. Опубликовав в газете сообщение о бое на Цзяньсаньфэне, они солгали, что будто бы число погибших и раненых не так уж и велико.

Когда Ким Сок Вон переправлялся из Синпха через реку Амнок, громко высказывая уверенность в том, что уничтожит нас, ему понадобился целый день. А вот при возвращении, говорят, на это ушло немногим более получаса.

Убитых и раненых японских солдат было столь много, что от трупов отрубали лишь головы и, запихав их в мешок или ящик, перевозили на телегах до стоянки автомашин. Затем машины, крытые тентами из черного полотна, с погруженными в них мешками и ящиками переправлялись через реку Амнок. Рассказывали, что крестьяне района Цзяньсаньфэна несколько дней просто задыхались от дыма и вони при сжигании трупов.

Какой-то крестьянин как бы невзначай спросил у японского солдата, занятого транспортировкой трупов, что, мол, перевозится на телегах. А тот лукаво ответил по-японски: «каботя» (тыква). Крестьянин тотчас же насмешливым тоном сказал ему: «Урожай тыквы, видно, богатый. Это хороший овощ для супа, так что желаю вам побольше кушать его». С тех пор в нашем народе появилось выражение «тыквенная башка».

При виде трупов японских солдат люди стали насмешливо называть их «тыквенными башками».

Ким Сок Вон и остатки его разбитых войск, минуя оживленный Хесан, тихонько, почти крадучись, вернулись в Хамхын через Синпха и Пхунсан. На Хамхынском вокзале, шумном и ликующем при церемонии проводов карательной экспедиции, теперь, при возвращении была обстановка, как в доме покойника. На вокзал

вышли лишь солдаты, находившиеся в казармах. Поставив в середину рядов возвратившихся из карательной экспедиции вояк, большинство которых было ранеными, они еле-еле прошли по улице. Этот жалкий марш по городу им пришлось устроить для того, чтобы обмануть жителей, скрыть масштабы своего поражения.

Павильон Мудок в Хамхыне известен тем, что там японские солдаты оттачивали свое фехтовальное мастерство. Но долгое время после боя на Цзяньсаньфэне враги не могли заниматься там фехтованием. Говорят, что после этого боя на улицах Синпха перестали слышаться даже перестуки ночных сторожей.

Поражение на Цзяньсаньфэне покрыло японских самураев несмываемым позором, а имя Ким Сок Вона стало символом этого позора.

В результате боев в Почхонбо, а затем сразу же и на Цзяньсаньфэне была полностью сорвана так называемая «эпохальная стратегия», разработанная на «Тумыньских переговорах» генерал-губернатором Кореи Минами и командующим Квантунской армии Уэда. Эта «стратегия» была направлена на то, чтобы окончательно уничтожить Корейскую Народно-революционную армию.

На этом успешно завершилась наша операция по выступлению на Родину крупным отрядом, которую мы запланировали в начале 1937 года.

Бой на Цзяньсаньфэне был сражением большого значения. Он представлял собой заметную вершину в истории всей нашей антияпонской вооруженной борьбы. Разгром врагов на Цзяньсаньфэне и на Коуюйшуйшане укрепил успехи наших действий в Почхонбо. Благодаря результатам, достигнутым на Цзяньсаньфэне и Коуюйшуйшане, еще больше стала известна победа в Почхонбо. Можно сказать так: сражения на Цзяньсаньфэне и Коуюйшуйшане явились как бы эхом боя в Почхонбо.

В этих сражениях мы полностью развеяли миф о «непобедимой японской армии», вновь перед всем миром показали мощь Корейской Народно-революционной армии. Бой на Цзяньсаньфэне был сражением, имевшим важное значение в антияпонской революционной борьбе, его результат стал значительным вкладом в ее подъем после выступления Корейской Народно-революционной армии в район гор Пэкту.

Можно сказать по иронии судьбы, бывший в 30-е годы нашим противником Ким Сок Вон после освобождения страны опять

схватился с Чвэ Хеном на находившейся между ними 38-й параллели. Чвэ Хен командовал там бригадой Охранных Войск. Можно предположить, что Ли Сын Ман назначил Ким Сок Вона поближе к 38-й параллели, чтобы дать ему возможность оправдать поражение, понесенное им на Цзяньсаньфэне.

По словам перешедших на Север солдат «армии национальной обороны», Ким Сок Вон при охране 38-й параллели постоянно ругал и всячески поносил коммунистов.

Чвэ Хен поджидал момента, чтобы при встрече проучить его как следует.

Накануне войны случилось, что Ким Сок Вон, перейдя 38-ю параллель, совершил нападение на наши объекты, мобилизовав на это крупные контингенты войск. Бой разгорелся на горе Соньак. Наверное, Ким Сок Вон планировал всыпать Чвэ Хену, расправиться с ним. Разгневанный Чвэ Хен полностью уничтожил перешедших 38-ю параллель вояк «армии национальной обороны» и преследовал их разбитые остатки до самого Кэсона. Он говорил, что с таким темпом доберется даже до Сеула, чтобы поймать там Ким Сок Вона.

Я строго приказал Чвэ Хену тотчас же возвращаться обратно. Я объяснил ему, что Ким Сок Вон в прошлом бился с нами, будучи верной собакой японских империалистов. Сейчас же он на привязи у американских хозяев, так что вдруг может случиться, что единоплеменники будут убивать друг друга или, более того, появится повод для развязывания тотальной войны. Ким Сок Вон тоже кореец, говорил я, так что когда-то он тоже раскается в своих проступках.

Сейчас на этом свете нет ни Чвэ Хена, ни Ким Сок Вона. Вместо них сегодня на Севере и Юге, наставив друг на друга стволы винтовок, военно-демаркационную линию охраняют люди новых поколений, которые не испытывали горечи порабощенной страны. Я желаю, чтобы все молодые поколения на Севере и Юге как можно быстрее ликвидировали искусственный барьер, разделивший на две части кровяное русло нации, и все жили в мире и согласии на самостоятельной, объединенной Родине. Думаю, что и Ким Сок Вон в последние годы жизни испытывал такое же чувство.

6. Мальчики с ружьями

Среди последствий, вызванных выступлением частей Корейской Народно-революционной армии в район гор Пэкту, особо следует отметить также необычайно возросшее у юношей и мальчиков стремление вступить в нашу армию. Каждый раз, когда раздавался в лесах или ущельях гор в бассейне реки Амнок ружейный выстрел, в наш тайный лагерь вереницами приходили молодые люди и просили принять их в армию.

С приходом такого пополнения связано очень много интересных эпизодов.

Однажды перед нами появился смугловатый и лохматый мальчишка в мокрых штанах, который упрямо просил принять его в наши ряды. Он заявил, что желает отомстить врагу за старшего брата. Мальчик был из деревни Шанфэндэ. По его словам, старший брат, учительствовавший в вечерней школе для молодежи и детей, был убит полицией за то, что варил кашу для партизан, и что его второй брат сражается в нашей армии, в которую вступил перед боем в Почхонбо. Поэтому-то, заявил мальчик, и он пришел сюда. Парня с лохматой головой, подавшего заявление о вступлении в армию, звали Чон Мун Соб.

Я сказал ему в шутку, что мы не успеваем принимать всех даже из тех молодых людей, которые приходят к нам в сухих штанах. Об озорниках же, которые ходят, как он, в мокрой одежде, нечего и говорить. Выслушав меня, Чон Мун Соб сказал, что в том, что он пришел в мокром, виновата его мать, и объяснил, как это случилось.

Когда в деревню Шанфэндэ вступили партизаны, Чон Мун Соб высказал желание следовать за ними. Но мать не разрешала: ты, мол, сынок, пока еще слишком мал. А она, дождавшись, когда паренек заснет, бросила его штаны в корыто с водой. Мать рассудила так: поскольку запасной одежды у сына нет, то, стало быть, он не может уйти с партизанами.

Чон Мун Соб встревожился: ведь о том, что он должен вступить в революционную армию, уже постановила организация Детского общества. Он готов был хоть голым сейчас же побежать на гору Пэкту, если только сможет вступить в ряды революционной армии.

И чуть свет он вынул свои штаны из корыта и кое-как выжал, и вот в этой еще мокрой одежке собрался покинуть дом. Матери, он говорил, ничего не оставалось делать кроме того, как разрешить ему уйти к партизанам.

Это один из множества примеров, показывающих, до какого уже накала достигло стремление людей вступить в нашу армию в северном пограничном районе Кореи, в частности на берегах реки Амнок, и в обширных районах Западного Цзяньдао. Как показывает этот пример, таким стремлением горели не только молодые люди, перешагнувшие 20 – 30-летний возрастной рубеж, но и такие десятилетние подростки, как Чон Мун Соб.

Вначале командиры, ведавшие пополнением, просто возвращали таких мальчиков домой, даже порой не думая о том, чтобы посоветоваться на этот счет с другими.

Тогда бойцы и командиры нашей части и мысли просто не допускали, что подростки лет четырнадцати–пятнадцати могут сражаться с оружием в руках против врагов. Даже Ким Пхен, любящий детей, качал головой, когда приходили к нам такие мальчики.

Однажды летом 1937 года, когда наша часть остановилась на плато под Диянси, Ким Пхен обратился ко мне за советом, как поступить с мальчиками, которые – их было более двадцати – упрямо просили принять их в армию. Причем, эти мальчишки не достигли ростом и длины винтовки.

– Пытался я уговорить их, чтобы они приходили попозже, когда подрастут. А они даже требуют разрешить им встретиться с вами. Полководец... Говорят, что не уйдут, не повидавшись с вами. И слышать не хотят ничего другого.

Я пошел туда, где меня ждали мальчики, и поговорил с ними. Рассадив их на стволах деревьев, поваленных буреломом, я начал расспрашивать каждого, как зовут, сколько лет, кем работает отец, из какого селения и так далее. Отвечая на мои вопросы, мальчики вскакивали с места, как резиновые мячики. В их поведении общим было то, что все очень старались выглядеть взрослее. Все они, потеряв родителей, братьев и сестер во время карательных операций врага, а то и лично увидев ужасное зрелище кровавой расправы над их родными и близкими, решили взять оружие в руки, чтобы отомстить врагам за кровь убитых. Поговорив задушевно с каждым, я увидел, что за мальчишеской внешностью ребят скрывается

умственная зрелость взрослых.

Правильно подмечено, что в суровое время дети рано взрослеют. Дети Кореи росли, зная только несчастья да невзгоды, они поэтому рано и глубоко постигали сущность общественных явлений. Революция встряхивает и пробуждает человека с необычайной силой и быстротой. Думаю, поистине глубокая истина кроется в изречении одного знаменитого человека о том, что революция есть школа, рождающая все новое и передовое.

Каждый из этих двадцати с лишним мальчиков, которые тогда пришли к нам в лагерь с благородной мечтой сражаться с оружием в руках, был по существу несчастным мучеником, в судьбе которого отражалась одна из самых трагических страниц истории многострадальной нашей нации. Я очень был тронут поведением этих мальчиков, которые решили добровольно взять на себя тяжелое бремя преобразования общества и так искренне всей душою просили дать им возможность участвовать в вооруженной борьбе, которую вести нелегко даже взрослым.

Среди парнишек, с которыми я побеседовал в тот день, были Ли Ыль Сор и Ким Ик Хен и, кажется, еще Ким Чхоль Ман и Чо Мен Сон. Теперь они стали вице-маршалом, генералом армии, генерал-полковником Корейской Народной Армии. Но в ту пору они были такими мальчиками, что мы просто не знали, можно ли в сущности этим детским рукам доверять оружие.

«Что делать с этими мальчиками? – задумался я. – Как уговорить бесстрашных юных орлят вернуться домой?» У меня на душе было тяжело. Служба в революционной армии такая трудная, что даже крепкие мужчины без постоянных тренировок, работы над собой могут выбыть из строя.

Я попытался уговорить мальчиков такими словами: «Считаю очень похвальным то, что вы решили взять в руки оружие, чтобы отомстить врагу за пролитую кровь родителей, братьев и сестер. Это является выражением чувства любви к стране. Но, по-моему, вы слишком малы для того, чтобы принять вас в революционную армию. Вы не можете даже вообразить, какие трудности выпадают на долю партизан – ваших старших братьев и сестер. Бойцам революционной армии приходится в разгар зимы спать в горах на снегу. Бывают походы, продолжающиеся много дней, причем в ненастье. Когда кончается продовольствие, голод приходится смирять корнями трав, корой деревьев или одной водой. Вот такова

жизнь в революционной армии. Мне кажется, что вы не сможете вынести все эти тяготы. Не лучше ли взять вам оружие потом, а пока сидеть дома, когда вы немного еще подрастете...»

Однако мальчики категорически со мной не согласились. Они умоляли меня и заверяли, что готовы вынести самые невероятные трудности, могут спать на снегу рядом со взрослыми и идти в бой вместе с ними, и упрямо продолжали просить принять их в партизанскую армию.

Я никогда раньше, как в этот момент, остро не сожалел о том, что у нас не имелось военного училища. «Как хорошо, если бы была возможность принять этих милых мальчиков в военное училище, дать им военную подготовку и физическую закалку! Известно, что Армия независимости в разных местах Маньчжурии открывала офицерские школы для военного обучения», – думал я. Но то было время, когда Маньчжурия еще не была захвачена японскими империалистами. Маньчжурия второй половины 30-х годов, заполоненная огромным контингентом японских войск, не давала нам возможности открыть, как в Армии независимости, военное училище. Подумал я тогда об открытии специальных курсов в тайном лагере для проведения военной подготовки. Но и этот замысел не соответствовал реальным условиям. О том, что японцы уготовят еще одну точку воспламенения и спровоцируют на территории Китая второй инцидент 18 сентября, прогнозировали все политические «барометры» мира. В ответ на это мы готовились к крупным маневренным операциям. В такое время принять этих десятилетних мальчиков в вооруженный отряд было равносильно тому, что взвалить на свои плечи лишний вещевой мешок перед трудным походом.

Однако нельзя было видеть в сложившейся ситуации только неблагоприятные факторы и огульно возвратить их всех домой. Честно говоря, эти мальчики все мне понравились. По классовой сознательности, например, они не отстали от взрослых. Особенно сильное впечатление произвели на меня слова мальчиков, что они могут стерпеть голод наравне с взрослыми.

В сравнении с теми «патриотами», у которых патриотизм выражался только на словах, и с теми изменниками революции и отщепенцами, которые бесцельно проводили дни, судача о быстротечной жизни, эти мальчики, которые ни за что не хотели вернуться домой и настойчиво просили удовлетворить их желание сражаться с оружием в руках, были настоящими патриотами с

благородным духом и горячим сердцем. Этих парнишек, которые так рано решили вступить в армию, надо было приветствовать с букетами цветов прежде, чем обсуждать их желание.

Мне хотелось воспитать этих мальчиков, полных боевого духа, настоящими борцами. Конечно, нельзя их сразу включить в боевой отряд, но казалось, что при разумном использовании всех возможностей можно за один-два года подготовить из них отличный резерв. Если за такой срок из этих мальчиков получатся бойцы, не уступающие бывалым партизанам, то это уже будет большим урожаем.

Если даже взрослым бойцам придется меньше спать и урезывать свой хлебный паек, но твердо взяться за дело, то, казалось, вполне можно вырастить из этих мальчиков за сравнительно короткий срок отважных бойцов.

Я решил организовать из ребят отдельную роту и, когда позволят условия, обучать их в тайном лагере. А при маневре частей брать с собой, чтобы воспитывать и закалять ребят в обстановке настоящих боев. Иными словами, я хотел организовать особую роту, которая должна была выполнять миссию военного училища или курсов по подготовке военно-политических кадров и одновременно давать юным бойцам практику настоящих боев. Таким образом я решил принять мальчиков в отряд и дал им задание написать клятву.

– Если вы в самом деле желаете стать партизанами, то этой ночью напишите клятву, – сказал я. – Напишите, зачем вы желаете вступить в революционную армию и взять в руки оружие, как после вступления в армию будете жить и сражаться. Окончательное решение я приму, ознакомившись с вашими сочинениями.

Мои слова Ким Пхен и большинство других командиров встретили с явной тревогой. «У нас уже есть немало детей из Мааньшаня. Они стали большим бременем, и очень трудно будет, если принять еще этих ребят», – говорили они.

На следующий день я ознакомился с сочинениями мальчиков. Все написали хорошо – о своей высокой решимости. Неграмотные дети принесли клятву, написанную руками товарищей. Но я не придирался к этому. Нельзя же считать недостатком, что кто-нибудь не мог ходить в школу и остался неграмотным. Когда я объявил, что все написали хорошо, мальчики ликовали, от радости топая ногами.

Я собрал командиров и политруков рот и выше в помещении командования, официально объявил о формировании детской роты из членов Детского отряда из Мааньшаня, из группы мальчиков,

прибывших к нам из Западного Цзяньдао. Командиром этой роты назначил О Иль Нама, управляющей делами – партизанку Чон Хи.

О Иль Нам был командиром пулеметного взвода при штабе командования. Он стрелял хорошо, показал себя отлично и в управлении подразделением. О Иль Нам обладал также необычной выносливостью и высоким боевым духом. Насколько он был вынослив, хорошо видно хотя бы по одному эпизоду во время боя на горе Коуюйшуйшань. В той схватке О Иль Нам получил пулевое ранение. Однако из боя он не вышел и никто не знал о его ране. Только прибыв в Диянси, заметили кровь, запекшуюся на его военной форме, и заволновались, что рана тяжелая. Когда раздели его, то увидели застрявшую пулю, конец которой едва просматривался. А сам О Иль Нам только улыбался.

Не было врача. И я велел Кан Ви Рёну, обладавшему большой физической силой, держать раненого, а сам пинцетом захватил пулю. Но она не подалась сразу, как хотелось бы. Лишь пролив немало пота, я сумел вытащить вражескую пулю. Операция была грубая без анестезии, но от О Иль Нама не услышали ни одного стона. Обработав рану вазелином, которым мы смазывали винтовки, я приказал эвакуировать его. А он отказался: «Не надо поднимать шум вокруг такого пустяка. С минуты на минуту ожидается вражеское преследование. Как же может уйти со своего поста командир пулеметного взвода?» Я верил, что такой боевой дух О Иль Нама несомненно окажет положительное воздействие на юных бойцов.

И управляющая делами Чон Хи была на редкость волевой натурой. Молоденькая, почти ровесница с членами детской роты, но твердость ее воли можно было сравнить с твердостью кремня. По словам Ким Чхоль Хо, хорошо знавшей о семейной обстановке Чон Хи, она была бойкой девочкой, которая в десять лет отличилась тем, что разбила дедушкину коробочку для лечебных игл.

В десять лет Чон Хи потеряла мать. Ее дедушка умел лечить иглами и врачевал многих односельчан. А вот заболевшую сноху не смог спасти. Чон Хи-девочка думала, будто в смерти матери виновата дедушкина коробочка для игл, и камнем разбила ее. Дедушка, рассерженный, поднял настоящий скандал, называя внучку хулиганкой. А она при этом очень горько рыдала, причитывая: «На что нам эта коробочка! Она не смогла излечить мамину болезнь». Дедушка не устоял и, обняв внучку, вместе с ней горько заплакал.

Годом позже Чон Хи потеряла и старшего брата. Брат был партизаном. Во время действий во вражеском тылу его вместе с двумя товарищами схватили враги и казнили их в горах за Цзюйцзыцзе. Но перед этим партизан жестоко пытали – разрывали кожу на теле, дробили кости. Но они, гневно осудив злейших врагов, мужественно встретили смерть кличем: «Да здравствует революция!»

На месте казни в группе односельчан была и юная Чон Хи. Героическая смерть брата очень сильно потрясла ее. Палачи кричали собравшимся: «Хорошенько посмотрите! Все, кто выступит против Японии, именно так кончат свою жизнь. Надо полагать, посмотрев на эту картину, вы не будете заниматься революцией!»

Население молчало. Но тут из уст девочки Чон Хи вырвалось звонкое «Да здравствует революция!»

Палачи, оторопевшие от неожиданности, бросились на девочку и избили ее. Позже, когда Чон Хи пришла в партизанский район, взрослые спросили: «Зачем ты тогда выкрикнула тот лозунг?» В ответ она сказала: «Я хотела умереть, как брат. Перед смертью хотела воскликнуть: «Да здравствует революция!»

В этом кратком признании уже отразилась отвага маленькой девочки, готовой поставить интересы революции выше личной жизни.

Отважная и смелая девушка Чон Хи, готовая идти навстречу смерти, могла быть отличным примером для членов детской роты.

Я был уверен, что и Чон Хи, как О Иль Нам, может ответственно присматривать за жизнью ребят детской роты, увидел в ней самого подходящего кандидата. Управляющий делами выполнял те же обязанности, что выполняет старшина роты в нынешней Народной Армии.

Но и после объявления мною о формировании детской роты немало командиров считали эту меру, по меньшей мере, неожиданной и не совсем оправданной. Они думали: «Не будут ли эти мальчики помехой в действиях нашей армии? Не будем ли мы оказываться скованными по ногам и рукам из-за них? Сумеют ли эти мальчики вынести испытания, трудные даже для взрослых?»

Я на правах командующего сформировал детскую роту, чтобы как можно скорее удовлетворить просьбу мальчиков.

Прежде всего меня тронуло страстное желание ребятишек приобщиться к революции, их жгучая ненависть к врагам и стремление отомстить за родителей, братьев и сестер. Знакомясь с

этими мальчиками, я стал думать о том, что надо уделять внимание подготовке резерва партизанской армии и что образование особой военной организации из мальчиков может быть одним из путей решения вопроса подготовки такого резерва.

На примере бывших моих ординарцев Чо Валь Нама, Ли Сон Рима, Чвэ Гым Сана, Ким Тхэк Мана, Пэк Хак Рима и других, которые вступили в ряды партизан примерно в том же возрасте, что и члены детской роты, я твердо убедился, что мальчики 14 – 17 лет вполне могут действовать наравне со взрослыми.

После документального оформления детской роты мы сразу одели ее бойцов в военную форму, вручили им оружие. Большую часть его составляли кавалерийские винтовки образца «38», которые соответствовали росту детей. Получив новые мундиры и оружие, юные бойцы не находили себе места от радости. И теперь перед моими глазами живо встают их образы, и сердце наполняется ощущением радости.

Мы дали О Иль Наму и Чон Хи задание – поначалу вести подготовку детей на плато под Диянси, а потом перейти в Фухоушуйский тайный лагерь в Цидаогоу и продолжить там боевую подготовку в интенсивном порядке. Я лично составил напряженную программу обучения, нацеленную на то, чтобы за один-два месяца дать ребятам азы знаний партизанской жизни и приучить их к основным действиям. Я дал эту программу О Иль Наму. Ознакомившись с ней, О Иль Нам забеспокоился, что она слишком насыщена и вряд ли дети смогут полностью освоить все намеченное. Тем не менее он обещал приложить все силы, чтобы добиться успеха.

Со следующего дня на плато под Диянси детская рота приступила к боевой подготовке. В те дни я был плотно загружен выработкой курса действий в связи с вспышкой китайско-японской войны. Но все же я находил время, чтобы руководить на месте подготовкой детской роты. Выходя к обучающимся ребятам, я лично совершал показательные действия, то и дело наставлял мальчиков: «Хорошенько научитесь строевому шагу, как можно быстрее перенимайте армейские привычки, в тренировках по прицеливанию считайте мишень грудью врага» и так далее.

Прошло около двух недель подготовки детской роты в Диянси. Мы должны были уйти в тайный лагерь в Собэксу для совещания. Перед уходом я приказал О Иль Наму перейти с членами детской роты в Фухоушуйский тайный лагерь и продолжить там обучение.

Все же, решив взять малышей в поход, я, честно говоря, испытывал некоторое беспокойство. Поход в те времена был делом довольно-таки хлопотливым, трудным. Правда, дети уже испытали на себе немалую череду мук и невзгод. Но все-таки я не мог успокоиться.

Фухоушуйский тайный лагерь являлся более или менее безопасным тыловым лагерем. В тех условиях его можно было считать идеальным местом для военной учебной базы. В лагере сохранились некоторые запасы продовольствия. Его хватило бы на два-три месяца для питания членов детской роты. Мы заблаговременно дали Ким Пхену задание построить в Фухоушуе тайный лагерь и запастись продовольствием. Теперь это очень помогло детской роте.

Когда мы командовали боевыми операциями по нанесению удара врагам в спину, находясь в Людаогоуском тайном лагере недалеко от Фухоушуя, в тайном лагере в Фухоушуе во всю шло интенсивное обучение членов детской роты. Закончив совещания в Чушуйтане и Собэксу, я зашел в тайный лагерь, чтобы посмотреть, как они учатся. Сразу бросилось в глаза то, что ребята изменились до неузнаваемости по сравнению с тем, какими они были в Диянси. Их облик, их отношение к занятиям позволяли сделать вывод о том, что мы были правы, настаивая на организации детской роты. Их развитие шло, казалось, не по дням, а по часам. Видя все это, я испытывал большое удовлетворение.

А однажды в командование зашла Чон Хи и прошептала мне на ухо:

– Полководец, у нас большая беда. Просто не знаю, как быть! – пожаловалась она совершенно неожиданно.

Далее она все так же шепотом сообщила, что один мальчик, самый маленький в роте, ночами плачет, видимо, тоскует по покинутому дому.

Меня удивило, что мальчик плачет. Партизаны – тоже люди. У них есть семьи. А в том, что тоскуют члены детской роты по родным, и вовсе нет ничего необычного. Однако совсем другое дело, если мальчик плачет, тоскуя по дому.

По словам Чон Хи, парнишка этот начал мрачнеть с тех пор, как его рота проходила мимо Бадаогоухэ. На вопрос, почему он плачет, мальчик отвечал, что чем дальше от родного дома, тем грустнее ему становится. Вступая в армию, он думал, что отряд будет действовать поблизости от его дома, но по мере того, как поход продолжался,

наверное, постепенно слабела и его воля.

Я посоветовал Чон Хи:

– Построже учите его. Ведь говорят: милых детей расти розгами.

Чон Хи вызвала мальчика и дала ему нагоняй. Но это привело к обратному эффекту: плакса не только не усмирился, но и начал требовать отпустить его домой.

Я призвал его в командование и спросил, действительно ли хочет он вернуться домой.

Мальчик не сказал ни слова в ответ и прямо смотрел в мое лицо.

– Если твое решение твердое, то иди домой, – сказал я ему, – однако отсюда до Шицзюдаогоу сотни *ли.* Сможешь ли ты пройти?

– Смогу. И буду возвращаться тем путем, по которому мы шли сюда.

По тону, с которым отвечал мальчик, я почувствовал, что это не просто детский каприз. О серьезности намерения говорило и то, что он сам, по-своему, обдумал свой маршрут.

Я велел Чон Хи принести вещевой мешок с неприкосновенным запасом продовольствия детской роты. В нем было несколько *твэ* риса.

– Раз ты желаешь, иди, – сказал я, передавая ему вещевой мешок. – Но до дома не дойдешь без пищи. Возьми с собой это.

Мальчик знал, что в мешке неприкосновенный запас риса для роты, и вскинул на меня удивленные глаза.

– Нет, не возьму, – сказал он. – Чем тогда будет питаться рота? Я буду один, смогу как-нибудь достать пищу. Можно, например, брать початок-два на кукурузных полях.

– Это равносильно воровству, – сказал я. – Даю этот рис, чтобы ты не делал такого. Ты уже не один день питался из общего партизанского котла. Значит, должен знать такую простую вещь. Не так ли? Ну, бери мешок.

– Я не могу один есть, заставляя товарищей голодать, – ответил мальчик и ни на что не хотел взять мешок.

– Как же ты, держась такой морали, не понимаешь, что оставить сражающихся в крови товарищей в горах и пойти домой – это позор? Я верил, что все вы умные ребята, но, оказывается, ошибся...

Когда наша беседа приняла такой поворот, мальчик зарыдал.

Нечего было говорить, что такие мальчишки еще нуждаются в присмотре родителей. В этом я увидел еще одну, трагическую сторону национальных страданий, которые мы переживали по злой

воле японских империалистов.

«Однако, что будет после его возвращения домой? Да и здесь среди членов детской роты могут появиться колеблющиеся», – думал я.

Я напомнил мальчику содержание его клятвы, которую он написал при вступлении в армию, и уговаривал:

– Известная поговорка гласит: обещание мужчины более веско, чем глыба золота. А ты хотел выбросить свою клятву, как ни к чему непригодный камешек на дороге. Человеку не пристало бросаться своим словом. Раз взял в руки ружье, надо биться до победного конца и идти домой с победой. Только тогда родные встретят тебя радушно...

Он поклялся больше не думать о возвращении домой.

Из-за этого случая, кажется, потом я стал относиться к этому мальчику с особой нежностью и любовью. В его личных качествах положительным я считал товарищескую любовь. Еще ребенок, а он уже готов был голодать, лишь бы не трогать неприкосновенный запас риса для роты. В этом трогательном чувстве товарищества отражается чистая, как свежий снег, и красивая, как лилия, душа мальчика!

Я считал чувство товарищества пробным камнем, на котором проверяются личные качества революционера. Это чувство и является тем ядром человеческих качеств, той моральной основой, которые делают коммунистов самыми прекрасными людьми в мире, и одним из тех ярких признаков, которые отличают коммунистов от других людей. Если у человека нет морально-нравственного ядра, которое называется чувством товарищества, то его жизнь рано или поздно рухнет, как здание, не имеющее под собой фундамента. Человек, у кого сильно развито чувство товарищества, может легко исправить свои недостатки, если таковые имеются. У него, маленького друга из Шицзюдаогоу, я обнаружил именно это качество.

Весь отряд заботливо помогал членам детской роты, как родным младшим братьям. Каждый взрослый боец серьезно воспитывал по одному мальчику. Так что у каждого члена детской роты был надежный покровитель.

Самым добросовестным и активным опекуном все же был командир роты О Иль Нам. Он постоянно заботился о том, чтобы ни один мальчик из его роты не выбывал из строя. Как-то я стал зрителем очень трогательной картины, когда он помогал намотать портянки «малышу-жениху» Ким Хон Су, пришедшему к нам из

деревни Шанфэндэ. «Хон Су, – сказал Иль Нам, – ты опередил меня в женитьбе, но в умении намотать портянки отстал от меня. Так что перестань стыдиться и учись честно. Вот когда настанет моя очередь жениться, тогда дело другое. Тогда ты будешь моим учителем».

А этот «малыш-жених», полностью доверив свои ноги О Иль Наму, внимательно следил за движениями пальцев рук своего командира. О Иль Нам обращал особое внимание на жизнь Ким Хон Су, кажется, потому, что он не хотел, чтобы над этим женатым парнем потешались окружающие.

К членам детской роты с особой любовью относились и все партизанки. Они взяли под свою материнскую опеку по два-три мальчика. Партизанки тщательно учили их всему тому, что нужно в повседневной жизни: как лучше сложить вещи в вещевом мешке, как сварить себе кашу, как развести костер, как умело штопать, как залечивать волдыри на ступнях. Одним словом, во всем и везде они проявляли о них теплую заботу.

В деле воспитания ребят вторым после командира роты можно было по праву считать Ким Ун Сина. Кажется, что парторганизация поручила ему взять под личную опеку Ли Ыль Сора. Используя каждое свое свободное время, Ким Ун Син брал с собой Ли Ыль Сора и занимался с ним прицеливанием. Пример Ким Ун Сина оказал хорошее влияние и на других бывалых партизан. Благодаря стараниям наставника Ли Ыль Сор вскоре стал метким стрелком. Впоследствии, когда Ли Ыль Сор решил вступить в Коммунистическую партию, Ким Ун Син дал ему рекомендацию.

Бывалые партизаны помогали членам детской роты и во время походов. Они учили их партизанским мудростям. В частности, тому, чтобы при ночных переходах не отставали ни на шаг от впереди идущего, внимательно наблюдали за всем, что происходит вокруг, чтобы об обнаруженных ненормальностях немедленно докладывали командиру и чтобы на привалах не оставляли ни клочка бумаги и так далее.

Я тоже делал все, что было в моих силах, для детской роты.

Когда нам приходилось переходить быстротекущую реку, я переносил самых младших ребят на своей спине. Однажды и «малыш-жених» Ким Хон Су перешел реку на моей спине. Подшучивали над ним: «Как же это женатый человек может вести себя, как ребенок?!» Но этот добродушный жених делал вид, будто шутки не касаются его. Когда я был в походе вместе с членами

детской роты, мне приходилось часто предупреждать их: «Осторожно! Впереди дерево», «Выбоина, перепрыгнуть!», «Переходить реку осторожно!» и так далее.

Члены детской роты постоянно испытывали чувство голода: партизанская пища была не очень богата, во всяком случае она не могла быть сытнее домашнего питания. Как-то раз нам случилось вместе с детской ротой переходить из Чанбая в Линьцзян. У нас не хватало продовольствия, и часто варили лишь жидкую похлебку. Питаясь такой похлебкой, члены детской роты трудно переносили голод. Партизанки-поварихи подавали мне еду отдельно, но каждый раз я со своей миской шел к членам детской роты и делил между ними свою порцию жидкой каши.

Однажды управляющая делами роты Чон Хи, эта чистосердечная девушка, пришла ко мне и почти плача умоляла меня не раздавать свою порцию мальчикам. Она сказала, что это может привести к ухудшению моего здоровья, и заявила, что в таком случае и они, партизанки, откажутся от еды.

Я успокаивал ее:

– Товарищ Чон Хи, не надо так расстраиваться. Нам такое недоедание не принесет ничего страшного. Но другое дело – дети. Они пока недостаточно закалены, и им очень трудно. Они же в таком возрасте, что способны переваривать даже камешки. Поэтому, когда часто приходится питаться лишь жиденькой кашей, ребят очень мучает голод. В таком положении, если не мы, кто же должен позаботиться о них?

Работая с членами детской роты, я уделял свое внимание прежде всего их идейному воспитанию. При каждой возможности я становился их лектором. Вначале обучал неграмотных ребят грамоте. Мальчиков очень занимали биографии знаменитых людей. Поэтому я знакомил их с биографиями многих выдающихся личностей. Потом я читал лекции об истории падения нашей страны. Среди членов детской роты были и фантазеры, которые мечтали, как Ан Чжун Гын, Юн Бон Гир и Ли Бон Чхан, расправиться пистолетом или гранатой с императором Японии или генерал-губернатором Кореи. Таким мальчикам я объяснял, что невозможно добиться независимости Родины террором. Для возрождения Родины надо развернуть всенародное сопротивление и прежде всего вооруженную борьбу. Для того, чтобы довести до сознания этих юных бойцов нашу революционную линию, потребовалась терпеливая работа.

В дни перехода из Чанбая в Линьцзян мы провели десятки боев. Однако я ни в одном из них не разрешал участвовать членам детской роты. Им позволялось лишь издалека наблюдать, как сражаются взрослые партизаны. Как-то один из мальчиков детской роты, находясь в зоне боевых действий, получил ранение случайной пулей. Каждый раз, когда ныла рана, мальчик звал: «Папа!» Видя это, я думал: какую душевную муку испытывали бы родители, если бы увидели рану сына! Я сказал О Иль Наму, что эти дети, призванные продолжать наше революционное дело, являются бесценным сокровищем. Их надо беречь и проявлять о них постоянно теплую заботу.

Мы воспитывали членов детской роты, ничего не жалея для них. Но в то же время мы не баловали их, как барских детей. За допущенные проступки подвергали строгой критике, заставляли закалять себя в среде взрослых партизан.

Однажды ночью я, обходя бивак, заметил, что члены детской роты спали разутыми. Это было нарушением дисциплины. В бивачных правилах, составленных нами, был пункт, запрещающий бойцам спать без обуви. В партизанской жизни, когда возможны внезапные налеты врагов, было не до комфорта, спать разутыми или раздетыми было равнозначно самоубийству. Поэтому командиры и бойцы на биваке всегда спали в военной форме, обутыми, прижав ружье к груди, подложив вещевой мешок под голову, чтобы быстро действовать в случае чего.

В ту ночь я резко критиковал Чон Хи.

– Таким дешевым состраданием не вырастишь этих мальчиков настоящими бойцами, – говорил я ей. – Если напали бы в эту минуту враги, то что случилось бы с этими мальчиками, которые спали разутыми? Наверняка, они поранили или обморозили бы себе ноги. Надо считать, что родители этих мальчиков доверили нам своих детей. Поэтому мы должны присматривать за ними, как их родители, родные братья и сестры. И конечно, хотя это может показаться нарушением человечности и тяжело на душе, но надо относиться к мальчикам принципиально, строго во имя будущего.

Моя критика той ночью так глубоко запала в душу Чон Хи, что даже спустя десятки лет она, встретившись с Чо Мен Соном, который сейчас работает заместителем начальника генштаба нашей армии, спросила его:

– Помните, как меня критиковали за ваши ноги?

Чо Мен Сон сразу понял, о чем говорит давнишняя управляющая делами, и с умилением в голосе ответил:

– Как же, помню. На биваке я вздумал снять обувь, и за это вам досталось... То было время, когда мы в детской роте делали первые шаги в революции. Приходилось испытывать немало лишений и трудностей, но вспоминаю то время с нежностью.

Невзгоды, испытанные в детстве, и любовь, познанная в детстве, не забываются до конца жизни. Воспоминания о них, как негаснущий костер, тепло греют и озаряют жизнь любого человека. Прошло более полувека, и мальчики, которым тогда было четырнадцать – пятнадцать лет, теперь стали пожилыми. Им уже за семьдесят, но до сих пор они не могут забыть тех старших товарищей, которые берегли и любили их, как своих родных братьев.

Благодаря теплой помощи и заботе взрослых партизан, члены нашей детской роты быстро росли – и физически, и духовно. Все чаще они начали просить разрешения участвовать в боях вместе с бывалыми партизанами. Первое боевое испытание члены детской роты выдержали в Синьфанцзы. После этого они участвовали во множестве сражений вместе с остальными партизанами. Чего только не бывало в ходе этого!

Сколько мы ни уговаривали и заранее ни предупреждали, но, как только начинался бой, некоторые члены детской роты порой выкидывали такое неожиданное, невообразимое для взрослых, что заставляло нас переживать и волноваться, а иной раз и хохотать. Те мальчики, которые в будни казались хорошо владеющими собой, в боях легко горячились и теряли самообладание. Был и такой случай. Один паренек, забыв об опасности, вышел из-за укрытия и, пренебрегая осторожностью, начал стрелять, подставив врагу, словно мишень, верхнюю часть тела. Взрослому партизану пришлось силой стащить его за воротник назад, за укрытие, и тот шлепнулся задом.

Другой член детской роты уронил новый головной убор в костер и некоторое время вынужден был ходить без шапки. Его мысль так была занята шапкой, что, столкнувшись с врагом, вместо того, чтобы выстрелить в него, пытался стащить шапку с его головы, за что едва не поплатился собственной головой. Был и такой член детской роты, который, когда появилась перед ним косуля, забыл, что он на часах, и выстрелил, из-за чего вся часть была поднята по тревоге.

В дни нелегких сражений члены детской роты совершали и

множество ратных подвигов. Необычная обстановка партизанской жизни заставляла мальчиков проявлять такие неожиданные смекалку и мужество, какие невозможно и представить в обычное время.

Однажды Чон Мун Соб, Ли Ду Ик и Ким Ик Хен отправились в намеченное место с заданием установить связь с нужным нам человеком. На пути они столкнулись с небольшим отрядом солдат армии Маньчжоу-Го. Обе стороны обнаружили друг друга одновременно. Тут уж, если упустишь инициативу, то окажешься плененным, попавшись в окружение. В этот критический момент бойцы детской роты упали в заросли и, подражая голосу взрослых, скомандовали: «Первая рота – слева, вторая рота – справа!» И тут же открыли по врагам прицельный огонь. Солдаты противника, напуганные этим, даже и не подумали вступать в перестрелку, а сразу же пустились наутек. А юные храбрецы, успешно выполнив свое задание, вернулись в часть.

В этой истории примечательно то, что они сами считали свой подвиг пустяком. Поэтому этот случай некоторое время оставался неизвестным в части. И я, только услышав об этом от командира роты О Иль Нама, узнал, какое замечательное деяние совершили трое мальчиков.

Члены детской роты неузнаваемо выросли и в идейно-духовном, и в моральном отношении. Они пытались делать все своими силами, всячески старались по мере возможности не быть обузой для взрослых.

Осенью того же года, когда была организована детская рота, Ким Ик Хен, спавший возле костра, обжег себе голень. К тому же он очень страдал от болезни глаз. Он плохо видел, поэтому во время похода его поддерживали взрослые партизаны. От сильного ожога нестерпимо болела голень, но Ким Ик Хен ничем не выдавал свою боль, видимо, не желая беспокоить меня и бывалых партизан. Я вскоре догадался, что он очень мучается из-за ожога, и послал ему лекарства. Увидев ожог, я поразился твердой воле и выносливости Ким Ик Хена.

За все годы антияпонской войны члены нашей детской роты, несмотря на свои малые года и пока еще недостаточную физическую силу, сражались не хуже бывалых бойцов и внесли большой вклад в победу в нашей вооруженной борьбе. В японской армии и полиции ходило такое мнение: «Не пытайся и связываться с партизанами,

воспитанными в детской роте». Или еще: «Не берись тягаться с выходцами из детской роты».

Приведу в пример Ким Сон Гука, который рано вступил в партизанскую армию при помощи Ким Ира.

Долгое время Ким Ир вел подпольную работу в поселении под горой Цзяньсаньфэн и сделал много полезного для нас при помощи члена Лиги возрождения Родины Ким Сан Хена. Три месяца Ким Сан Хен скрывал Ким Ира в своем шалаше и добросовестно помогал ему в работе. Между тем тогда этот крестьянин был вдовцом. После смерти жены он, не имея возможности прокормить трех сыновей, отдал их чужим людям в батраки. Из них старшим был Ким Сон Гук.

Ким Ир не раз серьезно задумывался над тем, как помочь этой бедной крестьянской семье. И, наконец, решил отправить Ким Сон Гука в партизанский отряд со своей рекомендацией. Однажды он встретился с Ким Сон Гуком на поле, где тот работал, и, посоветовав пойти ко мне, дал ему рекомендательное письмо. Так мальчик Ким Сон Гук, бросив мотыгу, в одежде из грубой конопляной ткани пришел ко мне и вступил в партизанский отряд.

Ким Сон Гук больше кого-либо другого испытал в детстве всяких невзгод. Будучи смекалистым, смелым и настойчивым, он сравнительно скоро научился метко стрелять, быстро усвоил нормы действий партизанской армии. Спустя несколько месяцев он стал помощником пулеметчика О Бэк Рёна. Ким Ир всегда с особой любовью присматривал за ним.

Это было холодной, суровой зимой, когда мы действовали на берегах реки Сунгари. Ким Сон Гук был зачислен в заградительную группу. Однажды он грел ноги у костра. Почувствовав обжигающую боль на ступнях, он снял обувь. И надо было случиться, что именно в этот момент напали враги. Более того, беда не приходит одна: не оказалось на месте пулеметчика О Бэк Рёна. По приказу командира Ким Сон Гук быстро установил пулемет на льду реки Сунгари и начал стрелять длинными очередями по врагам. Он даже не помнил, что не успел обуться и вступил с голыми ногами в горячую перестрелку.

Когда он всецело был поглощен стрельбой, кто-то потянул его за ноги. Ким Сон Гук, рассерженный, оглянулся назад. И неожиданно увидел, что Ким Ир, разорвав белье, тряпками обвязывает его ноги. Только тогда он понял, что босым бросился в бой. Когда враги были отбиты, Ким Ир ругал его: «С ума ты сошел? Тебе не нужны ноги?»

Ким Ир, вернувшись из боя, сказал мне: он увидел, что Ким Сон Гук бежит по льду реки Сунгари с пулеметом на плече, а ступни у мальчика прилипали к льду и отрывались от него с шумом. Удивительным было, конечно, и само поведение Ким Сон Гука, который в холодную зиму босым стрелял из пулемета, лежа на льду. Но не менее удивительно и то, что Ким Ир под градом пуль бежал вслед за юным пулеметчиком и на поле боя обвязал его ноги клочьями своего белья. Если бы Ким Ир не сделал этого, то Ким Сон Гук, наверняка, отморозил ноги и превратился бы в бескрылую птичку.

Впоследствии Ким Сон Гук вступил в Коммунистическую партию по моей рекомендации и Ким Ира.

Каким преданным революции бойцом был Ким Сон Гук, хорошо говорят эпизоды периода нашей деятельности мелкими отрядами. Первая половина 40-х годов явилась временем тяжелейших испытаний революционности каждого из партизан. В эти суровые годы Ким Сон Гук сражался храбро, без малейших колебаний. Он часто бывал внутри Кореи, выполнял в подполье важные задания. Однажды он проник в город Рачжин и там из-за незначительной оплошности был задержан полицейскими. Застигнутый дождем на улице, он купил зонтик в магазине, не подозревая, что это женский зонтик от солнца. Ким Сон Гук, с детства тянувший лямку в глухом горном селе Цзяцзайшуй, не знал, что есть зонты, оберегающие от дождя и от солнца. Когда он вышел из магазина, раскрытый женский зонтик над его головой сразу привлек внимание людей. Проходивший полицейский, почувствовав что-то неладное, спросил его, где он украл этот зонтик. Ким Сон Гук честно ответил, что купил в магазине. На вопрос полицейского, почему выбрал женский зонтик, он сказал, что купил по просьбе соседки.

Однако полицейский привел Ким Сон Гука в участок и продолжал придирчиво допрашивать. Ким Сон Гук даже намеревался свалить полицейского стулом и бежать, но передумал: ведь тогда он не сможет продолжать подпольную работу в городе и вместо него придется другому подпольщику, рискуя жизнью, пробираться в Рачжин.

Но вот тот полицейский, который привел Ким Сон Гука, вышел на улицу на патруль, и за него взялся другой страж порядка. Допрашивая партизана, он открыл ящик стола и увидел в нем пачку денег в несколько сотен *вон*. Эту сумму его коллега отобрал от Ким Сон Гука. Жадный на деньги, он сразу отпустил задержанного.

Летом следующего года он, будучи посланным в составе малого

отряда, опять оказался в критической ситуации. При возвращении на базу после выполнения задания он столкнулся с врагами и в перестрелке получил множество ран. Ким Сон Гук спустился на дно ущелья и скрылся в зарослях. Враги не смогли найти его. Я направил группу бойцов во главе с Им Чхором на его поиски. Нашли мужественного партизана в ущелье, где он лежал уже без сознания.

Получивший множество ранений Ким Сон Гук чудом остался жив. По его словам, он до полной потери сознания жевал траву.

По возвращении Ким Сон Гука в учебную базу мы при содействии соответствующего органа эвакуировали его в один из советских госпиталей. Там он лечился целый год и восстановил здоровье. Персонал госпиталя и даже больные тепло ухаживали за ним. В частности, одна из девушек-медсестер, обслуживающая Ким Сон Гука, называя его фениксом корейских партизан, дала свою кровь для переливания больному, дни и ночи самоотверженно ухаживала за ним.

Эта медсестра была немкой. После того, как отец-антифашист был расстрелян гитлеровцами, она с матерью эмигрировала в Советский Союз. Девушка уважала Ким Сон Гука как борца малой нации Востока и помогала, чем могла. Ничего не жалела, если это требовалось для лечения Ким Сон Гука. Провожала его в туалет, умывала его, кормила с ложечки. Когда больной начал выздоравливать, девушка приносила из дома курятину и старалась, чтобы у него был хороший аппетит.

В день, когда Ким Сон Гук выписался из госпиталя, к нему пришла мать девушки и пригласила его в свой дом. Говоря, что больной после госпиталя обычно долечивается в санатории, она просила его пожить в ее доме хотя бы несколько дней с тем, чтобы можно было соблюдать диету. Ким Сон Гук охотно принял это приглашение.

Мать девушки была преподавателем художественного училища, находящегося на той же улице. Несмотря на суровые погодные условия Сибири, она содержала десятки кур и выращивала многолетний перец. Девушка и ее мать забивали каждый день по курице и угощали его разными блюдами. Каждый раз, когда выпадал досуг, они просили Ким Сон Гука рассказывать о борьбе корейских партизан. На девушку и ее мать большое впечатление произвели рассказы о мальчишках, которые в детском возрасте бросились в революционные бури. Они считали участие детей в партизанской борьбе сверхъестественным делом. Мать девушки говорила, что

намерена ознакомить Европу с обликом борца-героя Кореи, и часто делала зарисовки Ким Сон Гука на полотне.

Пока Ким Сон Гук восстанавливал здоровье, девушка через него узнавала Корею, знакомилась с историей Кореи, познавала революционеров и народ Кореи. После общения с Ким Сон Гуком девушка полюбила Корею. «Услышав о делах мальчиков-бойцов, я пришла к убеждению, что ваша страна войну против Японии завершит победой. Вы непременно одержите победу над Японией», – не раз говорила девушка.

Когда Ким Сон Гук возвращался в свою часть, девушка и ее мать вместе с советскими врачами тепло проводили его, распрощавшись как старые друзья.

Девушка и ее мать хотели подарить Ким Сон Гуку сберегательную книжку, на которой числилась большая сумма денег. Но Ким Сон Гук наотрез отказался принять этот подарок.

На прощание мать девушки сказала: «Вам следовало бы еще отдыхать. Но мы не будем дольше задерживать вас. Ведь вы все равно не останетесь у нас дольше, сколько ни проси вас. Корейская революция непременно победит, так как в ней участвуют такие борцы, как вы...»

Выслушав рассказ Ким Сон Гука, вернувшегося в часть, я был очень тронут интернациональным поведением девушки и ее матери из Германии. И мы отправили Ким Сон Гука с деньгами и некоторыми продуктами к ним выразить благодарность от имени Корейской Народно-революционной армии.

Какой детская рота была замечательной домной для идейной закалки и полезной военно-политической школой, хорошо показывал также пример Ким Чхоль Мана.

Ким Чхоль Ман пришел к нам со «стариком с трубкой», который был послан на подпольную работу в район Диянси в составе малого отряда, и затем мальчик вступил в детскую роту. Когда он впервые предстал передо мной, я, недовольный поступком «старика с трубкой», досадовал:

– А для чего вы привели в отряд мальчика, который ростом еще меньше винтовки? Что мне делать с этим малышем?

Всполошился «старик с трубкой»:

– Какой там малыш? Ему, знаете, без малого семнадцать. Ростом не вышел, но душой уже взрослый, — заступился он за Ким Чхоль Мана.

А я думал вначале, что мальчик лгал, притворяясь перед «стариком с трубкой» старше, чем был на самом деле. Все же, на мой взгляд, он был дитя, которому нельзя дать больше двенадцати – тринадцати лет. Я стал убеждать его вернуться домой, напомнил ему пословицу «Не смотри, уж, вверх на крону, коль не умеешь ползать по дереву».

Но Ким Чхоль Ман не сдавался и, лукаво улыбаясь, говорил:

– Не пренебрегайте, пожалуйста, мной, Полководец. Мал я ростом, но набил руку на все виды земледелия.

И он потряс рукой, как бы гордясь своей силой. Она в самом деле выглядела более мускулистой, чем у других детей.

Вступив в детскую роту, Ким Чхоль Ман образцово показывал себя во всех делах. А после роспуска детской роты он, зачисленный в 7-й полк, ответственно исполнял обязанность ординарца комполка О Чжун Хыба. О гибели О Чжун Хыба как никто другой горевал именно этот Ким Чхоль Ман. На смену О Чжун Хыба был назначен командиром полка О Бэк Рён. Ординарец проявлял исключительную заботу о его личной безопасности.

И в период операции малыми отрядами Ким Чхоль Ман все так же оставался под рукой О Бэк Рёна, в возглавляемой им группе. Он частенько переправлялся через советско-маньчжурские границы и реку Туман, работал в подполье, сплачивая антияпонские силы, силы сопротивления, смело и ловко вел разведку важнейших военных объектов врага.

Дерзость и талант Ким Чхоль Мана как военного командира, получившего закалку в пекле антияпонской войны, ярко проявились во время великой антиамериканской войны. Храбро сражался он в дни нашего первого наступления на юг, потом отлично воевал в тылу врага. Под его командованием полк наносил удар за ударом по тылам противника, пересекая вдоль и поперек обширные районы провинций Канвон и Северный Кенсан – Янгу, Чхунчхон, Капхен, Тхончхон, Пхохан, Чхонсон и Кунви, преодолевая расстояние более чем в тысячу *ли.*

Между вражескими и нашими силами завязывались жаркие схватки, напоминающие приливы и отливы. В то время жители района Янгу даже не осмеливались приступить к уборке урожая. И вот Ким Чхоль Ман, освободив Янгу, первым делом собрал руководящие кадры уезда и спокойно, уверенно предложил организовать уборку урожая. За несколько дней совместными

усилиями жителей уезда Янгу и бойцов его полка все хлеба были собраны с полей.

Как я слышал, Ким Чхоль Ман не раз высказывался: «Я военно-политический работник, живу, окруженный доверием и любовью партии. Таким я вырос только благодаря родному вождю товарищу Ким Ир Сену. Если бы не он, который принял меня в детскую роту, воспитывал, проявляя заботу с отеческой любовью, я бы ныне оставался безымянным дровосеком или хлеборобом».

Эти его высказывания я считаю искренними признаниями, идущими из глубины сердца.

Были у нас и такие юные бойцы, которые не состояли в детской роте. Они, сражаясь с оружием в руках в рядах партизан с детского возраста, тоже внесли достойный вклад в достижение победы в антияпонской войне.

Расскажу, например, о смелом мальчике Ким Бен Сике. Ранее он работал на строительстве туннеля. В пятнадцать лет самостоятельно пришел к нам и вступил в партизанскую армию. В первое время он был связным у Мун Бун Сана и Чвэ Чхун Гука. Командиры, называя его лихим воякой, очень любили своего связного.

Часто находясь с заданием во вражеском тылу, он совершал немало подвигов. Реку Туман, строгие кордоны, парнишка проходил посвистывая. Бывал он в Унги (Сонбон), Рачжине, Хвэрене и других северных пограничных городах Кореи. И вел себя, как будто в соседних поселках. Разведданные, добытые им внутри Кореи с риском для собственной жизни, во многом помогли нам готовить операции по освобождению Родины.

К несчастью, накануне освобождения Кореи враги схватили Ким Бен Сика. Японские палачи, узнав, что этот паренек совершил деяния, равные закладке бомбы замедленного действия под фундамент самой их империи, приговорили его к смертной казни. Позже эту крайнюю меру заменили пожизненным тюремным заключением: враги, кажется, учли его несовершеннолетие.

Ким Бен Сик был самым молодым «узником» Содэмунской тюрьмы. Идя из камеры на каторжный труд, он каждый раз выполнял роль связного между находившимися в камерах этой тюрьмы Квон Ен Беком, Ли Чжэ Суном, Ли Дон Гором, Чи Тхэ Хваном, Пак Даром и Со Ын Чжином. Враги тщетно прибегали к пыткам, угрозам и соблазнам в попытках сломать дух Ким Бен Сика. Но это так и не удалось им: мальчик был борцом со стальной волей.

Ли Чжон Сан и Ли О Сон вступили в партизаны в самом юном возрасте среди антияпонских борцов-революционеров. Ли Чжон Сану исполнилось всего одиннадцать лет, когда его зачислили в 3-й корпус Объединенной антияпонской армии.

Когда Ли Чжон Сан вызвался стать солдатом революционной армии, его просьбу рассматривал начальник политотдела 3-го корпуса Фэн Чжунюун. Сначала Фэн отказал ему на том основании, что, мол, он слишком юн, и посоветовал вернуться домой. Да и на самом деле, разве можно впрягаться в армейскую лямку в одиннадцать лет?! К тому же Ли Чжон Сан не вышел и ростом. Притвориться старшим, прибавить год-два возраста все же возможно. Но вот с ростом-то – никак не обманешь.

И все-таки не сдавался Ли Чжон Сан, который приставал, как вар, к Фэну и наконец добился-таки его согласия.

Вступив в армию, мальчик отлично справлялся с бременем воинской службы, оправдывая тем самым ожидания многих людей. Командиры и бойцы отряда, все без исключения, берегли и любили его, смекалистого, проворного и охотливого к любому делу, как родного братишку. В 3-м корпусе он в основном исполнял обязанности связного. Одно время был и связным у Ким Чака и Пак Киль Сона.

Его рекомендовал мне впервые Ким Чак, помнится, в 1943 году, как подходящего кандидата в адъютанты. С тех пор многие годы он провел возле меня. И поныне живо вспоминаю ту историю его рождения, которую однажды, между прочим, поведал мне Ким Чак. Вообще семья Ли Чжон Сана жила в Пхеньяне, в Пхальтонгё, а переселилась в Маньчжурию как раз к тому времени, когда я учился в Чхандокской школе. Когда истекал последний месяц беременности, его мать отправилась в путь и родила ребенка в поезде, следовавшем на Шэньян. Тот новорожденный и оказался именно Ли Чжон Саном. У роженицы не было ни одеяльца, ни пеленок. Добрые пассажиры помогли ей, собрали по грошу немного денег, на которые ей удалось кое-как одеть ребенка.

После освобождения страны Ли Чжон Сан вместе с Сон Чжон Чжуном и другими много лет работал моим адъютантом. Как только назначили его на эту должность, он сразу бросил курить: заботился о моем здоровьи. Избавиться от привычки, которая вошла в жизнь вот уже более десяти лет назад, – дело не простое, как кажется на словах.

Когда в Цингоуцзы мы послали в 3-й корпус военно-политических работников, в их числе был и младший брат О Чжун Хыба –

О Чжун Сон (О Сэ Ен), служивший командиром отделения в Ванцинском партизанском отряде. О Чжун Сон был переведен в 3-й корпус на должность комиссара батальона. Однажды в бою вражеская пуля попала ему в правую руку и он потерял указательный палец. Когда ему хотелось покурить, Ли Чжон Сан свертывал ему самокрутку, бегал к другим бойцам, чтобы прикурить от их цигарок. При этом приходилось затягиваться глотком-другим табачного дыма. И вот таким образом мальчик, сам того не замечая, пристрастился к курению.

Иногда я предлагал ему покурить, но он отказывался. Видя, как он строго соблюдает мораль, прекращая курение, я был восхищен.

Среди юных партизан, преодолевших с нами бесчисленное множество трудностей и испытаний антияпонской революции, был и Тхэ Бен Рер, который, возглавив женский взвод, появился весной 1936 года в Михуньчжэнь. Тхэ Бен Рер вступил в КНРА и взял на плечи винтовку, когда ему было пятнадцать – шестнадцать лет. Везде за ним следовало прозвище – «орешек». Это шло от внешности – маленький рост, тщедушное сложение. Но сердцевина этого «орешка» была довольно зрелой. В сражениях парень был удалым бойцом, в жизни отличался аккуратностью и дисциплинированностью. Ему довелось участвовать в рядах антияпонской партизанской армии во многих боях: в Мяолине, Цзиньчане, на горе Цзяньсаньфэн, под Мучихэ, Дапучайхэ, Дашахэ – Дачанцзян, в уездном центре Эму и других. И всюду он вершил такие боевые дела, которым завидовали даже бывалые бойцы. Особенно отличался он в боях искусством меткой стрельбы, которым он овладел в ходе совершения таких подвигов. И поныне ветераны антияпонской борьбы, собравшись вместе, нередко вспоминают то, как Тхэ Бен Рер вместе с комполка Ли Рён Уном пробрались в одно из коллективных поселений уезда Дуньхуа и в мгновение ока наголову разгромили свыше 30 солдат маньчжоугоской армии. Зная боевые способности этого в сущности мальчика, к нему никто даже из бывалых бойцов не смел относиться свысока.

В дни антияпонской войны большую часть своей службы Тхэ Бен Рер провел в качестве ординарца ряда военно-политических руководителей, таких, как Ан Гир, Чон Дон Гю, Ли Рён Ун и другие. Его, смекалистого, ответственного и охотливого к любому делу, многие командиры и политработники желали иметь под рукой.

Служа ординарцем, Тхэ Бен Рер уделял большое внимание личной безопасности своих начальников.

Когда командир, скажем, готов был рисковать своей жизнью в тот или иной момент, Тхэ Бен Рер заграждал ему путь, протянув обе руки, порицал его строго: «Предостережение от риска – требование Полководца. Вправе ли вы пойти наперекор этому требованию?»

Командир полка Чон Дон Гю погиб в бою под Дашахэ – Дачанцзян только потому, что не послушался своего ординарца и рискнул – бросился под шквальный огонь врага.

«Я тоже погиб бы, как Чон Дон Гю, – вспоминал Ан Гир, – если бы не слушал Тхэ Бен Рера, когда он, цепляясь за подол моей одежды, умолял не рисковать своей жизнью».

После Сяохаэрбалинского совещания Тхэ Бен Рер участвовал в действиях мелкими отрядами. Как-то раз в глухом лесу уезда Ванцин он внезапно столкнулся со значительными силами врага. Завязалась горячая схватка. Тогда он получил тяжелую огнестрельную рану в бедре. Пуля засела в кости, и удалить ее никак не удавалось. Кровотечение было до того сильным, что раненый иногда впадал в беспамятство. Через некоторое время в ране появились черви, просто ужасно было смотреть на нее. Партизану грозила смертельная опасность: не будет немедленного лечения – загноение распространится дальше до кишки и мочевого пузыря. А боец по фамилии Ван, оставшийся в лесу с заданием ухаживать за раненым, не имел даже элементарных знаний по медицине, не говоря уже об операции.

И вот Тхэ Бен Рер, наточив лезвие перочинного ножа на простом булыжнике, сам взялся за операцию. Вбив нож в рану, он с силой повернул его. Из раны вырвалась густая красно-желтая смесь гноя вместе с прогнившей мякотью. Вышла с этими выделениями и пуля. Так, пойдя на огромный риск, мужественный боец спас себя от смерти.

Когда я встретился в следующем году в уезде Ванцин с боевыми друзьями Тхэ Бен Рера, они подробно рассказали мне, как он сам себя оперировал. Они говорили: «Дружок этот лютый человек». «Лютым человеком» они называли его по всей вероятности в том смысле, что он человек с твердой волей. Оценку друзей, адресованную к нему, я считал правильной: оперировать самого себя, честно говоря, далеко не каждый решится. Это, конечно, своего рода авантюра, но она безусловно требует необыкновенного дерзания, смелости.

И на самом деле он – человек «лютый», дерзновенный, верный. Всегда готов сражаться беспощадно ради интересов революции.

Много в нем задора и принципиальности. Такое вот представление о Тхэ Бен Рере сложилось во мне в ходе долгой совместной с ним работы. Чем бы он ни занимался, он во всех делах всегда придерживался принципиальности, никогда не мирился с несправедливостью. Больше всего он ненавидел фракционеров и поклонников военщины. О том, что Тхэ Бен Рер – принципиальный человек с высоким чувством партийности, свидетельствует тот факт, что ярые поклонники военщины, такие, как Ким Чхан Бон, не могли своевольно навязывать ему свои намерения.

Тхэ Бен Рер отлично сражался не только в период антияпонской борьбы, но и многое сделал для нашей победы в Отечественной освободительной войне. После войны он стал моим адъютантом. Находясь рядом со мною, добросовестно помогал мне в работе.

Есть пословица «Лишения в молодости окупятся золотом». Вырос он таким испытанным революционером, сумевшим побороть всякие невзгоды и лишения, благодаря тому, что взял в руки оружие уже с детства. Человек, участвовавший с детства в вооруженной борьбе, становится стойким, настоящим революционером, человеком со стальной волей, не боящимся ни огня, ни воды.

За полгода члены детской роты выросли в бойцов, не уступающих бывалым партизанам. Их развитие было поистине поразительным.

Когда все они выработали у себя воинскую выправку, мы распустили детскую роту и распределили ее членов по разным подразделениям. В результате члены детской роты превратились из резерва в бойцов основных боевых подразделений. Произошло это в конце 1937 года.

Хочу подчеркнуть, что среди партизан, воспитанных в детской роте, не оказалось ни одного изменника, ни одного дезертира. Все это является наглядным доказательством того, насколько они были преданными партии и революции, Родине и своему народу. В те суровые годы накануне освобождения Родины, когда на Востоке и Западе земного шара отчаянно бился в последней предсмертной агонии фашизм, они вместе со мной непоколебимо участвовали в боевой деятельности мелкими отрядами. В дни строительства новой Кореи они в должностях командиров дивизий и полков вместе со старшими борцами революции создали вооруженные силы страны, загнали американских генералов с их танками в смертельную западню.

Первый по счету начальник генштаба Народной Армии Кан Гон тоже вступил в ряды революционной армии в шестнадцать лет. Он

стал начальником генштаба в тридцать лет. Кан Гон поехал с визитом в Советский Союз в конце 1948 года. На аэродроме встречая его, высокопоставленные военные деятели этой страны – генералы и маршалы – не скрывали удивления такой молодостью Кан Гона.

Когда Кан Гон рассказал об этом по возвращении на Родину, я с улыбкой сказал:

– Если был бы я там вместе с вами, то рассказал бы им, что вы еще в детские годы завоевали добрую славу храброго бойца.

С тех пор, как была сформирована детская рота, я стал четко разделять физиологический и психологический возраст человека. Из них самым главным я считал и считаю второй. В юности и молодости психологический возраст может увеличиваться на два, три, даже на пять лет за один календарный год.

Воспитание молодежи и детей является одной из основ в решении судьбы страны. Как показал наш опыт детской роты, подготовка продолжателей, резерва революции станет тем лучше, чем раньше эту подготовку начнут, и тем эффективнее она будет идти, чем интенсивнее ее начнут проводить.

7. Мысли о революционном чувстве долга

Каждое из дорогих нам свершений антияпонской революции в Западном Цзяньдао и в районе гор Пэкту было добыто в результате кровопролитной борьбы. С развитием революции вширь и вглубь небывало ужесточились и наскоки противника, направленные на ликвидацию ее достижений. Японские империалисты, затеявшие войну с Китаем, задыхались под ее бременем. Вместе с тем они отчаянно пытались подавить нашу революцию, пустив в ход весь арсенал новейших достижений современной военной науки и средств фашистских репрессий, отточенных на протяжении десятков лет политики насилия и территориальной экспансии. Но ничто не могло затормозить наше поступательное движение – ни политические ухищрения, ни посулы, ни интриги.

При каждой попытке врагов силой подавить нашу революцию мы побеждали их своей силой – непревзойденными методами ведения боя, искусной тактикой, товарищеской сплоченностью и революционным чувством долга. Чем яростнее были вражеские репрессии против нас, тем больше мы укрепляли связи с народом. Чем отчаяннее пытались идеологически разложить нас изнутри, тем сильнее крепили мы единство идей и воли в своих рядах, моральную сплоченность, основанную на чувстве долга.

Чувство долга – это присущая человеку морально-нравственная категория. И в рамках старого общества люди доброй воли придавали большое значение чувству долга, считали его основным признаком человека.

Однако в моральном кодексе старого общества проповедуются начала неравенства: одной из сторон суждено угнетать другую, а другой – безусловно подчиняться первой. И в кодексе определен и тормоз – механизм подавления самостоятельности человека и его способности к творчеству. В условиях старого общества моральный кодекс не мог сформулировать прогрессивные требования, такие, как любовь к народу и служение ему.

В процессе революционной борьбы мы сломали разные трафареты феодальных человеческих отношений и моральных норм, доставшиеся

нам в наследство от старого общества, и создали новые, коммунистические, передав их потомкам как общественное достояние.

В антияпонской партизанской армии отношения между командирами и подчиненными, между товарищами, между военными и гражданским населением были обусловлены коммунистическим чувством долга, исходящим из любви и доверия.

Мир знает тысячи, десятки тысяч законов.

Однако будет ошибкой думать, что безграничная практическая деятельность человека, складывающаяся из тысяч, десятков тысяч факторов, может контролироваться и регулироваться одной только силой закона. Закон – это не всемогущее орудие, приводящее в движение этот мир. В сферах человеческого мышления и поведения имеется такая область, на которую не воздействуют юридические нормы и правила. Так, можно ли контролировать силой закона любовь и дружбу? Если законодательный орган, опубликовав закон, будет навязывать тому или иному человеку, скажем, с сегодняшнего дня любить кого-то, дружить с кем-то, взять в жены кого-то, то, спрашивается, как воспримут люди мира такой закон? Одной силой законодательства нельзя контролировать все дела на свете. То, что не в состоянии решить закон, определяет вместо него именно чувство долга и мораль.

Революцию мы начинали с приобретения товарищей, непрерывно углубляли ее, укрепляя товарищеское чувство долга и сплоченность и добиваясь тесного сближения с народом и упрочения кровных связей с ним. В прошлом, как и сейчас, товарищеская любовь стала важной жизненной артерией, определяющей исход нашей революции. Овеянный славой боевой путь, пройденный коммунистами Кореи в течение десятков лет, – это, можно сказать, история развития товарищеской любви, товарищеского чувства долга.

Наш отряд не был разношерстным сборищем, преследовавшим цели наживы и спекуляции. Это был коллектив революционеров, спаянный одной целью и одним стремлением к свободе и независимости Родины. Общность идей, идеалов обязывала нас с первых дней делить одну судьбу – жизнь и смерть. И, естественно, в наших рядах не было места двуликому Янусу, двурушникам.

Уважать товарищество и товарищеское чувство долга стало способом существования и жизненным требованием нашего отряда, в котором коллективизм являлся жизненно важным фактором.

Антияпонские партизаны объединяли свои силы и знания и для того, чтобы добыть одну винтовку, один мешок зерна, одну пару обуви. За эти дни они выковали у себя революционное убеждение, что «тысячу раз умереть мы готовы и победить», создали самые благородные начала коммунистической морали, суть которой – «жить, так вместе, умереть – так тоже вместе», осознали истину: сплоченность и есть победа.

Путь нашей антияпонской революции был никем не изведанным, не проторенным путем в истории человечества. Это была революция, полная свирепых бурь и испытаний, которую по своей суровости и ожесточенности нельзя сравнить с революциями любых времен. На пройденном нами пути, длительном и полном сложных изгибов, лежали такие трудности, каких не смог бы переживать целый ряд поколений.

Чем больше нагромождалось трудностей и испытаний, тем выше поднимали антияпонские партизаны лозунг товарищеской сплоченности. И силой товарищества преодолевали все затруднения и испытания. Стратегическим направлениям противника, пытавшегося изолировать и подавить нас, мы противопоставляли свою стратегию – революционное чувство долга, сплоченность рядов.

Что касается чувства долга в годы антияпонской революции, то особое место занимает здесь чувство долга в отношениях между руководителем и массами. Мы всегда уделяли особое внимание укреплению этих отношений с той поры, как обеспечилось средоточие единства и сплоченности рядов корейской революции, и по сегодняшний день, прилагали максимум усилий для достижения единства руководителя и масс, их морально-нравственного единения, основанного на чувстве долга.

Отношения между руководителем и массами, подчеркиваемые нами, отличаются от постулата древности о том, что в отношениях между королем и верноподданными должно превалировать чувство долга. Для корейских коммунистов взаимоотношения между руководителем и массами, если выразить их кратко, – это единодушие, одно целое. Руководитель служит интересам масс, а массы хранят беззаветную верность ему – таково коммунистическое чувство долга в нашем понимании отношений между руководителем и массами.

Новое, молодое поколение коммунистов создало новую историю – они видели в нас центр единства и сплоченности, и руководитель и его солдаты, слившись в единое целое, вели самоотверженную

борьбу за решение судьбы своей нации. Можно сказать, что сердцевиной коммунистического чувства долга, присущего новому, молодому поколению коммунистов и ветеранам антияпонской революции, явилась верность своему руководителю, своему командующему.

Новая смена коммунистов не знала ни сектантской грызни, ни драк за власть. Образовав центр руководства, они никогда, как говорится, не отводили глаз в сторону. И всю свою судьбу доверяли руководителю. Вот в чем кроется чистота их коммунистического чувства долга.

Представители нового, молодого поколения коммунистов, в том числе Ким Хек и Чха Гван Су, а также многочисленные бойцы КНРА, которые вместе с нами сражались в невообразимо трудных условиях в период антияпонской революционной войны, – все они обладали чистейшим чувством долга, были творцами благородной, прекрасной нравственности.

Когда речь идет о чувстве долга, присущем ветеранам антияпонской революции, перед глазами встает прежде всего облик Ким Ира, который почти пятьдесят лет своей жизни провел в революционных бурях. Вместе со мной он участвовал и в антияпонской войне, и в строительстве обновленной Родины, и в войне против империалистов США, и в строительстве социализма.

В дни антияпонской революции Ким Ир был широко известен как опытный и умелый политработник. Много занимался он партийными делами в подполье и работой в китайских антияпонских отрядах в районах Цзяньдао, главным образом, в Аньту и Хэлуне. За эти годы воспитал целую плеяду революционеров.

Когда мы вели борьбу в районе гор Пэкту, Ким Ир работал в китайских антияпонских отрядах, которыми командовали Ду Ишунь, Сунь Чансян, Цянь Юнлинь и другие вожаки. Надо сказать, что результаты работы были плодотворными. Он вел работу так искусно, что даже Цянь Юнлинь из Аньту решил примкнуть со своей частью к Народно-революционной армии и вести с нами совместную борьбу.

Сначала Ким Ир повел часть Цянь Юнлиня в Фусун. Это было понятно – он знал, что в ту сторону двинулся наш отряд. И надо же случиться: когда он прибыл с той частью в район Фусуна, мы покинули Маньцзян и были уже в районе Чанбая. Когда дело приняло такой оборот, бойцы китайского отряда заколебались: мол,

Ким Ир нас подвел. И, как назло, иссяк и запас продовольствия. Словом, Ким Ир попал в переплет, как кур во щи.

... Командир и весь отряд уже три дня почти без еды, из последних сил продолжали поход. Однажды в лесу бойцы нашли поле с женьшенем. Страдавшие от смертельного голода бойцы, даже не обращая внимания на командира, набросились на плантацию и, выкапывая корень жизни, стали его есть. Это была дикая сцена, поразившая Ким Ира, командира Народно-революционной армии. Он с поднятыми руками пошел вперед, чтобы остановить бойцов: копать женьшень без разрешения хозяина, говорил он, дело недостойное, это посягательство на интересы народа.

Солдаты китайского отряда, словно потеряв разум, побежали к Цянь Юнлиню с доносом: «Пак Док Сан (настоящее имя Ким Ира) – это темная личность. Он сказал нам: «Отряд Ким Ир Сена в Фусуне». А в Фусуне его нет. Стоит ли нам следовать дальше за Пак Док Саном, поддаваясь подобной явной лжи. Теперь он говорит, что часть Полководца Кима ушла в Чанбай. И этому мы не можем поверить. Пак Док Сан мешает нам копать женьшень. Как вы на это смотрите? Это же он хочет уморить нас голодом. Если пойдем дальше за Паком, кто знает, какая беда постигнет нас. Лучше прикончить этого мерзавца и вернуться обратно в Аньту».

Ким Ир, конечно, знал, что солдаты китайского отряда могут с ним расправиться. Но он этого не боялся. Наоборот, сохраняя хладокровие, невозмутимость, он убеждал: «Ну, хорошо. Убить меня хотите, – пожалуйста! Но у меня к вам просьба: подождите немного. Я схожу к хозяину женьшеневой плантации и попрошу у него извинения. И прошу больше не трогать женьшень. Иначе у нас не хватит денег, чтобы возместить убытки».

Командир Цянь Юнлинь под впечатлением поведения и слов Ким Ира сразу принял его сторону. Он обратился к солдатам со словами: «Кто посмеет тронуть поле женьшеня, того – к расстрелу». И послал Ким Ира к хозяину плантации.

Ким Ир вернулся в отряд вместе с хозяином. Развязав вещевой мешок, он раздал бойцам пельмени, сваренные на пару хозяином плантации. А затем, протягивая хозяину комок опиума, сказал: «У меня нет ничего, кроме этого опиума. Примите его, пожалуйста, как плату за пельмени и женьшень, что выкопали наши бойцы». Это был тот самый комок опиума, который Ким Иру дал Ван Дэтай на крайний случай. Хозяин отказывался, но Ким Ир настоял на своем.

Хозяин, тронутый до глубины души, принес из леса весь свой запас продовольствия на зиму и проводил отряд Цянь Юнлиня до Маньцзяна. Прибыв в Маньцзян, бойцы китайского отряда пришли к Ким Иру. Говоря, что раскаялись в своих проступках, они просили прощения.

Ким Ир прибыл в район гор Пэкту вместе с китайским антияпонским отрядом и я встретился с ним в Хунтоушаньском тайном лагере. А бойцов Цянь Юнлиня мы зачислили в состав нашей главной части.

Ким Ир был молчаливым и спокойным, и общаться с ним было даже скучно. В первый день, беседуя с ним в тайном лагере, я поинтересовался, с какого года он принял участие в революции, какой опыт борьбы имеет. Последовал односложный ответ: «Участвовал в революции с начала 30-х годов. Почти ничего не успел сделать». И о чем его ни спрашивал, ответы были такими же. Это было мое первое знакомство с ним, и мне подумалось, что уж слишком он скуп на слова, необщителен. Это характеризовало его одновременно и с положительной и с отрицательной стороны.

Положительными чертами характера Ким Ира были нелюбовь к приукрашиванию, прямота, непоколебимость в любых условиях, верность своему делу. Он никогда не роптал на трудности в работе, всегда трудился скромно и безмолвно, вдумчиво, без лишнего шума.

Ким Ир был настоящим революционером. Наши приказы, распоряжения он считал не только обязательными к выполнению нижестоящим, возложенными вышестоящим, но и долгом солдата в отношении своего руководителя. Любое дело он исполнял с сознанием чувства долга, и в выполнении обязанностей сбоев у него никогда не было.

И сейчас мне не забыть тот день, когда в Матангоуском тайном лагере я назначил Ким Ира политруком 1-й роты 8-го полка. Обязанности его были не простые. Дело в том, что командир полка Цянь Юнлинь год назад погиб в рейде в уездный центр Хуенань, комиссар полка еще не был назначен из-за отсутствия подходящей кандидатуры, и политруку 1-й роты пришлось временно выполнять обязанности комиссара полка. Командир роты был предан службе, но страдал низким уровнем подготовки.

Все это я рассказал ему так, как есть, и спросил: «Понял, какое у тебя место в службе?» После глубокого раздумья Ким Ир ответил одним словом: «Слушаюсь!» и закрыл рот. Любое задание он

принимал в одной и той же манере. На любое задание – и трудное, и легкое – был один ответ – «Слушаюсь!» И все.

На следующий день я зашел в 1-ю роту. Хотелось помочь Ким Иру в делах. Но его не было, оставался только командир роты. Сразу же после назначения на новую должность, сказал он, Ким Ир отправился в Бэйгантунь уезда Фусун, где был расквартирован 1-й взвод.

Накануне, при назначении его ротным политруком я как бы мимоходом упомянул, что 1-й взвод не дает о себе знать, и он, видимо, запомнил эти слова и решил на месте, в Бэйгантуне, познакомиться со взводом.

На рассвете следующего дня Ким Ир вернулся в роту с большим количеством продовольствия и оружия. Когда мне доложили о его возвращении, я не поверил ушам. От Матангоу до Бэйгантуня – без малого 40 километров. Если Ким Ир действительно вернулся в роту, то выходит, что за сутки он преодолел расстояние более чем в 80 километров. Даже не успев снять с себя вещмешок, Ким Ир зашел ко мне и коротко доложил: «Все товарищи в 1-м взводе здоровы. Там дело идет нормально. Связь с взводом прервалась оттого, что боец из 1-го взвода, отправленный как связной, по дороге сбился с пути. Продовольствие и оружие, принесенные на спине из Бэйгантуня, – это трофеи, взятые бойцами 1-го взвода у противника, а также то, что привезло население в помощь партизанам. Местные молодые люди так настоятельно просили записать их в партизаны, что мне пришлось привести их с собой, не испросив даже разрешения командования».

Отпустив Ким Ира на ночлег, я побеседовал с парнями, желающими вступить в наш отряд, которых привел Ким Ир. Из беседы я узнал, что вместе с 1-м взводом Ким Ир совершил налет на полицейский участок и усадьбу злодея-помещика Цзиньлунтуня и захватил там немало оружия и продовольствия.

Налет на логово врага Ким Ир предпринял, исходя из двух целей: одна – ликвидировать помещика и «блюстителей порядка» и отомстить за обиды народа, другая – решить продовольственную проблему, которая больше всего беспокоила меня.

В тот период мы ощущали острую нехватку провианта. Дело в том, что сотни человек в одном тайном лагере вот уже несколько месяцев занимались военно-политической подготовкой. Ясно было, что с тем запасом продовольствия, который обеспечила интендантская служба,

далеко не уйдешь. То было время, когда без боя с противником нельзя было достать ни одного мешка зерна. А тут Ким Ир неожиданно для нас добыл большое количество зерна, это помогло хозяйству всей части. В душе я был очень благодарен ему.

Позже жители Цзиньлунтуня несколько раз, – случалось это четыре-пять раз, – приходили в тайный лагерь в Матангоу, принося на себе что-нибудь в помощь партизанам. Так они старались отблагодарить революционную армию.

Когда в отряде кончалось продовольствие, Ким Ир сам уходил первым на поиски провианта, взяв с собой бойцов. При возвращении с подпольной работы во вражеском тылу он никогда не забыл принести на себе мешок с рисом. Он сам голодал или ел одну вареную кукурузу, но старался обязательно варить нам рис. Вещмешок у Ким Ира был вдвое больше и тяжелее, чем у других, в нем всегда лежал запас продовольствия.

Ким Ир, где бы он ни был, заботился прежде всего не о самом себе, а о своих товарищах, о соседях, об интересах партии и революции. Он много лет оставался на высоких постах в партийных и государственных органах, но не желал предоставления ему особых привилегий, льгот, особого материального вознаграждения. Он категорически не допускал, чтобы подчиненные проявляли о нем особую заботу.

И после освобождения страны Ким Ир искренне помогал нам, поддерживал нас, как он делал в годы антияпонской революции. Он никогда не отказывался от любых дел – и трудных, и легких, если того желал и требовал я. Для него не существовало различий в служебных делах и сферах. Будь то партийная работа, строительство вооруженных сил, хозяйственное руководство, он без разговоров погружался в сложные государственные дела.

Не помню точно, в каком году, Ким Ир на заседании Политического Комитета ЦК партии попросил откомандировать его в качестве уполномоченного на стройку Чхончхонганской ТЭС. В то время эта теплоэлектростанция возглавляла список объектов ударной стройки, здесь были сосредоточены крупные капиталовложения, сюда было обращено внимание государства. И, естественно, я со своей стороны подбирал подходящего кандидата для руководства делами на стройке.

Однако, услышав его просьбу, я глубоко задумывался: со здоровьем у Ким Ира было очень плохо. Если он займется делами

так, как раньше, не заботясь о самом себе, думал я, то просто неизвестно, что с ним может случиться. Но Ким Ир столь настойчиво выражал свое желание, что мне оставалось только согласиться с его просьбой. А я со своей стороны выдвинул свои претензии: «Ладно, ты будешь на стройке, но работай вроде советника, как во время шахматной партии игрокам подсказывают очередной ход, но ни в коем случае не усердствуй чрезмерно».

На стройке Ким Ир сразу устроил себе рабочую комнату во временном бараке. Каждый день, десятки раз поднимаясь и спускаясь по лестнице высотой с 7 – 8-этажный дом, он работал с огоньком, наращивая темпы работ на стройке. Он оставался на строительстве до последнего дня декабря, трудясь день и ночь. Только увидев огонь в паровом котле № 1, уполномоченный вернулся в Пхеньян и доложил мне о проделанной работе.

Вот таким человеком был Ким Ир. Вся страна хорошо знает, что он и за три дня до смерти работал в своем кабинете, подвел итоги своей партийной жизни в партячейке, в которой состоял, и, вызвав к себе ответственного работника ЦК партии, высказал свою просьбу – всемерно поддерживать во всех делах товарища Ким Чен Ира.

Ким Ир всю жизнь чистосердечно поддерживал нас, неизменно следовал за нами. И я всю жизнь оберегал его, любил, как родного.

Несмотря на свое массивное телосложение, он часто хворал. Возможно, оттого, что слишком много пережил в горах в дни партизанской войны. Одно время врачи поставили ему даже страшный диагноз: «рак желудка». Получив эту информацию, я в тот день, совершенно убитый, поехал в Ончхон в провинции Южный Пхеньан, чтобы осуществлять руководство работой на месте. Эта поездка не была предусмотрена планом. Но, сидя в Пхеньяне, не работалось, даже пропал аппетит и сердце билось тревожно: уйдет Ким Ир из жизни и останутся у меня единицы из тех, с кем можно задушевно и откровенно поговорить.

Беда состояла в том, что не один, не два, а многие врачи в один голос говорили: у Ким Ира смертельная болезнь. Крайне тяжело было на душе. Только один-единственный врач утверждал, что это не рак. Со своей стороны я, хотя и давно привык к принятию решений большинством голосов, в тот день почему-то хотел поверить в диагноз только того врача, оставшегося в одиночестве.

Я остановил мчащуюся машину. И, позвонив министру иностранных дел, сказал, чтобы срочно пригласили из Советского

Союза известных врачей, специалистов по онкологии. Получив телеграмму руководителя МИДа, советские власти не мешкая послали к нам врачей, которых мы пригласили.

Советские врачи, осмотрев Ким Ира, заключили: это, вероятнее всего, не рак. Они взяли с собой Ким Ира в Советский Союз и показали больного другому известному специалисту, который тоже подтвердил, что это не рак. И если бы тогда поверили в первое диагностическое заключение о раке и удалили у Ким Ира часть желудка, то вряд ли он прожил бы долго...

Всякий раз, когда мне докладывали, что Ким Ир болеет, я обязательно навещал его и говорил: «Знаешь, друг мой, без тебя нам не обойтись. Теперь у нас мало осталось ветеранов, тех, кто со мной участвовал в антияпонской революции. Не будь тебя, я бы пропал от душевной пустоты! Не надо слишком переутомляться. Работай, но думай и о себе».

Однако Ким Ир, уже тяжелобольной, передвигаясь с тростью, не покинул рабочий кабинет и места производства, отдавал весь жар сердца тому, чтобы как можно больше работ проделать во имя партии и революции. Но неизлечимая болезнь все-таки приковала его к постели...

Однажды – не знаю, отчего он так подумал, – он сказал мне: «Вылечусь – в будущем году, 15 апреля, поеду в Мангендэ и попробую покататься на инерционном поезде». От его слов я почему-то ощутил какой-то холодок. Пришло странное чувство: «Всю душу выложил этот молчаливый человек. Значит, он предчувствует, что ему остались считанные дни».

Догадка моя оправдалась – в том году, в последний день декабря Ким Ир не смог присутствовать даже на новогоднем детском концерте. И я в ту ночь побывал у него дома.

– Каждый год мы с тобой смотрели новогодний концерт. А сегодня вечером, тебя не было рядом, слезы слепили меня, и я не мог смотреть концерт. Вот я к тебе и приехал, — сказал я Ким Иру, лежащему в постели.

Когда я поднялся, чтобы проститься, он, больной, провожая меня до двери подъезда, сказал:

– Моя просьба к вам – не переутомляться. Ни в коем случае не переутомляйтесь...

В тот вечер мы не смогли обменяться с ним новогодними тостами и чокнуться бокалами. Мне казалось, что это повредило бы ему. И

еще сейчас во мне живо ощущение этой досады. После моего ухода Ким Ир, как мне сказали, тоже сожалел о том, что сам не мог предложить мне тост. Новогодний бокал, конечно, не снял бы болезнь, да и вряд ли улучшил бы мое настроение. Но при каждом вспоминании о Ким Ире тот оставшийся не поднятым тост больно задевает живую струну в моем сердце.

Ким Ир так же, как ко мне, относился к товарищу Ким Чен Иру. Он был верен чувству долга перед ним, так же, как оставался с этим чувством преданным мне. Я не раз восхищался необычайно уважительным отношением Ким Ира к нему. В тот день, когда товарищ Ким Чен Ир вернулся после визита в Китай, Ким Ир, опираясь на трость, приехал на вокзал на его встречу. Видя это, я не мог не восхищаться его искренним отношением к своему руководителю.

Товарищ Ким Чен Ир тоже глубоко уважал и любил Ким Ира как представителя старого поколения революционеров. Он высоко оценил Ким Ира и тепло заботился о нем. Он говорил: «Товарищ вице-президент Ким Ир – образцовый коммунист-революционер, который еще с периода антияпонской вооруженной борьбы, как никто другой, решительно боролся за укрепление и развитие нашей партии, за победу революции».

Как я считал Ким Ира своей правой рукой, так и товарищ Ким Чен Ир тоже оценил его как мою правую руку.

И когда Ким Ир скончался, больше всех переживал, пожалуй, товарищ Ким Чен Ир.

Ветераны антияпонской революции достигли наивысшего проявления верности и чувства долга не только в отношении своего руководителя, но и в отношении товарищей по революции. Партизаны, сражавшиеся с японцами, отвечали на любовь любовью, на доверие доверием, за благодеяния платили благодеяниями – таким обостренным было у них чувство долга.

Можно сказать, что дружба между Хван Сун Хи и Ким Чхоль Хо явилась ярким образцом товарищества, коммунистического чувства долга, которые проявились в среде антияпонских партизан.

Всякий раз, когда я встречаюсь с Хван Сун Хи, у меня в голову приходит мысль: «Как же эта маленькая, хрупкая, слабая женщина, взяв в руки оружие, сумела десять лет сражаться с врагом в снежных вихрях в горах Пэкту?»

После освобождения страны, вернувшись в Пхеньян, я пред-

ставил Хван Сун Хи тем деятелям, которые действовали внутри страны: вот она десять лет участвовала в партизанской борьбе. Что греха таить, кое-кто из этих деятелей не очень поверил этому.

В частях КНРА было немного таких маленьких партизанок, как Хван Сун Хи. Но она в революционных делах была крепка, как гранит, и отмечалась большой смелостью.

Совсем не обязательно, чтобы революционер был крупным и сильного телосложения человеком. То же можно сказать и о верности долгу. Возьмите, к примеру, Рим Су Сана. Был он великаном, вдвое крупнее Хван Сун Хи, но, не сумев справиться с трудностями, скатился в болото измены, забыл чувство долга перед товарищами. В противоположность ему Хван Сун Хи вплоть до дня освобождения Родины ни на час, ни на минуту не прекращала революционной борьбы. И если сильно чувство долга и убеждения, на революцию поднимутся даже женщины из простых семей. Даже малыши, такие, как Ким Гым Сун, храня верность идее, поднимутся на эшафот. Хван Сун Хи, женщина такого хрупкого телосложения, сумела вести революцию до ее победного конца потому, что была сильна своими убеждениями, чувством долга.

Партизанку Хван Сун Хи, одетую в военную форму, я впервые увидел в Михуньчжэньском тайном лагере. Казармой партизанок раньше пользовались солдаты лесного отряда.

В той казарме, сооруженной в китайском стиле, *кан* был довольно высоким. Сидя на *кане,* я взглянул вниз и увидел незнакомую девушку небольшого роста. Стоя в коридоре, она пристально вглядывалась в меня в нерешительности, видимо, собираясь что-то сказывать. Это и была Хван Сун Хи. За неделю перед этим благодаря своему упрямству она получила согласие на прием в отряд и добралась до Михуньжэня, шагая в хвосте колонны партизан. Увидев ее, я, честное слово, принял сначала за члена Детского отряда.

Между прочим, меня удивило ее представление: «Я партизанка».

– Ты такая маленькая! Какой судьбой тебя занесло в партизаны? – спросил я ее.

Хван Сун Хи ответила, что вступила в партизанский отряд, чтобы отомстить врагу за убитого японскими империалистами отца, за старшую сестру, что погибла на поле боя. Хван Тхэ Ун, ее старший брат, командир роты в части Чвэ Хена, тоже погиб – в бою под Ханьцунгоу.

В первые дни Хван Сун Хи была бременем для отряда. Однако

позже она стала поистине цветком революционной армии, предметом всеобщей любви. Дело в том, что во всяком деле она была настойчива, справедлива, принципиальна и в то же время обаятельна своей человеческой добротой и сильна чувством долга.

Ким Чхоль Хо при жизни часто вспоминала эпизод из весенних дней 1940 года, когда самоотверженность Хван Сун Хи спасла ее от верной смерти.

Однажды Хван Сун Хи получила задание от командира полка Чвэ Хена – отправиться в тыловой тайный лагерь, ухаживать за ранеными, старыми и слабыми людьми за некоторое время. И она отправилась с группой в направлении Фуэрхэ. Более половины людей, отправившихся с ней, были ранеными. Случилось так, что в пути Ким Чхоль Хо, которая была беременна, пришло время рожать. Это было самой большой бедой. Она совсем не была подготовлена к тому, чтобы принять новый росток жизни. У нее не было ни лоскутка ткани, чтобы завернуть ребенка. О пеленках и думать не приходилось. Хван Сун Хи, сняв с себя ватник, завернула в него младенца. Тут нагрянул карательный отряд. Открыв огонь, враги приближались. Роженица не знала, что делать. Она только поглядывала на боевых товарищей и, обратившись к Хван Сун Хи, сказала: «Что бы мы ни делали, ребенку нет спасения, его, видно, придется бросить». Но та, держа младенца на руках, не двинулась с места.

Наконец, Хван Сун Хи ответила: «Что за чепуху ты городишь! Ради чего же мы мучаемся? Разве не ради грядущего поколения? А ты хочешь бросить ребенка, чтобы спасти собственную шкуру. На черта тебе после этого жизнь!» И Хван Сун Хи, вырвав младенца из рук роженицы, побежала вверх по склону горы. Она положила ребенка в укромное место под низкорослой сосенкой, не привлекавшее внимания. После этого и роженица с винтовкой в руках последовала за ней.

Спустя некоторое время Хван Сун Хи спустилась под гору, чтобы взять оставленные там вещи. Когда она вернулась с ними на гребень горы, на глаза Ким Чхоль Хо, смотревшей вдаль, в пустоту, навернулись слезы. Но – и это было странным – не видно было новорожденного.

Хван Сун Хи хотела было спросить Ким Чхоль Хо, где ребенок, и подошла к ней. В это мгновение совсем неподалеку снова раздался выстрел. Две партизанки вместе с группой, открыв ответный огонь и преследуемые противником, побежали два дня – с одной горы на

другую, из одного ущелья в другое.

Когда стало ясно, что они полностью отвлекали внимание карателей, роженица, потеряв сознание, упала. Хван Сун Хи, вскипятив воды в котелке и зачерпнув ее ложкой, хотела было дать ей попить. Но, как она ни старалась, не могла разжать рот роженицы. Наконец, разжав зубы ложкой, влила горячую воду. Этот кипяток спас роженицу.

Лишь тогда Хван Сун Хи вспомнила о младенце и спросила Ким Чхоль Хо, куда она дела его. Та ответила, что переложила его в другое место где-то под кустарником. Хван Сун Хи, проделав снова весь далекий путь, возвратилась на гору, где происходила перестрелка с карателями. Но ее ждало разочарование: младенец уже не дышал.

Увидев вернувшуюся Хван Сун Хи, которая проделала долгий путь в одной гимнастерке, Ким Чхоль Хо просила простить ее:

– Я знала, что ребенок не проживет и час-два, но у меня рука не поднялась, чтобы снять с него ватник.

– Чхоль Хо, что ты говоришь! Мы же люди взрослые, обойдемся и без ватника. Младенец умер даже без имени, нельзя же было его оставлять голым на холодной земле...

Так Хван Сун Хи пыталась утешить подругу. А сама дрожала от холода и голода.

Ким Чхоль Хо всю жизнь вспоминала благородные чувства Хван Сун Хи, проявленные подругой в те трудные дни.

Однажды Хван Сун Хи навестила Ким Чхоль Хо. Та была тяжело больна, и жить ей оставалось недолго. Больная вдруг сказала:

– Сун Хи! Я, видно, скоро умру. Я обязана тебе тем, что не погибла в Фуэрхэ. Всю жизнь я жила, окруженная заботой вождя. Как хотела бы я снова спать под одним одеялом с тобой, как в партизанские годы!..

И в тот вечер подруги, как когда-то в Михуньчжэне, легли под одним одеялом, всю ночь напролет вспоминая партизанские годы...

Во время Трудного похода был такой случай. Ночью у костра уснул новобранец из Чанбая и спалил огнем обмундирование. Одежда сильно обгорела и превратилась по сути дела в клочья. Надев на себя эти клочья, новобранец дрожал от холода, следуя за отрядом. Его плачевный вид вызвал у всех сочувствие, беспокойство, но помочь ему было нечем: у каждого из партизан был один-единственный комплект одежды.

Не в силах больше смотреть на молодого партизана Ли Ыль Сор, известный своим чувством товарищества. Однажды он снял с себя верхнюю одежду и подошел к новобранцу.

Ошеломленный парень поднял на него удивленные глаза:

– Что ты! Сам-то в чем будешь ходить?..

– А я привык к партизанской жизни. Обычному морозу меня не осилить...

– Ну, нет! Я по своей вине спалил одежду. Одеть твою мне совесть не позволяет...

Новобранец так и отказался от помощи друга.

Решив, что словами его упрямство не сломишь, Ли Ыль Сор силой стащил с него обгорелую одежду и натянул на него свою военную форму. Ли Ыль Сор считал своим естественным долгом бывалого бойца оказать помощь новобранцу.

Боевые друзья подумали при этом, что Ли Ыль Сору будет трудно переносить зиму: ведь он был еще юным и хрупким по телосложению из бойцов охранной роты.

Тот, кто прожил хотя бы год-два в Маньчжурии, хорошо знает, какой трескучий мороз свирепствует зимой в тех краях. В морозные дни волосы там покрываются изморозью. Чуть тронешь их пальцами, и они крошатся, как ледяные сосульки. Шагать несколько дней в такой холод в продырявленной огнем и наспех заштопанной летней одежде – это было почти чудо.

Но Ли Ыль Сор ни разу не сказал, что ему холодно. На походе он все время шел впереди колонны, пробивая ей путь в снегу. На привале всегда первым шел за дровами, устанавливал палатки. Свою обувь он сушил лишь тогда, когда заканчивал дела в пулеметном расчете и когда друзья рассаживались вокруг костра.

Стойкость Ли Ыль Сора и его чувство товарищеского долга были отнюдь не врожденными. Испытав в жизни немало невзгод, которые прихордилось терпеть всей нации, он стал сочувствовать людям, подвергавшимся эксплуатации и гнету, научился любить народ, любить товарищей и соседей.

После совещания в Наньпайцзы Ли Ыль Сор был зачислен вторым номером в пулеметный расчет комендантской роты. С тех пор он отдал все свои силы охране командования. Он был бойцом комендантского подразделения, который всю жизнь охранял меня с оружием в руках – и в ненастные, и в солнечные дни...

Когда я подвел итоги Трудного похода на совещании в Бэйдадинцзы, я привел в пример любовь Ли Ыль Сора к товарищам,

оценив его нравственность, его обостренное чувство товарищеского долга. Поступок партизана высоко оценила в своем первом номере и редакционная коллегия газеты «Чхольхер».

Почему Корейская Народно-революционная армия слыла такой могучей? Каждый раз, когда мне задают такой вопрос, я отвечаю: она была коллективом, сплоченным моралью и силой долга. Если бы наша сплоченность была основана не на морали, не на чувстве долга, а только на общности идей и воли, то мы не были бы такими сильными.

В труднейших условиях, в отсутствие поддержки регулярной армии, при том, что у партизан не было государственного тыла, мы смогли выйти победителями из многолетней, продолжительной революционной войны против такого сильного врага, как японский империализм. Это отнюдь не потому, что у нас были многочисленные войска и превосходное вооружение. В сравнении с противником, имевшим многомиллионную регулярную армию, наши вооруженные силы были очень незначительными по численности. Нечего было и сравнивать вооружение наше и противника. Только единство идей и воли, спаянное верностью и чувством долга, помогло нам одолеть сильного врага.

Я считаю, что всем нашим руководящим работникам, всем членам партии надо брать с Рим Чхун Чху пример верности делу революции и чувства долга. Рим Чхун Чху был борцом, в высшей степени воплотившим чувство долга в отношении партии и вождя.

Я уже упоминал выше, что наше первое знакомство с ним состоялось осенью 1930 года, когда Рим Чхун Чху был связным секретариата партийной и комсомольской организаций в районе Цзяньдао. Действовал он под видом хозяина Пончхунданской аптеки в Чаоянчуане. С тех пор прошло почти 60 лет. И все эти годы Рим Чхун Чху отдавал себя делу революции. «Вечный спутник, верный помощник, прекрасный советник» – такими словами охарактеризовал интеллигенцию товарищ Ким Чен Ир. И это определение как нельзя лучше относится к таким людям, как Рим Чхун Чху.

Своими знаниями Рим Чхун Чху внес большой вклад в корейскую революцию. Используя их, он участвовал в партийном строительстве, работал военным врачом, писал книги. Его жизнь протекала в этих сферах работы.

Он был талантлив во многих областях, и прежде всего в медицине, которую он освоил самоучкой. Если я скажу, что с 18 лет

он работал дипломированным врачом, многие не поверят мне. Но это сущая правда. Под видом врача он вел работу по просвещению масс и обеспечению связи, готовил кадры будущих революционеров. Лишь в те дни, что он был в селе Луншуйпине, неподалеку от Бадаогоу, он рекомендовал многих в партизанский отряд. Отсюда нетрудно догадаться, какой характер носили его занятия медициной.

Когда Рим перебрался в партизанский район, революционная организация решила, что он будет военным врачом. Работая военным врачом, он оказал медицинскую помощь множеству раненых и местных жителей. Его искусство врачевания, которое он освоил самоучкой, занимаясь земледелием с 14 – 15 лет, давало большой клинический эффект. Все, кто пользовался хотя бы раз-другой его помощью, называли его медицинским светилом.

Такой громкой славой он особенно обязан Чвэ Чхун Гуку. Когда тот получил тяжелое ранение, операцию ему сделал не кто иной, как Рим Чхун Чху. В неожиданном встречном бою с марионеточными войсками Маньчжоу-Го, к несчастью, вражеская пуля угодила Чвэ Чхун Гуку в бедренную кость, раскрошив ее. При виде этого ранения все, как один, говорили: если не ампутировать ногу, то не спасти раненого. Но только Рим Чхун Чху думал иначе. Он очень хорошо знал, что ампутация ноги означала бы, что Чвэ Чхун Гуку придет конец как партизанскому командиру и он станет инвалидом. Рим Чхун Чху знал, что Чвэ Чхун Гук – талантливый военный командир, которого нельзя менять на десяток тысяч вражеских солдат, что он – доблестный военачальник революционной армии, кого мы больше всего бережем и любим.

Сделав надрез в верхней части бедра раненого, врач извлек щипцами осколки раскрошенной пулей кости.

Спустя год Чвэ Чхун Гук смог уверенно шагать по земле. Раненная нога слегка укоротилась, и он прихрамывал, но все-таки мог участвовать и в походе, снова командовал в боях. Смелая операция, сделанная врачом Рим Чхун Чху, дала отличный результат.

Мне тоже приходилось часто обращаться к его помощи, когда после первого похода в Северную Маньчжурию я посетил секретариат ВМООК в Нэнчжиине, что в Саньдаоване. Чуть ли не каждый день он приносил мне сильно действующие лекарственные травы и еду, приготовленную с добавлением тонизирующих средств, тепло, искренне заботясь обо мне. Его медицинской помощью пользовались и в результате вылечились также Чвэ Хен, О Чжин У,

Цао Яфань и Чо До Он.

Целый год – с осени 1937 по осень 1938 года – Рим Чхун Чху обходил один за другим тайные лагеря Народно-революционной армии, укрытые в дремучих лесах в уездах Цзиньчуань и Линьцзян, в Лунцюаньчжэне уезда Мэнцзян, лечил раненных в боях партизан. В ходе таких обходов ему часто приходилось проделывать далекий путь. Радиус обходов, проделанных им, исчислялся десятками *ли*. Ныне врачи, пользуясь такими современными транспортными средствами, как автомобиль скорой помощи или легковая машина, посещают больных, ведут санитарно-гигиеническую пропаганду. Но в годы антияпонской войны у военных врачей не было такой роскоши. Не столкнешься с карателями при посещении больных, – уже, слава богу, хорошо!..

Однажды Рим Чхун Чху, встретившись с карательным отрядом противника, чудом спасся от верной смерти. Преодолевая горный перевал, он тащил на спине вещмешок с привязанными к нему ватными брюками и курткой, взятыми в качестве трофеев Чвэ Хеном в ходе боя в Хуангоулине. И внезапно оказался под беглым огнем из пулемета. Когда карательный отряд ушел, он развязал мешок и заглянул в него. К своему удивлению, в нем он насчитал семь пуль. Не будь с ним ватных брюк и куртки, привязанных к вещмешку, ему бы не избежать верной смерти.

В годы антияпонской войны Рим Чхун Чху как партийный работник вел большую работу с людьми, активную организаторскую и писательско-издательскую деятельность и внес немалый вклад в воспитание армии и народа.

В ходе неоднократных встреч с ним я увидел, что он наделен всеми качествами политического работника. Он имел за плечами опыт воспитания и руководства массами, приобретенный тогда, когда до вступления в партизанский отряд он работал в массовой организации в районе Яньцзи. Вот почему мы вместе с обязанностями военного врача поручили ему и партийную работу. Он работал членом Партийного комитета КНРА, секретарем парторганизации охранного полка, руководил работой Восточноманьчжурского партийного комитета действия (ВМПКД).

В первое время после своего создания ВМПКД не оправдывал своей работой наши ожидания. И мы после совещания в Наньпайцзы выдвинули Рим Чхун Чху на ответственную должность ВМПКД. Миссией этого комитета было расширять ряды партийных и

массовых организаций в районе Цзяньдао и таким образом объединить население в организации, укрепить базу для вооруженной борьбы и заложить вместе с тем прочную основу для создания партии. ВМПКД выполнял такую же миссию, какую выполняли Чанбайский уездный комитет партии и Партийный комитет действия в Корее.

Главной ареной деятельности ВМПКД были районы Цзяньдао и провинции Северный Хамген. После ликвидации партизанских опорных баз все местные парторганизации Цзяньдао были подчинены ВМПКД.

Рим Чхун Чху, имея связь со мной, направил многочисленных подпольщиков в районы Мусана и Енса, а также в районы Восточной Маньчжурии, расширяя ряды партийных и массовых организаций.

После совещания в Сяохаэрбалине мы начали действовать малыми отрядами в районах Ванцина, Яньцзи, Дуньхуа, Хуньчуня, Аньту, Хэлуна, пользуясь широкой помощью со стороны революционных организаций, созданных ВМПКД. Эти организации выполняли в то время главную роль в оказании нам многосторонней, активной помощи.

Основываясь на опыте партийной работы, приобретенном в годы антияпонской революции, Рим Чхун Чху внес немалый вклад и в партийное строительство после освобождения страны. Работал в первые годы вторым секретарем Южнопхеньанского провинциального комитета партии, а позже – председателем Канвонского провинциального комитета партии. Когда он работал в провинции Канвон, дела в районах близ демаркационной линии шли как нельзя лучше.

В первое время после освобождения страны мы по возможности воздерживались от назначения ветеранов антияпонской революции на высокие должности. Большинство высоких постов уступили людям, действовавшим внутри страны, или тем, кто занимался революционным движением за границей, а затем вернулся на Родину. Мы поступали так не потому, что испытывали нехватку способных работников из числа тех, кто вместе с нами прошел школу тяжелой вооруженной борьбы. Ради политики единого фронта, объединяющего всех представителей различных слоев населения, нужны были именно такие шаги. В то время – а в северной части страны существовали всего пять провинциальных

партийных комитетов – только Рим Чхун Чху была поручена должность председателя Канвонского провинциального комитета партии. Мы просто не имели права пренебрегать его огромным опытом партийной работы.

С особенно глубоким чувством уважения я вспоминаю его творческую деятельность. Он писал много и оставил после себя книги для будущих поколений. Из написанных им работ, в числе которых «Вспоминая годы антияпонской вооруженной борьбы», немало таких, которые по существу являются национальным сокровищем.

Активную литературную деятельность Рим Чхун Чху начал после того, как он стал работать почетным журналистом ежемесячника «Самиль вольган». Его статьи не раз опубликовались на страницах внутренних печатных органов КНРА. Его статья «Японская экономика – в полном упадке», помещенная в журнале «Самиль вольган», была оценена как удачная работа.

В трудных, напряженных обстановках, когда один за другим следовали бои и походы, когда шел поток раненых, он находил время и почти каждый день урывками записывал в книжку то одно, то другое о нашей деятельности. Когда кончалась бумага, старался найти хотя бы бересту, на которой продолжал вести дневник боевых действий КНРА. Именно этот дневник послужил впоследствии основным материалом для создания книги «Вспоминая годы антияпонской вооруженной борьбы». Об этом не раз говорил сам Рим Чхун Чху.

Говорят, что Вэй Чжэнминь при жизни не раз предлагал Рим Чхун Чху написать историю деятельности КНРА.

– Разумеется, – настойчиво убеждал Вэй Чжэнминь, – нужное дело – заниматься партийной работой, работать военным врачом, вести деятельность почетного журналиста. Но не менее важное твое назначение – писать историю деятельности корейских партизан. Тебе надо твердо запомнить это. Если даже все пойдут на решительную битву и погибнут в боях, ты должен остаться в живых, чтобы выполнить это предназначение, и во что бы то ни стало рассказать будущим поколениям о заслугах своего командующего и об истории борьбы своей армии...

Когда Рим Чхун Чху работал партийным секретарем охранного полка, он долгое время находился рядом с Вэй Чжэнминем, помогал ему в работе, оказывал ему и медпомощь. И Вэй Чжэнминь

порадовался, когда рядом с ним был Рим Чхун Чху, сам просил его не отлучиться от него. Рим Чхун Чху играл весьма важную роль в обеспечении связи между мной и Вэй Чжэнминем, в укреплении дружбы между корейцами и китайцами и совместного фронта вооруженных сил двух стран.

Книга Рим Чхун Чху «Вспоминая годы антияпонской вооруженной борьбы» впервые попала мне в руки в конце 50-х годов. Это было еще время, когда в сознании наших людей оставалось немало пережитков психологии низкопоклонства. Плохо велось воспитание на революционных традициях, была почти неизвестна народу, детям и молодежи история нашей вооруженной борьбы. Находилось немало руководителей, которые гладко, без запинки рассказывали содержание «Краткого курса истории ВКП(б)», знали, какой была «Искра», что из себя представлял Бухарин. Но когда речь заходила о том, какое совещание состоялось в Наньхутоу, не могли разъяснять толком. Именно в это время и была издана книга «Вспоминая годы антияпонской вооруженной борьбы», которая впервые дала народу представление об антияпонской революции. С тех пор эта книга служит незаменимым источником знаний при изучении истории антияпонской революции.

Работая над этой книгой, Рим Чхун Чху хотел выполнить свой моральный долг и обязанности перед всеми коммунистами – участниками антияпонской революции, перед всеми патриотами. Он писал книгу не для того, чтобы рассказать о себе и хвалиться какими-то своими заслугами. Он писал с одной благородной целью – чтобы подрастающие поколения лучше унаследовали и упрочили революционные традиции, служащие вечным капиталом нашего народа.

Работая над воспоминаниями, он писал главным образом о деятельности Ким Чен Сук и Ким Чхоль Чжу, создал много книг и других материалов, рассказывающих о революционных традициях нашей партии. Он подтвердил и систематизировал массу исторических материалов, внес весомый вклад в разработку истории нашей партии. Из-под его пера вышел многотомный роман «Молодой авангард», прототипами героев которого были молодые коммунисты Кореи.

Наша партия ценит Рим Чхун Чху как авторитетного очевидца, влиятельного свидетеля, подтверждающего факты славной истории антияпонской революционной войны, начатой и приведенной нами к победе. Эту оценку я считаю точной и верной.

Откровенно говоря, Рим Чхун Чху мог бы хорошо зарабатывать себе на жизнь одной лишь медициной, не участвуя в тяжелой антияпонской революции. Однако он десятки, сотни раз рисковал жизнью, переходя линию смерти, но ни на шаг не отступал от революционного пути, ни разу не изменил своему долгу перед вождем и товарищами.

Будучи заключен в Лунцзинскую тюрьму, он оставался уверен, что революция победит, если даже он погибнет. Зверские пытки он переносил с одной думой и стремлением во что бы то ни стало сохранить революционные организации и товарищей, если даже ему самому придется умереть. «Сдавшись под вражескими пытками, изменники революции думали по-другому. К чему революция, если сами умрут? – считали они. – Пусть и организации, и товарищи окажутся в беде, лишь бы я остался жив».

Вот в чем разница между настоящими революционерами и псевдореволюционерами.

После освобождения страны в разных фактах я еще глубже убедился в том, что он – человек, преданный моральному долгу.

Эта история произошла, когда Рим Чхун Чху направили на Северо-Восток Китая в качестве уполномоченного для подготовки к образованию Яньбяньской корейской национальной автономии. Я обратился к нему с просьбой поехать в Восточную Маньчжурию, отыскать как можно больше детей погибших антияпонских революционеров и направить их на Родину. То было время, когда китайский народ вел трудную гражданскую войну. Там Рим Чхун Чху был занят разнообразной деятельностью: оказанием помощи фронту, созданием органов власти, закладкой основ просвещения, работой с представителями различных слоев населения. Несмотря на все это, он взял на учет всех детей погибших антияпонских революционеров и отправил их на Родину. На страницах одной из газет он поместил объявление с тем, чтобы найти брата и сестру Ким Чен Сук – близкого ему человека в дни деятельности в Фуяньдуне, соратницы по революции.

Когда созывались совещания руководящих работников, Рим Чхун Чху никогда не забывал рассказать о том, что на Родине создается училище для детей погибших революционеров. Чтобы найти таких детей – хотя бы на одного человека больше, он сам, туго зашнуровав ботинки, до боли в ногах ходил по населенным пунктам района Цзяньдао, находящимся далеко друг от друга. К

нему, прочитав объявление, приходили дети, одетые в лохмотья. Обнимая их и гладя их по щеке, он взволнованно говорил: «Вот это сын товарища такого-то, а это дочь товарища такого-то... Вас с нетерпением ждет Полководец Ким Ир Сен». Когда же он разыскал таким образом несколько десятков детей, то радостно телеграфировал: «Дорогой Полководец! Скоро вернусь на Родину с первой группой детей погибших патриотов». В этой короткой фразе я ' ощущал его волнение и ликование от сознания того, что он выполнил моральный долг перед боевыми друзьями по революции.

Рим Чхун Чху отыскал многих детей и других членов семей погибших революционеров и отправил их на Родину. Из числа поступивших тогда в училище детей вышли и член Политбюро ЦК партии, и ответственный секретарь провинциального комитета партии, и генерал Народной Армии. Они работают безупречно.

Некоторое время в период Отечественной освободительной войны Рим Чхун Чху работал на периферии. Насколько мне известно, каждый раз, когда он приезжал в командировку в Пхеньян, на совещания, созываемые Министерством здравоохранения, он поднимался на сопку Моран и ночевал, разостлав белую ткань на траве у могил ветеранов революции. Он и не думал о ночлеге в какой-либо из гостиниц в городе. Тогда на сопке Моран были могилы Ким Чака, Ан Гира. Чвэ Чхун Гука, Ким Чен Сук и других. Ложился спать на белой ткани под открытым небом на гребне сопки, где по сторонам – могилы боевых друзей. Таким был его ночлег. Мог ли он крепко уснуть? Вряд ли. Но Рим Чхун Чху поступал так всякий раз, когда приезжал в Пхеньян. Как говорил позже он сам, он без конца разговаривал со спящими в могилах боевыми соратниками: «Что же вы, друзья? Почему вы спите здесь вечным сном, когда Родина так остро нуждается в вас? Знаете ли вы, какой трудной, непосильной работой сейчас занят наш Полководец, взвалив на себя судьбы Кореи?..»

То было время, когда решалась судьба Родины, судьба народа. И среди городского населения совсем немного было таких, кто помнил бы о том, что в густых зарослях на сопке Моран покоится прах ветеранов революции. И никто не знал, что мужчина крупного телосложения спит на сопке рядом с их прахом, а ранним утром потихоньку спускается с сопки.

Услышав об этом, я подумал: кто-кто, а Рим Чхун Чху и есть настоящий человек, настоящий борец, верный своему долгу.

Вот что такое чувство долга, присущее антияпонским партизанам, о чем мне хотелось сказать. Сколько ходит по свету занимательных рассказов о человеческом долге и любви! Но я не знаю более высокого, более искреннего, более прекрасного чувства долга, чем то, которое рождено ветеранами антияпонской революции.

Рим Чхун Чху всегда называл себя старым учеником товарища Ким Чен Ира, всячески стремился решать любые дела под его руководством. А товарищ Ким Чен Ир, в свою очередь, от души любил и уважал Рим Чхун Чху. Постоянно повторяя: только то, что товарищ Рим Чхун Чху живет и здравствует, служит ценным капиталом для нашей партии и государства, он относился к нему с исключительным вниманием и заботой. В его особом внимании и заботе о Рим Чхун Чху отражен благородный долг руководителя перед ветеранами революции. Это и есть моральный долг, рожденный антияпонскими партизанами, с его истоками в горах Пэкту.

Но не все были верны революционному долгу и своим убеждениям. Хотя частично, все же в наших рядах появлялись изменники, дезертиры. Изменяли своим убеждениям те, кто при каждом удобном случае любил говорить о своей приверженности революции. И это не могло не огорчать всех наших бойцов. Те, кто вчера громко пел «Интернационал» и кричал о неизбежной победе революции, в один миг изменившись, превращались в агентов врага. Не выразить словами, что переживали, узнав об этом, наши бойцы и командиры!

Но хотя и появлялись предатели – а их были единицы – крепостную стену, воздвигнутую нами за десяток лет, разрушить было нельзя. На белый террор противника мы ответили укреплением единства идей и воли в своих рядах, моральной сплоченностью, основанной на чувстве долга. Только в этом мы видели путь к нашей победе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В огне китайско-японской войны

Навстречу новым реалиям ... 245

Ким Чжу Хен ... 263

Готовим крестьян к борьбе .. 277

Чвэ Чхун Гук и его отдельная бригада ... 298

Сентябрьское воззвание ... 318

После «Хесанского дела» ... 335

Июль – ноябрь 1937

1. Навстречу новым реалиям

Потрясшую нас весть об инциденте на мосту Лугоуцяо мы услышали в середине июля 1937 года, после боя на горе Цзяньсаньфэн. Мы уже давно ожидали, что инцидент 18 сентября повлечет за собой другой подобный «инцидент 18 сентября» и оккупация Маньчжурии японскими империалистами перерастет в их широкомасштабное нашествие на всю территорию Китая, занимающую несколько миллионов квадратных километров. И все же, когда я услышал, что в результате инцидента на мосту Лугоуцяо вспыхнула китайско-японская война, не смог сдержать волнения. Среди бойцов и командиров Народно-революционной армии шли жаркие споры о том, как будет развиваться ситуация.

Главной темой, разумеется, были следующие вопросы: какое влияние в дальнейшем окажет эта война на обстановку в мире и на развитие корейской революции и как использовать создавшуюся новую ситуацию в интересах нашей революции.

До начала китайско-японской войны мало кто из нас знал, что на свете существует мост под названием Лугоуцяо.

Никто и подумать не мог о том, что выстрел, раздавшийся среди ночи на этом мосту, станет прелюдией к большой войне, которая почти на три тысячи дней утопит Китай в море крови и ввергнет весь мир в страшную катастрофу. Общепризнанным является мнение, что началом второй мировой войны явилось нападение фашистской Германии на Польшу в сентябре 1939 года. Но есть и другое мнение – детонатором второй мировой войны стал инцидент на мосту Лугоуцяо, спровоцированный японскими империалистами на два года раньше.

Как и инцидент 18 сентября, китайско-японская война явилась следствием азиатской политики японских империалистов, которую они проводили и совершенствовали со всей настойчивостью. Когда японские империалисты поглотили Маньчжурию, мировая общественность справедливо предсказывала, что в недалеком будущем они вторгнутся и во Внутренний Китай. И в самом деле, после оккупации трех провинций Северо-Восточного Китая японцы сосредоточили все силы на подготовке к интервенции во

Внутренний Китай.

Вторжение в Шаньхайгуань в январе 1933 года, нападение на районы Хуабэя, захват в ходе жэхэской операции провинциального центра Чэндэ, высадка на остров Циньхуандао, вступление в восточную часть провинции Хэбэй – все эти военные акции были совершены за несколько лет после того, как японские войска спровоцировали маньчжурский инцидент, и явились звеньями подготовки к будущей агрессии против Внутреннего Китая.

Гоминьдановское правительство Чан Кайши вместо того, чтобы ответить на вторжение японских империалистов в Хуабэй сопротивлением, заключило, несмотря на решительный протест народа, предательское, антинациональное «Тангу соглашение», превратив тем самым обширную территорию севернее Великой китайской стены в оккупированный японскими империалистами район, а Хуабэй оказался под их надзором и контролем. Такая соглашательская политика в конце концов еще более усугубила агрессивные притязания и разожгла военный психоз у японских империалистов.

При их подстрекательстве прояпонские силы Хуабэя начали так называемое «движение за автономию пяти провинций Хуабэя». В результате этого предательского движения, на лозунгах которого было начертано требование так называемой «независимости», было сфабриковано «восточнохуабэйское прояпонское антикоммунистическое автономное правительство».

Захватив один за другим все районы Маньчжурии и жизненные артерии Хуабэя, японские империалисты с начала 1936 года стали открыто готовиться к вторжению во Внутренний Китай, разработав так называемый «дипломатический курс в отношении Китая», основным содержанием которого было абсолютное запрещение антияпонского движения, экономическое сотрудничество Китая, Маньчжурии и Японии, их совместная борьба против проникновения коммунизма и так далее. Антикоминтерновский пакт, заключенный между Японией и Германией, служил внешним фактором, способствующим активизации подготовки к новой войне.

Раболепная позиция гоминьдановского правительства Чан Кайши по отношению к Японии и его предательская, антинациональная политика позволили японским империалистам беспрепятственно наращивать агрессию против Внутреннего Китая. Даже в тот момент, когда японская агрессия на основной территории Китая все

более расширялась и сама судьба страны и нации оказалась под угрозой, Чан Кайши внутри страны окружал и атаковал Красную армию и подавлял антияпонское движение народа за спасение отечества, а во внешних сношениях придерживался курса на компромисс с Японией, проводя политику «внутреннее спокойствие и внешнее обаяние», что выражалось в капитуляции перед внешними силами. Подобострастная политика Чан Кайши, направленная на сотрудничество с Японией, в конечном счете попустительствовала японской агрессии против Внутреннего Китая и побудила Японию к фабрикации такого сногсшибательного происшествия, как инцидент на мосту Лугоуцяо.

То, что японские империалисты предприняли полномасштабную агрессию против Китая, явилось также естественным результатом противоречий между империалистическими державами в их отношении к Китаю.

Волны нового экономического кризиса, начавшегося в 1937 году в США, снова стали захлестывать мир. Империалистические государства из кожи лезли вон, чтобы найти себе новые рынки. Борьба за завоевание рынков обострила противоречия между крупными державами. Одним из таких типичных противоречий явились распри и противоборство между империалистами США, Англии и Японии, связанные с концессиями в Китае. Путь к достижению превосходства в противоборстве с державами Европы и Америки японские империалисты видели в развязывании тотальной войны против Китая. Они считали, что только такая война позволит им установить монопольное господство в Китае, вытеснить из этого региона американские и английские силы и обрести в Азии положение властелина.

Подход же США и Англии к этому вопросу был двурушническим. С одной стороны, обе державы старались ограничить безмерные агрессивные амбиции Японии, а с другой – поощряли агрессию японских империалистов, посягающих на интересы Китая. Вместе с тем они подстрекали Японию к выступлению против Советского Союза. Такой политикой США и Англия намеревались сохранить по-прежнему свои старые концессии в Китае.

После инцидента в Хуабэе японский империализм определил свою основную государственную политику: продолжать расширение гонки вооружений и военные приготовления, обеспечить доминирующее положение в Восточной Азии и про-

двигаться в южно-тихоокеанский регион. Таким был стратегический план Японии. Он заключался в продолжении политики войны с Китаем и СССР и в то же время в поисках подходящего момента для вторжения в Юго-Восточную Азию.

Коварно воспользовавшись политикой «невмешательства» империалистических держав, и прежде всего США, Англии и Франции, а также благоприятной обстановкой, когда в Китае еще не был образован прочный единый национальный антияпонский фронт, кабинет Коноэ в конце концов развязал широкомасштабную войну против Китая.

7 июля 1937 года японская военщина бесцеремонно потребовала обыскать уездный центр Ваньпин под тем предлогом, что во время военных маневров у них пропал без вести один из солдат. По этому поводу возник конфликт. А когда 29-я армия Сун Чжэюаня оказала японцам сопротивление, японские войска заняли мост Лугоуцяо и окружили Пекин.

Инцидент с мостом Лугоуцяо был лишь небольшим и случайным конфликтом и его вполне можно было уладить на месте путем переговоров. Однако кабинет Коноэ под нажимом военных кругов, искавших предлог для развязывания войны, 11 июля принял на заседании министров решение направить в Китай дислоцированные в Японии дивизии и использовал этот незначительный эпизод как повод для расширения китайско-японской войны. Все это было сделано под шум разглагольствований о необходимости предотвращения расширения военного конфликта. Дело дошло до того, что 13 августа японские войска уже предприняли наступление на Шанхай. Таким образом, выстрел на мосту Лугоуцяо вылился в конечном итоге в большую войну между Китаем и Японией.

Начало китайско-японской войны поставило перед корейскими коммунистами целый ряд новых задач. Нам пришлось разработать инициативную и активную стратегию и тактику, соответствующую круто менявшейся обстановке.

Услышав весть о начале китайско-японской войны, я несколько дней думал, в каком направлении будут развиваться события, какое влияние окажет эта война на нашу революцию, с каких позиций и какими методами мы должны будем противостоять ей.

Китайско-японская война не была локальной войной, которую Япония закончила бы захватом лишь Хуабэя. В то же время она не была такой скоротечной, как маньчжурская кампания,

закончившаяся всего за несколько месяцев. Уже в своем зародыше она несла признаки длительной войны и потенциальную возможность перерасти в региональную, а далее и в мировую войну. Не исключалась и возможность вовлечения в нее, помимо двух воюющих сторон, и других стран.

Совершенно очевидным был тот факт, что нельзя будет избежать столкновения между Японией и Советским Союзом. Если рассматривать ситуацию с исторической точки зрения, то Корея и Маньчжурия явились главной ареной борьбы между Россией и Японией. Именно это было главной причиной начала русско-японской войны в начале нашего века. И после образования СССР советско-японские отношения по-прежнему оставались весьма напряженными из-за агрессивных притязаний Японии на континентальные территории. Так, накануне китайско-японской войны между СССР и Японией произошел острый конфликт, связанный с вопросом о праве собственности на два острова на реке Амур. Это было взрывоопасное противоборство, чреватое угрозой войны. Конфликт был разрешен прямыми дипломатическими переговорами в Москве, но и позже Япония под предлогом японо-маньчжурской совместной обороны весьма жестко противостояла Советскому Союзу.

Не без оснований широкая мировая общественность предсказывала, что в результате этого конфликта между Советским Союзом и Японией вспыхнет большая война.

Не было секретом и то, что империалистическая Япония преследовала гнусную цель – после захвата Маньчжурии напасть на Внутренний Китай, а затем оккупировать Монголию и советский Дальний Восток. Но, видимо, в тот момент она считала полномасштабную войну с Советским Союзом преждевременной. Втайне она боялась крепнущей день ото дня мощи советского государства, в частности, оборонной. И если бы Япония, воюя с Китаем, развязала войну еще и с СССР, то трудно было бы представить себе более опасный и глупый поступок. К тому же японское государство не располагало достаточной мощью, чтобы вести войну одновременно с двумя большими странами.

Среди наших бойцов и командиров было немало таких, кто полагал, что расширение войны неблагоприятно скажется на нашей революции.

Я остро почувствовал необходимость как можно быстрее разработать стратегический курс в связи с началом китайско-

японской войны и бороться, имея строго определенную цель. Ради этого в середине июля 1937 года было созвано совещание командного состава главной части КНРА в Пэктусанском тайном лагере, а в начале августа того же года в Чушуйтане уезда Чанбай — совещание военных и политических работников КНРА. На этих совещаниях мы наметили стратегический курс — подходить к резко изменяющейся обстановке инициативно, усиливать антияпонскую вооруженную борьбу и добиться нового подъема корейской революции в целом. В совещании в Пэктусанском тайном лагере участвовали также подпольщики и руководители подпольных организаций, действовавших в районе гор Пэкту и внутри страны, в том числе Ма Дон Хи и Ли Чжэ Сун.

Среди обсуждавшихся на этих совещаниях вопросов самым важным, можно сказать, было укрепление собственных революционных сил и активизация операций по дезорганизации вражеского тыла, форсирование подготовки к началу всенародного сопротивления в соответствии с условиями войны между Китаем и Японией. Одним из важных путей выполнения этой задачи мы определили создание большего числа подпольных организаций в юго-западном районе гор Пэкту и внутри Кореи, направление в район Ранримского горного хребта групп подпольщиков КНРА с заданием создать там революционную опорную базу, организовать во всех районах страны производственные партизанские отряды и ударные рабочие отряды и внесли проблемы на серьезное обсуждение. Вместе с тем, досконально ознакомившись с работой по строительству партийных организаций и низовых организаций Лиги возрождения Родины в районах Синпха и Сяганцюя уезда Чанбай, по проведению там политической работы среди масс и оказанию помощи партизанским отрядам, мы обсудили меры по распространению этого опыта в других районах.

К тому времени японские империалисты еще считали свою страну одной из пяти крупнейших в мире и одной из трех ведущих морских держав. Другие державы тоже смотрели на Японию с этой точки зрения. Однако мы знали, что рано или поздно японский империализм рухнет в бездонную пропасть.

Мы были твердо убеждены, что хотя японские империалисты сначала и могут иметь временное преимущество, используя слабые места китайских сил сопротивления, они в конце концов будут разгромлены. Как правило, любая несправедливая война несет в себе

внутренние противоречия. Противоречия между милитаристскими и антивоенными силами в стране, противоречия между империалистическими державами, связанные с захватом концессий, – таковы были очевидные факторы, мешавшие ведению Японией войны. Японские империалисты оказались в изоляции в международном отношении. Они имели в Европе таких союзников, как Германия и Италия, но фактически не смогли получить от них никакой помощи. Если бы они расширили китайско-японскую войну и предприняли «продвижение на юг», то это неизбежно привело бы к обострению противоречий и противоборства в стане империалистических держав.

Японские империалисты, опьяненные ненасытной жаждой обогащения и экспансией, после захвата Маньчжурии, не успев переварить его результаты, с алчностью набросились сразу на Внутренний Китай. Но это было похоже на то, что кошка хочет проглотить коровью голову. Не было никакой гарантии, что Япония не пострадает от несварения.

В связи с началом китайско-японской войны японские империалисты еще более укрепили и усовершенствовали свои органы колониального господства в Корее. Были состряпаны и приняты разного рода новые фашистские драконовские законы, которые безжалостно сковывали и мысль, и действия людей. «Закон об охране военной тайны», введенный в 1913 году, был пересмотрен и ужесточен в соответствии с военными условиями. Говоря об «особой миссии Кореи как этапной базы военного времени» и об «обязанностях Кореи в осуществлении континентальной политики», враги все подчинили одному – ведению войны.

Ограбление Японией Кореи не ограничивалось областью экономики. Враги жестоко грабили и людские ресурсы. Людей юношеского и среднего возраста вербовали и направляли на фронт, рабочую силу в большом количестве насильно мобилизовали на строительство военных заводов и других военных сооружений.

В результате беспрецедентно усилившихся и ужесточившихся после начала китайско-японской войны фашистских репрессий и безудержного экономического грабежа со стороны японских империалистов наша нация оказалась в чрезвычайно трудном, едва ли не безвыходном положении.

Но, несмотря на такие неблагоприятные условия, мы считали, что если умело использовать создавшуюся из-за этой войны сложную обстановку, то можно и беду обратить в счастье.

На совещании военных и политических работников в Чушуйтане я подчеркивал необходимость рассматривать обстановку именно с такой точки зрения и предпринять соответствующие меры. Если на совещании в горах Пэкту обсуждались главным образом задачи по укреплению собственных сил корейской революции в аспекте организационного строительства, то на совещании в Чушуйтане были обсуждены в основном военные задачи, вытекающие из курса на операции по дезорганизации вражеского тыла. Главное внимание обращалось при этом на взаимодействие с отрядами Объединенной антияпонской армии.

И на этом совещании я обратил особое внимание на необходимость усиливать операции по дезорганизации вражеского тыла в обширных районах, и прежде всего в бассейнах рек Туман и Амнок, непрерывно расширять и активизировать движение за создание единого антияпонского национального фронта, направив больше малых отрядов и подпольщиков в Корею.

Операции по дезорганизации вражеского тыла мы решили развернуть в основном двумя путями. С одной стороны – заложить военный фундамент для всенародного сопротивления путем создания сети тайных лагерей при опоре на Ранримский горный хребет, путем организации производственных партизанских отрядов и ударных рабочих отрядов повсюду в стране, наносить японским империалистам удары в спину, используя различные формы массовой борьбы в Корее. С другой же стороны – преградить посредством партизанской войны японским агрессивным войскам пути для их передвижения во Внутренний Китай и сорвать тем самым их стратегические планы.

На совещании в Чушуйтане согласно новому стратегическому курсу были частично переформированы отряды КНРА и районы их действий были определены в соответствии с реальными условиями. Обсуждался также вопрос о создании небольших вооруженных групп и групп подпольщиков, которые было необходимо послать в пределы Кореи.

Развязав китайско-японскую войну, враги принялись следить за нашими передвижениями с удвоенным вниманием. Неизвестно, как об этом узнали военные и полицейские главари Японии, но они стали шуметь о том, что, наметив новый курс деятельности, мы переформировали отряды и определили районы их действий, а по случаю «дня национального унижения» – 29 августа – решили

атаковать главные города Маньчжурии и вторгнуться всеми силами в Корею. Японцами предпринимались контрмеры разного рода. Как потом стало известно, обо всем этом подробно говорилось в секретных документах противника.

Прежде чем нам вновь выступить на рубежи между уездами Чанбай и Линьцзян, я после совещания в Чушуйтане встретился с Вэй Чжэнминем, чтобы обменяться мнениями о совместной операции с отрядами Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии и о дезорганизации вражеского тыла. В то время Вэй Чжэнминь лечился в Дунманьцзянском тайном лагере, расположенном на берегу реки Хуапихэ – притока Маньцзяна в его верховьях.

В тот день в Дунманьцзянский тайный лагерь нас провел Чу Чжэ Ир, политрук роты. Он хорошо знал район Дунманьцзяна. Уроженец провинции Канвон, Чу Чжэ Ир переселился в детстве в район Хэлуна и вступил в Юйланцуне в партизанский отряд. Когда партизанский район был расформирован, шесть дворов, находившихся в Хэлуне, переселились в Чушуйтан. Среди них оказалась и семья Чу Чжэ Ира. Он состоял в китайском антияпонском отряде и в марте 1937 года вместе с женой перешел под наше командование. Мы назначили его политруком роты, в которой было много китайцев – бывших бойцов китайского антияпонского отряда националистического толка. Мы учли, что он отлично владел китайским языком, хорошо знал китайские обычаи. Позже он стал политруком комендантской роты, а затем был повышен до должности комиссара полка. Чу Чжэ Ир благополучно проводил нас до места назначения.

– Сейчас, когда китайско-японская война ширится, – сказал нам тогда Вэй Чжэнминь, – одной из важнейших проблем является успешное сотрудничество народов и коммунистов двух стран – Кореи и Китая. Мы возлагаем большие надежды на сотрудничество и помощь корейских товарищей, корейского народа. До сих пор вы оказывали искреннюю и бескорыстную помощь делу китайской революции. Каждый раз, когда я слышу о пролетарском интернационализме, думаю прежде всего о корейских товарищах. До сих пор мы вместе, в одном окопе делили горе и радость. Эти дни, уверен, навсегда войдут не только в историю двух стран, но и в историю международного коммунистического движения. Командующий Ким! Те испытания, которые переживает корейский народ, приходится сегодня пройти и китайской нации. Мы уверены, что в дни лихолетья корейский народ

будет твердо стоять на нашей стороне...

Слова Вэй Чжэнминя звучали проникновенно.

Занимавший ответственную должность комиссара 2-го корпуса и секретаря провинциального парткомитета Южной Маньчжурии, Вэй Чжэнминь был человеком честным и откровенным, умел говорить правду в глаза.

Как красноречиво говорит весь процесс борьбы за исправление ошибок крайне левого толка, обнаружившихся в борьбе против «Минсэндана», Вэй Чжэнминь, как никто другой, от души старался вникнуть в страдания и боль корейских коммунистов. Я отдавал ему должное за то, что он сочувствовал корейскому народу и во многих отношениях оказывал помощь корейским коммунистам в их борьбе. Китайский товарищ тоже всегда относился ко мне исключительно дружелюбно, проявляя дружеские чувства.

Он всегда высоко ценил роль корейских коммунистов и КНРА в антияпонской вооруженной борьбе на Северо-Востоке Китая.

В тот день Вэй Чжэнминь подробно информировал нас о внутреннем и внешнем положении Китая после начала китайско-японской войны и о курсе Компартии Китая в отношении этой войны. В его информации особенно рельефно подчеркивалось стремление китайских коммунистов и патриотов, прогрессивно настроенных деятелей к новому сотрудничеству между Компартией Китая и Гоминьданом и созданию единого национального антияпонского фронта.

На следующий день после инцидента на мосту Лугоуцяо, получившего название «событие 7 июля», Компартия Китая заявила, что только война против японских агрессоров, на которую должна быть мобилизована вся китайская нация, – единственный путь спасения родины. Партия обратилась ко всей стране с призывом «Встать против японской агрессии железной стеной, стеной единого национального фронта». А 15 июля в ЦИК Гоминьдана была направлена «Декларация Коммунистической партии Китая о провозглашении сотрудничества с Гоминьданом».

Разумеется, Компартия Китая не впервые обращалась к Гоминьдану с призывом прекратить гражданскую войну и наладить сотрудничество обеих партий. И она активно выступила за его осуществление.

Оккупировав Маньчжурию, японские империалисты направили острие агрессии на Внутренний Китай. Несмотря на это,

чанкайшистский Гоминьдан проявлял рвение только в борьбе с компартией и в действиях против Рабоче-крестьянской красной армии, не принимая активных мер для оказания сопротивления японцам.

Подняв огромные вооруженные силы, Чан Кайши даже пять раз предпринимал крупные карательные операции, чтобы ликвидировать Центральный совет в Жуйцзине. Гоминьдан ненавидел Компартию Китая больше, чем внешних врагов.

До тех пор Компартии Китая тоже было некогда направить главные силы на борьбу с японской агрессией. Главным направлением ее деятельности были земельная революция и борьба с Гоминьданом.

Ясно, что в случае вторжения иноземных захватчиков следует прекратить гражданскую войну, чтобы выступить против агрессии объединенными силами всего народа. Но Китай не смог положить конец ни гражданской войне, известной как вторая гражданская революционная война, ни внутреннему расколу. В такой обстановке вступил в середину 30-х годов.

Впоследствии Коммунистическая партия Китая, повинуясь велению времени, приняла новую стратегию, рассчитанную прежде всего на борьбу с японской агрессией. Под лозунгом «Северного похода против японских империалистов» китайские коммунисты совершили исторический Великий поход в 25 тысяч *ли* и создали новую опорную базу в Пограничном районе провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся. После этого, совершая «Восточный поход против японских агрессоров», они вступили в непосредственное противоборство с японскими захватчиками.

Впоследствии Компартия Китая, заменив лозунг «борьбы против Чан Кайши и японской агрессии» лозунгом «совместного с Чан Кайши сопротивления японской агрессии», упорно прилагала усилия к сотрудничеству с Гоминьданом. Эти усилия китайских коммунистов активизировались в связи с Сианьскими событиями[19]. И наконец они принесли свои плоды, завершившись переговорами между Чан Кайши и Чжоу Эньлаем, состоявшимися в Лушане после начала китайско-японской войны.

С добрым чувством воспринял я слова Вэй Чжэнминя о том, что во время переговоров в Лушане Чжоу Эньлай обсудил с Чан Кайши необходимость активизировать направленную на сопротивление Японии деятельность коммунистов в Маньчжурии, Хуабэе и в Корее. Ведь это означало, что ЦК КПК справедливо оценивает место корейских коммунистов в антияпонской войне и, возлагая большую

надежду на вооруженную борьбу, возглавляемую корейскими коммунистами, горячо желает их активной поддержки и сотрудничества с ними.

В своем «Письме членам Всекитайского общества спасения родины», написанном в начале 1937 года для советского журнала по международным политическим вопросам «Тихий океан», Мао Цзэдун привел действия антияпонских партизанских отрядов на Северо-Востоке Китая в качестве живого примера возможности осуществить тезис о борьбе против японской агрессии, то есть активной борьбы с японским империализмом. Он писал, что антияпонские партизанские отряды этого района за несколько лет своей деятельности вывели из строя более чем 100 тысяч вражеских солдат и офицеров, нанесли врагу ущерб, исчисляемый несколькими сотнями миллионов юаней, и тем самым удержали японских империалистов от нападения на основную территорию Китая, задержали их натиск.

В этой оценке действий северо-восточных антияпонских партизанских отрядов есть и заслуга корейских коммунистов.

Мы с Вэй Чжэнминем разделяли тогда мнение о том, что в условиях, когда японские империалисты пытаются захватить основную территорию Китая раньше, чем Сибирь, работа по дезорганизации вражеского тыла должна в большей степени лечь на антияпонские партизанские отряды в Восточной и Южной Маньчжурии, чем на отряды Объединенных антияпонских войск в Северной Маньчжурии.

В тот день при обмене мнениями Вэй Чжэнминь сообщил, что через территорию СССР к руководителям 2-го корпуса в качестве эмиссара нанкинского правительства прибыл подчиненный Кун Сяньюна, и спросил, нет ли желания встретиться с ним. Приезд эмиссара в Маньчжурию говорил о том, что гоминьдановское нанкинское правительство всячески стремится к сотрудничеству с выступающими против японской агрессии силами на Северо-Востоке Китая.

Кун Сяньюн был с нами в близких отношениях еще с того времени, когда он являлся заместителем Ван Дэлиня, командующего частью Армии спасения отечества. Он внес свою лепту и в создание вместе с нами Народно-революционной армии в минувшие годы. Кун Сяньюн, имея связь с командованием советских войск на Дальнем Востоке, вместе с частью своих войск перешел в Советский Союз, откуда снова

во Внутренний Китай. Его деятельность во Внутреннем Китае достойна внимания. Вместе с Ли Ду, Ван Дэлинем и другими лицами он имел связь и с нанкинским правительством, имел отношения и со старой Северо-Восточной армией Чжан Сюэляна, уделяя большое внимание антияпонской борьбе в Маньчжурии. После того, как он был назначен главнокомандующим Северо-Восточной добровольческой армией, связавшись с гоминьдановским нанкинским правительством, он организовывал внешнюю поддержку и помощь антияпонскому движению в районах Северо-Востока Китая. Посылка Кун Сяньюном к нам тайного эмиссара от имени нанкинского правительства показала, что он по-прежнему уделяет большое внимание вооруженной борьбе с японскими империалистами в районах Маньчжурии.

Этот эмиссар, как и Кун Сяньюн, имел за плечами опыт участия в антияпонской борьбе в Восточной Маньчжурии. Он подчеркивал необходимость объединения борьбы во Внутреннем Китае с борьбой на Северо-Востоке Китая, разъяснял свои соображения, спрашивая, не следует ли включить действия антияпонских вооруженных отрядов на Северо-Востоке Китая в генеральное тактическое направление нанкинского правительства, когда было решено осуществить сотрудничество между КПК и Гоминьданом во Внутреннем Китае и когда Рабоче-крестьянская красная армия, руководимая КПК, будет переформирована в части Национально-революционной армии и будет действовать под централизованным командованием Чан Кайши.

Мы выразили сомнение в выдвинутом им предложении, указав на конкретные различия в положении дел во Внутреннем Китае и на Северо-Востоке Китая и относительную самостоятельность антияпонской вооруженной борьбы в районах Северо-Востока.

Эмиссар нанкинского правительства признал справедливость наших взглядов и взял свое предложение обратно. Тем не менее он особо подчеркивал, что не следует забывать неразрывность связей Внутреннего Китая и Северо-Востока Китая, что следует поддерживать взаимную тесную связь между ними, поддерживать друг друга и сотрудничать друг с другом.

Говоря об оказании помощи борьбе во Внутреннем Китае, мы обещали наносить последовательные удары по тылам японских империалистов в трех провинциях Северо-Востока Китая и в Корее. Эмиссар сообщил, что во время перехода через территорию СССР он советовался с соответствующими лицами той страны по поводу

оказания медицинской помощи раненым в китайско-японской войне, заручился поддержкой с их стороны, и предложил в случае необходимости направлять больных и раненых, если они будут, по условленным маршрутам. Мы уже имели опыт отправки старых и слабых людей в Советский Союз, имели свои собственные коммуникации для этого, но, поблагодарив эмиссара за его доброе намерение, обещали воспользоваться в будущем и указанными им коммуникациями.

В ходе беседы с Вэй Чжэнминем я подтвердил, что наши взгляды на стратегию, связанную с китайско-японской войной, в основном совпадают с взглядами КПК, и обрел уверенность, что мы добьемся больших успехов и в операциях по дезорганизации вражеского тыла.

Расставшись с Вэй Чжэнминем, мы созвали митинг бойцов и командиров КНРА. Он проходил на пологом месте гребня горы на рубеже уездов Чанбай и Линьцзян.

Недалеко от этого места, помню, была глубокая яма, похожая на колодец. Кто-то бросил в ту яму камень, и он бултыхнулся в воду лишь через некоторое время. Интересно: каким образом образовалась такая яма между скалами, на высоком гребне горы?

На этом митинге были вынесены на рассмотрение стратегические задачи КНРА, встающие в связи с китайско-японской войной, была подчеркнута решимость командиров и бойцов выполнить эти задачи. Происходило что-то вроде собрания, какие мы видим сегодня, где каждый берет на себя свои обязательства. Думаю, можно назвать его собранием, посвященным выполнению решений, принятых на совещаниях в тайном лагере в горах Пэкту и Чушуйтане.

Рассказывать подробно об этом митинге не буду, о нем много писали специалисты по истории революции и другие. Не раз вспоминали о нем и ветераны – участники митинга.

Пэктусанское и Чушуйтанское совещания и митинг бойцов и командиров КНРА имеют большое значение в том смысле, что на них были разработаны наши военно-политические меры в свете китайско-японской войны.

С первых дней китайско-японской войны мы, закрепляя победу в рейдовых операциях на территории Кореи, смело развернули боевые действия по дезорганизации вражеского тыла.

Вскоре после событий на мосту Лугоуцяо главные отряды КНРА провели бой под Машуньгоу, что в Шицзюдаогоу уезда Чанбай, совершили налет на городок Сиган в Шисаньдаогоу уезда Чанбай,

провели многочисленные бои, в том числе бой под Люгэдуном, что в Лунчуаньли, и в других местах.

Орган Национальной революционной партии «Чондо» тогда писал о наших операциях по дезорганизации тыла врага: «Это, несомненно, результат создания великого объединенного фронта наций двух стран – Кореи и Китая».

Нанося удары по тылам врага, в то время отряд Чвэ Хена передвигался из Чанбая в Линьцзян, Тунхуа, Люхэ, Мэнцзян. Отряд неоднократно добивался боевых успехов. Успешно громили врага бойцы Ан Гира и Пак Чжан Чхуна, объединившись с отрядом Кан Гона. Потряс врага в тылу и поход Ким Чака и Хо Хен Сика в Хайлунь, и действия южноманьчжурских отрядов, продвинувшихся до полосы отчуждения вдоль Шэньянской железной дороги. Наши малые вооруженные группы и группы подпольщиков, проникнув в глубь территории Кореи, в ее различных районах своими действиями связывали врагов по рукам и ногам. Военно-политическая деятельность и активные операции по дезорганизации тыла врага, проведенные корейскими и китайскими коммунистами в Корее и Маньчжурии, вдохнули силы в антияпонский лагерь Китая.

Бредовая мечта японских империалистов – одним махом захватить Китай, была развеяна в пух и прах ударами китайского народа в Северном Китае, под Шанхаем и в результате активных боевых действий по дезорганизации тыла врага, развернутых КНРА и отрядами Объединенной антияпонской армии в районах Северо-Востока Китая.

С переходом Японии, где говорили до этого о «доктрине уничтожения одним ударом» и «доктрине краткосрочного завершения войны», к продолжительной войне перешли к новому этапу и наши боевые действия по дезорганизации тыла врага.

В связи с затяжным характером китайско-японской войны мы в Синьтайцзыском тайном лагере уезда Линьцзян подвели итоги этих боевых действий, проведенных до тех пор, и обсудили вопрос о дезорганизации вражеского тыла на территории Кореи и об ударах по вражеской системе военных перевозок, в частности, перевозок оружия и боеприпасов. Типичным боем, проведенным в это время, был бой в уездном центре Хуенань.

Уездный центр Хуенань был в те дни городом-крепостью с развитыми коммуникациями и находился в равнинном районе, поэтому штурмовать его было весьма нелегко. Недалеко от него

проходила железная дорога Гирин – Хайлунь. В окрестностях Хуенаня были созданы опорные пункты вражеских карателей. Вот почему даже после успешного завершения налета на уездный центр партизаны, если не удастся своевременно ускользнуть, могли бы оказаться под ударами вражеских подкреплений. Зная об этих неблагоприятных обстоятельствах, мы послали в бой 7-й полк главных сил КНРА, вновь сформированный комендантский полк Ли Дон Хака и Чвэ Чхун Гука и некоторые подразделения 4-й дивизии. Ведь этот уездный центр был подходящим объектом для штурма в боевых действиях по дезорганизации тыла врага. Уездный центр Хуенань являлся не только одним из важнейших опорных пунктов карательных отрядов врага, но и тыловой базой марионеточных войск Маньчжоу-Го, дислоцированных в ряде прилегающих уездов. В городе были два крупных военных склада.

В этом штурме уездного центра участвовали и антияпонские отряды китайских националистов вместе с отрядами Объединенной антияпонской армии.

Наши бойцы внезапно ворвались в город, взяли богатые трофеи – большое количество тканей, ваты и продовольствия из вражеского военного склада и быстро покинули город. После этого боя наши отряды еще раз нанесли ощутимый удар по подкреплениям японской армии и марионеточных войск Манъчжоу-Го, прибывшим из Хайлуня, Паньши, Мэнцзяна и других районов.

В наших операциях по дезорганизации вражеского тыла большое значение имел также бой из засады под Фусуном – Сиганом, данный нашей главной частью до боя в уездном центре Хуенань. В дни описываемых боевых действий мы потеряли Ли Даль Гена, Ким Ен Хвана, Чон Чхоль Сана и других замечательных боевых товарищей.

Ким Ен Хван вел комсомольскую работу в Ванцине, а затем вступил в партизанский отряд. В годы существования партизанских районов мы направили его в партизанский отряд в Яньцзи ротным политруком. В декабре 1937 года Ким Ен Хван погиб смертью храбрых в Яньцзи.

Чон Чхоль Сан пришел к нам из Хуньчуньского партизанского отряда. Мы с ним впервые встретились во время боя в Лаохэйшане. Впоследствии он был отозван в 4-ю роту Ванцинского отряда в качестве политрука. Его хорошо помнит О Чжин У. Чон Чхоль Сан погиб в Эму в сентябре 1937 года.

В те дни мы потеряли и Ли Дон Гвана, работавшего в качестве

представителя ЛВР в Южной Маньчжурии. О гибели Ли Дон Гвана, способного политработника и смелого партизанского командира, рассказал мне Ян Цзинюй. Это было во время вражеских карательных операций в Южной Маньчжурии. Весть о разгроме Тунхуаского главного уездного комитета заставила Ли Дон Гвана направиться в сторону Люхэ — через Гушаньцзы, где находился штаб вражеских карателей. Переодевшись в одежду торговца лекарством и взяв с собой двух бойцов-охранников, Ли Дон Гван среди бела дня появился на улицах Гушаньцзы, где кишмя кишели враги.

В переулках был вывешен ордер на арест Ли Дон Гвана, в котором были такие слова: «Ли Дон Гван – главарь коммунистической банды из Южноманьчжурского Особого окружного комитета. Возраст – примерно 30 лет. Высокого роста, волосы вьющиеся, глаза большие. Того, кто сообщит о его местонахождении или задержит его, ожидает большое вознаграждение. Тот, кто скрывает его, будет приговорен к высшей мере наказания».

Говорят, Ли Дон Гван, постояв перед доской для объявлений, на которой был наклеен ордер на его арест, и прочитав его, спокойно покинул улицу.

Жизнь Ли Дон Гвана, Ли Даль Гена, Ким Тхэк Хвана, Ким Ен Хвана, Чон Чхоль Сана была ярким образцом беззаветной любви и самоотверженного служения своей Родине и народу. Их жизнь и борьба стали демонстрацией воли и духа корейских коммунистов, их дела остались в истории действий по дезорганизации вражеского тыла.

Можно сказать, всю свою жизнь я был склонен в большей степени к наступательным действиям, а не к обороне. С первых дней своей революционной деятельности и по сегодняшний день я руководствуюсь наступательной тактикой – идти навстречу врагу. Всякий раз, когда перед нами возникали трудности, я не пасовал перед ними, не испытывал колебаний. Не собирался ни обходить, ни избегать их. Чем тяжелее было, тем большей была наша вера в успех, тем энергичнее были наши действия по преодолению этих трудностей.

И на разных этапах развития нашей революции мы применяли главным образом наступательную тактику – шли навстречу трудностям. Поступали так мы не из-за того, что у меня лично такая наклонность и характер. Просто это было насущным требованием нашей революции, полной невзгод и испытаний.

Если бы, оказавшись в водовороте сложной политической ситуации, всколыхнувшей мир после возникновения

китайско-японской войны, мы прибегли лишь к оборонительной тактике, начали искать пути отступления и обхода, то никогда не смогли бы преодолеть вставшие перед нами трудности.

Вот почему я и сегодня думаю, что абсолютно правильной была та революционная стратегия, которой мы тогда руководствовались, смело идя навстречу любым невзгодам и бурям и превращая неблагоприятную ситуацию в благоприятную.

2. Ким Чжу Хен

Этот человек широко известен среди нашего народа как самый типичный представитель интендантских работников антияпонской партизанской армии. Он не только безупречно справлялся с работой интенданта. Ким Чжу Хен был и превосходным командиром, и опытным подпольщиком. Ведь до вступления в партизанский отряд он был тесно связан с подпольной работой.

Мое знакомство с Ким Чжу Хеном завязалось еще до организации антияпонской партизанской армии. В 1931 году, когда мы вели в Синлунцуне подготовку к вооруженной борьбе, Ким Чжу Хен в селении Гаодэнчан – это в Дашахэ – занимался работой в подполье, руководя Крестьянским обществом и организацией Антияпонского союза. Впервые его рекомендовал мне Ким Чжон Рён, руководитель Сяошахэской участковой партийной организации. Встретившись и поговорив с ним, я заметил, что это очень скромный и откровенный человек.

Ким Чжон Рён как-то сказал мне, что Ким Чжу Хен намерен вычистить под метелку из организации Антияпонского союза всех выходцев из Армии независимости. Пришлось специально к нему пойти для разговора. Выяснилось, что, наслышавшись от узколобых об Армии независимости только плохого, Ким Чжу Хен включил этих людей в число объектов борьбы. Я довольно долго говорил ему о значении единого фронта в революции и о его неправильных взглядах на выходцев из Армии независимости, проникнутых антияпонским духом и любовью к Родине.

На следующий день Ким Чжу Хен, навестив старших селения – выходцев из Армии независимости, попросил у них извинения.

Они отзывались о нем потом как о весьма порядочном человеке.

После этого случая каждый раз, когда в работе возникали трудные вопросы, Ким Чжу Хен приходил ко мне посоветоваться. И я в свою очередь время от времени бывал у него дома. Восьмилетняя разница в возрасте не помешала нам стать закадычными друзьями. В 1931 году я еще не был командиром антияпонского партизанского отряда. Однако Ким Чжу Хен всегда прислушивался к моему мнению. Я был просто пленен его скромностью. Да и он

симпатизировал мне. Он безоговорочно поддерживал все, что я делал, разделял мое мнение по всем вопросам.

Как ни странно, но дома его считали упрямцем, которого никто не в состоянии переубедить. И можно понять, что на то были причины, если выслушать, как он женился и завел свое семейное хозяйство.

Семья Ким Чжу Хена жила в Менчхоне, в провинции Северный Хамген, однако нужда заставила ее переселиться в Хэлун. Ким Чжу Хен очень тосковал по родному краю, который покинул в далеком детстве. Закончив частную школу *содан,* он тут же перебрался в Одэчжин и начал работать на рыбопромыслах. Там он возмужал. Его брат был недоволен тем, что Ким Чжу Хен даже не помышляет возвращаться домой, хотя ему давно уже пришло время жениться, и продолжает свои мытарства в чужом краю. Он, можно сказать, силой привел брата в Дашахэ и насильно обручил его с девушкой из соседнего села, которая у их семьи уже была на примете. Поскольку помолвку организовали родители, не посчитавшись с волей самого Ким Чжу Хена, он не знал невесту даже в лицо.

Не обращая внимания на то, что сделали родители, он зачастил к учителю Кусанской школы, некогда побывавшему в Приморье. С жадностью ловил он рассказы учителя о российской революции. Когда же он увидел, что в доме спешат со свадьбой, признался отцу, что ему совсем не хочется жениться на незнакомой девушке. Отец тогда лишь посмеялся, подумав, что сын сказал это лишь для красного словца, но за несколько дней до свадьбы жених исчез. Родители забеспокоились, – ведь случилась большая беда. В доме невесты тоже поднялся невообразимый шум. Брат Ким Чжу Хена, бросив все домашние дела, всю зиму исколесил весь район Цзяньдао в поисках младшего брата. От учителя Кусанской школы он узнал, что тот ушел в Россию. После долгих и трудных хлопот ему удалось найти и вернуть брата из России. И теперь Ким Чжу Хен ничего не смог поделать. Как только он вернулся домой, родители в спешке сыграли свадьбу.

Для Ким Чжу Хена началась семейная жизнь. Однако вместо того, чтобы в поте лица работать в поле, он чуть ли не каждый день отлучался из дома. Его отец после долгих размышлений наконец-таки надумал построить сыну дом. Он надеялся, что если его сын отделится от родителей и обзаведется своим хозяйством, то будет вынужден остаться дома, прекратив мытарства, и заниматься земледелием, чтобы прокормить семью. Однако решение отца,

наоборот, лишь подлило масла в огонь. Ким Чжу Хен был теперь еще больше охвачен страстью революционной борьбы. В своем доме, освободившись от надзора родителей, он делал все возможное, чтобы создать организацию и пробудить массы. У себя дома он соорудил даже потайной погреб. Дело кончилось тем, что вовлек в революционную работу и свою молодую жену. Отцу ничего не оставалось, как махнуть рукой на сына, подосадовав, что «ничего не поделаешь с этаким упрямством!»

Из этого рассказа я понял, что мой друг – человек очень решительный. Очень пришелся нам по душе характер Ким Чжу Хена, который упорно прокладывал добровольно выбранный самим путь в соответствии со своей волей и решением, не обращая внимания на то, что говорят другие.

Немного времени спустя после того, как мы в Аньту создали антияпонскую партизанскую армию, он с такой настойчивостью и с такой предприимчивостью организовал в Хэлуне партизанский отряд и стал его командиром.

Несколько лет мы действовали изолированно друг от друга. А снова встретились и стали сражаться в одной части уже в Мааньшане. Произошло это во время формирования новой дивизии. Услышав о том, что формируется новый главный отряд КНРА, к нам в Мааньшань первым прибыл малый отряд Ким Чжу Хена. Тогда у нас крайне не хватало подходящих кандидатов в командные кадры и его появление обрадовало нас, как бы встретились с добрым помощником.

В то время у нас не было человека, который мог бы вести хозяйство отряда, и комиссар полка Ким Сан Хо вынужден был заниматься заодно и этой работой. Создавая часть, я назначил Ким Чжу Хена начальником интендантской службы при командовании. И он взял вожжи интендантской работы части прочно в свои руки.

Со стороны казалось, что он не бегал в хлопотах и не слишком гонял своих подчиненных, но провиант и одежду всегда доставал без особого труда. Хозяйство отряда он вел с блеском.

Отменные качества Ким Чжу Хена, как способного интендантского работника, его сноровка вовсю проявились во время действий отряда в районе гор Пэкту.

Стоило ему только раз сходить в населенный пункт, и сразу же в наш лагерь начинали вереницей тянуться люди с разными материалами. Он мог, стоило ему только захотеть, любой ценой достать все, что угодно.

На протяжении антияпонской вооруженной борьбы было не так много таких случаев, как в 1937 году, когда мы неплохо отметили новогодний праздник. Это могло произойти, разумеется, лишь благодаря усилиям Ким Чжу Хена. Он готовился к празднику со всем усердием, приговаривая: «Это первый для нас новогодний праздник в горах Пэкту. А раз так, то можем ли мы проводить его как заурядное событие?»

Свыше 600 комплектов обмундирования, фуражки, гетры, патронташи, ткань для ранцев и на палатки, 600 пар обуви и внушительное количество зерна – все это было приготовлено Ким Чжу Хеном. Их достал он вместе с О Чжун Хыбом в канун боя в Почхонбо. Отец Ким Чжу Хена когда-то беспокоился, что его сын неспособен и жену свою прокормить, а на горе Пэкту, действуя буквально голыми руками, сын вершил большие дела, взвалив на свои плечи все заботы о питании, одежде и жилье боевой семьи в несколько сот человек.

Когда я с похвалой отозвался о его труде и успехах в интендантской работе, он ответил, что все идет, как положено, просто потому, что в Западном Цзяньдао замечательный народ.

С потрескавшимися губами, покрасневшими от бессонницы глазами Ким Чжу Хен всегда был на ногах. Люди, тронутые его самоотверженностью, старались, как могли, помогать ему в работе.

Бывая среди народа, Ким Чжу Хен, будучи его сыном, всегда дышал с ним одним воздухом, своевременно реагировал на все вопросы людей. А для наших бойцов он стал как бы заботливой доброй матерью. Люди Западного Цзяньдао звали его не иначе, как «наш интендант Ким».

Ким Чжу Хен обладал необыкновенной способностью и умением общаться и сближаться с людьми, легко находил подход к любым, какими бы они замкнутыми ни были. Правдивость его слов, искреннее отношение к людям, честность, скромность и простота в поведении – словом, все благородные человеческие качества настоящего человека привлекали к себе людей.

Именно в этом, как мне казалось, и кроется одна из причин того, что Ким Чжу Хен всегда добивался больших успехов не только в интендантской работе, но и в подпольной деятельности.

Любое дело решать политическими методами – это было его свойство в интендантской работе, которое я заметил. Если мы давали интендантской группе задание изготовить обмундирование,

он доходчиво разъяснял работникам важность этой работы, пути ее выполнения. Он никогда не прибегал к механической передаче подчиненным указаний командования.

Я дорожил его склонностью к политической работе, а поэтому всякий раз, когда возникала необходимость трудной и сложной подпольной работы, чаще всего вызывал его. Направляя в горы передовой отряд для создания Пэктусанской опорной базы, я назначил Ким Чжу Хена его командиром. Цель отправки этого отряда заключалась не только в том, чтобы найти в горах Пэкту место для тайного лагеря, определить маршрут для переброски отряда и собрать информацию о положении во вражеском лагере и настроениях населения в приграничном районе. Отряд должен был найти и подготовить политические силы, способные создать антияпонские подпольные революционные организации. И для выполнения этой задачи следовало параллельно вести и подпольную политическую работу.

Ким Чжу Хен отменно справился тогда с этой работой. То, что Ким Чжу Хен вместе с передовым отрядом сделал в районе гор Пэкту, заслуживает быть отмеченным на бумаге. Ущелье Собэксу, Медвежья гора, пик Сачжа, гора Соно, Хэйсяцзыгоу, Диянси, Дэшуйгоу и многие другие места для тайных лагерей в районе гор Пэкту были подобраны передовым отрядом, который возглавлял Ким Чжу Хен. Он обошел Диянси, Сяодэшуй, Синьчандун, Гуаньдаоцзюйли, Чонривон, Пингандэ, Шанфэндэ, Таоцюаньли, Саньшуйгоу и многие другие села Западного Цзяньдао, нашел множество людей, способных содействовать созданию парторганизаций и развитию движения единого фронта, готовил солидные резервы для революционной армии. Немалая роль была отведена группе Ким Чжу Хена и в популяризации внутри Кореи и в обширных районах Западного Цзяньдао нашей революционной линии, намеченной в Программе ЛВР из 10 пунктов и в ее Учредительной декларации. Успехи передового отряда Ким Чжу Хена послужили своего рода трамплином для подъема нашей антияпонской вооруженной борьбы еще на одну ступень.

Каждый раз, когда возникали трудные задачи, в первую очередь обращались к Ким Чжу Хену. Именно такое место занимал в отряде наш боевой товарищ. Он был сокровищем нашего отряда, которым дорожили все и которое все любили. Высокая ответственность за порученные революционные задачи, высокий политический

уровень, недюжинные организаторские способности, владение искусными методами работы – все это служило образцом, которому нужно было следовать всем командирам. Одним словом, Ким Чжу Хен сочетал в себе и грамотность, и владение военным искусством.

Я всегда хорошо отзывался о его заслугах и его работоспособности. В середине августа 1937 года я назначил его руководителем малой группы, направляемой вглубь страны. Август 1937 года – это был первый месяц после возникновения китайско-японской войны. Как я уже отмечал, в связи с началом этой войны мы планировали развернуть широким фронтом внутри Кореи военно-политические действия, широко организовать диверсионные акты в тылу врага и вызвать новый подъем антияпонской революции в соответствии с требованиями ситуации. Для осуществления этого плана важно было прежде всего создать небольшие отряды из хорошо подготовленных в военно-политическом отношении людей и послать их в качестве авангарда в нужные районы страны, чтобы они на местах развернули деятельность во имя осуществления нашего замысла.

Из революционных организаций внутри страны через разные каналы к нам поступали сведения, что в горах на морском побережье, в южных районах провинции Северный Хамген и северных районах провинции Южный Хамген, таких, как Сончжин, Кильчжу, Менчхон и Танчхон, скрывается немало людей, которые стараются установить связь с КНРА.

Основная задача малого отряда заключалась в том, чтобы отыскать этих патриотически настроенных молодых людей, создать из них партизанский отряд и дать им военную подготовку. Нужно было также организовать необходимый курс лекций для тех, кто не способен участвовать в вооруженной борьбе по состоянию здоровья, и готовить из них членов подпольной революционной организации. Кроме того, отряд должен был вести среди населения массово-политическую работу и поиски нужных людей для расширения подпольных организаций и вооруженных отрядов. Одновременно с этим мы поставили перед отрядом задачу – найти в горных хребтах – Пэктусанском, Мачхонренском и Пучжонренском – места для тайных лагерей, которые смогут служить нашими опорными пунктами в вооруженной борьбе.

Памятуя о важности задач этого отряда, мы включили в него самых надежных людей. Среди них был Пак Су Ман, Чон Иль Гвон

(по прозвищу «Малышка из Вэншэнлацзы»), Ма Дон Хи и Ким Хек Чхор, которые уже неплохо показали себя в подпольной работе. Командир был способным, да и бойцы обладали богатым боевым опытом. На малый отряд мы возлагали большие надежды и оказывали ему доверие. Сами же бойцы были полны энтузиазма и решимости сделать порученное дело как можно лучше. Я ничуть не сомневался, что они, успешно выполнив задание, вернутся к нам.

– Буду ждать хороших вестей!

Провожая малый отряд, я не сказал Ким Чжу Хену ничего, кроме этой фразы. Да и он был из тех, кто без лишних разъяснений хорошо понимал наши намерения. Стоило мне сказать лишь слово, как Ким Чжу Хен забегал уже на десять ходов вперед. Это, можно сказать, было присущим ему качеством. По этой причине, поручая ему задания, я не любил долго распространяться. Если сказать честно, то мое доверие к Ким Чжу Хену было абсолютным.

Отряд вернется в часть, выполнив задачу, меньшее через месяца четыре, самое большое – через пять-шесть. Таковы были наши общие предположения.

Однако, к нашему удивлению, прошло немногим более месяца, как отряд вдруг появился перед нами. Такого поворота дел мы совсем не ожидали. По лицу Ким Чжу Хена я сразу же понял, что работа отряда в Корее закончилась провалом. Его доклад просто поразил меня. Малый отряд не добрался до района Сончжина, где собирались патриотически настроенные молодые люди, и вернулся в часть, действовав лишь в Капсане.

Через канал Ли Чжэ Суна в Синьсинцуне отряд проник вглубь страны, а затем с помощью организации Пак Дара продвинулся в направлении к Хесану. Здесь от местной организации были получены сведения, что японские золотопромышленники хранят на Чунпхенском руднике награбленное золото, готовясь отправить его в Японию.

Получив эти сведения, Ким Чжу Хен принял решение совершить налет на рудник и захватить золотые слитки. Сам того не замечая, он поддался профессиональной привычке интендантского работника. Да и то сказать: несколько золотых слитков стали бы сказочным богатством для материального обеспечения отряда. В результате налета на рудник отряду удалось захватить часть золота. Но за это члены отряда вынуждены были дорого заплатить. Выстрелы на Чунпхенском руднике вызвали большой переполох в стане врага.

Группами по несколько десятков человек враги начали поиски партизанского отряда.

Тем временем, покинув рудник, отряд поднялся на гору за селом Токсан, однако, попав в кольцо окружения, не мог двинуться ни туда, ни сюда. Ким Чжу Хен на клочке бумаги написал записку и пустил ее по ветру.

«Слушайте, балбесы, – говорилось в записке. – Вы, что, еще не знаете нашу неуловимую революционную армию? Мы переправляемся через реку Амнок!»

Прочитав попавшую им в руки записку, враги кинулись в сторону реки Амнок. Воспользовавшись этим, Ким Чжу Хену с бойцами удалось выбраться из вражеского окружения. Так отряду удалось вырваться из окружения, но путь вглубь страны был теперь ему закрыт. Горные районы провинций Северный и Южный Хамген и все тропы, которыми, по предположению врага, могли пройти партизаны-подпольщики, были плотно перекрыты врагами. Вот почему Ким Чжу Хену пришлось вернуться в часть с тем, чтобы попытаться пробраться внутрь страны в другой раз и выполнить возложенное на него задание. Из-за глупой авантюрной выходки и мальчишеского азарта бойцов малого отряда Ким Чжу Хена нам пришлось отложить осуществление нашего плана создать внутри страны вооруженные силы сопротивления и распространить пламя вооруженной борьбы на районы восточноморского побережья, что отвечало бы горячему стремлению нашего народа к независимости и желанию молодежи вступить в армию, достигшему предела после боя в Почхонбо. Ведь патриотическая молодежь страны ждала малый отряд, предварительно определив даже место встречи с ним на Мачхонренском хребте. Но эти люди так и не встретили посланцев революционной армии и разошлись в разные стороны с чувством сожаления и разочарования.

Весть о том, что малый отряд вернулся, так и не добравшись до назначенного места, оставила горький осадок у партизан. Раз такой способный к подпольной работе человек, как Ким Чжу Хен, вернулся, не достигнув условленного места, значит, атмосфера в стране не ахти какая... Партизаны ходили с угрюмыми лицами. Могли даже появиться рассуждения, что расширение вооруженной борьбы и ее распространение внутрь страны пока невозможно. Вот такой серьезной оказалась оплошность Ким Чжу Хена.

Я же не мог поверить, что он совершил ошибку. Его проступок,

сорвавший выполнение задания малым отрядом из-за каких-то несколько слитков золота, нанес огромный, непоправимый ущерб осуществлению нашего замысла. Своеволие Ким Чжу Хена оставило большую брешь в операции КНРА по дезорганизации вражеского тыла и в операции по наступлению внутрь страны. И сейчас я часто задумываюсь над тем, что если бы он с отрядом проник на восточное побережье и встретился там с патриотически настроенной молодежью, то, пожалуй, история нашей вооруженной борьбы была бы более богатой. Честно признаюсь, что мое разочарование и отчаяние тогда были велики...

Кажется, и возмущение мое было необычным. Но, к моему удивлению, хотя все во мне кипело, я не мог высказать ни порицаний, ни упрека в адрес Ким Чжу Хена, который стоял передо мной с опущенной головой в ожидании наказания. Вероятно, когда обида и разочарование достигают предела, трудно подобрать слова для упрека. Не сказав ни слова, я молча смотрел на него...

Созвал заседание парткома командования, на котором рассматривался вопрос о Ким Чжу Хене. Товарищи подвергали его острой критике за серьезность совершенной ошибки. Некоторые в возмущении стучали кулаком по полу. Думается, впервые в жизни Ким Чжу Хен услышал такое. С отрешенным видом он безмолвно сидел на своем месте.

Как справедливо замечали выступавшие на этом заседании, из рук вон выходящее своеволие Ким Чжу Хена основывалось главным образом на близорукости при решении вопроса, что в свою очередь было вызвано зазнайством и чрезмерной самоуверенностью. Он не смог вникнуть в задание, полученное малым отрядом, со стратегической точки зрения. Поэтому стоило ему услышать о золотых слитках, как он просто потерял рассудок. Совершая налет на рудник, Ким Чжу Хен не думал о его последствиях. Как признался он сам, тогда он думал одним выстрелом убить двух зайцев. Иными словами, им владело стремление и захватить золотые слитки на руднике, и в то же время организовать вооруженный отряд из молодежи.

Конечно, я верил в искренность его признания. В нем не было ни капельки лжи. Мы слишком хорошо знали, как честен и чист был Ким Чжу Хен. Но чем бы ни объяснялись его намерения, малый отряд, не добравшись до назначенного места, вернулся назад. Само

собой разумеется, весь отряд был возмущен поступком Ким Чжу Хена и сопровождавших его бойцов.

Конечно, мне хотелось простить Ким Чжу Хена, но об этом я не мог сказать вслух. Как командующий, я не имел права поступаться принципами даже ради друга. Если закрыть глаза на его проступок, руководствуясь личными чувствами, то от этого не будет никакой пользы. Максимум, что я мог сделать для Ким Чжу Хена, – это предоставить ему возможность самому исправить свою оплошность.

Партком командования принял решение освободить Ким Чжу Хена от должности начальника интендантской службы. Я поддержал это решение. Следя за Ким Чжу Хеном, который, получив взыскание, покидает комнату командования с бессильно опущенными руками, я в душе проклинал себя за то, что заранее не смог как следует помочь ему, чтобы он избежал оплошности.

Ведь если бы при отправке отряда я сказал ему хотя бы одно словечко, что ему, не обращая внимания на то, что творится вокруг, нужно идти вперед – и только туда, где ждут товарищи внутри страны, то дело могло бы обернуться совсем по-другому. Признаюсь, я даже не предполагал исключительного, но все же возможного случая, когда интендант, соблазнившись чем-то, пусть это даже и золото, может изменить маршрут отряда.

После смещения с поста начальника интендантской службы Ким Чжу Хен прошел как следует идеологическую закалку. Сегодня такую закалку называют революционной закалкой.

Оставив должность начальника интендантской службы при командовании, Ким Чжу Хен был разжалован в простые повары. Прибыв в назначенный пост, он с первого же дня приступил к новой для себя работе у кухонного котла.

Нелегко было ему стоять у котла перед бойцами, которые до вчерашнего дня были подчинены ему. Обычно люди, оказавшись в таком положении, просят перевести их в другое место. Однако Ким Чжу Хен нисколько не гнушался своей новой работы и не стеснялся должности повара. Наоборот, он работал столь старательно, что другим бойцам становилось даже неловко. И выражение его лица всегда было светлым, да и настроен он всегда был отменно.

Однажды я направился в столовую 8-го полка, чтобы узнать, как живет Ким Чжу Хен. А он как раз в поте лица кормил бойцов, – был час обеда.

Один из бойцов, быстро справившись со своим супом, окликнул

Ким Чжу Хена, стуча ложкой по котелку.

– Эй, повар! А ну, еще чашку супа!

В его голосе слышалась не та нотка, с которой скромно просят добавить супа. В нем явственно слышалось превосходство одного над другим.

Однако Ким Чжу Хен, как ни в чем не бывало, откликнулся:

– Да, да, сейчас принесу.

Зачерпнув поварешкой суп, быстро направился к бойцу, потребовавшему добавки.

Вечером я подозвал того бойца, что нагрубил Ким Чжу Хену.

– Нельзя, – говорил я ему, – без причины кричать или же просто относиться свысока к человеку за то, что он допустил ошибку и освобожден от должности. Если человек провинился, не надо его отталкивать, чураться его или же презирать, нужно тепло относиться к нему и искренне помогать ему.

Боец, как мне показалось, понял свою оплошность. Должность – вещь непостоянная, ведь ты можешь сегодня занимать высокую должность, а завтра – низкую и наоборот.

Поэтому ради сохранения настоящих товарищеских отношений мы должны видеть не должность, а самого человека, который ее занимает. Человек должен с теплотой и от души помогать соседу, если тот попал в трудное положение. Революционеры-борцы в боях с японцами никогда не относились к своим товарищам с прохладцей, не отталкивали их, когда те, провинившись, порой лишались какой-либо должности, а всячески помогали им, чтобы они могли полностью искупить вину.

Прошла примерно неделя, как Ким Чжу Хен начал работать поваром. Во время одного из походов я подошел к нему и приказал ему снять вещевой мешок. В душу подкралась жалость, когда я увидел, как тяжело Ким Чжу Хен шагал с винтовкой и вещмешком, да и еще с кухонным котлом за спиной.

Однако он отказался, заверяя, что ему не совсем тяжело. Я взялся за лямку вещмешка, но он решительно отвел мою руку, когда я попытался снять вещмешок, и поспешил на свое место в строю. Видеть его мне было грустно.

В голову пришла мысль – не обиделся ли он на решение партсобрания, вынесшего ему взыскание со снятием с должности. Я ненароком взглянул на него и увидел – по его лицу текли слезы. Тяжело стало у меня на душе. Почему же плачет этот крепкий

мужчина?

Если рассматривать Ким Чжу Хена как отдельную личность, то это человек, который переживает в душе большое горе и страдания. Его жена погибла во время работы на периферии от рук вражеских карателей, дочь умерла после болезни. А сынишку, свою кровинку, все, что осталось у него, он оставил чужим людям, когда вступил в партизанский отряд. С тех пор Ким Чжу Хен жил одной революцией.

Ночью, когда все заснули, я направился на бивак 8-го полка, чтобы встретиться с Ким Чжу Хеном. И застал там неожиданную картину. Я думал, что Ким Чжу Хен ворочается на постели, будучи не в силах уснуть, но, к моему удивлению, он сидел у ручья и мочалкой чистил котел.

Я предложил ему со следующего дня работу в оружейной мастерской. Там тихо, нет никого, кто играл бы на его самолюбии, да и спокойнее будет на душе. Ким Чжу Хен с заблестевшими от слез глазами заявил, что взыскание будет нести, находясь вместе с командующим, и тогда на душе у него будет спокойно.

– Днем я заметил, как ты тайком от других плакал. Я это понял по-своему. Подумал, что работа на кухне для тебя мучительна, и вот – хотел перевести тебя в оружейную мастерскую, – сказал я.

Ким Чжу Хен улыбнулся и взял меня за руку.

– Нет! Я заплакал от благодарности за то, что товарищ командующий, дав мне взыскание, болеет за меня душой, и мне до боли было совестно за свою собственную неблагодарность. А знаете, чего больше всего я боялся, когда рассматривали мой вопрос на партсобрании командования? Боялся, как бы меня не исключили из отряда и вообще не прогнали. Хочу умереть здесь, если придется умереть... Какой толк жить, если меня исключат из революционных рядов. Спасибо, что не бросили меня, оставили работать на кухне...

Выслушав Ким Чжу Хена, я понял душевное состояние этого человека, до глубокой ночи чистившего у ручья мочалкой котел.

Для него важно лишь быть вместе с нами, а все личное – в сторону. Быть только с нами – и все! Хорошо, если он командир, хорошо, если и повар. Пусть критика, пусть взыскания, лишь бы не исключали из революционных рядов. Вот таким был Ким Чжу Хен.

Люди такого склада воспринимают критику и взыскание товарищей как проявление доверия и любви. Ким Чжу Хен в глубине души крепко задумался, какой ущерб он причинил революции своей оплошностью.

«Я думал, что стал уже настоящим революционером, а на деле, оказалось, до этого еще далеко. Конечно, товарищ командующий оказывает мне доверие, но я еще не дорос до революционера. Критика товарищей полностью справедлива. Благодаря этому случаю я пройду идеологическую закалку и стану крепким, как сталь, партизаном». Подгоняемый этой мыслью, он старался закалить себя, свою волю.

Ким Чжу Хен усердно занимался в те дни, когда работал у котла. В ноябре того года, когда он получил взыскание, члены секретариата командования выпустили брошюрой мою статью «Задачи корейских коммунистов». Он первым достал эту брошюру и зачитывался ею. Занимался он усердно, не щадя здоровья. Бойцы, работавшие на кухне, беспокоились, как бы не свалился их бывший начальник интендантской службы, которого они так уважали. Тайком они вытащили из вещмешка Ким Чжу Хена брошюру и спрятали в расщелине меж камней за палаткой.

Несколько дней Ким Чжу Хен мучился в поисках брошюры. Между тем он даже похудел. Из-за потерянной книги лишился аппетита. Это тоже испугало товарищей. Воспользовавшись его отсутствием, они потихоньку сунули брошюру обратно в мешок, которая была запрятана в расщелине. А затем с невинным видом кто-то заметил:

– Товарищ Чжу Хен, вы посмотрите еще раз, как следует. Куда денется вещь, если она была в вещмешке?

Порывшись снова в вещмешке, Ким Чжу Хен вытащил к своему изумлению брошюру:

– Надо же! Черти, что ли здесь завелись? – обрадовался он, как ребенок.

Идеологическую закалку он прошел отменно. Да, старый революционер, выходец из рабочих, явно отличался от других. Он делал все на таком высоком уровне, что невозможно было смотреть без восхищения, как он старался ради своего перевоспитания. Поэтому я и сейчас говорю нашим работникам: «Если хотите закалить себя, то следуйте примеру Ким Чжу Хена».

На шестой месяц после того, как Ким Чжу Хен был снят с должности начальника интендантской службы, мы назначили его командиром 7-го полка. Мы не стали восстанавливать его на прежней должности, а сделали командиром полка. Это было связано с тем, что его всегда влекло туда, где гремит канонада.

Став командиром полка, он воевал замечательно. Как умный и смелый командир он сполна проявил свои способности во время весенней операции, развернутой главными силами КНРА в 1938 году в Цзяцзайшуе и Шиэрдаогоу уезда Чанбай, а также в Людаогоу, Шуаншаньцзы, Вуцзяине, Цзяцзяине, Синьтайцзы уезда Линьцзян, а также в других крупных и малых боях.

Летом того года из Синьтайцзы он выступил со своим полком в районы Мэнцзяна, Люхэ и Цзиньчуаня, где умело руководил нанесением ударов по врагу с тыла. 7-й полк, возглавляемый им, успешно вел и политпропаганду среди народа. Как только отряд останавливался в населенном пункте, его командир первым с головой уходил в работу с местными людьми.

В октябре 1938 года Ким Чжу Хен вместе с Ким Тхэк Хваном и Ким Ен Гуком в лесах Наньпайцзы, что в уезде Дунган, собирал мед для больных, лежащих в тыловом лазарете, и погиб во время внезапного нападения карательного отряда врага.

И после назначения его на должность командира полка Ким Чжу Хен ни на минуту не забывал о своих соратниках, их нуждах, как это делал в дни интендантства, когда ему приходилось всюду поспевать, чтобы одеть, обуть и накормить отряд. После его гибели боевые товарищи открыли вещмешок, оставшийся после него. Он оказался почти пустым. Не было даже запасной пары обуви – этой необходимой для каждого вещи. Сказав об этом его связному, я услышал в ответ: вчера он отдал ее бойцу, у которого обувь порвалась.

Держа в руках оставленный Ким Чжу Хеном пустой вещмешок, я не мог сдержать нахлынувшие слезы. Ведь если сложить в одну кучу все – и зерно, и ткани для обмундирования, и обувь, – все, что достал он для революционной армии со времен своего интендантства, то получилась бы, наверное, целая гора. Одной только обуви несколько тысяч пар. А сам Ким Чжу Хен отдал бойцам последнюю пару обуви, что хранил для себя в вещмешке.

Его пустой вещмешок заставлял задуматься и об имуществе, и о взглядах на жизнь революционера. Стремиться к счастью – это в природе человека. На свете много таких, кто ценит только золото. В их глазах наш друг был неимущим, у него за душой не было ничего. Я же думаю, что именно Ким Чжу Хен был настоящим миллионером. Это потому, что до последней минуты своей жизни он хранил благородные идеи и дух, которые не купишь за любые горы золота.

3. Готовим крестьян к борьбе

Новая ситуация, сложившаяся после развязывания китайско-японской войны, настоятельно требовала подготовить весь народ к сопротивлению. У нас постепенно созревал замысел – заблаговременно подготовить силы, а затем, когда настанет время, добиться возрождения Родины путем сочетания боевых операций КНРА со всенародным сопротивлением.

В нашей стране, где крестьяне составляли абсолютное большинство населения, развернуть всенародную борьбу без их участия было невозможно. Некоторые утверждали, что трудно считать крестьян ведущей силой революции, поскольку у них, в отличие от рабочих, недостаточно развита организованность и недостаточно высока сознательность. Однако мы не приняли эту точку зрения. Если обеспечить правильное руководство, объединить крестьян в организации, то можно превратить их в мощную революционную силу. К этому выводу я пришел уже во время борьбы за «осенний урожай» в 1931 году. На собственном опыте мы убедились, что крестьянские массы могут стать мощной силой сопротивления, если хорошо подготовить их в революционном отношении.

Наши предки оставили после себя убогое, бедное сельское хозяйство. Когда другие пахали землю, сеяли, а потом убирали зерно при помощи машин, крестьяне нашей страны обрабатывали землю и выращивали зерно, применяя ручной труд дедовских времен.

В оковах феодализма они из поколения в поколение подвергались жестокой эксплуатации, унижениям и оскорблениям со стороны помещиков и феодальных правителей.

Жизнь крестьян еще более ухудшилась после оккупации нашей страны японскими империалистами. Разбойничья, грабительская политика японских империалистов, в том числе «закон о земельном кадастре», «план увеличения производства риса» и «политика переселения корейских крестьян в Маньчжурию», опустошала деревни и сельское хозяйство Кореи и ускорила обнищание крестьян.

Еще в начале оккупации Кореи японские империалисты под видом «закона о земельном кадастре» отняли у крестьян несколько сотен тысяч чонбо земли. Ее распределяли между

генерал-губернаторством, колонизационными компаниями, такими, как «Восточно-колонизационное общество» и Акционерная компания за развитие «Фудзи», и переселенцами из самой Японии.

Впоследствии Япония опубликовала «план увеличения производства риса» и настойчиво проводила его в жизнь. Главная цель заключалась в том, чтобы преодолеть продовольственный кризис в самой Японии, с одной стороны, а с другой – получить огромную прибыль за счет массового экспорта капитала в корейскую деревню.

В «корейском гражданском кодексе», опубликованном японскими империалистами, говорилось: «... Арендатору не полагается требовать освобождения от уплаты за аренду или ее уменьшения даже при понесении ущерба в доходе от непреодолимой силы». Это равнозначно декрету, юридически запрещающему борьбу корейских крестьян за улучшение жизни. Это говорит, что арендаторы не могут пикнуть и должны вести себя покорно даже, находясь на грани голодной смерти. Таким образом с самого начала генерал-губернаторство Кореи на основе установленного режима прочно обеспечивало ограбление крестьян японскими фермерами и классом помещиков. Если принять во внимание положение корейской деревни, где большинство крестьян составляли арендаторы, то нетрудно представить себе, в каком положении оказались крестьяне нашей страны, скованные «гражданским кодексом». Разбойничья эксплуатация японскими империалистами и классом помещиков, стремившимися украсть хотя бы лишний мешок риса, была столь жестокой и алчной, что даже звери покраснели бы от смущения. «Восточно-колонизационное общество» направляло на периферию и в каждое хозяйство своих представителей или агентов и учредило институт надзирателей. Они наблюдали и строго контролировали арендаторов. За неуплату аренды, при малейших признаках «саботажа» полевых работ или выступлений против хозяев сразу же отменялся арендный договор и отнимались наделы.

Японцы-плантаторы располагали даже частной камерой заключения и беспощадно сажали в нее тех, кто выражал недовольство хозяевами или требовал обеспечить право на существование. Помнится, в годы моей учебы в Чхандокской школе в одной из газет была помещена статейка о том, как японцы с плантации Накахара с винтовками в руках наблюдают за корейскими крестьянами, занятыми на полевых работах, угрожая стрелять в них, если они будут «лодырничать». Прочитав ее, я

не мог заснуть от обиды.

Каждый год японские империалисты увозили в свою страну по 7 – 10 миллионов *сок*[20] риса, выращенного кровью и потом корейских крестьян. Вместо него корейцам привозили маньчжурскую чумизу и соевые жмыхи. Представьте, как горько было на душе у корейцев, которым приходилось питаться прогнившей чумизой вместо отборного белого риса, который вывезли японцы.

Не отставали от них и корейские помещики, которые под покровительством генерал-губернаторства выжимали последние соки из крестьян. В одно целое объединились и помещичьи управляющие, и ростовщики.

Реакционная аграрная политика японских империалистов ускорила классовое расслоение в корейской деревне. Быстро росло число крестьян, покидающих село. Сформировалась новая прослойка, именуемая крестьянами-подсечниками. Все вместе создавало присущую колонии печальную картину, порожденную классовым расслоением. Крестьяне, которым было невмоготу больше жить в родном краю, уходили в глухие леса или безлюдные места и занимались там подсечным земледелием. Иначе они были не в состоянии сводить концы с концами. Но и подсечным земледелием они не могли заниматься спокойно. Под предлогом «охраны леса» и «предотвращения лесных пожаров» генерал-губернаторство развернуло «движение по изгнанию подсечников».

В Западном Цзяньдао я встречался с некоторыми крестьянами, которые стали жертвами этого движения. Неизбежным явлением становилось массовое бегство корейских крестьян за границу.

Японские империалисты вытесняли корейцев за пределы страны и в то же время переселяли в Корею большое количество людей из самой Японии, стремясь избежать трудности из-за серьезного перенаселения и нехватки продовольствия. Предусматривалось за 15 лет – первый этап «плана увеличения производства риса» – переселить в Корею 4 миллиона японских крестьян. В сентябре 1925 года Танака Гиити через Общество по изучению конституционного правления Японии опубликовал «план переселения в Корею 10 миллионов японцев». Как только он стал премьер-министром, то, учредив министерство колоний, приступил к реализации этого плана. Можно представить, что стало бы, если в Корею хлынули 10 миллионов японцев, какой бы стала эта страна! Вряд ли наша нация смогла свободно дышать в этой массе японцев.

Реакционная аграрная политика японских империалистов привела крестьян нашей страны к обнищанию и обострила национальные, социальные и классовые противоречия.

Крестьянские массы поднялись на борьбу за право на существование.

После Первомартовского народного восстания в нашей стране одна за другой возникали крестьянские организации – артели арендаторов, Общество взаимопомощи арендаторов, Общество крестьянских друзей, Союз арендаторов. Типичную организацию этого периода, выступавшую за права и интересы крестьян, представляла собой артель арендаторов.

В период владычества японского империализма в нашей стране стачка арендаторов была основным элементом в крестьянском движении. В 20-е годы борьба арендаторов велась главным образом под экономическими лозунгами, такими, как право на аренду и снижение арендной платы. Эти стачки организовывались именно артелями арендаторов.

Крестьянские союзы представляли собой самую типичную и главную форму организации в крестьянском движении в нашей стране до ее освобождения. Организация выдвигала перед крестьянским движением как экономические лозунги, связанные с существованием, так и лозунги, отражающие политические требования, в соответствии с развитием объективной ситуации.

Первой массовой организацией в нашей стране, носившей общенациональный характер, явилось Общество трудовой взаимопомощи Кореи. Имея в своем составе отдел крестьян или отдел арендаторов, общество объединило в них многих крестьян-арендаторов и в значительной мере содействовало развитию крестьянского движения.

В свой начальный период крестьянское движение пережило немало передряг.

Поскольку арендные конфликты принимали все более ожесточенный характер, японские империалисты, подняв на ноги полицию, подавляли их силой оружия, как попало арестовывали пионеров крестьянского движения. С помощью продажных организаций, подведомственных «Крестьянскому обществу Кореи», они всячески пытались умиротворить крестьян и расколоть крестьянскую массу.

Неудачи и зигзаги крестьянского движения начального периода во

многом связаны также с негативными последствиями деятельности национал-реформистов и участников коммунистического движения раннего периода. В те дни большинство руководителей крестьянского движения не были настоящими крестьянами. Среди них оказалось много мелкобуржуазных интеллигентов и национал-реформистов. В социально-исторических условиях того времени это было более или менее неизбежным явлением.

Национал-реформисты, влезшие в руководство крестьянского движения, распространяли среди наивных крестьян «концепцию о несопротивленчестве в движении». Они убеждали, что арендаторам и помещикам незачем ссориться, что надо жить во взаимопонимании и дружбе и тогда споры между ними в один прекрасный день решатся подобно тому, как весной тает снег.

В руководстве крестьянского движения засело и немало участников коммунистического движения раннего периода. Когда же движение начало набирать силу, эти люди, пробравшиеся к его руководству, с головой ушли в грызню за то, чтобы держать крестьянские организации под влиянием своей фракции. Междоусобицы этих людей, которые увлекались только расширением сферы влияния своей фракции, не обращая внимания на интересы крестьян, принесли большой вред крестьянскому движению. Серьезные противоречия и распри возникали между крестьянскими организациями, порой даже внутри одной организации. По этой причине многие из них не могли как следует выполнить свою миссию. Но, несмотря на все эти негативные явления, крестьяне не прекращали борьбу.

На контрреволюционное насилие врагов они отвечали революционным насилием. Типичным примером явилось массовое выступление крестьян фермы «Фудзи» в Рёнчхоне и крупномасштабные восстания крестьян района Танчхона и Енхына (Кымя) в конце 20-х годов. Выступление арендаторов фермы «Фудзи» было массовой борьбой, которая носила насильственный характер. Она велась в тесной связи с молодыми коммунистами, представителями нового поколения, по линии Союза свержения империализма (ССИ), которые были направлены в район Рёнчхона.

В конце 20-х и в начале 30-х годов Красный Интернационал профсоюзов и секретариат подведомственных ему Пантихоокеанских профсоюзов не раз выступали с предложением организовать красные профсоюзы и красные крестьянские союзы в

странах тихоокеанского бассейна. После этого в Корее были предприняты конкретные меры для создания революционных профсоюзов и крестьянских союзов.

В результате в начале 30-х годов в Корее появились красные крестьянские союзы и велась реорганизация крестьянских союзов в красные. Слова «красный» и «левый» употребляли тогда для того, чтобы отличить их от реформистских. Термин «красный» в те времена в коммунистическом движении был очень популярен.

Абсолютное большинство красных крестьянских союзов было сосредоточено в северной части Кореи.

До конца 20-х годов большая часть крестьянских организаций создавалась в южной части страны. И выступления арендаторов чаще отмечались в южной части, чем в северной. Это было связано с тем, что в южной части Кореи, где раскинулась Хонамская равнина, было значительно больше крестьянских хозяйств, чем в северной.

С началом 30-х годов ситуация изменилась. Главный фронт крестьянского движения был перенесен из южной части в северную. Революционных крестьянских организаций стало больше в северной части и число крестьянских выступлений, носивших ожесточенный характер, тоже было больше в северной части страны. Главную причину того, что центр крестьянского движения переместился с юга на север страны, можно видеть в том, что гора Пэкту превратилась в очаг корейской революции и ее периметр географически близок к Цзяньдао и к Советскому Союзу.

Красные крестьянские союзы были организованы не только в северной части Кореи, их сеть существовала и на юге, главным образом в трех южных провинциях.

Вооруженная борьба с японскими оккупантами, организованная и развернутая корейскими коммунистами на Северо-Востоке Китая и в северных пограничных районах Кореи, послужила мощным стимулом для бурного развития красных крестьянских союзов. Откровенно говоря, все крестьянские организации, созданные в северной части Кореи после начала антияпонской вооруженной борьбы, были организованы именно в ходе антияпонских выступлений, развернутых народом внутри страны в тесной связи с нами. Конечно, они не появились стихийно. К примеру, в резолюции крестьянского союза, которая имеется в протоколе судебного разбирательства по делу Менчхонского крестьянского союза, составленном в Хамхынском местном суде, говорится следующее:

«В ходе этой борьбы сожгли канцелярию уездной управы Яньцзи и филиал японского консульства, завязалась перестрелка с японскими солдатами. Они отступали. Под общим командованием Ким Ир Сена крестьянские союзы включились в революционную борьбу».

Это служит наглядным примером того, что крестьянские союзы в северной части Кореи в то время действовали под влиянием антияпонской вооруженной борьбы.

Однако в крестьянском движении, во главе которого стояли красные крестьянские союзы, существовали серьезные недостатки. Они были следствием вредительских акций левых оппортунистов и национал-реформистов.

Левые оппортунисты, надев на организации крестьянских союзов «красные» одежды, образно говоря, развели вокруг них высокий забор и плотно закрыли двери этих организаций. За исключением арендаторов, бедняков и батраков, они рассматривали всех остальных крестьян либо как представителей враждебных классов, либо как неустойчивую прослойку. Этим последним не было позволено даже близко подходить к «забору» крестьянского союза.

Патриотически настроенные середняки и антияпонски настроенные помещики не могли и помышлять о вступлении в красный крестьянский союз. Ходили разговоры, что в одной из деревень дело дошло даже до того, что члены красного крестьянского союза и крестьяне, не состоящие в нем, рыли себе отдельные колодцы. Так что, думаю, не трудно представлять, до какой степени достигла тенденция закрытия дверей в крестьянских союзах в те годы.

Конечно, все эти искривления и выверты охлаждали патриотический пыл людей, не состоящих в крестьянских союзах, и те волей-неволей начинали враждебно относиться ко всем делам крестьянского союза. Даже детей разделили на две категории – детей членов союза и не состоящих в нем.

Другим недостатком в деятельности красных крестьянских союзов был их радикальный стиль работы, которая велась под лозунгом «Уничтожить все!» В любом деле члены красного крестьянского союза вели себя излишне радикально, прибегали без нужды к крайним мерам, считая это проявлением «революционности». К примеру, если верхушка союза намеревается бороться против суеверий, то они тут же идут в церковь, камнями разбивают там оконные стекла, а то и сваливают на крыше крест. Разрушали в храме святые места, затаптывали ногами поставленные на них жертвоприношения. Порой у верующих,

приходящих в церковь, отбирали библию и на глазах у людей разрывали ее в клочья. Иные члены крестьянского союза, получив рекомендацию бороться против ранних браков, нападали во время свадьбы на свиту жениха, отбирали коня или похищали и держали взаперти жениха, срывая свадьбу. Немудрено, что в таких случаях у юных женихов душа уходила в пятки. Они убегали домой, а некоторые от страха даже громко плакали.

Конечно, крестьянские союзы делали немало хорошего в интересах национального и классового освобождения крестьян, исходя из требований реальной ситуации. Но в отдельных случаях их члены вели себя грубо и надменно. Вот почему нашлись и те, которые относились к ним с недоверием и опаской.

Самым большим недостатком в деятельности организаций красного крестьянского союза мы считали отсутствие правильных тактико-стратегических мер для сохранения своей организации. Им было трудно противостоять репрессиям врага, трудно уберечься от вредного воздействия на них фракционеров и национал-реформистов.

Многие организации крестьянского союза вольно или невольно раскрывали себя перед врагом. Руководителям союза следовало бы знать, что использование своих обособленных колодцев в селе может выдать всех состоящих в организациях. Но они просто не думали об этом. А ведь японские агенты, даже спокойно сидя дома, могли, взглянув в окно, узнать, чья семья берет воду из колодца членов крестьянского союза, а чья – из другого.

Некоторые организации имели даже поименные списки членов союза, ведомости уплаты членских взносов, как это делается сейчас в организациях, примыкающих к правящей партии. И это тоже могло выдать организацию. Совершая налеты на явочные пункты, враги не раз получали в свои руки списки членов союза. По этим спискам полицейские арестовали порой всех членов организации до единого. За один раз хватали по 200 – 300 человек.

Эти примеры говорят, что организации крестьянского союза пренебрегали элементарной конспирацией, не обращая серьезного внимания на соблюдение секретности и сохранение безопасности организации, и буквально голыми пошли на противостояние врагам, безрассудно раскрыв себя перед ними. Это давало врагам возможность без особого труда громить все организации крестьянского союза.

Не была установлена система работы, при которой между

отдельными организациями союза обеспечивается солидарность и единство действий.

Все эти недостатки связаны с ошибками и отсутствием опыта руководства крестьянским движением в нашей стране, где отсутствовало правильное коммунистическое руководство организациями крестьянского союза. Верхушка, руководившая движением, не имела научно разработанного плана, правильной тактики и стратегии его развития.

И все же, несмотря на эти обстоятельства, движение красных крестьянских союзов внесли немалый вклад в развитие крестьянского движения в целом в нашей стране. Невзирая на непрекращающиеся повальные аресты, стойкие руководители крестьянских союзов и многие рядовые крестьяне, состоящие в них, вели упорную борьбу против японских империалистов и помещиков за удовлетворение своих политических и экономических требований.

Мы серьезно и со всем вниманием относились к мужеству, массовости и стойкости крестьянских масс, проявленным в ходе движения крестьянских союзов. Мы рассматривали крестьянские массы вместе с рабочим классом как ведущую силу всенародного сопротивления. И это было вполне справедливо.

Начало китайско-японской войны дало нам возможность ускорить подготовку к организации всенародного сопротивления. Главным тут был вопрос: как пробудить сознательность и сплотить в организации крестьян, которые составляют более 80 процентов населения нашей страны. Надо было воспитывать вместе с рабочим классом крестьянские массы страны в революционном духе. Это было важнейшей задачей, которой следовало уделять первоочередное внимание в осуществлении антияпонской революции.

Я считал, что одним из самых эффективных методов подготовки крестьян как силы всенародного сопротивления является перестройка действовавших тогда в Корее крестьянских организаций в низовые организации ЛВР.

Однако многие наши военные и политические работники огульно отрицали роль существующих организаций в стране, раздавая им ярлыки «левого» и «правого» уклона. Они настаивали на том, что не надо принимать во внимание ныне существующие организации крестьянского союза, а надо просто создать новые.

То, что созданные ранее крестьянские организации и прошлое крестьянское движение не имеют никакого значения и,

следовательно, нет смысла возрождать или перестраивать их, – это, я бы сказал, просто нигилистическое отношение к делу. Такие взгляды не только не отвечали требованиям коммунистического движения, но и противоречили основной цели Учредительной декларации ЛВР. Те, кто придерживался такого мнения, игнорировали уже созданные базы и успехи прошлого крестьянского движения. Это не сулило ничего полезного для дела сплочения крестьян.

Наша идея была такова: если эти крестьянские организации и движение выступают против феодализма и империализма, и в первую очередь японского, нужно сплотить их под знаменем единого антияпонского национального фронта, независимо от их званий и заслуг. Весь вопрос был в том, как реорганизовать и переформировать старые организации крестьянского союза, находившиеся накануне роспуска, в соответствии с Программой ЛВР из 10 пунктов и ее Учредительной декларацией.

На собрании командиров, созванном в связи с подготовкой к организации всенародного сопротивления, мы наметили курс: реорганизовать все профсоюзные и крестьянские организации, действующие в стране, в низовые организации ЛВР или держать их под их влиянием. Это означало, что мы будем непосредственно осуществлять руководство революционным движением внутри страны. С таким расчетом мы подбирали подпольщиков для отправки в Корею.

В то время в наших революционных рядах было немало таких товарищей, которые, как Ким Ен Гук и Ан Док Хун, имели за плечами опыт работы в крестьянском союзе в Корее. И в Западном Цзяньдао, недалеко от нас, было много людей, которые в прошлом участвовали в Корее в движении за независимость или в работе крестьянских союзов.

Мы оказывали влияние на направление крестьянского движения в Корее через разные каналы.

В обеспечении нашего руководства движением крестьянского союза кардинальную роль сыграли подпольщики из нашей главной части и члены подпольной организации, подготовленные в организациях ЛВР Западного Цзяньдао. Деятельность подпольщиков, проникших в южные районы провинции Северный Хамген, красноречиво говорит об их заслугах в обеспечении переориентации крестьянского движения в Корее.

После основания Лиги возрождения Родины мы направили в эти районы Чо Чжон Чхора, Рю Ген Су, Чвэ Ген Хва, Чо Мен Сика и

других испытанных подпольщиков. Проникнув в Корею, они изучали актив крестьянского союза, а самых способных людей направляли к нам или в организации крестьянского союза в другие местности.

Хо Сон Чжин, один из руководителей крестьянского союза в Сончжине, тоже связался с нами по рекомендации Ли Бен Сона, подпольщика, выходца из крестьянского союза. По моему приглашению он прибыл в Западное Цзяньдао. Он не смог встретиться со мной из-за последствий инцидента с налетом на Чунпхенский рудник, однако в Капсане ему удалось узнать от Пак Дара о нашей линии на революционное движение в Корее. Вернувшись к себе, Хо Сон Чжин на совещании эмигрантов трех южных уездов провинции Северный Хамген, состоявшемся в сентябре 1937 года, изложил наш курс на революционное движение на территории Кореи. После этого совещания наша революционная линия, в том числе и стратегия создания единого фронта, получила в провинции Северный Хамген широкое распространение.

Находясь в гуще революционеров и активистов крестьянского союза в Корее, подпольщики приобщали их к нашим идеям о всенародном сопротивлении и едином антияпонском национальном фронте, вели работу по созданию организаций, не зная сна и отдыха, – перестроили организации крестьянского союза в низовые организации ЛВР или держали их под ее влиянием.

Благодаря совместным усилиям подпольщиков КНРА и стойких людей из числа руководителей крестьянского союза в стране наметились важные перемены в крестьянском движении.

Характерной чертой деятельности организаций крестьянского союза в Корее были их горячие симпатии к антияпонской партизанской армии.

В докладе о международном и внутреннем положении, сделанном на конференции дружбы женщин, которая проходила в Менчхоне осенью 1936 года, говорилось: «Создан в Шицзюдаогоу рабоче-крестьянский совет. Ким Ир Сен организовал агитбригаду и ведет в Корее агитационно-пропагандистскую работу. ...Товарищи, нет сомнений, что рано или поздно Ким Ир Сен перейдет в Корею».

Приблизительно в то же время в одной из резолюций, принятых местным крестьянским союзом, было сказано: «Уезд Чанбай! При организации совета в ходе боя в Шицзюдаогоу сожжены 3 тысячи тонн леса, лесная контора и японское консульство. Похищено 8

наймитов. Произошла перестрелка с японскими войсками, которые отступили. Эта борьба велась по-революционному под общим командованием Ким Ир Сена». А в специальном выпуске в ознаменование Октябрьской революции газета Крестьянского союза в Кильчжу «Пульгын чхумо» поместила лозунг «Окажем активную помощь отряду Ким Ир Сена!» Все это ясно показывает, какой ярко выраженный политический оттенок носило и какое бурное развитие получило крестьянское движение в период деятельности красных крестьянских союзов по сравнению с крестьянским движением прежних лет, которое уделяло основное внимание лишь экономическим вопросам.

Красный крестьянский союз и другие революционные организации страны с восхищением следили за деятельностью КНРА. Это благоприятствовало обеспечению нашего руководства революционным движением внутри страны.

После того, как мы начали осуществлять руководство крестьянским движением в Корее, в политическом курсе этого движения произошли коренные перемены.

Организации красного крестьянского союза в Корее, отрешившись прежде всего от старого метода выпячивания на первый план классовой борьбы, направили главное острие борьбы против японских империалистов. Отражением такого положения можно считать ряд документов крестьянского союза, в которых можно найти следующие фразы: «Задача... крестьянского союза состоит в том, чтобы недовольство масс Японией обратить на подъем их революционного энтузиазма».

Стойкие руководители крестьянского движения в стране весьма расширили круг людей, которых следует объединить в организации крестьянского союза. Если ознакомиться с документом, в котором излагается содержание встречи передовых деятелей одного из районов, то можно узнать, что руководители крестьянского движения выступили тогда с предложением принимать в первичные организации крестьянского союза не только деревенскую бедноту, но и широкие слои активистов, в том числе выходцев из середняков и кулаков, и начали проводить его в жизнь. При создании организаций крестьянского союза общим правилом стал прием в них всех людей, независимо от того, каким слоям они принадлежат, если они умеют хранить тайну, соблюдать дисциплину и если они тянутся к борьбе. Это отвечало основной цели Учредительной декларации

ЛВР и ее Программе из 10 пунктов. Был и такой красный крестьянский союз, который имел в своем распоряжении комитет мелких собственников, комитет учащихся. Эти комитеты включили в свои ряды галантерейщиков, приказчиков, владельцев закусочных, торговцев-посредников, коммерсантов, чернорабочих и даже учеников начальной школы.

Некоторые организации крестьянского союза Кореи принимали активные меры – включали в антияпонскую борьбу даже помещиков, не потерявших совесть. Одни из них, организуя борьбу против строительства дорог, привлекали помещиков в агитбригады. Направляли своих членов в отряды самообороны и другие низовые органы правления японских империалистов и в наемные организации, чтобы постепенно превратить их в «красные». Таким образом они умело сочетали легальную борьбу с нелегальной. В одной брошюре, выпущенной ими, рекомендовалось полностью и умело использовать все легальные возможности и отмечалось, что теория, отвергающая легальные возможности борьбы, является левооппортунистической.

Ряд организаций крестьянского союза, обеспечивая самостоятельность в действиях, установил определенные связи между местностями, чтобы предпринимать совместные шаги во всех делах, начиная от взаимного информирования о положении дел и кончая определением методов и целей борьбы.

Перемены, происшедшие в движении красного крестьянского союза под нашим влиянием, благоприятствовали преобразованию прежних крестьянских организаций в революционные.

Наши подпольщики рука об руку с товарищами, действовавшими внутри страны, активно приступили к революционной перестройке организаций крестьянского союза. Во многих районах провинций Северный и Южный Хамген появились организации Лиги возрождения Родины, созданные на базе вчерашних организаций крестьянского союза. Многие низовые организации Лиги возрождения Родины, включая и Синичжуский филиал, распространяли свое влияние среди крестьян в бассейне среднего течения реки Амнок. Опираясь на организации ЛВР в Пхеньяне, Нампхо, Чхольвоне, Сеуле, Инчхоне, Тэгу, Пусане, Чончжу и Кванчжу, наши люди создали тогда среди крестьян средней и южной частей Кореи революционные организации под различными названиями.

Наши подпольщики и местные товарищи на Родине сплачивали

крестьянские массы организационно и одновременно с этим, делая упор на пробуждение их сознательности, вооружали крестьян духом самостоятельности и независимости, внушая им, что добиться возрождения Родины нужно силами самого корейского народа.

Печатные издания крестьянских организаций того времени широко печатали комментарии к Программе Лиги возрождения Родины из 10 пунктов.

Эта воспитательная работа побудила крестьянам осознать свою историческую миссию. Крестьянские организации упорно вели среди крестьян антияпонскую пропаганду, направленную своим острием против колониального господства империалистической Японии, и чаще знакомили крестьян с международным и внутренним положением, закономерностями развития общества, перспективами корейской революции, активной борьбой КНРА, стремясь, чтобы крестьяне обрели веру в окончательную победу.

Посланные в районы горы Кувор и Пексона, наши подпольщики с помощью Мин Док Вона, действовавшего в стране, по-революционному перестроили крестьянский союз района Пексона. После этого Мин Док Вон вместе с активистами района Пексона морем отправился в Инчхон и там энергично занимался повышением сознательности членов местных профессиональных и крестьянских союзов.

В середине июля 1937 года и Ким Чен Сук через район Пхунсана отправилась в Танчхон и Ривон. По дороге, в селе Пхабар уезда Пхунсан, она встретилась с Ли Ин Мо и обстоятельно обсудила с ним вопрос о расширении организации ЛВР, сделав ее ядром людей, состоявших в красном читательском кружке.

Ли Ин Мо был одним из свидетелей события, когда группа бойцов Корейской революционной армии, направленная внутрь страны, совершила налет на Нэчжынский полицейский участок в селе Пхабар и расправилась со злодеем – старшим полицейским по прозвищу «Опаси». Под влиянием этого события прогрессивно мыслящие жители Пхунсана, организовав красный читательский кружок, повели антияпонскую борьбу. Ли Ин Мо тоже состоял в этом кружке. В 1932 и 1933 году он дважды попадал в тюрьму, где пробыл около года.

Из беседы с Ли Ин Мо, имевшей место недавно, я узнал, что он два раза побывал в Эрдаогане, являвшемся важным оперативным районом КНРА, чтобы установить связь с нами. Он был и в

Тонхынчжине, когда группа Южноманьчжурского партизанского отряда совершила туда налет. Ему очень хотелось вступить в партизанский отряд. Но, несмотря на активные попытки, ему не удалось найти связных нашей организации и пришлось вернуться домой, так и не встретившись с нами. Это, конечно, было очень досадно. Если бы Ли Ин Мо удалось тогда встретиться с нами, то его жизненный путь сложился бы совершенно иначе.

Ли Ин Мо два раза был брошен в тюремную камеру, но он не прекратил борьбу. Будучи членом Революционного комитета района Пхунсана, он вел активную работу в его Пхабарском сельском отделении ЛВР, в рабочем ударном отряде на стройке Хвансувонской плотины, в производственном партизанском отряде Ансан – Хучхирена.

Примерно в последней декаде сентября 1938 года Ким Чен Сук снова встретилась в Пхунсане с Ли Ин Мо и его товарищами из Революционного комитета района Пхунсана. На встрече были обсуждены вопросы расширения и укрепления организации, выработана гибкая тактика деятельности в тылу врага.

После встречи с Ким Чен Сук Ли Ин Мо не жалел своих сил для расширения низовых организаций Лиги возрождения Родины. Сфера его деятельности простиралась до Сеульской коммунистической группы, которую мы считали одним из необходимых звеньев в руководстве коммунистическим движением в стране. Это была самая яркая страница в деятельности Ли Ин Мо. Вместе с Чу Бен Пхо он посвятил эту группу в нашу линию на возрождение Родины и стал передатчиком нашего влияния на участников движения в Сеуле.

Чу Бен Пхо, который непосредственно посвятил Ким Сам Рёна в нашу политическую линию, был для Ли Ин Мо старшим в период существования красного читательского кружка в Пхунсане. Уже в годы учебы в Тонхынской средней школе в Лунцзине он участвовал в антияпонском движении учащихся. С 1937 года он, учась в одной из школ Сеула, часто приезжал в Пхунсан и завязал тесную связь с коммунистами, находившимися под нашим влиянием. В эти дни ему удалось связаться с Ким Чен Сук, действовавшей в то время в районе Пхунсана, и сравнительно глубоко понять нашу линию, нашу стратегию и тактику, направленные на осуществление революции в стране. Ким Чен Сук вместе с ним обсудила, как объединить в наше движение единого антияпонского национального фронта коммунистов центральной Кореи, главным образом Сеула.

Ли Ин Мо вспоминает, что в то время Ким Сам Рён очень обрадовался, ознакомившись с нашей линией на создание единого фронта.

Чу Бен Пхо и Ли Ин Мо прилагали большие усилия для того, чтобы, находясь в гуще промышленных рабочих в районе Сеула, где имелись предприятия металлургической, текстильной промышленности, типографии, красильни, пошивочные мастерские, организовать профсоюзные организации, вовлекая в них передовых рабочих, подготавливая базу для организации всенародного сопротивления, и осуществить наше руководство революционными организациями внутри страны.

Ли Ин Мо сделал многое в интересах революционного движения в Корее и в то же время ему принадлежат немалые заслуги в деле расширения организаций Лиги возрождения Родины в Японии. Летом 1940 года по распоряжению Чу Бен Пхо он направился в Токио с «Программой Лиги возрождения Родины из 10 пунктов», и превратил в революционную организацию Пхуньуское товарищество учащихся в Токио, организованное из числа уроженцев Пхунсана, которые обучались, своим трудом зарабатывая себе деньги на это.

Так, Ли Ин Мо не был сверхъестественным человеком. Олицетворением стойкости убеждений и воли, человеком всемирной известности его сделали организация Лиги возрождения Родины и борцы горы Пэкту, которые прошли огонь и воду и медные трубы, разбрасывая семена ЛВР по всем уголкам страны, раскинувшейся на три тысячи *ли*.

Завершив работу в Пхунсане, Ким Чен Сук отправилась в район Танчхона, на побережье Восточного моря. Среди передовых людей района Танчхона мы обратили особое внимание на Ли Чжу Ена, одного из руководителей местного крестьянского союза, который в прошлом был причастен к обществу Синганхвэ и в 1930 году участвовал в крестьянском восстании в Танчхоне.

С помощью одного из членов местной организации ЛВР Ким Чен Сук встретилась с Ли Чжу Еном, который семь лет просидел в тюрьме по делу о Танчхонском крестьянском восстании. В то время он лечился в горах, в одном храме.

Ким Чен Сук тепло поговорила с Ли Чжу Еном, который много пережил за последнее время, да вдобавок еще и прихватил в тюрьме болезнь. Потом она проинформировала его о нашей линии на

создание единого антияпонского национального фронта и курсе на всенародное сопротивление. Она сказала, что нужно повышать сознательность крестьянских масс и привлечь их в организацию, таким образом ускорять подготовку сил для всенародного сопротивления.

Ли Чжу Ен сказал в ответ, что еще недавно он много суетился, бегал туда и сюда, внушая себе, что занимается каким-то движением. Но теперь оглядываясь на прошлое, он ощущает опустошенность в душе и ему кажется, что это он на старом судне с испорченным компасом без ориентира плавал по морю, а сейчас у него такое настроение, будто он – на борту совсем нового судна. Дал слово быть преданным революции.

Закончив работу с Ли Чжу Еном, Ким Чен Сук встретилась с Ли Ёном на берегу моря у Чхахо, в Ривоне. Ли Ён – сын патриота Ли Чжуна, главного героя инцидента с тайным посланником в Гааге. Он был арестован по делу о Пукчхонском крестьянском союзе, а после освобождения из тюрьмы организовал антияпонское общество и руководил его деятельностью.

После того, как его отец Ли Чжун погиб, вспоров себе живот в Гааге, Ли Ён, следуя завету отца «посвятить себя деятельности во имя страны», на некоторое время занялся движением Армии независимости. Но вскоре интерес к этому движению у него угас, он понял, что движением Армии независимости с его громкой вывеской не может свершить великое дело, поскольку у него нет правильного руководства.

Одно время Ли Ён активно участвовал и в коммунистическом движении. Но фракционные группировки, оторванные от масс и подобные маслу, плавающему на воде, только и знали, что проводить время в грызне в своих корыстных целях. Поэтому он отошел от них. В крестьянском союзе, к которому он подключился впоследствии, тоже все ссорились между собой. Длинноволосые «под Маркса» деятели, восседая в верхушке крестьянского союза, указывали крестьянам, как тем поступать.

Не в силах больше терпеть, Ли Ён однажды высказался с осуждением одного из таких длинноволосых. Но тот сильно обидел его:

– Откуда ты взялся, такой наглый? Думаешь, если ты сын Ли Чжуна, то тебе дозволено вести себя так? Кто тебе сказал, что если на далекой чужбине пролить кровь, призывая других предоставить

независимость, то можно получить ее?..

Ли Ён после этого бил себя в грудь и горько плакал. Он мог терпеть оскорбительное отношение к нему, но сердце его как бы разрывалось на части от мысли, что оскорблен патриотический дух отца. Эта боль не утихала в его сердце несколько лет...

После участия в движении Армии независимости, в коммунистическом движении раннего периода, в движении крестьянских союзов он пришел к выводу, что, какими бы мощными силами ни обладали массы, они не в состоянии ничего сделать без выдающегося руководителя.

Ли Ён, с одной стороны, сплачивал товарищей в организацию, а с другой – изо всех сил старался найти канал связи с горой Пэкту.

Ким Чен Сук передала Ли Ёну наш план подготовки сил для всенародного сопротивления путем сплочения крестьян в районе южнее перевала Хучхи.

Ли Ён выразил твердую решимость отдать себя делу возрождения Родины, осуществляя наш замысел. Говорят, что при расставании с Ким Чен Сук он отметил, что благодаря нам продолжает жить дух Кореи. Он даже назвал меня «законным президентом» корейского государства.

Мне довелось как-то читать книгу «Кымранчжигечжон», которую в качестве воспитательного пособия использовали революционные организации в северных районах Кореи.

Выяснил, где она создана. Оказалось, ее выпустили пукчхонцы. У села Чхонхын уезда Пукчхон есть сосновый бор.

Пейзаж здесь изумительный, а уголок очень тихий, поэтому издавна здесь любила собираться местная знать, чтобы слагать здесь стихи о природе.

Активисты Пукчхона, известные своим высоким антияпонским духом, создавая организацию «Кымранге», включили в нее прежде всего представителей местной знати. Это было сделано, чтобы усыпить бдительность полиции. Само слово «Кымранге» означало, что если достичь единодушия, то сила будет такой крепкой, как крепка сталь, а душа будет благоухать, как орхидея. Смысл слова – крепкая дружба между друзьями. По названию организации можно понять, что состоит она из близких друзей.

Активисты Пукчхона в основном были членами «Кымранге». Вместе с представителями знати они часто собирались в сосновом бору. Делали вид, будто слагают стихи, но на самом деле занимались

идеологическим самовоспитанием. Один из старших членов организации, который пользовался у многих людей уважением за свой широкий кругозор и эрудицию и который слыл ученым, написал книгу «Кымранчжигечжон». Именно в ней встречается выражение «законный президент».

В сентябре того же года Ли Ён создал партийную группу района Пукчхона и стал ее руководителем. Первыми членами партгруппы стали активисты Чхахоского антияпонского общества. Приведя в действие эту партийную группу, Ли Ён сплотил вокруг Лиги возрождения Родины Чхахоское антияпонское общество и окрестные крестьянские союзы и профсоюзы, готовя силы для всенародного сопротивления главным образом в том районе Восточного побережья, который расположен южнее перевала Хучхи.

После того, как удалось установить связь с горой Пэкту, в жизни Ли Чжу Ена произошла большая перемена. Получив новое боевое задание, он в обещанный жене день отправился не домой. Он встал на путь борьбы. Покидая родной край, он думал о своей горячей любви к жене, которая целых семь лет ухаживала за мужем в тюрьме. Но, поборов в себе это чувство, Ли Чжу Ен решительно расстался с женой, пришедшей к нему в храм.

Покинув храм, он на протяжении восьми лет, до самого освобождения страны не знал тепла домашнего очага и жил в одиночестве. Уходя от вражеской слежки, он много перемещался по стране. И везде он вместе с товарищами отдавал все свои силы и ум делу воспитания рабочих и крестьян в духе антияпонской борьбы.

После освобождения страны Ли Чжу Ен и Ли Ён так же хорошо работали, как и в те годы, когда они боролись против оккупантов, обращая свои взоры и надежды на гору Пэкту.

В числе руководителей организаций крестьянского союза страны, которые под знаменем Программы ЛВР из 10 пунктов вели активную деятельность для развития движения единого фронта, для подготовки ко всенародному сопротивлению, был и человек по имени Ли Вон Соб. Это был руководитель антияпонской подпольной организации района Кильчжу. Ему удалось преобразовать крестьянский союз в низовую организацию Лиги возрождения Родины. В 1932 году в Ванцине вместе со своими товарищами он участвовал в налете на управление общественной безопасности в Даканьцзы. Целью налета было приобрести оружие для только что созданной антияпонской партизанской армии. Впоследствии по

поручению организации он перешел на территорию Кореи и долгое время работал там в подполье. Члены организации, которой он руководил, готовы были идти в огонь и в воду, если дело касалось помощи революционной армии. Ли Вон Соб доставал на Кильчжуской целлюлозной фабрике писчую бумагу и посылал ее в горы Пэкту. В те годы крестьянские организации восточного побережья открыто доставляли на автомашинах различные предметы первой необходимости для революционной армии вплоть до Синпха и Хесана.

Деятели крестьянского союза активно вели среди крестьян агитационно-пропагандистскую работу, призывая людей ко всенародному сопротивлению, чтобы откликнуться тем самым на нашу вооруженную борьбу.

Члены Чонпхенского крестьянского союза даже в тюрьме не прекращали пропаганду, рассказывая заключенным о нашей борьбе. Деятели крестьянских союзов района Менчхона тоже пропагандировали о нас не хуже их, призывали людей на борьбу против японских империалистов.

Не перечесть всех павших патриотов, которые, поддерживая нашу линию борьбы, самоотверженно действовали внутри страны в дни подготовки ко всенародному сопротивлению. Вместе с нашими подпольщиками многочисленные известные и неизвестные революционеры во всех уголках страны собирали воедино вокруг Лиги возрождения Родины сотни тысяч и миллионы крестьян.

После перестройки организаций крестьянского союза на революционный лад крестьянское движение в нашей стране развивалось в тесной связи с антияпонской вооруженной борьбой. Это создало благоприятные условия для еще более быстрого развития крестьянского движения в целом. Крестьянские организации страны вели борьбу за претворение в жизнь Программы ЛВР из 10 пунктов, внося огромный вклад в укрепление единого антияпонского национального фронта и в подготовку ко всенародному сопротивлению. В ходе этой революционной борьбы в стране мы потеряли многих руководителей и патриотов – членов крестьянского союза.

Как и рабочее движение, крестьянское движение занимает достойное место в истории антияпонской национально-освободительной борьбы в нашей стране, ведущей осью которой была антияпонская вооруженная борьба. Мы не должны забывать

революционеров старшего поколения, которые противостояли разгулу фашистского японского оккупационного режима и отдали свою жизнь борьбе за возвращение суверенитета нашей нации и за классовое освобождение крестьян.

4. Чвэ Чхун Гук и его отдельная бригада

Летом 1937 года, когда разразилась китайско-японская война, главные силы Корейской Народно-революционной армии действовали главным образом в районах Чанбая и Линьцзяна, ожидая прибытия отдельной бригады, которая отправилась туда из Северной Маньчжурии.

Костяк отдельной бригады составляли те товарищи, которые делили с нами горе и радость с первых дней создания партизанского отряда.

Уже говорилось, как согласно решению Яоингоуского совещания, состоявшегося весной 1935 года, отряды Народно-революционной армии, находившиеся в Восточной Маньчжурии, вступили в обширные районы Южной и Северной Маньчжурии и активно вели совместные операции вместе с китайскими отрядами. Мы в Северной Маньчжурии проводили совместные операции с частями 5-го корпуса. В те дни мы отправили часть бойцов Ванцинского и Хуньчуньского полков в район Саньцзяна, где действовали Ким Чак и Чвэ Ён Гон.

В дальнем пути к месту встречи с боевыми друзьями в Северной Маньчжурии они пополняли свои силы, выросли в крупный отряд. Весной 1937 года отдельная бригада должна была прибыть в Западное Цзяньдао. Секретарем парткома бригады и комиссаром 1-го полка был Чвэ Чхун Гук. Корейские товарищи из отдельной бригады оказывали искреннюю помощь китайским отрядам и китайцам в Северной Маньчжурии. В дни сражений в Ванцине Чвэ Чхун Гук отличился в работе с китайскими жителями и бойцами китайских антияпонских отрядов и пользовался их особой любовью и уважением.

После Сиганского совещания я отозвал в Западное Цзяньдао бойцов отряда, который был раньше оставлен в Северной Маньчжурии.

Долгожданная отдельная бригада прибыла в район Линьцзяна лишь через довольно много дней после завершения боя в Почхонбо и события 7 июля.

Внешний вид всех бойцов бригады поразил нас. Одежда была

разорвана в клочья, до предела изношена обувь, ноги обернуты тряпками, перевязанными шнурком, а у кого и соломенной веревкой.

Я гладил Чвэ Чхун Гука, одетого в оборванный мундир, по спине и как мог утешал его:

– Ведь еще с дней Ванцина тебе приходится бедствовать и отдавать все силы, выполняя трудные задачи.

– Простите, Полководец! Я виноват перед вами. Прибыл с опозданием, а в пути потерял немало достойных товарищей – ротного Чвэ Ин Чжуна и комвзвода Пак Рён Сана, – роняя крупные капли слез, сказал он.

По словам товарищей, землю Северной Маньчжурии им пришлось оставить в начале мая, после чего на дальний переход у них ушло целых несколько месяцев. Расстояние от Иланя, откуда они вышли, до бассейна реки Амнок составляло десять тысяч *ли*. Чего только не пришлось испытать этим людям в таком далеком и трудном пути!

Рим Чхун Чху все жалел, что потерял коробочку для иголок, которую берег как сокровище еще с семнадцати лет. Он говорил, что в этой коробочке были две дорогие золотые иглы, которые истончились после лечения ими многих людей.

– Поход выдался очень тяжелый. А когда вижу здесь эти палатки, чувствую, будто оказался в сказочном царстве. Даже не вспомню, когда в последний раз отдыхал в палатке! – говорил Рим Чхун Чху.

Я тут же вызвал начальника интендантской службы и распорядился выдать прибывшим палатки, чтобы люди хорошенько отдохнули, а также одеть всех в новое обмундирование. Но Чвэ Чхун Гук и другие командиры сразу после ужина снова пришли ко мне. Они сказали:

– Товарищ командующий, вы просили нас выспаться, чтобы снять усталость после дороги. Но нам не до сна. Ведь мы – у командующего после долгой разлуки. Товарищ командующий, расскажите нам, пожалуйста, о китайско-японской войне.

Оказывается, несколько месяцев совершая кровопролитный поход, они ничего не знали об этой войне. Узнали о ее начале они только спустя немало дней.

Я разъяснял им сложившуюся ситуацию.

– Событие 18 сентября завершилось оккупацией Японией Маньчжурии. Но после события 7 июля такого не будет. Сейчас китайский народ поднимается на всенародное сопротивление против

агрессивных войск японского империализма. И у Чан Кайши больше нет лазейки, чтобы избежать войны против Японии. По инициативе Коммунистической партии Китая образован единый национальный антияпонский фронт с Гоминьданом. На этой основе главные силы Красной армии северо-западной части Китая преобразованы в 8-ю армию Национально-революционных войск под командованием Чжу Дэ. Если Красная армия и армия Гоминьдана в взаимодействии будут вести затяжную войну, то Японии, обладающей ограниченной государственной мощью и вооруженными силами, трудно будет осилить их. Сейчас японские войска выглядят внушительно и идут вперед неудержимой лавиной, но на флаге Японии уже видны симптомы ее предстоящего краха. В связи с китайско-японской войной мы уже не раз проводили совещания, приняв соответствующие решения. Наша задача состояла в том, чтобы согласно курсу, принятому на совещаниях, в тылу врага активно заниматься диверсиями и, расширяя и укрепляя революционные силы внутри Кореи, готовиться к общенародному сопротивлению. Главными со стратегической точки зрения районами, где мы будем действовать, осуществляя тактику дезорганизации вражеского тыла, являются бассейн реки Амнок и Южная Маньчжурия. Основным фронтом китайско-японской войны стал северокитайский фронт. И для доставки туда военных материалов японцам придется пересекать бассейн реки Амнок и Южную Маньчжурию. Потому мы развертываем свою основную деятельность в бассейне реки Амнок. И вам в будущем предстоит действовать там или же в Южной Маньчжурии...

Прибывшие очень сожалели, что не смогли принять участие в боях Почхонбо и на горе Цзяньсаньфэн.

Чвэ Чхун Гук рассказывал, что в Северной Маньчжурии он встречался со многими корейцами из частей Объединенных антияпонских войск и что все они страстно желали попасть в горы Пэкту. Во время боя за уездный центр Илань Чвэ Чхун Гук повидался и с Чвэ Ён Гоном. Он подробно рассказывал об этой встрече.

Обняв Чвэ Чхун Гука, Чвэ Ён Гон с волнением говорил:

– Ты, по слухам, из отряда командующего Кима? Очень рад! Будто я встретился с командующим Кимом. Очень жаль, что не состоялась наша встреча с ним. Слышал, что командующий Ким приезжал в Северную Маньчжурию повидаться со мной и Ким Чаком, но,

поскольку встреча так и не состоялась, отправился в горы Пэкту.

Он говорил это с чувством глубокого сожаления.

После освобождения страны Чвэ Ён Гон частенько вспоминал и о встрече с Чвэ Чхун Гуком во время боя за уездный центр Илань. Это был серьезный бой, в котором участвовали многие отряды Северной Маньчжурии во главе с отрядом Чвэ Ён Гона и отряды, прибывшие туда из Восточной Маньчжурии. Конные отряды, действовавшие в разных местах Северной Маньчжурии, покрыв расстояние в 200 – 300 *ли,* ночью внезапно атаковали врага, а перед рассветом молниеносно покидали поле боя. Боясь ночной темноты, противник обеспечил электрическое освещение вокруг казарм и земляной крепости. Фонари ярко освещали все вокруг. Бойцы отряда Чвэ Чхун Гука разбили все фонари меткими выстрелами из винтовок. Эти выстрелы и вспышки лопающихся лампочек так напугали врагов, что они и не думали вступить в бой.

После этого вновь сформированная отдельная бригада получила наше распоряжение – двинуться в направлении Западного Цзяньдао. Такое решение, как говорили бойцы, привело их в большое волнение. И если товарищи из отдельной бригады, которые должны были отправиться в Западное Цзяньдао, от радости не сели за стол целый день, то Кан Гон, Пак Киль Сон и другие, которым предстояло остаться в Северной Маньчжурии, от еды отказались, совсем упав духом.

Поход отдельной бригады на юг был полон трудностей и лишений.

В день, когда он получил распоряжение, Чвэ Чхун Гук разослал связных всем подразделениям, расквартированным в разных местах. После этого он распорядился, чтобы бойцы переоделись в форму армии и полиции Маньчжоу-Го и спустились в равнину, чтобы смело шагать по большаку. Получив ощутимый удар в боях, враги прочесывали леса, проводя карательные операции против партизан. Вот почему Чвэ Чхун Гук рассчитывал, что равнина свободна от врага. Благодаря этому отряду удалось, передвигаясь по шоссе, за неделю без единого боя добраться до окрестностей городка Дунцзин.

Поход начался гладко. Но после того, как к этому отряду присоединились другие и когда командовать походным отрядом стал комбриг Фан Чжэньшэн, возник хаос.

По словам Рим Чхун Чху, Чи Бен Хака, Ким Хон Пха, Ким Рён Гына и других участников похода, все дело было в том, что комбриг

Фан Чжэньшэн и партийный секретарь бригады Чвэ Чхун Гук придерживались совершенно противоположных взглядов на методы командования войсками.

Миновав Дунцзин, отряд часто сталкивался с крупными силами врага. Поэтому Чвэ Чхун Гук, чтобы при походе избежать боевых действий и жертв, серьезно предложил разделить бригаду на небольшие отряды. Это было разумное предложение, отвечавшее требованиям партизанской войны. Фан Чжэньшэн же настаивал на своем. Его главный аргумент заключался в том, что, рассредоточив бригаду, трудно собрать ее снова, что разобщенность ослабит боеспособность бригады, что она всегда должна действовать в полном составе, а иначе это уже не бригада. Он отверг предложение Чвэ Чхун Гука и упрямо настаивал на продолжении похода крупным отрядом.

Это дало себя знать в частых стычках с врагом. Росло число погибших. Все это тормозило деятельность бригады. Но даже и в этих условиях бойцы, все как один, с нетерпением ждали дня рейда на Родину, преодолевая неимоверные трудности. На руках Чвэ Чхун Гука скончался тяжело раненный юный партизан. В последнюю минуту жизни он просил похоронить его на земле Кореи. Но при тех обстоятельствах осуществить его желание было невозможно.

Тело погибшего было сожжено, и Чвэ Чхун Гук взял горсть пепла. Завернув в бумагу, он передал его управляющему делами, чтобы тот хранил пепел в своем вещмешке. Чвэ Чхун Гук хотел, чтобы хоть горсть пепла партизана была захоронена на Родине.

Чтобы сократить потери бойцов, он предложил потихоньку угнать и использовать строевых коней, которые паслись на траве. Их количество превысило сотню.

– Мы уже обнаружены врагом, – говорил Чвэ Чхун Гук. – Если бы мы шли небольшими группами, то смогли бы замести следы. Но ты, командир, не пошел на это, и мы не смогли избежать беды. И в конце концов мы потеряли много товарищей. Если и дальше будем действовать, как сейчас, нам не избежать еще больших потерь. Надо быстро ускользнуть, пока враги нас не окружили. Давайте изловчимся и сделаем так, чтобы враги не преследовали нас, а волочились далеко за нашим хвостом. Если сядем на коней, инициатива перейдет к нам. Можно будет заманить врагов по нашему усмотрению, а потом уничтожить. Если действовать пассивно, как сейчас, бригаде не избежать разгрома.

Фан Чжэныпэн не принял и этого предложения, сказав, что конный переход равен самоубийству. Никакие уговоры на него не действовали. Тогда предложение Чвэ Чхун Гука пришлось вынести на рассмотрение парткома бригады.

Все члены парткома поддержали тактический вариант Чвэ Чхун Гука. На конях, взятых в качестве трофеев, – а их было в общей сложности более ста, – посадили раненых и ослабевших и продолжали поход в южном направлении. Те, кому не досталось лошади, погрузили свои вещи на лошадей. Скорость движения отряда увеличилась.

Преследовавшие бригаду враги, как и предполагал Чвэ Чхун Гук, остались далеко позади, плелись на хвосте. Под Гуаньди бригада, наконец, разгромила преследовавших ее врагов. А лошадей впоследствии пришлось использовать для питания бойцов.

Теперь отряд, казалось, мог сделать хоть небольшую передышку, но на участке близ железнодорожной линии Дуньхуа – Хаэрбалин снова не повезло: там кишмя кишели вражеские войска.

Комбриг настаивал, что надо вернуться назад. Он говорил, что иного выхода, кроме отступления, нет.

Чвэ Чхун Гук возражал:

– Надо идти вперед, хотя бы на один шаг в направлении реки Амнок. Глупо поворачивать назад. Если столкнуться с врагом на обратном пути, это станет опаснее. Ведь враг наверняка дополнительно послал вслед за нами большие силы.

– Но как же нам тогда продолжать поход? – разгорячился комбриг.

Жаркий спор продолжался.

В это время по расположенной неподалеку дороге передвигалась часть марионеточной армии Маньчжоу-Го. Заметив эту колонну, Чвэ Чхун Гук предложил идти за ней по пятам. Выслушав его, комбриг вытаращил глаза:

– Что ты сказал? Вслед за врагами?

Чвэ Чхун Гук стал объяснять:

– Видишь, те солдаты тащат с собой пушки. Вряд ли им есть время оглядеть вокруг. Если они и заметят нас, следующих в хвосте колонны, то подумают, что это свои. Им и в голову не придет, что партизаны среди белого дня идут вслед за ними. Пойдем за ними и как только пройдем зону железной дороги, незаметно свернемся в лес...

Против такого предложения на этот раз не выступил даже

комбриг.

По инициативе Чвэ Чхун Гука бригаде удалось незаметно пройти зону железнодорожной линии. Но и после этого ей приходилось вести встречные бои с большими и малыми карательными отрядами врага. Недалеко от Пяохэ бригада два дня подряд вела жестокий бой с частью врага численностью более 500 штыков. В этом бою многие бойцы потеряли свои вещмешки. Как выяснилось позже, потерян был и мешок управляющего делами, в котором хранился пепел юного бойца, который просил похоронить его на земле Родины.

Чвэ Чхун Гук снова решительно сказал, что единственный путь вызволения бригады из сжимающегося кольца вражеского окружения – это продолжение похода небольшими отрядами. Но командир бригады Фан Чжэньшэн на этот раз снова стал упорствовать: «Таким образом, быть может, и удастся спасти одну-две роты, но вся бригада в целом подвергнется полному разгрому. Ты говоришь, что необходимо рассредоточиться на малые группы. Это все равно, что спасти свою шкуру. Мы должны сохранить свою жизнь, если это возможно, но если нет, то умрем все вместе».

На заседании бригадного парткома обстоятельно обсуждались предложения двух командиров.

Возмущенный нерешительностью комбрига, Чвэ Чхун Гук, стукнув себя кулаком в грудь, сказал с жаром:

– Здесь нет никого, кто думал бы только о своей шкуре. Все мы не боимся смерти. Но зачем погибать без пользы, не добравшись до цели? Если мы по дороге потеряем всех товарищей, которые горят желанием ступить на родную землю, то нам, командирам, не искупить этой вины. Если из-за глупости одного или двух командиров погибнут все бойцы и погибнем мы сами, то, спрашивается, кто же будет вести великую антияпонскую войну и революцию? Чтобы сохранить силы бригады и добраться до Западного Цзяньдао, надо перейти к походу разобщенными группами. Иного выхода у нас просто нет ...

Почти все командиры, участники заседания, критиковали и осуждали командира бригады, требующего только вести поход крупными отрядами, как авантюриста. А некоторые товарищи заклеймили его как труса, рядившегося в одежду товарищества. Думаю, что ко всему этому были основания. Так и произошло: впоследствии этот человек действительно капитулировал перед

врагом. Конечно, в стан врага он перешел не добровольно. Захваченный врагом в плен, он не устоял перед угрозами, шантажом, соблазнами и обманом, встал на сторону врага. В чем же было дело? Это неважно. Ростки капитулянтства и измены, думается, уже давно дали себя знать в его характере. Слабость воли, шаткость убеждений и трусость часто проявлялись у него в повседневной жизни. Было ясно, что Фан Чжэньшэн просто струсил. Он понимал, что если разделить бригаду на небольшие отряды, то от него уйдут боеспособные подразделения и опытные командиры, что грозит ему гибелью.

После заседания парткома в Пяохэ отдельная бригада продолжала поход мелкими группами, что помогло ей выйти из вражеского окружения.

А Фан Чжэньшэн так и не смог «переварить» критические замечания товарищей. Особенно он был зол на Чвэ Чхун Гука.

Здесь стоит сказать, что Фан Чжэньшэн был офицером старой Северо-Восточной армии, имел нормальное военное образование. Что касается его должности, то он имеет право на командование бригадой. В противоположность ему, Чвэ Чхун Гук был выходцем из низших слоев, не имел возможности посещать даже начальную школу. Лишь вступив в партизанскую армию, он начал учиться грамоте и военному делу и стал командиром. Но Фан Чжэньшэн не понимал, что достоинства человека не всегда определяет его образованность. Говорили, что спустя несколько дней, во время боя при форсировании реки Сунгари, Фан Чжэньшэн сам признался в своих ошибках и неправильных поступках. Бригада от разобщенного похода снова перешла к походу большим отрядом, собрав все группы. К закату солнца отряд вышел на берег Сунгари неподалеку от Наэрухуна. После затяжных дождей река разлилась и была похожа на бушующее море. Нужно было скорее, до появления врагов, переправляться, но для переправы была лишь одна лодка, в которой могли уместиться всего-навсего пять-шесть человек. Пришлось переправляться на этой лодке. Уже занималась утренняя заря, но оставалось еще много бойцов, которые не успели переправиться.

Все – и те, кто оказался на противоположном берегу, и те, кто еще ждал очереди на этом, с тревогой и беспокойством смотрели то на медленно движущуюся лодку, то на восток, где уже занимался рассвет.

Именно в эту пору у реки появились враги. Чвэ Чхун Гук сказал, что он отвлечет их на себя, чтобы бригада смогла вся переправиться через реку и скрыться в лесу возле Люшухэцзы. Взяв с собой более десятка смелых бойцов, он пошел навстречу врагам. Маневр удался. Чвэ Чхун Гук отвлек их в сторону, а остававшиеся на переправе благополучно переправились через реку. Остановившись у Люшухэцзы, бригада несколько дней ждала смелых бойцов Чвэ Чхун Гука. На четвертый день Чвэ Чхун Гук и его отряд в полном составе прибыли. И не с пустыми руками: каждый из бойцов нес на себе запас где-то приобретенного продовольствия.

И только тогда Фан Чжэньшэн, взяв Чвэ Чхун Гука за плечи, попросил у него извинения.

Слушая рассказы о жизни и боях отдельной бригады в Северной Маньчжурии и о походе на юг, я больше всего радовался тому, что все бойцы бригады не только оправдали наши ожидания и с честью выполнили задание. Они окрепли и возмужали по сравнению с тем временем, когда они расставались с нами.

Взять, к примеру, самого Чвэ Чхун Гука. Конечно, он и тогда, когда был с нами, отличался как боевой командир, в совершенстве овладевший искусством партизанских боев, и как безупречный политработник. Однако его военный талант и командирские способности достигли полной зрелости в дни пребывания отдельной бригады в Северной Маньчжурии и во время похода на юг.

Чвэ Чхун Гук с детства батрачил у чужих людей. Физически он возмужал на стройке железной дороги. Вступив в партизанский отряд, умный Чвэ Чхун Гук быстро усвоил приемы стрельбы и строевую подготовку. Его личные качества и способности произвели на меня благоприятное впечатление, и я назначил его политруком роты. Взволнованный, он обратился ко мне, говоря, что еще зелен во всех отношениях и неспособен работать политруком, обязанность которого – учить других, что самое подходящее для него – бить японцев и их прихвостней, а потому он хотел бы остаться рядовым...

Я сказал ему:

– Нужно передавать бойцам твою любовь к Отчизне и твою ненависть к японским империалистам. Это и будет успешное выполнение обязанностей политрука.

Я дал ему блокнот, на первой странице которого написал: «Надо заниматься, даже если для этого придется писать на земле!»

С тех пор Чвэ Чхун Гук учился и занимался боевой подготовкой

усерднее, чем кто-либо. Он овладевал родной письменностью и одновременно самоучкой усваивал иероглифы.

Стремление выучиться иероглифике в нем пробудил такой случай.

Однажды Чвэ Чхун Гук спросил у меня, что значит слово «ичжонхварен» (тактика внезапного исчезновения и появления – ред.). Я разъяснил смысл этого словосочетания по иероглифам.

– Ба! Какая чудесная штука – эти иероглифы. Жаль, что не выучился им в школе *содан,* – пробормотал Чвэ Чхун Гук.

С тех пор он всегда носил в своем вещевом мешке иероглифический словарь.

Я уже упоминал, каким трудным и ожесточенным было сражение за Сяованцин, которое длилось более девяноста дней. Однако даже в эти девяносто дней Чвэ Чхун Гук не бросил занятия иероглифами.

Однажды, будучи в роте Чвэ Чхун Гука, находящейся на Третьем острове, я сказал ему, что политрук должен уметь и танцевать, и хорошо петь, что это поможет ему сделать свою роту отрядом, заряженным энергией и оптимизмом. После моих слов каждый вечер он украдкой занимался на дворе танцами, избегая при этом посторонних взоров. Он так увлекся этим, что ротная повариха Ко Хен Сук, которая, выйдя на двор в предрассветные сумерки, случайно увидела танцующего Чвэ Чхун Гука, прибежала к ротному и испуганно сказала, что у политрука, видать, что-то с головой не в порядке. Выслушав ее, командир хохотал до слез. Впоследствии эта история стала известным анекдотом на Третьем острове.

Вот таким добросовестным и прямодушным был Чвэ Чхун Гук. И, признаться, в дни сражений в партизанском районе Восточной Маньчжурии труднейшие задания я всегда поручал его роте.

Во время Мацуньской операции, когда более девяноста дней мы вели ожесточенный бой против пяти с лишним тысяч вражеских солдат, 2-я рота Чвэ Чхун Гука выполняла у нас роль главной опоры. Когда я оставлял опорную базу, чтобы ударить по врагу с тыла, то всегда оставлял его, поручив оборонять базу. Он беспрекословно и отлично справлялся с заданиями.

Доверяя Чвэ Чхун Гуку, я всегда оставлял его вместо себя, когда отсутствовал, и посылал его на важнейшие участки, куда я не мог явиться по тем или иным причинам. Это стало у нас нормой. Именно по этой причине мы с Чвэ Чхун Гуком были вынуждены постоянно жить далеко друг от друга, хотя оставались по-человечески очень

близки.

Наблюдая за духовным ростом Чвэ Чхун Гука, я мысленным взором оглядывал своих соратников, проявляющих незаурядный военный талант в бурях антияпонской войны.

Чвэ Хен, Ан Гир, Ким Чак, Чвэ Ён Гон, Ли Хак Ман, Хо Хен Сик, Кан Гон...

Среди видных военачальников антияпонской армии, за голову которых враги обещали большие деньги, никто не получил регулярного военного образования, кроме одного Чвэ Ён Гона, который одно время служил инспектором в военной школе Вампу. И не было таких, кто еще несколько лет назад мечтал бы стать военным, не говоря уже о военном обучении. А теперь они выросли, стали талантливыми военачальниками и способными политработниками.

Любуясь загорелым, опаленным пороховым дымом лицом доверчивого Чвэ Чхун Гука, я предался размышлениям. «Мы уже вырастили немало надежных людей, которым вполне можно доверить целый стратегический район. Когда наступит час, разделив между ними отряды, я дам им задания по завершению операций за освобождение Родины: один пойдет в провинцию Северный Хамген, другой – по Ранримскому хребту, а третий – в сторону гор Тхэбэк. Если вместе с отрядами, отправленными в разные районы страны, повсюду поднимутся производственные партизанские отряды, если встанет весь народ, то японский империализм будет разбит и мы добьемся окончательной победы».

В ночь прибытия отдельной бригады после ее долгого отсутствия мы вместе с Чвэ Чхун Гуком прилегли в палатке, как это бывало на Третьем острове, во 2-й роте, в ванцинские годы. Встреча была волнующая. За разговорами и воспоминаниями мы и не заметили, как бежит время. В ту ночь Чвэ Чхун Гук говорил мне:

– Если бы нас не поддерживала мысль, что мы идем в горы Пэкту, мы все попадали бы на полпути. Но мы горели одной мыслью: нужно ступить на родную землю живыми. Это спасало нас во все критические моменты, поднимало на ноги изможденных до предела людей. Когда мы сражались с врагом в Ванцине, мне довелось несколько раз побывать в родных местах, в Онсоне, но в последние годы я ни разу не был там, на Родине. Вдохнуть бы запах родной земли!

От его слов у меня защемило сердце, я крепко взял его за руку:

– Похоже, дружище, что тебе не так скоро удастся побывать на

Родине, хотя ты и тоскуешь по ней.

И мне приходилось поделиться с ним своими мыслями в ту самую ночь, хотя намеревался сделать это через день-другой.

Командование Объединенных антияпонских войск, действовавших в Восточной и Южной Маньчжурии, тогда ломало голову над острой нехваткой военно-политических кадров. Карательные операции врага против южноманьчжурских отрядов наносили им большой урон. 1-й корпус переживал серьезные трудности. Недаром японцы заявляли публично о «полной ликвидации коммунистических бандитов в Южной Маньчжурии и обеспечении общественной безопасности». В связи с началом китайско-японской войны Южная Маньчжурия стала стратегически еще более важным районом. Для расширения и усиления здесь партизанской борьбы прежде всего нужно было пополнить ряды умелыми военно-политическими работниками. К тому же из-за гибели комдива Цао Гоаня в южноманьчжурских отрядах возникла неотложная необходимость принять чрезвычайные меры для охраны командиров. В охранный отряд, который должен был стать ядром дивизии и корпуса, должны были войти лучшие военные и политические работники и закаленные бойцы. Таково было общее мнение командиров. Учитывая такие обстоятельства, уже весной Вэй Чжэнминь попросил меня передать ему в подчинение бригаду Чвэ Чхун Гука, когда она прибудет к нам.

Прекрасно понимая трудное положение южноманьчжурских отрядов, стратегическое значение партизанской борьбы в Южной Маньчжурии и трудности и беспокойство Вэй Чжэнминя, я не мог отказать ему в этой большой просьбе.

Я просил Чвэ Чхун Гука извинения за то, что не удовлетворил его просьбу. А он, наоборот, стал меня утешать.

– Раз требует революция, – говорил он, – мне придется снова расстаться с вами. Но не надо сокрушаться. Придет время, когда мы снова будем вместе и ступим на родную землю.

– Спасибо за эти слова! Признаться, хотелось оставить рядом с собой хотя бы тех товарищей, с которыми жили вместе в Ванцине. Однако Лаовэй (Вэй Чжэнминь) пуще всего зарится как раз на таких людей...

Услышав весть о прибытии отдельной бригады, Вэй Чжэнминь пришел к нам на следующий же день. Встретившись со мной, он сказал многозначительным тоном:

– Рассказ товарищей из отдельной бригады произвел на меня большое впечатление. Судьба отряда все-таки зависит от командира. Неизбежна гибель отряда у неумного командира. Фан Чжэньшэн недостоин быть командиром бригады. Я собирался поручить ему комендантский полк, но придется отказаться от этого намерения. Говорят, что в Советском Союзе в период гражданской войны Красной Армии очень помогли офицеры – выходцы из царской армии. Но нам не повезло. Честное слово, это беда, когда трудно подобрать достойного командира, способного командовать комендантским полком...

В его словах читалось скрытое намерение заполучить командира и комиссара полка из числа корейцев.

В тот же день мы созвали совещание и на нем подвели итоги похода отдельной бригады. Высоко оценив подвиги Чвэ Чхун Гука, который умело направлял поход бригады, отметили наградами бойцов, отличившихся в походе. Подвергли заслуженной критике Фан Чжэньшэна и некоторых командиров, слепо следовавших за ним. Заканчивая совещание, я подчеркнул, насколько важно сейчас умелое применение тактики партизанских боев с численно превосходящим врагом.

«Если мы возьмем на вооружение тактику не партизанской, а регулярной армии, то это будет глупо, и мы уподобимся ласточке, которая хочет охотиться за насекомыми, не летая в небе, а бегая по земле. Как говорится в древней методике ведения боя, побеждает тот, кто знает – воевать или нет, и хорошо воюет тот, кто сначала лишает неприятеля возможности победить, а потом использует шанс, чтобы осилить его. Где бы мы ни были, мы должны побеждать любых врагов, применяя гибкую партизанскую тактику...»

На том совещании, где подводились итоги похода, присутствовали и Вэй Чжэнминь, и другие китайские командиры и бойцы. Поэтому я выступил с речью как по-корейски, так и по-китайски.

После подведения итогов похода мы сформировали комендантский полк. Командиром его назначили командовавшего раньше комендантской ротой нашей части Ли Дон Хака, а комиссаром – Чвэ Чхун Гука. Выделили и Рим Чхун Чху, чтобы он помог Вэй Чжэнминю лечиться, непосредственно находясь в его отряде. Всех других бойцов, числившихся в отдельной бригаде, тоже перевели в этот полк. И вот, наконец, сбылась мечта Вэй

Чжэнминя – получить комендантский полк, сформированный из лучших командиров и политработников – корейцев и испытанных бойцов.

Вэй Чжэнминь не скрывал своей радости, но немало людей, переведенных в комендантский полк, были не в настроении: не осуществилось их желание быть вместе с нами. И даже Рим Чхун Чху просил включить его в группу подпольщиков, направляемую внутрь страны.

Через несколько дней сформированный комендантский полк вместе с Вэй Чжэнминем отправился в направлении района Хуенаня в Южной Маньчжурии. Накануне отправки Чвэ Чхун Гук пришел ко мне попрощаться. Только что минуло 15 августа по лунному календарю. Стояла светлая лунная ночь. Мы присели на траву возле палатки командования и обменялись несколькими фразами на прощанье.

– Ты еще не успел разуться после похода по Северной Маньчжурии и снова отправишься – в Южную Маньчжурию. Прости, что не дал тебе передышки и снова отправляю в дальние края...

– Что вы говорите. Ваше доверие умножает мои силы...

– Говорят, что враги охраняют Хуенань самым строгим образом. Береги себя! Не вздумай рисковать и спешить, как во время налета на полицейский пост у переправы в Онсоне.

... Этот налет произошел в начале 1935 года. Чвэ Чхун Гук с бойцами своей роты переправился через реку Туман и напал на Чандокскую переправу. Мы организовали этот бой как пробный перед выступлением в пределы страны, к которому готовились с давних пор. Полицейский пост у переправы главным образом подвергал проверке людей, переправлявшихся через реку. Полицейские этого поста обращались с людьми очень грубо. Из-за них членам подпольной организации пришлось изрядно попотеть, переправляя через эту переправу материалы и грузы для армии со стороны Онсона. Порой товары подвергались конфискации. Подпольная революционная организация Онсона обратилась к нам с просьбой хорошенько проучить этих полицейских. И мы дали роте Чвэ Чхун Гука боевое задание – совершить налет на пост.

В предрассветной мгле Чвэ Чхун Гук и его бойцы незамеченными перешли через замерзшую реку. Расставив вокруг бойцов, сам он вошел в помещение поста. В нем дежурил один полицейский. В

сложившейся ситуации можно было бы легко справиться с ним без большого шума выстрела. Но произошло непредвиденное. В комнате Чвэ Чхун Гук заметил, что полицейский пинает ногами мальчика-побегушку, который не успел вовремя истопить печь. Чвэ Чхун Гук не выдержал и выстрелил в негодяя. И ему не удалось, как намечалось, провести агитацию перед людьми, собравшимися у поста для регистрации перед переправой через реку. Пришлось незамедлительно исчезнуть.

Налет был малый, в его ходе расправились лишь с одним полицейским. Но эхо его оказалось большим. Прошел слух, что поскольку перед лицом многих людей партизанский отряд в составе нескольких бойцов совершил налет на пограничный пост, то теперь нетрудно догадаться, какие большие события произойдут дальше. Это послужило сигналом к операции по уничтожению врагов, впоследствии активно развернувшейся на той стороне рек Туман и Амнок.

– Тогда я еще был зеленым. Если бы не действовал сгоряча, обдумывал бы свои шаги посерьезнее, то получилась бы настоящая агитация, вселяющая в народ силу... Моя несдержанность помешала добиться основной цели...

Чвэ Чхун Гук все еще жалел, что не успел тогда провести агитационную работу среди людей, собравшихся возле полицейского поста.

– Плохое никогда не случится, если действовать смело. Но командир всегда и во всех делах должен быть серьезным и спокойным, – говорил я ему.

– Теперь на твоих плечах судьба не только полка, но и командования корпуса. И во всем надо быть осмотрительным и серьезным. Учти, что строго-настрого запрещается безрассудный риск. Ты должен вернуться к нам живым и для осуществления великого дела возрождения Родины. Когда начнется операция по освобождению Родины, я обязательно отозву вас к себе. Я в долгу перед вами, поскольку не дал возможности участвовать в бою в Почхонбо, но я отплачу этот долг сторицей...

Кажется, мои слова задействовали на Чвэ Чхун Гука. В отличие от тех времен, когда он отправлялся в Северную Маньчжурию, теперь он расставался со мной в хорошем настроении.

И в Южной Маньчжурии он прекрасно выполнил возложенные на него революционные задания, поддерживая тесную связь с нами.

Отправляя Чвэ Чхун Гука в Южную Маньчжурию, я дал ему задание привлечь на свою сторону отряды Армии независимости, действующие в бассейне реки Амнок, и прежде всего в Хуаньжэне, Цзиане и Тунхуа. В выполнении этих задач он добился больших успехов. Посылая мне письма, Вэй Чжэнминь всякий раз с гордостью информировал о делах комендантского полка. Содержание одной из его корреспонденции, посланных через связного, и сейчас еще живо в моей памяти. В ней сообщалось, что Чвэ Чхун Гук одним письмом подчинил своей воле несколько сотен солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го. Вот как это было.

Его полк проходил неподалеку от важного военного пункта врага. По данным разведки, Чвэ Чхун Гук знал, что там расквартированы только часть марионеточной армии и военная полиция Маньчжоу-Го численностью в несколько сот человек. И он послал письмо командиру этой части.

«Мы не считаем китайцев врагами, да и не желаем сделать их врагами, – говорилось в письме. – У нас нет намерения драться с вами. И вы, в свою очередь, не трогайте нас. Сейчас нам нужен отдых. Мы намерены побывать в Фуэрхэ и сделать короткий привал в вашей крепости. Предупреждаю, чтобы вы не мешали нашему отдыху...»

Он прислал это письмо, хорошо зная моральное состояние солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го, которые думают, как бы избежать боев с партизанской армией.

В ответе, полученном от связного части армии Маньчжоу-Го, говорилось, что она удовлетворит все требования революционной армии, и содержалась просьба подождать полчаса. За эти 30 минут, пока революционная армия должна была бы ожидать, маньчжоугоские солдаты, покинув крепость, уходили в горы. Им нужен был предлог для оправдания, когда японская армия привлечет их к ответственности за то, что они, находясь в крепости, допускали вступление партизанской армии в нее.

Полк Чвэ Чхун Гука, войдя в крепость, отдохнул. И была проведена политическая работа среди местных жителей.

На землю опускались сумерки, а солдаты марионеточной армии Маньчжоу-Го в горе тревожно посвистывали. Свистками они давали понять о своем тревожном состоянии. Они боялись, что вдруг появятся японские солдаты, но просить партизан покинуть крепость они не решались. Чвэ Чхун Гук отдал отряду приказ о выступлении и

написал записку командиру части марионеточной армии.

«Благодарю за хороший отдых. И впредь считайте нас друзьями и помогайте нам. Японский империализм – общий враг корейского и китайского народов, непременно потерпит поражение. Победят корейский и китайский народы», – говорилось в записке.

Применяя подобные методы, Чвэ Чхун Гук умело работал со многими солдатами маньчжоугоской армии и помог им встать на путь борьбы с японскими захватчиками. К моему большому удивлению, автором многих писем, написанных на китайском языке в адрес командиров отрядов марионеточной армии Маньчжоу-Го, являлся именно он.

Во второй половине 30-х годов он все время вдоль и поперек исходил безбрежные просторы Южной и Северной Маньчжурии, активно помогая китайским партизанским отрядам Объединенной антияпонской армии в их деятельности. Народ и революционеры Китая уважали его как интернационалиста. Всюду китайские друзья с чувством глубокой любви и уважения говорили о его заслугах в борьбе за пролетарский интернационализм и корейско-китайскую дружбу.

Спрашивается, что же заставило Чвэ Чхун Гука превратиться в знаменитого военачальника антияпонской армии, известного по всей Южной и Северной Маньчжурии того времени?

Каждая минута антияпонской революционной борьбы неузнаваемо изменяла людей. В обычное же время на это потребовались бы дни, месяцы и даже десятилетия. Подобно тому, как в огне железо превращается в сталь, в огромном водовороте, именуемом революцией, бывшие неграмотные и нищие, униженные и оскорбленные выросли в борцов, героев, пионеров своего времени, стали хозяевами, преобразующими общество и творящими новую эпоху.

Чвэ Чхун Гук посвятил всю энергию и помыслы этой революции и неустанно закалял себя в борьбе.

Приведу один интересный эпизод, показывающий его человеческие качества.

... После освобождения страны Рим Чхун Чху посетил дом Чвэ Чхун Гука, который, справив свадьбу, только что обзавелся семьей. Рим Чхун Чху в шутку спросил у его супруги, нравится ли ей муж. Застенчиво улыбаясь, она спросила, правда ли, что ее муж партизанил. Потом рассказала о случившемся несколько дней тому

назад, в день, когда в части Чвэ Чхун Гука проходили спортивные состязания.

В тот день члены семей военнослужащих были приглашены на это мероприятие. Супруга Чвэ Чхун Гука, одевшись по-праздничному, тоже пришла посмотреть состязания. Вернувшийся вечером домой Чвэ Чхун Гук недовольно спросил жену:

– Вот что, милая, разве у тебя нет красивой одежды? Вся наша часть была в сборе, а ты появилась там в платье из конопляного холста...

Жена весело рассмеялась от слов «конопляный холст».

Ведь он не смог отличить ажурную ткань из рами от грубого конопляного холста.

– Что ты, это совсем не конопляный холст, а ткань из рами. Одежда из нее считается лучшей для лета.

– Неужели?..

Чвэ Чхун Гук растерялся и даже покраснел. И извинился перед женой.

Рассказав об этом, она сказала, что никак не может представить себе, как смело воевал с японцами такой добрый человек.

Выслушав ее, Рим Чхун Чху громко рассмеялся, а потом серьезно проговорил:

– Вы видели своего мужа таким, какой он есть. Товарищ Чвэ Чхун Гук – действительно добрый, чистосердечный человек. Несколько лет он переживал за то, что во время налета на полицейский пункт у переправы в Онсоне не успел смыть кровь, которая текла из носа мальчика-побегушки от побоев полицейского. Однако ваш муж – человек, чрезвычайно сильный духом. Хорошенько присмотритесь к его левой ноге и вы увидите след от раны. Пуля раскрошила ему кость ноги. Я оперировал его без наркотиков и зашил рану. Он перенес страшную боль, не издав ни одного стона. С народом и друзьями он тихий ягненок, для врага тигр, а перед трудностями – стальной человек. Вот таков ваш муж. Поживете – узнаете, какой он стойкий человек.

Однако, вопреки словам Рим Чхун Чху, супружеская жизнь двух людей, у которых все было еще впереди, очень скоро оборвалась.

Прошло чуть больше месяца с начала Великой Отечественной освободительной войны. 30 июля 1950 года Чвэ Чхун Гук, будучи командиром 12-й пехотной дивизии, участвовал в бою за освобождение Андона. На подступах к городу он получил

смертельную рану. Когда начальник штаба дивизии Чи Бен Хак подбежал к Чвэ Чхун Гуку, тот лежал в машине, стоявшей у дороги. Он был в критическом состоянии. Чи Бен Хак окликал его. Чвэ Чхун Гук с трудом приоткрыл веки и попросил военврача продлить его жизнь хотя бы на пять минут. За эти последние пять минут своей жизни комдив, собрав последние силы, конкретно объяснил начальнику штаба свой оперативный план окружения и окончательного уничтожения врага в Андоне.

– Прошу вас до конца выполнить за меня приказ товарища Верховного Главнокомандующего.

Эти слова стали завещанием Чвэ Чхун Гука. Он произнес их перед смертью, держа Чи Бен Хака за руку.

В день, когда пришла печальная весть о гибели Чвэ Чхун Гука, я никак не мог поверить ей. Передо мной живо вставал образ Чвэ Чхун Гука, чуть похрамывающего на левую ногу, которая чуть уменьшилась из-за повреждения кости во время ранения, полученного в дни антияпонской войны. Несмотря на хромоту, он пешком прошагал потом десятки тысяч *ли*. В первые после освобождения страны дни работал на посту начальника филиала курсов по подготовке сотрудников органов безопасности. Вместе с курсантами он форсировал реки, преодолевал крутые горы и скалы. Он отдал всего себя укреплению военной мощи страны.

В Онсоне, его родном краю, омываемом рекой Туман, была воздвигнута бронзовая статуя Чвэ Чхун Гука в военной форме периода антияпонской революционной борьбы. В юные годы он, держа в страхе врага, беспрепятственно переходил через эту реку, словно перешагивал порог своего дома.

Однажды авторы статуи навестили супругу Чвэ Чхун Гука, чтобы узнать побольше о нем, о его характере.

Они задали ей свой первый вопрос:

– Расскажите, пожалуйста, о самом ярком из воспоминаний о товарище Чвэ Чхун Гуке.

– Нет ничего особенно впечатляющего. Если есть что-то, можно сказать, что он очень скупой на слова. За годы нашей супружеской жизни я услышала от него, кажется, не более сотни слов. Наверное, если бы ударил меня по лицу из-за крутого характера, тогда запомнился бы ...

Жена Чвэ Чхун Гука очень жалела, что у нее нет в памяти деталей супружеской жизни, которые остались бы в памяти. Потом сказала

многозначительно:

– Поговорите со вторым сыном. Он – вылитый отец. Характер мягкий. Но, чтобы походить на отца во всем, надо быть сильным духом. Пока этого не замечаю. Но думаю непременно вырастить его именно таким...

В отличие от первых лет совместной жизни она хорошо знает, каким замечательным человеком был ее муж.

Да, чрезвычайно мягким и чрезвычайно сильным человеком был Чвэ Чхун Гук, отважный командир времен антиялонской борьбы.

5. Сентябрьское воззвание

В связи с началом китайско-японской войны мы в сентябре 1937 года опубликовали Воззвание ко всем корейским соотечественникам и направили в пределы Кореи большую группу подпольщиков. Я сам решил тоже проникнуть внутрь страны. Цель была одна – открыть штурмовой проход в подготовке ко всенародному сопротивлению там, где была сосредоточена большая армия рабочего класса. Первым местом назначения был район Синхына провинции Южный Хамген, вторым – район Пхунсана. Нас сопровождало около десятка человек.

Территория Родины вся оказалась под контролем врага, и за нами по пятам следовала опасность. Пробраться вглубь страны в такие дни с несколькими охранниками – по правде говоря, было делом весьма рискованным.

Наши военные и политические работники не раз уговаривали меня отказаться от похода в страну. Когда я собирался в путь, облачившись в европейский костюм, «старик с трубкой» ворчал: «Виданное ли дело – командующему в таком виде явиться в окрестностях Хамхына! Да там, говорят, у врагов усиленная охрана!»

Но я не изменил своего решения. В то время на мою психику сильнее всего действовала досада за ущерб, понесенный в результате неудачи операции, которую предпринял малый отряд Ким Чжу Хена в стране.

Требования Сентябрьского воззвания я воспринимал серьезно, как обращенные к самому себе.

Когда я выложил свое намерение проникнуть вглубь Родины, больше других смутились Ким Чжу Хен и члены его малого отряда. Ким Чжу Хен даже думал, что именно его отряд, загубив важное дело, вынудил командующего пойти на осуществление операции в стране. На самом деле на моем решении отразилось и чувство недовольства.

В Сентябрьском воззвании, – так называли это обращение, поскольку оно было опубликовано в сентябре, – мы придавали особое значение двум основным вопросам. Первый – это необходимость распространить верное представление о характере

связи между китайско-японской войной и корейской революцией, чтобы наш народ, абсолютно уверенный в правоте своего дела, активнее включился в борьбу против японских империалистов.

В те дни многие из образованных людей, читающих газеты, впали в пессимизм, считая невозможным добиться независимости Кореи в условиях, когда расширялась китайско-японская война и росли военные успехи японской армии. С началом августа того же года Чвэ Нам Сон, Юн Чхи Хо, Чвэ Рин и другие так называемые знатные лица один за другим публиковали в газетах внутри страны и за ее пределами статьи, проповедующие соглашение с японскими империалистами.

Мы тоже читали такие статьи.

Чвэ Нам Сон, например, писал: «Существование и процветание Японии – сила Азии и свет Востока. Все нации Востока должны добиваться всеобщего сплочения во главе с Японией».

Чвэ Нам Сон — один из авторов Первомартовской декларации о независимости, некогда заявил, что гора Пэкту – наивысшая воля всего сущего Востока, важнейшее ядро культуры Востока, самый великий источник сознания Востока, исконная родина народов Востока, главная ось их деятельности. Движение всех событий Востока берет свое начало от горы Пэкту. Куда ни повернись, освежающий твою голову ветер дует с горы Пэкту, а вода, которой ты утоляешь жажду, проистекает из недр горы Пэкту; вспахиваем и засеиваем мы землю Пэкту, собираем с нее урожай и делаем ее плодородной. Просто удивительно, что такой человек, переменившись в один прекрасный день, принялся теперь утверждать, что в существовании Японии – сила Азии и свет Востока.

Чвэ Рин ратовал за то, чтобы проявлять «искренность гражданина», добиваясь «единого целого Японии и Кореи». Слишком вероломно и предательски звучат его высказывания, если иметь в виду, что он тоже – один из 33 зачинателей Первомартовского движения за независимость Кореи.

Юн Чхи Хо заявил, что корейцы и японцы, говоря образно, это два члена экипажа одной лодки, которые разделяют одну общую судьбу. Те, кто сведущ в корейской истории нового времени, хорошо знают, что Юн Чхи Хо – сановник периода старой Кореи. Он был человек высоких чинов, решительно выступавший против «аннексии Кореи Японией», за что угодил и в тюрьму. События 7 июля он

застал стариком, которому перевалило за семьдесят. Трудно предположить, что заискивал перед японскими империалистами этот старый человек ради своей карьеры, или собственного благополучия. Говорят, что после освобождения страны этот человек в 80-летнем возрасте покончил жизнь самоубийством, так и не преодолев чувство вины и самоосуждения. Судя по тому, что он решился смыть свой позор самоубийством, он, несомненно, — человек совести. А на отступничество в угоду японцам такой человек пошел, думаю, потому, что переоценивал силы Японии и ошибочно воспринимал изменения обстановок.

Чан Хэ У, сопровождавший нас в окрестностях Самсу во время нашего движения в район Синхына, проявил большой интерес к перспективам китайско-японской войны. Мы говорили ему примерно так: близорукий, глядя на китайско-японскую войну, может прийти в отчаяние. Эта война заставит алчных японских милитаристов раздробить свои вооруженные силы, рассеять их на обширных районах и, как следствие, задохнуться под трудностями с вооруженными силами, материалами, перевозками, сырьем. Следовательно, она откроет светлые перспективы для борьбы нашего народа за независимость и отнюдь не должна приводить в отчаяние. Иными словами, она дает отличный шанс для достижения нашей цели. И это обязывает нас активизировать подготовку ко всенародному сопротивлению, к решительной схватке с японскими империалистами.

Другим важным вопросом, предложенным в Сентябрьском воззвании, является определение стратегических путей для подготовки ко всенародному сопротивлению. Вот почему в воззвание мы включили следующую формулировку:

«Китайско-японский конфликт носит крайне серьезный характер. Нет сомнения в том, что окончательная победа будет за Китаем. Для нас нет более благоприятного шанса, чем этот, так что в случае необходимости действовать нужно самым решительным образом.

Особо важно и необходимо создание производственных партизанских отрядов и рабочих ударных отрядов в качестве авангардных исполнительных организаций для развертывания во вражеском тылу диверсионной деятельности и организации вооруженного восстания.

Задача производственных партизанских отрядов и рабочих ударных отрядов – мобилизовать своих людей на вооруженное

восстание, организовать в тылу врага подрывную деятельность, поджигать и разрушать важные промышленные предприятия, прежде всего военного значения, присоединиться к военным действиям КНРА, когда наступит час всенародного сопротивления, и тем самым обречь на гибель японскую армию. Только тогда мы сможем осуществить нашу задачу – добиться независимости Кореи».

В Сентябрьском воззвании мы наметили стратегический курс – расширять подготовку ко всенародному сопротивлению, главным стержнем которого явились бы производственные партизанские отряды и рабочие ударные отряды.

После опубликования этого документа мы выбрали район Синхына первым местом вступления в Корею. Дело в том, что этот район лежит недалеко от Хамхына, Хыннама и других крупных промышленных городов, где сосредоточено наибольшее число рабочих нашей страны. Район этот расположен у южного подножия Пучжонренского горного хребта. В его дремучих лесах нашими подпольщиками уже созданы тайные лагеря, которые служили опорными пунктами для наших небольших отрядов. В одном из них и было решено собраться подпольщикам, активистам профессиональных и крестьянских союзов Хыннама и других районов восточного побережья страны. Вторым таким местом был выбран район Пхунсана: здесь было много строителей ГЭС, последователей религии чхондогё, охваченных сетью организаций ЛВР.

До Пхунсана нужно было добираться через Синхын. По карте расстояние до него, даже по прямому маршруту, превышало 320 километров. Их нам и предстояло преодолеть.

Мы тронулись в путь вместе с Ким Бон Соком, у которого в вещевом мешке было множество экземпляров Сентябрьского воззвания, отпечатанных на гектографе.

Мы первым делом ознакомили с документом Чан Хэ У. Он не раз читал текст воззвания, когда мы делали передышку на середине Чхонсанского перевала, что невдалеке от Самсу. После чтения бумаги он говорил: «Особенно мне нравится, что поставлен важный вопрос – о создании производственных партизанских и рабочих ударных отрядов. И рабочий класс действительно силен своей сплоченностью. Свидетельство тому – генеральная стачка рабочих Вонсана».

Вонсанская генеральная забастовка 1929 года, как сказал он, отличалась сплоченностью, боевитостью рабочего класса, духом его солидарности и сотрудничества. В следующем после нее году

восстание подняли рабочие Синхынской шахты. И все последующие годы были отмечены продолжением рабочих стачек в разных районах Кореи. Но эти массовые выступления почти все приостанавливались на полпути, их требования не были удовлетворены.

При составлении Сентябрьского воззвания мы решили: из опыта рабочего движения прошедших времен брать плюсы, отбрасывать минусы и таким образом взять новый курс движения, чтобы не повторилось горькое поражение.

Современный промышленный труд в нашей стране практиковался с конца XIX века, когда в Корею вслед за политикой открытых дверей хлынул иностранный капитал. Кое-кто видит начало промышленного труда у нас в стране еще в XVIII веке, но в то время современная промышленность, можно сказать, была еще в эмбриональном состоянии. После открытия феодальным правительством дверей в страну беспрепятственно хлынул иностранный капитал, на волнах этого потока строились порты и железные магистрали, стали работать заводы и фабрики, открывались рудники, резко росли ряды докеров, рудокопов, железнодорожников, землекопов и других промышленных рабочих.

Возникновение и развитие индустриального труда привело к созданию рабочих организаций. Уже в конце 90-х годов XIX века человек по имени Ли Гю Сун организовал профсоюз докеров, который некоторые считают первым рабочим профсоюзом.

Рабочие организации создавались сначала в форме побратима или групп взаимопомощи, которые постепенно превращались в организации типа трудовой артели или профсоюза.

После фабрикации «Договора о протекторате года Ыльса» в разных районах страны появились современные профсоюзы, в том числе Чиннампхоский, Синчханриский (Пхеньян), Кунсанский совместный.

В то время почти все профсоюзные организации, конечно, создавались стихийно, по предприятиям. Но с их появлением, несомненно, началась коллективная борьба рабочих за интересы своего класса. В 10-х годах нашего столетия по всей стране вспыхивали рабочие стачки. В 20-х же годах создавались легальные общекорейские рабочие организации, такие, как Общество трудовой взаимопомощи, Конгресс труда, Ассоциация труда. И борьба рабочих вышла за рамки простых конфликтов вокруг улучшения

условий труда, она переросла в патриотическое политическое движение, в протест против агрессии японских империалистов. Опубликовав «Закон об общественной безопасности», они начали раскручивать маховик репрессий против массовых рабочих организаций. Арестовывали и бросали в тюрьму рабочих-забастовщиков, распускали эти организации, строго запретили митинги и собрания. Все это нанесло серьезный удар рабочему движению в нашей стране.

В такой обстановке в сентябре 1930 года Исполнительное бюро Профинтерна приняло документ «Тезисы о задачах революционного профсоюзного движения Кореи», известный как «Сентябрьские тезисы». В нем подчеркивалась необходимость организовать профсоюзы по отраслям промышленности, создать при них фабрично-заводские комитеты или рабочие консультации, чтобы профсоюзы имели свои прочные низовые организации. Кроме того, в октябре 1931 года секретариат Пантихоокеанских профсоюзов, проанализировав положение в рабочем движении в Корее, наметил очередные задачи по созданию нелегальных красных профсоюзов.

При поддержке международного коммунистического профдвижения с 1931 года началась широкая борьба за создание красных профсоюзов в Пхеньяне, Хыннаме, Вонсане, Чхончжине, Сеуле, Пусане, Синичжу и других промышленных центрах нашей страны. Эти красные профсоюзы сыграли немаловажную роль в распространении среди рабочих масс марксизма и их классовом пробуждении. Однако из-за происков фракционеров и жестоких репрессий врага им скоро пришлось бы прекратить свое существование, так и не достигнув своего полного развития. Когда мы с Сентябрьским воззванием в руках направлялись в район Синхына, профсоюзы фактически оставались бездействующими: почти все профсоюзные лидеры либо оказались в тюрьмах, либо стали ренегатами, либо скрылись во избежание возможных преследований.

Серьезный урок осложнений в истории рабочего движения в нашей стране состоял и в том, что не было обеспечено правильное руководство революционно настроенными массами.

Мы трезво смотрели на историю рабочего движения минувшего периода и пришли к выводу, что нужно идти в гущу рабочего класса, возможно быстрее возродить профсоюзы и опираться на силу и разум рабочих масс – лишь тогда можно будет успешно вести подготовку ко всенародному сопротивлению.

В этом смысле опубликование Сентябрьского воззвания стало своего рода поводом для того, чтобы поднять из крайнего застоя движение профессиональных и крестьянских союзов нашей страны в соответствии с ситуацией, возникшей в результате развязывания китайско-японской войны, и изменить линию борьбы.

Поднимаясь на Чхонсанский перевал, я продолжал обмениваться с Чан Хэ У мыслями о профсоюзах.

Что касается моего собеседника, то он, окунувшись в движение за независимость страны, исколесил многие районы Кореи, Китая и советского Приморского края, прошел, что называется, огонь и воду и медные трубы. Он многое знал о тех, кто раньше в районах Хамхына и Хыннама был причастен к Пантихоокеанским профсоюзам. По его словам, руководителем корейской секции Пантихоокеанских профсоюзов во Владивостоке, подведомственных Профинтерну, был человек по имени Ким Хо Бан. Под его руководством в феврале 1931 года впервые был создан Хамхынский комитет, сделавший Хамхынскую рабочую федерацию красной.

От собеседника я узнал немало имен руководителей красных профсоюзов в районе Хамхына. Среди них был и японский рабочий Баба Масао. По словам Чана, Ким Хо Бан, располагая профсоюзным фондом в сумме 1200 *вон,* полученным от секции Пантихоокеанских профсоюзов во Владивостоке, работал вместе с женой в Хамхыне, Пхеньяне и Сеуле и летом 1931 года был арестован полицией. Даже все японцы, члены профсоюза района Хамхына при Пантихоокеанских профсоюзах, были арестованы либо в 1932, либо в 1933 году.

Стремясь восполнить бреши в профдвижении в районах Хамхына и Хыннама и придать ему новый импульс, мы направили туда Пак Ким Чжуна, Ким Сок Ена и других опытных подпольщиков. Однако и им не удалось уйти от ищеек японских империалистов, которые пытались разрушить до основания рабочее движение в этих районах. Пак Ким Чжун и несколько профсоюзных руководителей были брошены в тюрьмы или в камеры предварительного заключения, так и не успев справиться со своими многими задачами.

Нам пришлось учесть такую ситуацию, и с весны 1937 года мы стали засылать в район Хыннама своих подпольщиков, подготовленных в Западном Цзяньдао.

Наконец, мы поднялись на верхнюю точку Чхонсанского перевала. В это самое время перед нами вдруг появился Хан Чхо Нам – руководитель небольшого отряда, который действовал, опираясь на

тайную опорную базу в районе Синхына.

Я спросил его:

– Зачем ты пришел сюда, ведь тебе сказано: жди нас в тайном лагере.

– Меня привела сюда тревога. В Пучжоне находится дача Ногути, да и вражеская охрана усилена сейчас больше, чем когда-либо ранее, – сказал Хан Чхо Нам.

С его прибытием мы направили Чан Хэ У в Синпха. После этого нашим проводником стал Хан Чхо Нам.

Прошагали еще немного, и перед нами открылась панорама большого синего озера. По словам Хан Чхо Нама, это была плотина № 2 озера Пучжон. Сейчас, говорил он, поднимемся по левому берегу и увидим плотину № 1. Возле нее – полицейский пост, от него примерно в 3 – 4 *ли* – дача Ногути.

Ногути – один из новых магнатов Японии. Он намеревался создать в Корее военную промышленность и полностью монополизировать электроэнергетическую и химическую промышленность. Он построил ГЭС, создал в Хыннаме Корейскую акционерную компанию по производству азотных удобрений и даже военно-промышленную компанию. Не забыл и построить себе дачу в хорошем месте, откуда удобно было контролировать строительство ГЭС в Пучжоне и Хочхоне.

Заглянув в историю освоения озера Пучжон, насыщенную печальными эпизодами, хорошо узнаешь, сколь жестоко эксплуатировал Ногути наших соотечественников.

В 1925 году, осмотрев плоскогорье Пучжон, он направил генерал-губернатору Сайто письмо, в котором говорилось: «Здесь много гидроресурсов, много леса. И еще – сколько угодно дешевой рабочей силы. И вот я хотел бы построить гидроэлектростанцию». Получив это письмо, Сайто воодушевил Ногути: «Используй дешевую рабочую силу сколько хочешь и начинай строительство ГЭС. Его будет гарантировать конституция великой Японской империи, и ты можешь не беспокоиться».

Возведение плотины на озере Пучжон началось в середине 20-х годов. При строительстве водных каналов не были обеспечены никакие меры безопасности труда, в ходе работ происходили всякие аварии, которые, как говорят, унесли жизни трех тысяч корейских рабочих. А когда строительство плотины подходило к концу, японцы, охваченные желанием быстрее заполнить озеро водой,

говорят, закрыли шлюзы, даже не переселив крестьян из округи. Произошла трагедия – свыше 600 крестьянских семей, пострадав от искусственно созданных наводнений, остались под открытым небом без крова. Кроме того, в день пуска водных путей, как известно, было совершено вопиющее злодеяние – в воду бросили совсем молоденькую корейскую девушку. Это было жертвоприношение – гидроузел якобы оказался под покровительством Водного Духа.

Ногути часто твердил: корейские рабочие – это рабочий скот.

При возведении плотины он до того разнузданно вел себя, что даже сами японцы порицали: «Там, где прошел Ногути, не вырастет и травинка».

Охрана дачи Ногути была усилена. Нам пришлось обойти ее стороной, и спустя несколько дней мы прибыли к главному из мест назначения – в тайный лагерь в ущелье Тоньо в Синхыне.

В пути мы встретились примерно с двадцатью молодыми людьми, которые ушли в горы, скрываясь от японцев. Они укрылись в горах по разным причинам. Один на стройке Пучжонганской ГЭС убил ударом камня злодея-надзирателя, другой пытался украсть динамит на стройке и, обнаружившись, бежал, третий на пути из Хамхына в Хыннам нашел листовки со словами; «Долой японский империализм!», «Ногути делает туки из выжатой из нас крови!», взял их с собой и, чтобы избежать полицейского обыска, сбежал.

Был здесь и рослый «Чвэ Менчжан» из Ковона. Сам он называл себя «казенным коммунистом». Слоги «менчжан» в переводе означают «начальник волостной управы». Но он, конечно, таковым не был, просто его так прозвали друзья потому, что его лицо своим овалом напоминало длинную редьку. А «коммунистом» прозвал себя он сам. В Сеуле он учился в средней школе, но он не мог закончить учебу – семья была не в состоянии посылать ему деньги на обучение. Вернувшись, он некоторое время, не имея определенной работы, жил на улице Ковона. Именно к этому времени на одном из заводов поблизости возникла история с красным профсоюзом. Враги арестовали не только причастных к делу, но и всех подозреваемых. В их число попал и «Чвэ Менчжан». Когда начались допросы, он сказал правду – «ничего не знаю». Затем были пытки – мол, лжешь. Ему вливали в нос воду с порошком едкого перца. Пытки были невыносимыми, и он сделал ложное признание: «Да, я участвовал в профдвижении». После этого следователь из высшей полицейской секции обучал «Чвэ Менчжана» и «выковал» из него «коммуниста».

«Как же ты стал приверженцем коммунизма? – спрашивает следователь на допросе.

– Скажешь, что не знаешь? Что говорят коммунисты? Они, все без исключения, говорят: «Хотим ликвидировать эксплуатацию и гнет и установить на земле рабоче-крестьянскую власть». Не для этого ли ты занимался коммунизмом? Ну, скажи!» Допрашиваемый говорит: «Да, так точно». Три месяца продолжалось следствие, в ходе которого «подозреваемый» успел овладеть элементарными знаниями о коммунизме. После года тюремной жизни он стал достойным «коммунистом». Слежка японской полиции за ним не прекращалась. «Коммунист Чвэ Менчжан», которого сделал следователь Ковонского полицейского отделения, держал теперь путь на север, по горам, чтобы найти настоящий канал, ведущий к коммунистическому движению. По пути он встретился с единомышленниками и вместе с ними стал обитателем гор. «Коммунист Чвэ Менчжан» говорил мне:

– Эти молодые люди, собравшиеся здесь, все до одного готовы биться с японскими империалистами. Будем участвовать в коммунистическом движении.

Слушая его, больше всех веселился Ким Пхен.

– И Маркс, и Энгельс, если услышали бы этакое, валялись бы со смеху, – говорил Ким Пхен. – Маркс сказал: буржуазия создает не только товары, приносящие ей прибыль, но и пролетариат, призванный похоронить ее саму. А теперь вижу: это японская полиция кует коммунистов, которые похоронят ее саму.

Я говорил тогда:

– Смотрите, ребята, если бы мы не вернулись на Родину, вряд ли увидели бы такую картину. Молодые люди Родины, как видите, все готовы сражаться с японскими империалистами, бродят в горах, чтобы найти нас...

Мы дали им тексты Сентябрьского воззвания и помогли связаться с бойцами малого отряда, находившегося на Пучжонренской тайной опорной базе.

Проходя по горной цепи Пучжонренского хребта, я присмотрел несколько тайных лагерей и внимательно изучал рельеф. Оказалось, что этот район идеально подходит для создания опорной базы вооруженной борьбы – той, которая послужила бы предстоящему всенародному сопротивлению.

Та горная цепь соединилась с горными цепями Пэкту.

Мы прибыли, наконец, в тайный лагерь в ущелье Тоньо, где на склонах гор растут сосны. Там собралось около тридцати подпольщиков, руководителей революционных организаций, активистов профсоюзных и крестьянских союзов из районов восточного побережья, прилегающих к горным цепям Пучжонренского хребта.

Сюда прибыл Ви Ин Чхан в сопровождении Ким Хек Чхора. Ви Ин Чхан создал в районе Хыннама подпольные организации под руководством Ким Чжэ Су и Ким Чен Сук. От него пахло рыбой. Я спросил, отчего это. Оказалось, он выдавал себя за торговца рыбой. Нужно было обмануть врага. И он носил на спине мешок с скумбрией. Их двое, с детства вместе выросшие в Таоцюаньли, были закадычными друзьями. В юные годы, питая горячую симпатию к социалистической стране — Советскому Союзу, они вместе с Ким Гон Су рискнули даже совершить поездку втайне от родителей, чтобы попасть в Приморье.

Идейный настрой родителей и родственников троих тоже был превосходен.

К июню 1937 года Ви Ин Чхан, получив задание от Таоцюаньлиской организации ЛВР, проник в район Хыннама. Скоро вслед за ним в этот район были посланы дополнительно Ким Гон Су и многие другие подпольщики. Одновременно с этим были направлены: в Вонсан – Хо Сок Сон, на Синхынскую шахту – Ли Хё Чжун, в Чхансон – Кан Бен Сон, в Чхончжине начал работу Пак У Хен, установив связь с организацией ЛВР.

Хыннамский районный комитет ЛВР был организован в августе того же года, но в него было включено уже немало рабочих, работа организации шла оживленно. Ви Ин Чхан, руководитель комитета, поручил своей матери содержать закусочный киоск для рабочих. Используя его в качестве пункта связи, Ви систематически докладывал Ким Чен Сук и Ким Чжэ Су о своей деятельности. Весьма поучительна история с созданием ими в Хыннаме первой организации.

Подпольщики из Таоцюаньли первую свою опору нашли на стройке Понгунского химзавода. Среди рабочих был и 14-летний мальчик. Ему было поручено подвозить раскаленные на огне гвозди и кидать их вверх клепальщикам. А тут однажды произошла трагедия: мальчик погиб. Раскаленный докрасна гвоздь, брошенный им вверх, как назло столкнулся в воздухе с падающим сверху куском

металла, отскочил от него и попал в бак с карбидом. Бак взорвался. Мальчик, обожженный взрывом, упал. Когда подбежали рабочие, он был уже мертв.

Японский надзиратель торопил отправить тело мальчика в больницу. Изобразив дело так, как будто несчастный получил медпомощь и только потом умер, думал он: можно будет не только утихомирить рабочих, недовольных отсутствием техники безопасности труда, но и обойтись без выплаты денежного пособия семье мальчика. Подпольщики раскрыли подлинные намерения надзирателя, и рабочие, возмущенные, взволновались. Охваченные страхом надзиратели не посмели тронуть тело мальчика.

После похорон рабочие оказали давление на администрацию завода, заставив ее выплатить денежное пособие родителям мальчика.

В связи с этим событием подпольщики Хыннама заручились доверием рабочих и сумели создать первую организацию из рабочих. Эта организация действовала под легальной вывеской «Общества сотрудничества». Но в один прекрасный день произошло неожиданное. В этом обществе вдруг появился неизвестный мужчина среднего возраста. «Я из Профинтерна!», – представился гость. Профинтерн – сокращенное наименование Красного Интернационала профсоюзов. Гость, видимо, одно время был причастен к Пантихоокеанским профсоюзам. Он, представившийся «человеком из Профинтерна», явно повышая свое положение, вскоре исчез, успев дать свои «советы»: «Я предупреждаю вас: поступайте осмотрительно. Сейчас идет китайско-японская война, и японцы озверели. Прошу не противиться им. Не поступайте неблагоразумно, не требуйте, скажем, компенсации. Из-за вашей деятельности несчастье обрушивается на меня как на человека подозреваемого».

После этого подпольщики Хыннама стали остерегаться таких гостей, считая, что участники профдвижения от крайнего левачества бросились в правую крайность.

Ким Сок Ен, направленный в район Сохо с заданием расширять в профсоюзах сеть парторганизаций, жаловался, что среди лиц, причастных к профсоюзам, немало тех, кто, испугавшись репрессий японских империалистов, идет по пути соглашательства, как это делают «белый профсоюз» Японии или тред-юнионисты Европы.

По словам Чан Хэ У, в первое время после создания красный

профсоюз района Хыннама довольно неплохо вел антияпонскую борьбу. В начале 1930 года Хыннамский профсоюз развернул динамичную деятельность – в подвале близ завода было создано даже хранилище для секретных документов.

Здесь, в подвале, члены профсоюза печатали и свои воззвания. В ночные часы они расклеивали на улицах антияпонские лозунги. Но куда исчезли смелые члены красного профсоюза тех дней?!

Я говорил товарищам из Хыннама: «Совсем плохо, что вы бросили на произвол судьбы людей, причастных к Пантихоокеанским профсоюзам. Если вы воспитаете их по-революционному, то участники профдвижения не пойдут курсом тред-юнионов». Потом я наметил им направления борьбы на будущее.

... Нам следует, говорил я, первым делом создавать больше низовых организаций ЛВР в городах, селах, рыбацких поселках, на рудниках и шахтах восточного побережья. Надо разыскать всех скрывшихся участников профессиональных и крестьянских союзов. По меньшей мере через несколько лет нужно иметь в районах Синхына, Хыннама. Хамхына, Вонсана силы сопротивления численностью в десятки тысяч человек. Следует создать тайные партизанские опорные базы вокруг Пучжонренского горного хребта, на данном же этапе нужно постоянно держать несколько вооруженных отрядов в несколько сот человек каждый. Требуется создать ударные отряды из рабочих, а из крестьян – производственные партизанские отряды. Они должны быть невидимыми для врага тайными организациями. Надо, чтобы Сентябрьское воззвание глубоко просочилось в массы, бесшумно, как грунтовая вода. Если в начальный период антияпонской революционной борьбы у нас было винтовок меньше, чем людей, то теперь получается наоборот. Нам нужно вооружить лишним оружием всю молодежь страны, чтобы в решительный момент она перешла ко всенародному сопротивлению...

Таковы были в общих чертах мои слова, произнесенные на встрече. После беседы, на следующий день я направился на Синхынскую шахту, слабо контролируемую полицейскими. Меня сопровождал Ли Хё Чжун, представитель шахты.

В покосившихся ветхих бараках ютились сотни семей бедных шахтеров, влачивших жалкое существование. Болезни и аварии ежегодно уносили несколько десятков жизней. На конспиративном пункте в горах Самбат я разъяснил положения Сентябрьского

воззвания пришедшим сюда подпольным организаторам и профсоюзным активистам, поставил перед ними очередные задачи.

Тогда один из организаторов шахты подошел к нам и сказал, что его двоюродный брат скрывается от врагов и живет под чужим именем. Он работал одним из руководителей красных профсоюзов. Во время погрома членов профсоюзов он прибыл в Синхын. чтобы избежать ареста. Профсоюз неумело направлял стачку рабочих. И многие из участников стачек были брошены в застенки. Кое-кто из них, превратившись в японских прихвостней, раскрыл тайну организации. Во время волны арестов руководителей профсоюзов этот человек чудом спасся от полицейских и укрылся в шахте, но теперь ему было стыдно смотреть в глаза товарищам по профсоюзу.

Перед отъездом из Синхынской шахты я встретился с этим человеком. Я предложил ему вместе идти революционным путем. Он выразил свою решимость выйти из подполья, чтобы привести в порядок трещавшие по всем швам профсоюзы и во что бы то ни стало претворить в жизнь требования Сентябрьского воззвания. У этого человека был список членов профсоюзов. Он оказался в полной сохранности и человек этот был знаком почти со всеми профсоюзниками района Хыннама.

Мы связали его с подпольщиками-организаторами, действующими в районе Хыннама. После этого с легкой душой направились в Пхунсан. На ночлег мы остановились в тайном лагере на перевале Пульгэми, а наутро направились прямо на стройку Хвансувонской плотины.

Шел дождь и завывал ветер на земле Ренбука. Люди копошились на стройке плотины. Их жалкая участь ничем не отличалась от судьбы синхынских шахтеров, страдавших от каторжного труда и болезней.

В Пхунсане нас проводил подпольщик «Кимпай», выходец из религиозной секты чхондогё. Он был в нарядном костюме, с тростью в руке.

Через стройку Хвансувонской плотины и уездный центр Пхунсан мы добрались до селения подсечников, за околицей которого стоял дом охотника. В этом доме мы встретились с Пак Ин Чжином. И теперь не забыть той ночи в этой деревне! Полакомившись поджаренным в жаровне картофелем нового урожая, мы говорили о судьбах страны. Пак Ин Чжин клеймил Чвэ Рина как предателя номер один. Он больше всего ненавидел Чвэ Рина, Чвэ Нам Сона и Ли Гван Су, которые выдавали себя за «трех патриотов». Так

ненавидел он их потому, что эти три мерзавца без всякого основания оскорбляли корейцев, называя их нецивилизованной нацией:

– В жизни не видел, чтобы тот, кто считает свою нацию низшей, поступал правильно...

Правильно говорил Пак Ин Чжин. Революцию совершают на основе убеждений, а эти убеждения – сначала доверие и гордость за свой народ, прежде чем доверие к политическим идеалам. Вряд ли можно говорить о патриотизме без доверия и гордости за свою нацию и свой народ.

В ту ночь я расстался с Пак Ин Чжином и тронулся в путь. Всю дорогу меня не покидала мысль, высказанная Пак Ин Чжином. Я упомянул его слова, когда знакомил подпольщиков, действующих в районе Пхунсана, с идеями Сентябрьского воззвания. Я сказал, что нет другого пути, кроме веры в наш народ, наш рабочий класс, кроме подготовки всенародного сопротивления.

Горы и поля Родины уже дышали осенью. Мы шли по родной земле без особого шума. Преодолевали длительный и тернистый путь с великой программой возрождения Родины. Путь этот не был напрасным.

После нашего посещения районов Синхына и Пхунсана быстро стали расти силы всенародного сопротивления в Пучжоне, Хамхыне, Хыннаме, Вонсане, Танчхоне, Пхунсане, Синхыне и других районах страны. Одна за другой прилетали к нам вести о том. что вслед за созданием рабочего ударного отряда на стройке Хвансувонской плотины создан производственный партизанский отряд Хучхирена. На заводах участились забастовки, на стройках – случаи коллективного дезертирства поденщиков.

На ряде заводов и шахт в районах Хамхына и Синхына были созданы рабочие ударные отряды, и повсюду не прекращались саботаж, диверсии, взрыв.

На парапетах моста Мансэ и на стенах беседки Кучхон на горе Тонхын в Хамхыне в те дни были расклеены прокламации, связанные с Сентябрьским воззванием. Именно в то время распространились слухи о том, что Ким Ир Сен побывал в одной из парикмахерских города Хамхына и постригся там.

Шла и другая молва – о том, что Ким Ир Сен якобы лечился в госпитале японских сухопутных войск.

После принятия Сентябрьского воззвания наши подпольщики, действовавшие в районах Хамхына и Хыннама, успешно вели работу

с профсоюзами. В организации Лиги возрождения Родины были приняты более ста человек, которые скрывались ранее из-за причастности к профсоюзам. Профсоюзы района Хыннама стали базой создания рабочего ударного отряда.

Если бы не «Хесанское дело», то гораздо большую работу проделали бы подпольные организаторы района Хыннама. В связи с этим делом были арестованы и заключены в Хамхынскую тюрьму Ви Ин Чхан, Ким Гон Су, Ким Ын Чжон.

В районах Вонсана, Мунчхона и Чхоннэри наши организации тоже вели активную деятельность. Осенью того года, когда было опубликовано Сентябрьское воззвание, подпольные организаторы Чхоннэриского цементного завода подняли более тысячи рабочих на стачку, которая очень напугала врагов.

Чон Иль Рен, который одно время работал заместителем председателя Кабинета Министров, был выходцем из Мунчхонского завода цветных металлов. Он с гордостью говорил, что до освобождения страны на этом заводе было много подпольщиков-организаторов. По его словам, под их влиянием он сам часто дрался с японскими надзирателями, но тогда еще не знал, что он действует по указке подпольщиков. А в тот день, когда после освобождения страны я выступил в Пхеньяне с речью по случаю возвращения на Родину, рабочие Мунчхонского завода цветных металлов выдали первую плавку. С этим патриотическим почином выступили те, кто как члены организации ЛВР раньше вели подпольную работу на заводе.

Наши подпольщики и члены организаций и в тюрьме не прекращали борьбу, пропагандируя Сентябрьское воззвание.

Опубликованное нами Сентябрьское воззвание оказывало на людей поистине огромное влияние и сыграло решающую роль в объединении революционного движения в стране с горой Пэкту.

Чвэ Чжэ Ха – бывший министр строительства, этот выходец из рабочих Супхунской ГЭС – тоже говорил, что с конца 30-х годов почти все рабочие крупных заводов и строек районов севернее центральной части Кореи действовали под влиянием организаций, связанных с горой Пэкту. Говорят, вместе с друзьями он не раз участвовал в стачках и саботаже.

По его словам, в те времена во всех без исключения промышленных районах Кореи пустили свои корни организации Лиги возрождения Родины, под влиянием которых активизировалась

борьба рабочего класса. Это было знаком протеста против японских империалистов, которые, спровоцировав китайско-японскую войну, прибегали к жестоким репрессиям и ограблению корейского народа. Хором вели антикоммунистическую и прояпонскую пропаганду те, кто, отказавшись от первоначального своего решения бороться за спасение страны, против японского империализма, перешли на его сторону. Но наш рабочий класс без колебаний вел борьбу, проявляя при этом высокий патриотический дух.

Через пять-шесть лет после опубликования Сентябрьского воззвания в одной из газет была однажды помещена статья Чо Ман Сика, призывающая корейскую учащуюся молодежь вступать в войска. Трудно сказать, кем была написана статья – самим Чо Ман Сиком или японскими империалистами от его имени, но, как бы то ни было, она изумила людей. Если даже Чо Ман Сик перешел на сторону врага, то кто же из руководителей национального движения остался неизменным в своих убеждениях? Кажется, тогда люди задавали себе этот вопрос.

Однако рабочие без колебаний вели подготовку ко всенародному сопротивлению, курс на которое был выдвинут нами. На одном из секретных военных заводов в районе Хыннама, разрабатывавшем специальное оружие, произошел сильнейший взрыв, который будоражил все общество. Расследование, проведенное врагом, подтвердило, что взрыв произошел не из-за случайной оплошности, а был вызван преднамеренно, подрывными действиями. Даже в самом логове врага, куда, казалось, не может проникнуть муравей, члены наших революционных организаций вели борьбу, нанося удары оккупантам. Наш рабочий класс активно претворял в жизнь положения Сентябрьского воззвания.

С этим воззванием наши коммунисты – участники антияпонской вооруженной борьбы, шли в гущу трудящихся масс, пробуждали, организовывали и поднимали их на борьбу в соответствии с требованиями изменившейся обстановки в связи с китайско-японской войной.

Сентябрьское воззвание стало мощным оружием в успешном осуществлении великого дела возрождения Родины.

6. После «Хесанского дела»

1937 год был годом бурного подъема антияпонской революции.

Национально-освободительная борьба и коммунистическое движение в Корее, вступившие в полосу исторического перелома в фарватере могучих волн, вызванных продвижением наших главных частей в район гор Пэкту, шли по пути подъема с необычайной глубиной и широким размахом.

Все шло успешно, по нашему плану, в соответствии с нашей волей. В это самое время корейская революция столкнулась с брошенным ей грозным вызовом. Враг, состряпав так называемое «Хесанское дело», начал в широком масштабе предпринимать репрессии против наших революционных сил. Это происходило, когда мы, покинув район гор Пэкту, действовали в уездах Фусун и Мэнцзян. Враги жестоко громили наши подпольные организации, созданные нами немногим более чем за год после вступления в район гор Пэкту. Многие революционеры, верные нашему руководству и нашей линии, были арестованы и осуждены.

В ходе неоднократных кампаний репрессий враги схватили и бросили в тюрьмы сотни, тысячи патриотов. Не перечесть, сколько людей погибло от вражеских пыток в тюремных застенках!

«Хесанское дело» нанесло серьезный удар корейской революции. Ощутимый ущерб был нанесен организационно-партийному строительству и организационному строительству ЛВР, которые набирали силу в результате активизации работы Партийного комитета действия в Корее.

Обобщенную информацию о «Хесанском деле» я впервые услышал от Ким Пхена и Ким Чжэ Су. Это было в тайном лагере Дацзялацзы, в уезде Мэнцзян. Не знаю, как рассказать о моем душевном настрое тех дней. Я был полон негодования и горечи от ощущения громадных потерь, которые мы впервые понесли после шумной кампании с «Минсэнданом», жертвами которой стали многочисленные невинные люди.

В свете «Хесанского дела» мне пришлось глубоко задуматься об убеждениях и воле революционера. События тех дней можно назвать величайшим испытанием, проверкой каждого на верность делу

революции, испытанием его веры и воли. Инцидент этот, можно сказать, явился своего рода самым суровым экзаменом, в процессе которого можно было различить настоящего революционера и лжереволюционера. Сильные своими убеждениями и волей сумели сохранить верность революционера, победили в поединке с врагами, а люди хрупкой веры и слабой воли забыли о достоинстве революционера, скатились в болото измены и раболепия.

В начале раскручивания «дела» нашлись перевертыши, которые, не выдержав испытаний, целиком выдали врагу наши внутренние тайны. Оказались среди них и подпольщики, работавшие на стройках железных дорог Кильчжу – Хесан и Пэгам – Мусан. Мы собирались с их помощью создать свои революционные организации в рабочей среде на строительстве железнодорожных линий. А они, получив в полицейском участке несколько ударов дубинками, тут же сдались на милость врага. Им не хватило несгибаемого боевого духа, твердой воли – любой ценой – хоть умри – сохранять тайну организации и защищать интересы революции. Если бы эти несколько человек не выдали тайну, то уцелели бы революционные организации в районе Чанбая. Уже в дни первой волны арестов нам пришлось пережить трагедию – мы потеряли многих руководящих активистов и членов организации, в числе которых были Квон Ен Бек, Ли Чжэ Сун, Пак Ин Чжин, Со Ын Чжин, Пак Рок Гым.

Вера и воля – основополагающие качества революционера. Человек, лишенный таких качеств, не имеет права называться революционером.

Когда речь заходит о признаках настоящего человека, мы, естественно, придаем важное значение вопросу: какой идеологией и верой и в какой степени он обладает. Ибо у человека, сильного своими идеями и убеждениями, бывает четкой и цель его жизни, он честно трудится для достижения поставленной цели.

Поэтому мы, выковывая плеяду революционеров, обращали особое внимание на то, чтобы все люди овладели коммунистическими убеждениями. В убеждениях мы видим важный признак революционера, прилагаем огромные усилия, тратим энергию для выработки этих качеств. Это объясняется тем, что процесс построения социализма и коммунизма, протекающий под знаменем национального, классового освобождения и освобождения человечества, является самым трудным, самым продолжительным

революционным движением среди всех революций, совершаемых человечеством. Без стальной воли и веры нельзя довести до победного конца это движение, цель которого – добиться самостоятельности человека, защитить ее от любых оков и стихий природы и общества.

Именно воля является могучей спутницей, защитницей убеждений, которая позволяет вере оставаться таковой.

Вера и воля – не вечны и не постоянны. В зависимости от сложившихся условий и обстоятельств эти качества могут и становиться тверже, могут и слабеть, могут и перерождаться. Когда вера и воля революционера испытывают перерождение, революция расплачивается за это чрезмерно большой ценой. По этой причине мы рассматриваем выработку убеждений как абсолютно необходимый процесс воспитания человека коммунистической формации.

Закалка веры и воли может происходить только посредством революционной жизни в организации и практической деятельности. Эти качества могут стать твердыми и неизменными только в процессе непрерывного воспитания и самовоспитания. Вера и воля, не прошедшие этот процесс, все равно что замок на песке. Так было с теми, кто не смог остаться верным убеждениям революционера, попав в комнату следователя Хесанского полицейского отделения. Эти люди не сумели пройти школу полной физической и духовной закалки посредством революционной жизни в организации и практической работы. Идеологический заряд у них не был закален в бурях. Все они вступили в наши ряды в пору бурного подъема антияпонской революции и понюхали пороху только в победоносных боях. Когда революция идет на подъем, плывя на ее волнах, в ее ряды вливаются такие случайные, идеологически неустойчивые элементы.

Ознакомившись с информацией о «Хесанском деле», мы немедленно созвали чрезвычайное заседание Партийного комитета КНРА, на котором обсудили меры по спасению революционных организаций от грозящего кризиса, по дальнейшей активизации процесса партийного строительства, организационного строительства ЛВР.

В ходе первой волны арестов врагам удалось схватить большинство членов руководящего актива района Чанбая. Затем, расширив масштабы операции, протянули свои щупальца ко всем

районам Западного Цзяньдао и к району Капсана, что на другом берегу реки Амнок. Рекламируя свои «успехи», они уверяли, будто им удастся окончательно перерезать все жизненные артерии корейской революции. Какая же это была ерунда. Далеко не все подпольные организации, созданные нашим кропотливым трудом, были разгромлены. В районах Чанбая и Капсана было немало людей, которые, вырвавшись из вражеских лап, скрылись в чужих краях или в горной глухомани. И хотя руководство Чанбайского укома партии и организации ЛВР этого уезда оказалось на грани роспуска из-за ареста Квон Ен Бека, Ли Чжэ Суна, Со Ын Чжина, Пак Ин Чжина и других, по-прежнему здравствовало и действовало руководство Союза национального освобождения Кореи (СНОК), главными фигурами которого являлись Пак Дар, Ким Чхоль Ок, Ли Рён Сур и другие.

Мы решили направить в Корею в первую очередь Чан Чжын Рера и Ма Дон Хи. Их задачей было отыскать скрывающийся руководящий состав СНОК, собрать информацию о состоянии пострадавших организаций, принять меры для возрождения разрушенных. Вообще наш генеральный план заключался в том, чтобы предпринять всевозможные меры для предотвращения ущербов от вражеских репрессий, постараться нагрянувшую беду обратить в успех.

В поисках членов СНОК Ма Дон Хи и Чан Чжын Рер прочесывали одно за другим горные селения в уезде Капсан, но были арестованы. Это произошло по доносу человека по имени Ким Тхэ Сон, работавшего в селении Намхын писарем сельскохозяйственной станции горной местности.

Доносчик был земляком и даже другом Ма Дон Хи. На земле Капсана они вдвоем проводили свои детские и юношеские годы в большой дружбе. Ким Тхэ Сон перебрался в уезд Чанбай и обучался на курсах. Но когда плата за обучение не .позволила ему учиться дальше, товарищ помог ему деньгами. Дон Хи передал другу 5 *вон* из фонда частной школы *содан,* чтобы тот мог продолжать учебу. И после этого он помогал другу, как мог – отдавая ему деньги, вырученные от прополки посевов по найму, от продажи дров, от работы нотариусом.

Когда он окончил курсы, его взяли работать писарем сельскохозяйственной станции горной местности. Устроившись на работу, Ким Тхэ Сон навестил Чан Гиль Бу, мать своего друга.

«Мама! Теперь я стал человеком интеллигентного труда, могу зарабатывать себе на пропитание. Этим я обязан Ма Дон Хи. Он от души мне помогал. Всю жизнь, до самой смерти, мне не забыть его дружеские услуги!» — сказал он. Крепко верил в эту дружбу Ма Дон Хи, когда появился на капсанской земле с заданием восстановить связи с руководством СНОК. Своим убежищем он выбрал дом Ким Тхэ Сона в селении Намхын. Но он не знал, что за это время Ким Тхэ Сон превратился в цепного пса японцев. Когда Ма Дон Хи и Чан Чжын Рер зашли к нему в дом, попросились на ночлег, также и обеспечить питанием, изменник угостил пришельцев горячим ужином и постелил постели. И тут же донес на них: «У меня дома остановились двое. Они – подчиненные Ким Ир Сена». Да, этот Ким Тхэ Сон оказался довольно мерзкой личностью...

Ма Дон Хи и Чан Чжын Рера, арестованных врагом, судьба повела разными путями. О том, как Ма Дон Хи вынес пытки, как он сохранил тайну, думаю, уже много сказано в воспоминаниях ветеранов антияпонской борьбы, в произведениях литературы и искусства. Спросите: «Что за человек Ма Дон Хи?» и услышите даже от детей из начальной школы: «Это человек, который сам себе отрезал язык, чтобы сохранить тайну организации».

Самому отрезать себе язык сможет не всякий. На такое пойдут только настоящие люди в истинном смысле этого слова – только те, кто не может жить предателем, а предпочитает умереть верным своему делу. Раз человек готов погибнуть – чего только он не может сделать!

Истоки мужества и самоотверженности Ма Дон Хи – в силе убеждений. Вспышка такой отваги и самоотверженности – это взрыв твердой, как сталь, воли. Ее не укротить ничем – ни угрозами, ни пытками. Ма Дон Хи думал: «Сохраню тайну – будет жить и здравствовать организация». Он верил, что даже если он погибнет, революция победит...

Силу убеждений Ма Дон Хи выковала практика революции. Когда он жил в Пэгаме, то делал многое – создал Антияпонское общество, преподавал в школе, воспитывая детей крестьян-подсечников в духе патриотизма. Вступив в Народно-революционную армию, он вместе с бывалыми бойцами пережил тяготы Фусунского похода. Был лектором на занятиях комендантской роты, занимаясь просветительской работой –

повышением политического и культурного уровня бойцов. Все это убедило его в том, что если человек станет рабом, лишенным Родины, то его судьба хуже судьбы собаки в доме покойника, что путь к выживанию нации лежит в борьбе, что только революция откроет путь к существованию, что без победы революции – и дети, и внуки, и все потомки будут обречены на рабскую жизнь, уподобятся рабочему скоту. Эту истину он сделал своим непоколебимым убеждением.

Детство наделило его теми качествами, которые позволили ему стать обладателем такой веры. Он ни в чем и никогда не шел на компромисс с несправедливым, циничным, бессовестным. Узнав, что перед ним подлый человек, решительно расставался с ним, даже если это был учитель – классный руководитель в школе.

В годы обучения в начальной школе его классом руководил учитель по фамилии Чо. Это был типичный обыватель без проблеска совести педагога. Успеваемость воспитанников он оценивал несправедливо – не по уровню их знаний, а по степени дружбы или, наоборот, неприязни. Детям крупных взяткодателей, богачей, влиятельных лиц всегда ставил щедрые отметки, независимо от их знаний.

Чтобы выделить своих любимцев, он, даже глазом не моргнув, снизил отметки отличникам. Когда Ма Дон Хи дошел до выпускного класса, учитель Чо отнюдь не расстался со своими дурными привычками. Чтобы сделать первым отличником сына какого-то влиятельного толстосума, сунувшего ему немалую взятку, Чо позволил себе занизить оценки Ма Дон Хи на экзамене по истории. А ведь тот был первым учеником класса по всем предметам. Получив отметку «хорошо» вместо заслуженной «отлично», Ма Дон Хи был возмущен поведением учителя и, не задумываясь, подошел к классному руководителю и попросил показать ему свой экзаменационный листок.

Вместо того, чтобы удовлетворить его просьбу, учитель обругал его, называя хулиганом, и дал ему пощечину. Тогда Ма Дон Хи взорвался. Заявив об уходе из школы, он в клочки разорвал на глазах учителя табель успеваемости и ушел домой.

Ма Хо Рён, отец его, не хотел, чтобы единственный сын бросил школу уже в юные годы и ушел в люди решать житейские проблемы. Показывая сыну фуражку ученика начальной школы, купленную днем на базаре, отец говорил: «Сынок, жалко мне видеть тебя с

обнаженной головой. И вот я только что купил тебе фуражку. А ты вдруг говоришь: «Брошу школу и займусь земледелием!» Что за чепуха! Учитель, конечно, на стороне детей из богатых семей, он смотрит в рот влиятельным родителям. Это, сынок, дело обычное. А ты набросился на учителя с придирками. Чего ты хочешь? Иди-ка к классному руководителю и попроси у него прощения!» Но сын не уступил. Он не позволил и отцу посетить учителя.

Позже Ма Дон Хи и этот учитель пошли разными путями. Если первый, став участником сопротивления той эпохи, встал в ряды патриотов, то второй, учитель Чо, перестав учительствовать, скатился в болото предательства и измены. Он стал полицейским, а затем его повысили в должности – он стал полицейским агентом. Из кожи вон лез, выслеживая патриотов. Первым объектом его наблюдения стал именно Ма Дон Хи. Он с яростью следил за каждым его шагом, каждым действием. Он был готов на все, готов в отсутствие веских улик придумать «дело» и загнать человека в петлю.

Неотступную слежку за Ма Дон Хи бывший учитель Чо начал тогда, когда Ма Дон Хи, переправляясь через реку на землю Чанбая, действовал под влиянием Народно-революционной армии.

Однажды Ма Дон Хи встретился там с партизанским представителем Ким Чжу Хеном и получил согласие на прием в отряд. На обратном пути он неожиданно столкнулся с Чо, который в напряженной позе стоял на краю моста через реку Амнок. Колючим взглядом он впился в Ма Дон Хи. Тот сразу заметил что-то неладное, но спокойно и невозмутимо вернулся домой, чтобы собираться в путь.

В тот день мать на прощание подала сыну, уходящему в горы Пэкту, кашу. Однако он даже не успел взять эту кашу. Пришлось в спешке покинуть дом, так как во дворе явились Чо с полицейскими. Они пришли арестовать Ма Дон Хи. Но тот выскользнул из дома через черный ход и благополучно переправился через реку Амнок.

Такое чудовищное явление, как охота бывшего учителя за своим учеником, было трагедией, порожденной аморализмом времен владычества японских империалистов. После освобождения страны Чан Гиль Бу при каждой встрече со мной рассказывала этот эпизод, как сказку.

После боя на горе Коуюйшуйшань недалеко от поля боя Ма Дон Хи увидел того самого полицейского агента Чо. Теперь он участвовал в карательной операции против нашей части и, чудом

уцелев, дал тягу. Увидев Ма Дон Хи, Чо в панике начал беспорядочную стрельбу. Ма Дон Хи быстро расправился с этим наглым японским прихвостнем, продавшим Родину, нацию, своего бывшего ученика.

Приведенный эпизод говорит о духовном облике Ма Дон Хи как человека и о том, на чем основываются его убеждения.

Он был со мной примерно полтора года. Это был преданный партизан, пользовавшийся всеобщей любовью. На счету его во время партизанской жизни, однако, почти не имелось таких случаев или эпизодов, которые запечатлелись бы в памяти людей.

Но мне не забыть один случай из его жизни. Произошел он тогда, когда после похода в Фусун мы были заняты доставкой продовольствия на время военно-политических занятий в тайном лагере в Дунгане. 3-я рота 7-го полка, в которой состоял Ма Дон Хи, тоже чуть ли не ежедневно была занята добычей продовольствия. Однажды ночью, уходя на добычу продовольствия, командир роты дал Ма Дон Хи, у которого были обморожены ноги, и другим обмороженным новобранцам задание – остаться в лагере и молоть на жерновах кукурузное зерно для завтрака.

Выполняя приказ, Ма Дон Хи начал молоть кукурузное зерно. Трудный поход по заснеженным просторам, продолжавшийся целый день, и сонливость после еды дали себя знать: он почувствовал смертельную усталость. Протирая лицо снегом, Ма Дон Хи пытался одолеть дремоту. Тут новобранцы заявили: «Пусть нам утром не дадут еды, мы возражать не будем. Но мы устали и хотим спать». И когда Ма Дон Хи в одиночестве молол кукурузу, они лежали, ничего не делая.

Ма в одиночку смолол все зерно. И только тогда они забеспокоились, как им отблагодарить его за хлопоты. Среди новобранцев иногда встречались такие, как они, люди, которые порой не знают, где стать, где сесть. Ма Дон Хи был раздосадован и сделал двум новобранцам выговор.

Когда я прибыл в тайный лагерь, Ма Дон Хи первым делом рассказал мне о случившемся. Он говорил, что эти люди – полные невежды, которые ни в чем не разбираются и у которых нет ни проблеска товарищеских чувств. С такими людьми невозможно идти в революцию. Он был здорово огорчен. Я говорил ему, что сейчас у них недостаточно организационной закалки, но если мы займемся их воспитанием как следует, то и они смогут стать хорошими бойцами.

И действительно, эти новобранцы стали позже настоящими,

стойкими партизанами, задававшими тон и в работе, и в боях.

За короткий срок после вступления в партизанский отряд Ма Дон Хи вырос в отличного бойца. И задание по разведке городка Почхонбо он выполнил с большой ответственностью. Когда состоялся объединенный митинг армии и народа в честь победы в бою в Почхонбо, народная делегация вручила нам в подарок знамя. В знак высокой оценки его самоотверженности и активности в выполнении задания я удостоил Ма Дон Хи чести в качестве представителя бойцов КНРА принять это знамя.

Как показал его дальнейший жизненный путь, Ма Дон Хи действительно был выдающимся солдатом революции, достойным представлять всех бойцов КНРА. Он был личностью, которую можно оценить коротко: образец коммуниста.

Ма Дон Хи, как никто другой, точно знал местонахождение нашего командования. Но он умел хранить тайну, и мы всегда были в безопасности.

На следующий день после гибели Ма Дон Хи его отец Ма Хо Рён, сколотив гроб, пришел в Хесан. Поставив на тележку гроб с телом сына, он шел мимо полицейского здания, где встретился с полицейским инспектором Чвэ.

– Эй, старик! – обратился к нему Чвэ. – Везешь мертвого сына? И какое же настроение?

Ма Хо Рён и в обычное время ненавидел этого Чвэ, убивавшего своих земляков. Сейчас же он, вытерев слезы, проговорил:

– Мой сын Дон Хи погиб в борьбе за независимость Кореи. Так погибли и дочь, и сноха. Погибли они не от кражи японских вещей. Как отец, я горжусь ими!

За эти слова отец Ма Дон Хи был впоследствии арестован. В Хамхынской тюрьме он до последних минут жизни оставался настоящим отцом борца-революционера, патриотом. Не встав на колени перед палачами, он боролся с ними непоколебимо.

Противоположностью Ма Дон Хи был Чан Чжын Рер. Получив несколько ударов палкой, он сразу же выдал все тайные лагеря и подпольные организации, которые знал. Ма Дон Хи хранил верность революционера, даже отрезав себе язык, а Чан Чжын Рер, отбросив клятву в верности революции, как изношенные башмаки, выбрал позорный путь, путь изменника. Почему?

Судя по образованию, по своей теоретической подготовленности и деловым способностям, он нисколько не уступал Ма Дон Хи. А

если судить по партизанскому стажу, то он у него был больше, чем у Ма Дон Хи. Неглупый и общительный, Чан Чжын Рер, вступив в партизанский отряд, пользовался среди партизан репутацией «подходящей кандидатуры» в руководящие работники. И наше командование тоже взяло его на заметку как «подходящую кандидатуру». Вскоре он стал заведующим отделом молодежи дивизии, миновав обычные для других ступени служебной лестницы. Что касается должности заведующего отделом молодежи дивизии, то это назначение означало, что он пользовался не менее высоким доверием, чем Квон Ен Бек или Ким Пхен.

Чтобы понять, сколь глубоко мы доверяли Чан Чжын Реру, надо иметь в виду только тот факт, что после создания Чанбайского укома партии он был избран его членом. Одним словом, мы дали ему все, что могли.

Вместе с нами он повидал и голод, и холод, обмораживал и руки, и ноги, проводил ночи напролет. Чан Чжын Рер не был пессимистом. Перед трудностями, которые нам приходилось испытывать, он не терял духа. Так было всегда. Он терпеливо и безмолвно переносил вместе с нами все трудности. Но когда увели за ворота тюрьмы, он тут же сдался, выкинув белый флаг. Любые трудности в человеческой жизни он смог перенести, но только не пытки в застенках. Тут он сразу забыл о достоинстве и верности революционера, бросил их, как бумажки.

Слушая информацию об измене Чан Чжын Рера, я убеждался, что взгляд на жизнь по эту сторону тюремных ворот может отличаться от взгляда на жизнь в тюремных застенках. Если его мировоззрение на воле было коммунистическим, то в застенках оно резко изменилось, как у предателя Иуды. Чан Чжын Рер как бы переродился в торговца, обменявшего интересы революции на свое физическое существование.

Чан Чжын Рер выдал врагу немало секретов. Он рассказал обо всех связанных с ним организациях, продал весь руководящий актив революционных организаций, с которыми он имел связь в районах Шанганцюя и Чжунганцюя уезда Чанбай. Он выдал и местонахождение командования партизанской армии и адреса ее тайных лагерей, словом, все, что знал. Он сам проводил полицейских к явочному пункту в Шицзюдаогоу, где были арестованы Чи Тхэ Хван и Чо Гэ Гу.

Чо Гэ Гу, как и Чан Чжын Рер, тоже продался. Он в свою очередь проводил полицейских в тайный лагерь в Ганьбахэцзы, где

находилось наше швейное отделение и где от рук полицейских погибли все швеи-партизанки. Среди погибших в Ганьбахэцзы была и Ким Ён Гым, жена Ма Дон Хи.

Почему же Чан Чжын Рер оказался таким подлым, таким омерзительным? Неужели лишь маской были для него коммунистические убеждения, которыми он жил в обычное время?

Он много говорил о своих убеждениях, но оказалось, что они и гроша ломаного не стоили, так как не имели под собой прочной основы. Внушающая страх картина будущей казни, полные злобы полицейские... Видимо, в них он увидел мощь великой Японской империи и не на шутку испугался. Не исключало, что он просто впал в скептицизм, считая, что верить в победу антияпонской революции над такой империей – это всего-навсего пустая мечта, которая никогда не сбудется.

Тогда спрашивается, что из себя представляют построенные на прочной основе убеждения? Это абсолютная вера человека в те идеалы, которым он поклоняется, это вера в такие убеждения, что ради этих идеалов он готов умереть и от голода, и от холода, и от побоев. Иначе говоря, это означает уверенность в правоте своего дела, в силе своего класса, своего народа, готовность преодолевать все и всякие трудности своими собственными силами и довести революцию до победного конца. Но Чан Чжын Рер, к сожалению, не был готов умереть от побоев. От него требовалась готовность умереть от побоев, но сохранить верность интересам революции; но он, наоборот, думал: пусть революция пойдет насмарку, лишь бы самому остаться целым и невредимым.

Чан Чжын Рер продал революцию за спасение своей собственной шкуры, но он лишился более ценной, чем эта шкура, политической жизни. Думаю, именно в этом кроется причина того, что Ма Дон Хи люди помнят, а Чан Чжын Рера – нет.

Каждый раз, когда я восстанавливаю в памяти жизненный путь двух человек – Ма Дон Хи и Чан Чжын Рера, непохожих друг на друга, я невольно вспоминаю Ким Хека и Чан Со Бона. Они тоже вступили на путь революции одновременно, с одного рубежа, образно говоря, тоже на одном локомотиве, но их конечные остановки оказались такими же разными, как разнятся между собой Южный и Северный полюсы. Происхождение этой разницы, считаю, следует искать в качественных различиях их убеждений и воли.

Ким Хек был верен нормам жизни организации и революционной

практике, тогда как Чан Со Бон, будучи сведущим в теории, отличался живым умом и в то же время медлительностью в практических действиях и зазнайством. Ким Хеку, видавшему виды в своей жизни, были не страшны никакие муки. Чан Со Бон не любил работу такого характера, которая изнуряла бы физически. Первый был человеком со страстью, готовым идти и в огонь, и в воду, а другой – хладнокровным и расчетливым, таким, кто и в дождливый день засучивает штаны и крадется по камням, чтобы не запачкать обувь грязью.

А когда мы ходили в такие края, как Калунь и Гуюйшу, мои друзья, признавая талант Ким Хека, не думали, что он сможет взять на себя большой груз в революции. Видимо, тут действовало предвзятое мнение. Они думали: «Ишь ты, доморощенный ученый, пишущий стишки да музыку, вздумал революцией заниматься! Нечего ожидать от него».

Люди, толком не знавшие Ким Хека, смотрели на него именно так. И в этом не было ничего удивительного. Ведь стоит несколько раз пройти по улице с гитарой в руках, как тебя уже называют бродячим музыкантом. Были у нас и такие времена.

На Чан Со Бона возлагали довольно большие надежды. И хотя позже он продался, он был известной личностью. Писал много, хотя и под псевдонимом. Больше, чем кто-либо другой, Чан Со Бон писал для журнала «Большевик». Это был громкий теоретик, агитатор, которого можно было поставить на одну доску с Чха Гван Су. Его теоретический уровень был столь высок, что даже Ким Чхан, глава фракции Хваёпха, в спорах с ним всегда оказывался поверженным, загнанным в тупик. В дни Калуньского совещания мы останавливались именно в доме Чан Со Бона.

Мне и моим коллегам и во сне не могло присниться, что спустя несколько лет он, письменно подтвердив в камере предварительного заключения свое отступничество и обернувшись цепным псом японского империализма, примет участие в операциях против нас, получивших название «компания добровольной капитуляции».

Продолжительность политической жизни, которую можно назвать другой стороной жизни человека, кроме физиологической, определяется, таким образом, в зависимости от того, имеются ли налицо убеждения или их нет, серьезны они или нет. Тот, кто отличается твердостью убеждений и крепостью воли, становится долгожителем с точки зрения жизни политической. Но у тех, кто

давно изменил своим убеждениям, политическая жизнь надламывается безвременно.

Будучи начальником штаба наших главных сил, Рим Су Сан капитулировал перед врагом. Его предательство было еще более вопиющим, чем предательство Ли Чжон Рака и Чан Со Бона. Став командиром карательного отряда противника, он буквально взбесился, поднял руку на своих боевых друзей, вместе с которыми сражался раньше в одном окопе. Враги использовали его как прихвостня, а когда он стал не нужен, просто вышвырнули его. С тех пор Рим Су Сан возил тележку, торгуя водкой. Падение от начальника штаба дивизии до торговца водкой – такова была плачевная судьба того, кто лишился веры.

В первые после освобождения дни он с винной бочкой на своей повозке как-то ехал из Аньту в Хесан через Самчжиен и на пути повстречался с группой Рю Ген Су. Группа по моему приказу направлялась, чтобы разгромить недобитые остатки японских войск, которые появлялись в окрестностях гор Пэкту.

Рим Су Сан заметил и узнал их - ведь они раньше находились в его подчинении. Испытывая чувство неловкости, он произнес: «Теперь и вы спустились с гор. А что Полководец Ким Ир Сен, он все еще остается в горах? Почему вы не вместе с Полководцем, а спустились одни?»

Рю Ген Су, Ли Ду Ик и другие борцы антияпонской революции, мобилизованные на ликвидацию остатков разбитой армии, были в тот момент в японской военной форме. И Рим Су Сан, видимо, подумал, что все они, как и он, «добровольно капитулировали» перед японцами. Каким политическим невеждой оказался он! Говорили, он не знал даже о крушении Японии. До чего же может скатиться человек, если лишится убеждений, изменив своей верности!

Абсолютное большинство тех, кто вместе с нами прошел с оружием в руках суровый и тернистый путь антияпонской революции, разумеется, были непоколебимыми борцами, отличающимися несокрушимостью веры и твердостью воли. И в минуты, когда они оказывались в труднейших условиях, не изменяли верности революционера, не запятнали себя предательством, не теряли веру в освобождение Родины. Наши боевые друзья и солдаты навсегда уходили от нас на чужбине, но, превращаясь в прах в степной пустыни, они просили нас: «Любить будущее», восклицали:

«Коммунизм – это молодость!» Только сильные верой и духом могут так встречать свой конец. Не будь такой веры, наши антияпонские партизаны не смогли бы выдержать свирепые маньчжурские морозы и жестокий голод.

Всякий раз, когда речь идет об убеждениях и воле революционера, я ставлю в первый ряд таких, как Рю Ген Су. Он показал пример, достойный всеобщего подражания, пример того, как надо жить, жить честно и прямо, сделав идеи своего вождя, своего руководителя собственными убеждениями и защищая их.

Первое мое знакомство с Рю Ген Су состоялось в сентябре 1933 года. Это было вскоре после налета на уездный городок Дуннин. После боя я возвратился в Сяованцин. По моему приказу бойцы расположились на отдых. А пришли ко мне бойцы Яньцзиского партизанского отряда Чвэ Хена. Среди них был и юный боец, который, как тень, следовал за Чвэ Хеном. Это и был Рю Ген Су.

Ему было очень обидно и досадно, что по вине связного Яньцзиский партизанский отряд не мог участвовать в налете на Дуннин. Он излил Чвэ Хену свою обиду по поводу того, что не смог участвовать в бою, оставшись на положении «ученика, пришедшего на урок с опозданием».

– Товарищ командир роты! Мы пришли в Сяованцин, но остались в роли нахлебников. Мы не можем возвратиться с пустыми руками. Давайте пойдем куда-нибудь и вместе с командиром Кимом намнем врагу бока.

По этим словам я понял, что парень – не из робкого десятка. Тогда ему было восемнадцать лет. В ряды революции он стал шестнадцатилетним.

– Командир Ким! Этот Сам Сон, хотя он совсем молодой, – боевой парень. Необыкновенный юноша!

Сам Сон – это настоящее имя Рю Ген Су. Такова была общая оценка, которую Чвэ Хен дал Рю Ген Су. Из этой немногословной характеристики я узнал, что Чвэ Хен души не чает в Рю Ген Су. В короткой, восемнадцатилетней жизни этого юного бойца отражалось грустное лицо моей обреченной на страдания страны, лишенной света солнца и луны. Из биографии Рю Ген Су следует особо отметить, что он с детства жил в батраках, что подростком участвовал в восстании по поводу «весеннего голода», был арестован властями китайской военщины, заключен в Лунцзинскую тюрьму, где был бит плетьми. В Цзяньдао было много

революционеров, но мало кто из них в таком юном возрасте подвергался в тюрьме пыткам водой и с молотым красным перцем. В отличие от таких, как Чан Чжын Рер и Ли Чжон Рак, Рю Ген Су мужественно перенес все испытания. Однажды я как бы невзначай взял его за руку: она была в таких жестких мозолях, что была похожа на лист жести.

В детстве он учился, как говорят, «методом сбора колосьев на жнивье», и я очень сочувствовал ему. Под этим подразумевается метод усвоения знаний таким способом: когда другие занимаются, то возле них подслушивают и подсматривают, запоминая буквы, сохраняют в памяти правила. Рю Ген Су ходил на базар с вязанкой хвороста за спиной. Каждый раз, возвратившись с базара, он шел в частную школу и садился, съежившись, под ее окном. Когда учитель писал на доске буквы, следом за ним он усердно выводил их палочкой на земле. Так он овладел корейской азбукой и таблицей умножения.

Позже вся школа узнала, что Рю Ген Су учится таким методом. Все сочувствовали ему. Тронутый его стремлением к учебе, учитель Квак Чхан Ен (Квак Чжи Сан) принял парня в школу, а плату за его учебу взял на себя. Надо сказать, что если необыкновенным был парень-дровосек, учившийся «методом сбора колосьев на жнивье», то необыкновенным был и учитель, который и дал разрешение учиться совершенно незнакомому парнишке, и взял на себя плату за его обучение.

Но Рю Ген Су не удалось окончить школу: не позволили семейные обстоятельства. Пришлось бросить учебу и наняться в батраки к помещику. Его уход из школы отразился и на судьбе Квак Чхан Ена, который, бросив учительство, начал революционное просвещение рабочих и крестьян. Позже он вступил в антияпонский партизанский отряд, где стал командиром.

Рю Ген Су жил в батраках и все это время находился под наблюдением Квак Чхан Ена. Его любовь и внимание к своему ученику были действительно исключительными. Однажды учитель, к несчастью, попал в петлю «Минсэндана», и его ждал суд. Шовинисты левацкого толка и без всяких причин сняли его с должности командира роты. Каждый его шаг находился под надзором наблюдателей.

В день, когда его привели на место публичного суда, Рю Ген Су отчаянно заступился за него. Его выступление в защиту своего

наставника было смелым, даже дерзким поступком, достойным похвалы от всех людей. К тому времени он и сам уже был в списке лиц, подозреваемых в причастности к «Минсэндану». То, что такому человеку брать на поруки обвиняемого, к которому приклеен ярлык «минсэндановца», или сочувствовать ему, – это было все равно что самоубийство, как заявление о твоей готовности броситься на дуло ружья с просьбой выстрелить в тебя. Но Рю Ген Су головой поручился за своего учителя, доказывая, что он невиновен. За это его посадили в тюрьму для «минсэндановцев».

Смелый поступок Рю Ген Су был высшим проявлением чувства долга ученика перед учителем. Он всю жизнь помнил своего учителя и старался делать все, чтобы выполнить свой долг ученика.

Столь верным своему долгу он смог стать благодаря тому, что его отличали твердые убеждения.

Сильный верой, как правило, остается беззаветно верен и нормам морали, и чувству долга. Революционер обязан защищать справедливость, ненавидеть несправедливость, говорить только правду. Если революционер хочет быть верным своему долгу перед товарищами, народом, то он должен быть готовым и пожертвовать собой. Таким было жизненное кредо Рю Ген Су.

Он безапелляционно заявил, что абсолютное большинство тех, на кого леваки-шовинисты и фракционеры-низкопоклонники наклеили ярлык «минсэндановца», ни в чем не повинны, что обвинять верных делу революции в причастности к «Минсэндану» и, не разобравшись, наказывать их – это преступление. Он решительно выступал в защиту стойких революционеров, патриотически настроенных жителей, которые необоснованно находились на подозрении в том, что они «минсэндановцы». При этом им владела непоколебимая вера в то, что хотя борьба против «Минсэндана» идет пока по левацкому руслу и в рядах революции царит хаос, рано или поздно непременно придет день, когда дело пойдет по верной колее.

Слухи о смелом поведении Рю Ген Су, спасшего с риском для собственной жизни своего учителя на публичном суде, взволновали революционеров и жителей Восточной Маньчжурии. Меня эта весть застала в Дахуанвэе, и я с теплым чувством вспоминал мою встречу с Рю Ген Су в Сяованцине...

Провожая в Мацуне боевых друзей из Яньцзиского партизанского отряда, я в шутку говорил Чвэ Хену:

– Этот Сам Сон, с какой стороны ни взгляни, настоящий воин. Так

и хочется взять его к себе. Не передашь ли нам этого парня в память о нашей встрече?

– Нет, сейчас нельзя. Воюет-то парень здорово, это факт, но пока он, вижу, не полностью созрел. Возьму лучше его еще года на три в обработку. Потом и отдам его вам, командир Ким. Так что пока ждите...

Слова Чвэ Хена звучали, как полушутка.

Рю Ген Су пришел к нам и начал с должности командира роты вскоре после совещания в Сяохаэрбалине. Примерно 10 лет после первой нашей встречи в Сяованцине он воевал пулеметчиком в отряде Чвэ Хена. Мне не довелось часто видеться с ним, не было возможности проявить свое расположение к нему. Все, что я сделал для него, это только одно – дал ему прозвище «юный революционер».

Но сам Рю Ген Су воспринял это прозвище как награду в свой адрес. И решил посвятить всю жизнь делу революции, видя в нас свою духовную опору.

И поныне я не могу забыть тех дней, когда, успешно завершив операцию в районе Мусана, мы продвигались в район Тяньбаошаня.

Напав на наш след, враг сосредоточил свои карательные силы в Тяньбаошане и его окрестностях, намереваясь вести крупные бои на уничтожение Народно-революционной армии. Чтобы максимально ослабить силы противника, бросившиеся на нас, отряд Чвэ Хена совершил налет на городок Тяньбаошань. Какой ожесточенной была эта атака! Противник заставлял даже женщин забрасывать наших бойцов гранатами. Большинство врагов в городке были уничтожены.

Но Чвэ Хен этим не удовлетворился. Надо было истребить как можно больше карателей. И он решил начать отвлекающий бой. Для этого была организована боевая группа из части бойцов отряда, насчитывающая немногим более полусотни человек. Устроили засаду в лесу, километрах в восьми от Тяньбаошаня. В той боевой группе был и Рю Ген Су.

Чтобы отвлечь внимание врага, группа Рю Ген Су совершала непрерывные налеты на места ночлега карателей противника. В отдельных случаях налеты на одно и то же место совершались за ночь дважды. При одном ночном налете была захвачена оперативная карта карательного отряда. Так он делал, чтобы враг в злобе гонялся за бойцами Народно-революционной армии. А Рю Ген Су брался за самые опасные, самые важные задания. Целых три дня у него не было времени, чтобы выпить даже глоток воды. О его ратных делах

тех дней Чвэ Хен живо вспоминал порой после освобождения страны.

Преодолевая семь горных перевалов, отряд Чвэ Хена непрерывно, без передышки трепал врага. И в заболоченных местах были уничтожены и ранены сотни врагов.

Благодаря действиям отряда Чвэ Хена наши главные силы, встречая слабое сопротивление врага, благополучно продвинулись в район Тяньбаошаня. По первоначальному плану мы предусмотрели встречу с отрядом Чвэ Хена, но там это нам не удалось. Зато мы встретились с отрядом Чвэ Чхун Гука. Когда проходила эта наша встреча, отряд Чвэ Хена, находясь в десятках *ли* от Тяньбаошаня, готовился к очередному отвлекающему бою.

Как рассказывал потом Чвэ Хен, все бойцы 4-й дивизии очень жалели, что не состоялась их встреча с нами.

Действительно, трудно измерить глубину чувства долга Рю Ген Су перед нами! Каким благородным, каким искренним было это его чувство долга, я испытал всем своим существом в те дни, когда мы действовали малыми отрядами.

Сила человеческого обаяния Рю Ген Су как революционера концентрированно выразилась в его духовной готовности безусловно исполнять приказы и распоряжения своего командующего. Выполняя приказы командующего, он не давал громких клятв, торжественного обещания, подобно людям, у которых язык без костей, но его отличало правило: дано обещание – значит оно будет выполнено.

«Надо полностью доверять товарищу командующему. От души уважать, поддерживать его – только тогда мы сможем добиться освобождения Родины и открыть путь к решению своей судьбы. Выполним волю товарища командующего – победим!» Таково было его неизменное убеждение. Обладая такой верой, он мог с честью выполнять мои приказы, распоряжения в любых, самых трудных условиях.

Ранней весной 1941 года имел место такой случай. Вместе с ротой Рю Ген Су, покинув советскую дальневосточную учебную базу, мы продвинулись в район гор Пэкту. Нужно было руководить действиями малых отрядов, действовавших в районах Маньчжурии и в Корее. В те дни Рю Ген Су вместе с бойцами своей роты оказал мне большую помощь.

Решив, что командование будет находиться в Ханьцунгоу, мы

направили небольшие группы в различные районы. По моему приказу Рю Ген Су не раз выполнял задание связи. Каждый раз, покидая командование, он оставлял продовольствие своей группы бойцам комендантского подразделения с просьбой: «Угощайте Полководца!» В интересах нашей безопасности он не раз вел отвлекающие бои, вызывая на себя огонь противника.

Когда командование расположилось в Ханьцунгоу, я дал Рю Ген Су задание идти на явочный пункт в Лаоцзиньчан, что в уезде Хуадянь, и встретиться там с Вэй Чжэнминем.

Это было трудное задание. Для его выполнения надо было пробиваться сквозь кордон из десятков постов и укрепленных районов противника. Для сопровождения Рю Ген Су командование выделило около десятка бойцов. Но Рю Ген Су, думая прежде всего об охране командования, взял с собой только двух бойцов, с которыми тронулся в путь. Он тайком оставил Чон Мун Собу даже мешок зерна, выделенный мной в качестве провианта для троих человек, а с собой взял из него только 5–6 *твэ* зерна.

Когда Рю Ген Су возвратился с задания, в Ханьцунгоу было полно горящих костров, разведенных карателями. И там, где раньше стояла палатка командования, тоже горели несколько костров. Немного осталось до условленного времени встречи, назначенного мной. Двое юных бойцов, беспокоясь обо мне, не зная, жив ли я, были просто в отчаянии.

При виде моря огня, залившего той ночью Ханьцунгоу, никто не мог бы подумать, что наше командование живет и здравствует.

Но Рю Ген Су не испытывал ни малейших колебаний. Он сдержанно говорил: «Осталось только 30 минут. За эти полчаса нам надо добраться вон до тех костров, до того места, где находилось командование. Иначе мы нарушим приказ товарища командующего. Я уверен, что, несмотря на опасность, он будет ждать нас троих до конца».

Так он утешал дрогнувших бойцов. А потом, оставив их на верхушке горы, без промедлений начал ползком спускаться к месту, где стояла палатка командования. И здесь ему удалось встретиться с бойцом, которого мы для этой цели оставили.

Я был уверен, что Рю Ген Су после выполнения задания обязательно придет к месту, где находилось командование. Он же, в свою очередь, рассудил: что бы ни случилось, командующий подождет своих подчиненных, возвращающихся с задания, именно

там, где было условлено. Так мои и его мысли полностью совпали.

Твердая готовность Рю Ген Су ничуть не нарушать назначенные мной дату, время и место встречи, его неукоснительная исполнительность основываются на глубокой вере в то, что в любой обстановке командующий не оставит бойцов в беде, а также на глубоком чувстве долга – быть готовым пойти на любые трудности и жертвы, чтобы оправдать доверие и дружеское отношение командующего.

С этой верой и чувством долга Рю Ген Су после освобождения страны формировал железнодорожные охранные войска, создавал танковые части, вносил большой вклад в осуществление тактических установок Ставки Верховного Главнокомандования на каждом из этапов Отечественной освободительной войны.

Вот почему и сейчас при каждой встрече с руководителями Министерства народных вооруженных сил я говорю: «Воспитывайте сильных духом бойцов, преданных людей, которые, невзирая ни на какие перемены обстановки, в любых, самых трудных условиях до конца оставались бы стойкими, надежно отстаивали свои убеждения и волю».

Исторический опыт показывает: когда революция одерживает победу за победой и когда создается благоприятная ситуация, в ее рядах не видно колеблющихся элементов и ренегатов, а когда осложняется положение внутри и вне страны и на пути революции встают большие трудности, в ее рядах возникают идеологическая неразбериха и колебания, появляются капитулянты и отщепенцы, что причиняет большой вред делу революции.

Большие международные события, такие, как оккупация Маньчжурии японскими империалистами и их вторжение во Внутренний Китай, явились своего рода толчком, вызвавшим и большое политическое побуждение и в то же время идейное брожение в рядах участников национально-освободительной борьбы и коммунистического движения в нашей стране.

После событий 18 сентября стойкие коммунисты считали, что наступил исторический период всестороннего развертывания вооруженной борьбы против японских империалистов, и добивались нового подъема в корейской революции, тогда как некоторые деятели национального движения и сторонники коммунистического движения, не имевшие твердых революционных убеждений, шли по пути отказа от борьбы – они решили, что им не одолеть японских

империалистов, оккупировавших Маньчжурию.

То же самое можно сказать и о вторжении японских империалистов во Внутренний Китай.

Тогда мы рассуждали: крупномасштабное нападение японских империалистов на Китай неизбежно приведет к рассредоточению и истощению их сил и, следовательно, на Северо-Востоке Китая создастся благоприятная ситуация для развития антияпонской вооруженной борьбы. Мы пришли к такому толкованию вещей, конечно, не потому, что не знали или игнорировали тот аспект, что, скажем, китайско-японская война вызовет новые военно-политические осложнения. При крутом изменении сложной ситуации, вызванном китайско-японской войной, мы, придав важное значение благоприятным факторам, приложили активные усилия для превращения возникших неблагоприятных условий в благоприятные. Для революционера важна именно такая непоколебимость веры и воли к борьбе, готовность и умение смело преодолевать возникшие трудности.

Однако и в то время среди случайных элементов и временных попутчиков, проникших в ряды антияпонского движения, возник идейный хаос, который трудно было устранить. Увидев, что японские империалисты, вторгшись во Внутренний Китай, захватили три части Уханя, они считали, что обстановка уже сложилась неблагоприятно для них, и думали, что не будет в мире таких сил, которые могли бы повернуть вспять развитие событий. Процесс такого идеологического перерождения в конечном счете породил пораженческие взгляды и на их почве появилось немало отщепенцев, политических обывателей и изменников революции.

Между тем японские империалисты, заняв значительную часть китайской территории, с одной стороны, взялись за подготовку к тихоокеанской кампании, а с другой – не прекращали крупномасштабных карательных операций с целью окончательной ликвидации антияпонского движения в Маньчжурии. В результате были разгромлены почти все китайские антияпонские формирования, которые одно время росли повсеместно в Южной и Северной Маньчжурии. В ходе нелегкого Жэхэского похода понес большие потери даже отряд Ян Цзинюя в Южной Маньчжурии.

Когда из-за неудачи Жэхэского похода многие подразделения Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии испытывали трудности, появлялись капитулянты и дезертиры и в среде китайцев.

Летом 1938 года 1-й корпус, которым командовал Ян Цзинюй, в самом начале очередного похода в Жэхэ был окружен крупными силами противника и на его долю выпали нелегкие испытания. Одновременно со своим военным наступлением враги вели и кампанию «добровольной капитуляции» среди антияпонских партизан. Вышел в свет от имени императора Маньчжоу-Го так называемый «великий наказ о милости благодетеля», в котором говорилось: сдавшиеся не подвергаются наказанию, они считаются добровольно перешедшими. Это соблазняло душу переродившихся в ходе революции людей, трусов и слабовольных. Проводились варварские и непрекращающиеся карательные операции врага против антияпонских вооруженных отрядов и в то же время усиливались и манипуляции, направленные на «отрыв народа от бандитов», обрыв связей населения с партизанами. Революционная армия попала в такое положение, когда ее бойцы при всем желании не могли пользоваться помощью населения. Части Объединенной антияпонской армии были вынуждены покинуть свои прежние, я бы сказал, насиженные опорные партизанские базы. Встав на путь бесперспективного похода в направлении Жэхэ, стали действовать на новой, совсем незнакомой им территории. Здесь их бойцы, оставшись почти без малейшей поддержки народа, здорово истрепались под непрерывными ударами карателей.

Как раз в это время стало известно о вероломстве командира 1-й дивизии 1-го корпуса Чэн Биня. Его называли правой рукой Ян Цзинюя и прославленным военачальником Южной Маньчжурии, отличившимся в борьбе с японцами. В провинции Ляонин, в Бэньси, он застрелил политработника за отказ от капитуляции и со своей частью перешел в стан врага. 1-й корпус оказался в критической ситуации. Дело в том, что Чэн Бинь знал, как пять своих пальцев, биографию командных работников 1-го корпуса Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, номера подчиненных ему частей, секрет создания тайных лагерей. Его предательство стало страшным ударом для 1-го корпуса. Добровольная капитуляция Чэн Биня сделала план Западного похода 1-го корпуса полным абсурдом.

Позже изменник, став приспешником Киситани, начальника полицейского ведомства провинции Тунхуа, выступил в роли зачинщика операции по аресту и убийству Ян Цзинюя. В ожесточенной схватке с карательной экспедицией – а ее проводником, кстати, был тот изменник – к большому сожалению,

сложил голову Ян Цзинюй, широко известный антияпонский борец, военачальник, действовавший в Южной Маньчжурии. После того, как Киситани перешел на должность заместителя начальника Жэхэской провинциальной управы, Чэн Бинь поехал туда вслед за своим хозяином и организовал полицейский карательный отряд под названием «Жэхэский отряд единомышленников», во главе которого встал сам.

Как видно и из случаев с такими типами, как Чэн Бинь и Чон Гван, чем выше служебное положение предателей, тем гнуснее их деяния, тем пагубнее их последствия.

Услышав, что Чэн Бинь капитулировал перед врагом, мы с трудом поверили в это. Ведь у него не было особых причин, чтобы переметнуться в лагерь противника. У этого человека не было недовольства и занимаемой должностью. Так в чем, спрашивается, причина его капитуляции? Предательство Чэн Биня, по моему мнению, произошло из-за утраты веры в победу революции. Грозный вид японских войск, день ото дня приумножающих свои боевые успехи после событий 7 июля, наводил на него страх, и перспективы революции представлялись ему в самом мрачном виде. «Черт знает когда еще свершится революция. Зачем же испытать муки? Не лучше ли выбрать другой путь, чтобы жить в довольстве и спокое. И пусть меня назовут изменником», – вот таким был идеологический толчок, который, по всей вероятности, побудил его переметнуться на сторону врага.

Чэн Бинь слыл знаменитым военачальником, но, по-видимому, ему не довелось по-настоящему пройти идеологическое воспитание. При этом я имею в виду главным образом воспитание в духе убеждений, в духе оптимизма. Если человек плохо занимается собственной идейной закалкой, то он легко пасует перед трудностями, оказавшись в сложной ситуации. В этом смысле я и сейчас стою за концепцию, гласящую «приоритет – идеологии».

Киситани, босс Чэн Биня, после поражения в войне покончил с собой вместе с семьей. А вот Чэн Бинь, чтобы спасти свою шкуру, лично расстрелял большое число японских пленных, а затем, замаскировав свое подлинное лицо, вступил в 8-ю армию, где вскарабкался по служебной лестнице даже до командирской должности.

Однако судьба улыбалась ему недолго. Хотя Чэн Бинь, нарядившись в защитные цвета, выдавал себя за патриота, ему не

удалось долго скрывать свое лицо предателя. Как-то после освобождения страны, – точно не помню, в каком году это произошло, – он шел под дождем с зонтом в руках по улице Шэньяна. Вдруг, откуда ни возьмись, появился неизвестный, который встал под его зонт, чтобы тоже укрыться от дождя. Оказалось, этот тип тоже был перевертышем, который, как Чэн Бинь, скрываясь под защитный цвет, жить-поживал. Он хорошо знал, что представлял из себя Чэн Бинь. Не знаю, что им взбрело в голову, но оба обратились к властям и стали обвинять друг друга: «Мол, это тот самый предатель». Такой оборот дела сорвал с Чэн Биня маску. Обнажилось мерзкое лицо типа, который, отбросив свои убеждения, упал в объятия врага и причинил революции неисчислимый ущерб. Народный суд вынес приговор по заслугам.

Участь Чэн Биня – один из живых примеров, который показывает, каким будет конец того, кто отказался от своих прежних убеждений и изменил товарищам.

После разгрома войск Ян Цзинюя молот карательных операций японцев обрушился на нас. Враги со всех сторон окружили нас и яростно набросились на нас. «С уничтожением войск Ким Ир Сена будет положен конец антияпонскому движению в Маньчжурии и Корее», – говорили они. На нашем пути были действительно неисчислимые трудности. И трусы, капитулянты начали появляться даже среди тех, кто вел революционную борьбу еще со времен Союза свержения империализма. Оказались среди капитулянтов и Фан Чжэньшэн и Пак Дык Бом, которые были командирами частей Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии.

В нашем отряде появлялись дезертиры и после заключения договора о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Многими нашими бойцами владела психология ориентации на Советский Союз, или, если выразиться по-современному, низкопоклонство перед большой страной. Зародился идейный порок, сущность которого была в том, что если положиться на Советский Союз и опираться на него, то все будет решено, как надо. Дело в том, что некоторые командиры уделяли мало внимания воспитанию бойцов в духе национального самосознания, но зато всячески подчеркивали идею защиты Советского Союза, идею уважительного отношения к Советскому Союзу и идею, что СССР – превыше всего. Было как бы принято думать, что без помощи, без поддержки Советского Союза невозможно обеспечить и независимость Кореи.

Могу сказать, что у меня не было другого случая, когда бы так остро, как в то время, пришлось всей своей кожей осязать истину: именно сознание национальной самостоятельности является своего рода решающим фактором, определяющим убеждения революционера. Среди тех, кто твердо отстаивал принцип – добиться независимости страны собственными силами, то есть вести революцию самостоятельно, при опоре на силы своего народа, – не было ни дезертира, ни ренегата. Однако в среде людей, которые, плюнув на свои силы, силы народа своей страны, стремились решить судьбы Родины и нации при помощи большой страны, нашлись отщепенцы и капитулянты.

Если кто-то не верит в силы своего народа, то он, оказавшись в трудной ситуации, как правило, впадает в пораженчество, а если он увязнет в его трясине, то теряет веру в победу революции, прекращает борьбу на полпути или совсем отказывается от нее.

Люди подобного рода думают: если в больших странах революция переживает сложности и искривления, то в их собственной стране революция и подавно пойдет насмарку. Революция носит международный характер. И поэтому коммунисты, стремящиеся к солидарности с международными антиимпериалистическими силами, выражают свое сочувствие по поводу неудач коммунистов другой страны и считают их горе своим собственным. Это, разумеется, похвально. Кроме того, не исключено, что неудачи в революции большой страны могут оказать определенное влияние на революцию в своей стране. Однако будет большой ошибкой бросить знамя, думая, что временное поражение революции в больших странах должно привести к окончательной гибели революции в малой стране.

Революция, прежде чем обрести интернациональный характер, носит характер национальный. Она совершается в национально-государственных рамках, и если коммунисты каждой из стран, вооруженные твердыми убеждениями и решимостью завершить революцию собственными силами, развернут настойчивую борьбу при опоре на силы народа своей страны, то они вполне смогут покорить любую труднодоступную вершину, – таково мое неизменное убеждение, моя концепция.

Мой опыт показывает: и те, кто, считая революцию делом пустяковым, был вовлечен в вооруженный отряд, и люди слабой воли, без твердых убеждений, и те, кто, не сумев расстаться с

сектантской психологией, смотрит на других свысока или отстраняет их от себя, а также пораженцы – все без исключения скатываются в болото ренегатства, когда осложняется внутреннее и внешнее положение, когда революция переживает испытания.

После того, как Рим Су Сан и другие изменили нам, я часто говорил боевым друзьям:

– Ситуация суровая, борьба становится все тяжелее. Но дело нашей революции принесет свои плоды и страна непременно станет независимой – в это верят все и каждый. Но когда настанет этот день, никто не знает. Так что те, кто не готов последовать за нами до конца, пусть лучше вернутся домой со спокойной душой. Бегство – дело подлое. Но сказать об этом честно и уйти – не грех. Зачем нам без напутствий расставаться друг с другом? Ведь мы вместе сражались за революцию более десяти лет. И если кто-то хочет вернуться домой, мы его будем провожать. За отказ от борьбы на полпути мы строго спрашивать не будем. Ничего не поделаешь, если уйдут из отряда слабосильные и слабоубежденные. Кто хочет, пусть уходит...

Я, откровенно высказывая свои соображения, воспитывал бойцов в духе твердой веры в победу революции.

Хотя я так объявлял, но никто из наших бойцов не хотел бросить боевых друзей и вернуться домой. Какой бы сложной ситуация ни была, какие бы препятствия ни вставали на их пути, настоящие коммунисты Кореи не теряли уверенности в себе, упорно продолжали сопротивление и, наконец, разгромив японский империализм, добились великого дела – освобождения Родины.

«Хесанское дело» нанесло нам серьезный удар, но мы сумели своевременно принять надлежащие меры и развернули настойчивую борьбу за возмещение понесенного ущерба. Благодаря упорной борьбе корейских коммунистов не прекращались организационно-партийное строительство и работа по расширению сети организаций ЛВР, продолжалось их бурное развитие.

По примеру героев, рожденных в огне антияпонской войны, теперь у нас на трудных постах появляется бесчисленное множество сильных духом людей, не колеблющихся при любых лишениях. Практика великой революционной борьбы в эпоху Ким Чен Ира – это рассадник, кузница людей, сильных убеждениями и волей. Многому учит нас пример Ли Ин Мо, которого товарищ Ким Чен Ир высоко оценивает как олицетворение стойкости убеждений и воли. По его советам все члены партии, все беспартийные трудящиеся

страны развертывают движение под девизом: «Учиться у Ли Ин Мо». Это, я думаю, похвальное дело.

90-е годы нашего столетия – это период, когда убеждения и воля ценятся намного дороже, чем золото. Нечего и говорить о том, что наше время требует от всего народа крепить свои убеждения и волю. Наша эпоха требует от партии и государства с непоколебимой верой в дело социализма и коммунизма защищать наши убеждения и наш строй от политики непрекращающейся блокады и реакционной идеологической экспансии коалиционных сил империализма, преодолевать создавшиеся трудности с твердой, как алмаз, волей.

Сейчас во многих странах жизнь народа катастрофически ухудшается, процветают всякие социальные зла, аморальность, безнравственность. Это потому, что в этих странах отбросили те убеждения и их плод – социализм, которые отстаивало ценой своей крови старое поколение революционеров. От тех, кто изменил убеждениям, история, как правило, требует должной расплаты.

Наша страна могуча. Ее не пошатнут никакие встречные ветры. Это плод железных убеждений нашей партии, нашего народа. Партия, сильная своими убеждениями, не подвергнется перерождению; государство с твердыми убеждениями не рухнет; народ сильных убеждений не поддастся разложению.

За плечами у нас трудный путь, но впредь нам, возможно, придется одолеть путь, еще более трудный, чем пройденный.

Однако наш народ этого ничуть не боится. Только такой народ, который уверенно продвигается вперед с песней о своих убеждениях, может подняться на самую вершину эпохи самостоятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **«Тумыньские переговоры»** состоялись в октябре 1936 г. в китайском городке Тумынь. В них участвовали генерал-губернатор в Корее Минами и командующий Квантунской армией Уэда. На этих переговорах в качестве секретных «чрезвычайных мер», направленных на пресечение выступления КНРА в Корею, были разработаны т. н. «три политические установки», нацеленные, во-первых, на усиление пограничной охраны: во-вторых, на проведение крупномасштабной карательной операции против Народно-революционной армии; и, в-третьих, на создание коллективных поселений с тем, чтобы оторвать партизан от населения.

2 **Хон Бом До** (1868 – 1943) – предводитель антияпонской Армии справедливости, командир Армии независимости. В 1907 г. сформировал отряд антияпонской Армии справедливости из охотников. Не раз организовывал в районах провинции Южный Хамген сражения с агрессивными войсками Японии. В 1917 г. создал в Северной Маньчжурии Армию независимости Кореи, стал ее командующим. Организовал налеты на захватнические войска в Капсане, Хесане, Канге, Манпхо, Часоне и в других районах Кореи. Впоследствии в бассейнах реки Хэйлунцзян создал отдельный корпус, был его командующим.

3 Имеется в виду первое древнее государство корейской нации, основанное Тангуном в начале XXX в. до н. э. Столица – Пхеньян. Первоначальное название государства – «Корея». Историки последующих столетий ввели название «Древняя Корея», чтобы отличить ее от феодального государства династии Ли «Корея» (образовано в 1392 г.).

4 **Корё** – первое в истории Кореи единое государство (918 – 1392 гг.). Основано Вангоном. Название «Корё» унаследовано от первого феодального государства Когурё. Столица Корё – Кэген (нынешний г. Кэсон).

5 **Когурё** – первое в истории Кореи феодальное государство (277 г. до н. э.-668 г.).

6 Речь идет об одной из простых женщин Кореи. Летом 1930 года эта женщина спасла с риском для собственной жизни товарища Ким Ир Сена от вражеских преследований. В то время он вел в Цзяохэ работу по восстановлению и упорядочению организаций, разрушенных после бурь Первоавгустовского восстания, поднятого фракционерами.

7 Имеются в виду те дети, которые во время антияпонской революционной борьбы, после ликвидации партизанских районов в бассейне реки Туман в 1935 г., горя решимостью отомстить врагу за погибших родителей, добровольно пришли к партизанам в Мааньшаньский тайный лагерь, что был в уезде Фусун. Они добрались сюда, преодолев неимоверные невзгоды и испытания. Но здесь к ним холодно относились «левые» оппортунисты и фракционеры-низкопоклонники. Говорили: они, мол, станут «лишним грузом» в партизанских действиях. Не заботились должным образом о детях. Более того, стали преследовать их, навесив им ярлык «связанного с Минсэнданом». Узнав об этом, товарищ Ким Ир Сен в апреле 1936 г. пошел в Мааньшаньский тайный лагерь, где они ютились. Здесь он резко критиковал оппортунистов левацкого толка, сектантов-низкопоклонников за недостойные акты. Указав на необходимость бережно воспитывать этих детей, он принял соответствующие меры. При уходе из района Мааньшаня Полководец Ким Ир Сен взял с собой малолетних детей, которые пожелали сражаться вместе с ним. Позже члены Детского отряда Мааньшаня выросли в партизанских рядах

достойными революционерами Кореи.

8 Речь идет о контрреволюционной шпионско-заговорщической организации противника. Она была создана в Цзяньдао японскими империалистами в феврале 1932 г. Действуя под диктовку врага, «Минсэндан» выдавал себя за «защитника» интересов корейской нации под благовидной вывеской борца за осуществление т. н. «корейской автономии в Цзяньдао». Подлинная цель этой затеи — парализовать антияпонские настроения корейского народа, забросать грязью корейских коммунистов, вбить клин между корейцами и китайцами, разложить ряды революционеров изнутри. Однако контрреволюционная сущность «Минсэндана» была выведена на чистую воду с самого начала. В июле того же года он был распущен. После этого японские империалисты, подняв на ноги своих агентов спецслужбы и приспешников, распространяли слухи, будто в революционных рядах действуют многие «минсэндановцы». Интригами врага были обмануты «левые» оппортунисты и фракционеры с низкопоклонической психологией. Из-за их политической невежественности и циничных политических амбиций т. н. «антиминсэндановская» борьба несколько лет шла по крайне левацкому руслу.

9 **Старик «Пен-Троцкий»** – националист. Настоящее имя – Пен Дэ У. Один из влиятельных лиц, основатель села Уцзяцзы. Ведал всеми большими и малыми делами в селе. Он не допускал, чтобы в его деревню проникали идеологические течения, чуждые его идеалам и концепциям. Его идейный настрой резко изменился благодаря усилиям товарища Ким Ир Сена, который в 1930 г. революционизировал это село. Старика называли «Пен-Троцким» оттого, что он частенько упоминал о Троцком.

10 **Сон Чжин Сир –** старшая дочь священника Сон Чжон До,

старшая сестра Сон Вон Тхэ. Летом 1930 г. священник мучительно ломал голову над вопросом бракосочетания своей дочери с младшим братом Юн Чхи Хо – прояпонского компрадорского буржуа. Все сторонники движения за независимость Кореи в Гирине были против их бракосочетания. Недоволен был и сам священник Сон. Дочь, мол, неудачно выбрала себе друга. Он обратился к товарищу Ким Ир Сену за советом. И вот что посоветовал товарищ Ким Ир Сен: «Раз они сами завели роман, любят друг друга, пусть сами и решают свою судьбу». Так были преодолены препятствия, возникшие в решении вопроса бракосочетания.

11 Речь идет о второй по счету мирной конференции, состоявшейся в июне 1907 г. в Гааге. На форум приехали Ли Чжун и другие корейские делегаты с тайным посланием от короля Кореи. Но им не разрешали участвовать в конференции в качестве официальных делегатов – помешали заговоры, интриги империалистов. И им пришлось воспользоваться трибуной Международной ассоциации журналистов в Гааге и местными печатными изданиями. Они решительно разоблачили, осудили преступления японских империалистов в агрессии против Кореи, обратились к участникам конференции с просьбой помочь достижению независимости Кореи. Не добившись своего, Ли Чжун в зале форума распорол себе живот кинжалом. Своей смертью он выразил сопротивление империалистам.

12 **Ре Ун Хен** (1886 – 1947) – деятель движения за независимость Кореи. Родом из Янпхена (провинция Кенги). Вначале был сторонником «Шанхайского временного правительства» и Коммунистической партии Корё. Боролся за независимость Кореи, был директором издательства газеты «Чосон чуньан ильбо», председателем Союза по строительству

государства Кореи, лидером Партии трудового народа в Сеуле. После освобождения Кореи был принят в Пхеньяне Полководцем Ким Ир Сеном. Вернувшись в Сеул, боролся за самостоятельную политическую линию, за коалицию с коммунистами в деле объединения страны. 19 июля 1947 г. убит врагами.

13 **Тангунская Корея –** первое в нашей стране древнее государство, созданное Тангуном в начале XXX в. до н. э. Тангун – родоначальник корейской нации.

14 **Ким Гу** (1876 – 1949) – деятель движения за независимость Кореи. Родом из Хэчжу (провинция Хванхэ). Вначале принимал участие в борьбе Армии справедливости против японских захватчиков. После Первомартовского народного восстания эмигрировал в Китай. Был президентом временного правительства в эмиграции в Шанхае. Создал Партию независимости Кореи. После поражения японского империализма возвратился в Южную Корею и активно выступал против ее порабощения Соединенными Штатами Америки. В 1948 г. участвовал в Совместном совещании представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, проходившем в Пхеньяне. Вернувшись в Сеул, выступал за коалицию с коммунистами в деле воссоединения страны. Убит врагами.

15 **Пэдарская нация** – общее название корейской нации. Издревле Тангуна, родоначальника корейской нации, называли «пакдарским королем», а племя, образовавшее первое древнее государство Древнюю Корею, – «пакдарским племенем». Само слово «пакдар» с незапамятных времен в отцовском роду Тангуна означало название племени. Предки коренного рода племени, считавшие небесное Солнце как бы горящим диском огня, называли свое племя «пуль (паль, пак)», что означает

Солнце. Позже они к собственному названию племени прибавили исконно корейское слово «дар», что означает гору, край их обитания. Итак они начали называть себя «пакдарским» племенем. Потом словом «пакдар» (или «пэдар») стали обозначать корейскую нацию.

16 **Такаги Такэо** (1905 – 1981) – японец. Родился в префектуре Фукуи Японии. В 1925 г. окончил филолого-юридическую школу в Пекине. С 1930 г. корреспондент, обозреватель газеты «Иомиури симбун». С 1972 г. председатель Общества культурного обмена между Японией и Кореей. Неоднократно посещал КНДР. Написал и опубликовал книги о революционной борьбе великого вождя товарища Ким Ир Сена «Разгорается пламя на горе Пэкту», «Биографический очерк о Ким Ир Сене в Маньчжурии», «Путь Ким Ир Сена к Родине». В основу произведений положены воспоминания участников антияпонской вооруженной борьбы, бывших военнослужащих японской армии и чиновников, секретные документы различных японских ведомств, а также материалы, собранные, услышанные и увиденные лично в его бытность спецкором «Иомиури симбун» в Чанчуне, при сопровождении войск.

17 Речь идет о фашистско-варварской системе правления населением, введенной японскими империалистическими захватчиками в 30-е годы в Маньчжурии для пресечения тесных связей между КНРА и местными жителями. По этой системе из 10 дворов образовывали одно «пхэ», из 10 «пхэ» – один «каб», из нескольких «каб» – одно «по», которое находилось под непосредственным контролем и надзором начальника полицейского участка. За «правонарушение» кого-нибудь из «пхэ» должны были нести ответственность все жители, состоящие в нем, и получать соответствующее наказание. Этот порядок отменен после поражения японских империалистов в

августе 1945 г.

18 **«Хесанское дело» –** двукратные повальные аресты корейских патриотов, произведенные японскими войсками и полицией осенью 1937 г. и в 1938 г. в бассейне реки Амнок с целью ликвидации революционных организаций и революционеров Кореи.

19 **Сианьские события** произошли 12 декабря 1936 г. В то время в Сиане Северовосточная армия Чжан Сюэляна и часть Ян Хучэна из северозападных войск задержали Чан Кайши, руководившего Гоминьданом, и потребовали от него присоединиться к войне против японской агрессии путем «сотрудничества Гоминьдана и Компартии».

20 **Сок** – единица измерения объема мешка с зерном – примерно 144 кг.

Напечатано в Корейской Народно-Демократической Республике